УМБЕРТО

ЭКО

ПОЛНЫЙ НАЗАД!

Полный назад! «Горячие войны» и популизм в СМИ (сборник)

Умберто Эко

Аннотация
Умберто Эко. Полный назад! «Горячие войны» и популизм в СМИ
Шагая раком
I. Война, мир и ни то ни се
Несколько соображений о войне и мире
От праправойны к «холодной войне»
Неовойна в Персидском заливе
Неовойна в Косове
Афганистан
Возможный крестовый поход. Сценарий
Всеобщий мир
Локальные замирения
Любить Америку, но и устраивать марши мира
Сценарий для Европы
Волк и ягненок. Риторика бессовестности
Норберто Боббио: пересмотренное представление о назначении ученого
Просвещение и здравый смысл
От игры к карнавалу
Утраченная укромность частной жизни

О политкорректности
О частных школах
Наука, технология и магия
II. Хроники деспотизма
По ком звонит колокол. Призыв 2001 года к моральному референдуму
Избирательная кампания 2001 года и прапра-коммунистические технологии
О популизме в СМИ
Именем итальянского народа
Цапаться ли с Берлускони?
Очи дуче
Птичек жаль
Что ему делать в парламенте?
Популизму – да, митингам – нет!
Как заключить контракт с древними римлянами
Мы и иностранцы
Мусор и бананы
Гребет или табанит?
Легко сказать
Мы в Техасе, красавчик!
Поработаем ревизионистами
Воспоминания моей фашистской юности
Очевидное-потаенное
Гегемония левизны в культуре

Было ли лучше, когда было хуже?
Макароны «Кунигунда»
Привесочек о дерьме
Хроники последнего периода империи
III. Возврат к Большой игре
От Ватсона до Лоуренса Аравийского
Эту историю я уже слышал
Подготовиться, почитать
Чтоб воевать, необходима культура
Побеждает и неправый
Хроники Большой игры
Слова – камни
Война слов
Те, кто «понимает» бен Ладена
Фундаментализм, интегрализм, расизм
Гражданские войны, сопротивление и терроризм
Возврат в семидесятые годы
Камикадзе и гашишины
IV. Возврат к Крестовым походам
Священные войны, страсть и разум
Торг в полиэтническом обществе
Трансляция из Иерусалима
Мисс, фундаменталисты и прокаженные
Что же делать с преадамитами?
V. «Полное собрание» и то, что в него не поме-

стилось
Корни Европы
Распятие, инструкция для пользователя
О душе зародышей
Случайность и Промысел
Руки прочь от Моего Сына!
Привесочек
Те, кто больше не верит в Бога, верят во все подряд
Верят в Нулевой год
Верят в алхимию
Верят отцу Аморту
Верят в экстрасенсов
Верят в тамплиеров
Верят Дэну Брауну
Верят в Предание
Верят в Гермеса Трисмегиста
Верят в Третью тайну
Позиция церкви по вопросу гражданского брака и что говорит на эту тему кардинал Руини
В каком смысле релятивизм?
VI. Защита расы
Итальянцы – антисемиты?
Заговор
У меня у самого есть друзья…
У нее у самой есть друзья

VII. Ну хоть повеселимся, что ли
Дар поствидения
Как выбирают президента
Вот славная игра
VIII. Сумерки начала тысячелетия
Сон
На плечах великанов
О плюсах и минусах смерти
Безмятежныйуход

Аннотация

Смысл названия: внимание! Мир прогрессирует – и мир движется вспять! «Средневековье возвращается» – так озаглавил Умберто Эко статью в 1994 году. Этот антиутопический образ подхватила пресса всего мира. И третье тысячелетие демонстрирует: время глядит вспять, ибо в развитых обществах мораль не успевает в ногу с прогрессирующей технологией. Война, доказанный абсурд, все еще средство осуществления политики. Ненависть к «другому» – все еще лучший рычаг для сплочения масс. Достижения техники все сильнее способствуют порабощению людей и насаждению невежества. Суеверия, как примитивное объяснение мироустройства, все активнее влияют на попытки истолковать мир. Умберто Эко всемерно противостоит этим тенденциям, создавая романы, смысл которых – утверждение разумности и нравственности в духе Просвещения. Эко считает своим долгом высказывать то же самое и прямыми словами. Сборник «Полный назад!», составленный из статей и публичных

выступлений с 2000 по 2005 год, посвящен анализу современной действительности, ее самых очевидных и потому с трудом поддающихся исправлению зол.

Умберто Эко
Полный назад! «Горячие войны» и популизм в СМИ

Публикуется по соглашению с литературным агентством ELKOST Intl.;
© RCS Libri S.p.A. – Milano Bompiani 2006–2010
© Е.Костюкович, перевод на русский язык, 2007
© Е.Костюкович, примечания, 2007
© А.Бондаренко, оформление, 2012
© ООО «Издательство Астрель», 2012
Издательство CORPUS ®

Шагая раком

В этой книге собран ряд статей и выступлений, написанных с 2000 по 2005 год. Это особый период. В его начале люди переживали традиционный страх перед сменой тысячелетий. Смена произошла, и грянули 11 сентября, афганская война и иракская война. Ну а в Италии… В Италии это время, вдобавок ко всему, было эпохой правления Берлускони.

Поэтому, оставив за рамками тома прочие высказывания на разнообразные темы, я собрал только те размышления, которые затрагивают политические и медийные события тех шести лет[1]. Шаг за шагом я проследил закономерность, описанную в предпоследней из «Картонок Ми-

[1] Примечания: 1

Эта книга вышла перед парламентскими выборами, которые состоялись 9 апреля 2006 г. и принесли победу левоцентристскому блоку. Правительство Сильвио Берлускони (р. 1936), которое Эко столь живо осмеивал, ушло в отставку. Победе оппозиции способствовали, в частности, высказывания авторитетных представителей итальянской интеллигенции в форме выступлений, статей и отдельных книг, подобных настоящему сборнику. (*Здесь и далее примечания Е. Костюкович. В подборе материала для примечаний участвовала Л. Сумм. Переводы цитат, если в сноске не указано иное, выполнены Е. Костюкович.)*

нервы»[2]. Та «Картонка» называлась «Торжество облегченной технологии».[3]

Это была пародийная рецензия на вымышленную книгу вымышленного Краба Ракоходса (Crabe Backwards. *Pan Galaxy.* Loop Press, 1996). Там я писал, что в последнее время отмечаю немало технологических новшеств, представляющих собой настоящие шаги назад. Так, *тяжелые виды коммуникации* с 70-х годов начали легчать. Вначале преобладающим видом коммуникации был цветной телевизор — здоровый ящик, он загромождал помещение, зловеще пыхал в темноте и урчал на устрашение жильцам других квартир. Первый шаг к *облегченной коммуникации* сделали, когда изобрели дистанционное управление. Можно стало не только по желанию понижать

[2] Примечания: 2

Под этим названием на последней странице журнала Эко публикует прежде — еженедельно (1985—1998), а впоследствии — дважды в месяц (с 1998 по настоящее время) заметки о нравах, вопросах культуры и этики, философские зарисовки. Название восходит к уже не существующим спичкам «Минерва», которые наклеивались на широкие полоски картона. На картонках Эко на заседаниях или в поездках составлял конспекты будущих очерков. Сборник этих очерков (Eco U. *La Bustina di Minerva.* Milano: Bompiani, 2000) в русском переводе вышел в 2007 г. в издательстве «Симпозиум» под названием «Картонки Минервы. Заметки на спичечных коробках».

[3] Примечания: 3

Eco U. *Il trionfo della tecnologia leggera* // *La Bustina di Minerva.* Milano: Bompiani, 2000. P. 329.

или же вовсе устранять звук, но и убивать цвет и менять канал. Прыгая с дискуссии на дискуссию, глядя на черно-белый беззвучный экран, телезритель получает новую творческую свободу: начинается жизнь под аккомпанемент *заппинга.* Старое телевидение, передавая все в прямом эфире, держало зрителя в рабстве, принуждая к последовательному просмотру передач. Но прямые эфиры теперь почти изжиты, и, значит, телевидение изжило нашу от него зависимость, а видеомагнитофон не только преобразует телевидение в кино, но и позволяет отматывать записи, выводя нас из пассивности и подчиненности.

На этой стадии, думаю, можно вообще убрать из ТВ звук. Крутить смонтированные картинки под звуковую дорожку пианолы, синтезируя музыку на компьютере. А учитывая, что телевидение часто пускает бегущую строку для слабослышащих, ждать осталось недолго — скоро появятся программы, где будут показывать целующуюся пару с титром понизу экрана: «У нас любовь». Таким образом облегченная технология приведет к реизобретению немого кино Люмьеров.

Уже совершен следующий шаг — к обездвижению изображений. Когда родился интернет, пользователи стали получать неподвижные

картинки низкого разрешения, часто вдобавок — черно-белые, без звука, звук оказался лишним: вся информация выводилась на экран в текстовом виде.

Следующей стадией этого триумфального возврата в Гутенбергову галактику[4], говорил я, будет, конечно, исчезновение картинок. Изобретут коробочку, умеющую ловить и передавать одни лишь звуки, не требующую дистанционного пульта: можно будет скакать через каналы, регулируя настройку круглой ручкой! Это я так шутил, предлагая изобрести радиоприемник. Теперь я вижу, что пророчествовал и изобретал iPod.

В завершение я писал, что последней стадией явится отказ от передач в эфире, где все время какие-то помехи, — и переход на кабельное

---

[4] Примечания: 4

Гутенбергова галактика — терм ин, введенный канадским философом и теоретиком коммуникаций Гербертом Маршаллом Маклюэном (1911—1980), автором книги «Гутенбергова галактика. Появление человека типографского» *(The Gutenberg Galaxy: the Making of Typographic Man,* 1962), наряду с термином Global Village — «глобальная деревня». Гутенберговой галактикой Маклюэн назвал первые пять сотен лет печатной техники до 1844 г. — до изобретения телеграфа Морзе. Современная электронная цивилизация получила имя «галактики Маркони». См.: Eco U. *From Internet to Gutenberg.* Лекция в The Italian Academy of Advanced Studies in America, 12 ноября 1996 г. Также: Эко У. *От интернета к Гутенбергу. Текст и гипертекст.* Публичная лекция, МГУ 20 мая 1998 г.

телевидение, использующее телефонные и интернетные провода. Тем самым, говорил я, беспроволочная передача звуков сменится проволочной передачей знаков — так мы, допятившись до Маркони, отодвинемся к Меуччи.[5]

Я шутил, но идеи осуществились. Что мы прогрессируем вспять, стало понятно уже после падения Берлинской стены, когда поменялась политическая география Азии и Европы. Издатели атласов сдали в макулатуру запасы со складов: с карт мира исчезли Советский Союз, Югославия, Восточная Германия и подобные чудища. Карты стали стилизоваться под 1914 г., на них вернулись Сербия, Черногория, балтийские государства.

Прогресс навыворот, надо сказать, здесь не кончается. В третьем тысячелетии мы начали вытанцовывать еще больше обратных па. Примеры — пожалуйста. После полувека «холодной войны» мы развязали наконец в Афганистане и в Ираке войну горячую, снова пережили наско-

---

[5] Примечания: 5

Гульельмо *Маркони* (1874—1937) — итальянский инженер и предприниматель, считающийся в Италии изобретателем радиоприемника (1898). Антонио *Меуччи* (1808—1889) — итальянский изобретатель телефона (1857). Из-за неправильного оформления документов утратил право именоваться первооткрывателем, и этим правом пользуется А.Г. Белл, запатентовавший телефон в 1876 г.

ки «коварных афганцев» на перевал Хайбер[6], возродили средневековые крестовые походы, повторили войны христианства против ислама. Снова завелись смертники-ассасины, муштруемые в укрывищах Горным старцем[7], и загремели фанфары Лепанто[8], а некоторые новомодные книжонки можно пересказать одним истошным воплем «мамочка, ой, турки!».[9]

Вновь поднял голову христианский фундаментализм, который, как мнилось прежде, опочил с XIX веком, возродилась антидарвинистская полемика, и снова замаячил перед нами (пока что пугая только демографией и экономикой) жупел Желтой Опасности. В наших белых семьях снова трудятся цветные рабы, как в романе «Унесенные ветром», и варварские племена снова идут в

---

[6] Примечания: 6

Хайбер (Khyber Pass) — перевал стратегической важности на границе Афганистана с Пакистаном, место битвы, где целый британский полк в 1839 г. был уничтожен воинами племени пуштун.

[7] Примечания: 7

Горный старец или Владыка гор — вождь исмаилитов Хасан ибн Саббах, основатель мистической секты ассасинов (гашишинов, XII в.).

[8] Примечания: 8

Морская битва при Лепанто (Греция) 7 октября 1571 г. и победа испано-венецианской коалиции положили конец господству османского флота на Средиземном море.

[9] Примечания: 9

Имеется в виду книга итальянской журналистки Орианы Фаллачи (1929—2006), после 11 сентября 2001 г. неистово обрушившей свой гнев

на исламскую цивилизацию, «Ярость и гордость» (Fallaci O. *La rabbia e l ’ orgoglio.* Milano: Rizzoli, 2004. Рус. пер.: М.: «Вагриус», 2004). Книга является образцом политической некорректности, однако получила восторженный прием миллионов читателей в Европе.

переселение, будто в первые века нашей эры. И, как показано в одном из опубликованных здесь очерков, восстанавливаются (по крайней мере, в моей Италии) манеры и обычаи, бытовавшие в Риме периода упадка.

Торжествует, явившись вновь, антисемитизм с его «Протоколами», и у нас сидят в правительстве фашисты (называющие себя «пост…», хотя среди них — те же люди, что звались прямо фашистами). Я гляжу, оторвавшись от верстки этой книги: в телевизоре спортсмен приветствует болельщиков римским, то бишь фашистским, салютом. Точно как я почти семьдесят лет назад, когда был балиллой[10] и меня заставляли. Что говорить о деволюции[11], грозящей отбросить Италию в догарибальдийское время.

[10] Примечания: 10

Балилла (Opera Nazionale Balilla, 1926—1937) — при Муссолини фашистская организация для подростков от 9 до 14 лет.

[11] Примечания: 11

Деволюция — термин современной итальянской политики: федерализация страны путем передачи государственных функций регионам. Лозунг автономистской «Лиги Севера» (Lega Nord).

Снова, как в послекавуровские годы[12], грызутся друг с другом церковь и государство. В довершение дежавю возрождаются вымершие, как это представлялось (ошибка!) христианские демократы.[13]

Будто история, устав от поступательности двух тысячелетий, свертывается змеей и задремывает в блаженном уюте Традиции.

В очерках, вошедших в эту книгу, разобраны разные случаи отката в историческое прошлое. Их достаточно, чтобы обосновать выбранное название.

Однако, безусловно, в ситуации прослеживается и нечто очень новое, по крайней мере — для нашей страны. Кое-что до сих пор места не имевшее. Я имею в виду правительство,

---

[12] Примечания: 12

Знаменитый политик граф Камилло Бенсо Кавур (1810—1861) сыграл определяющую роль в ходе двух войн за независимость, которые привели к объединению Италии (17 марта 1861 г.) и к провозглашению Итальянского королевства под управлением Виктора-Эммануила II. Во время Третьей войны за независимость (1866) и завоевания Папского Рима (1870) Кавура уже не было в живых. Папское государство было объявлено несуществующим; в этот «посткавуровский» период молодому итальянскому государству пришлось решать особенно болезненные вопросы взаимоотношений с католической церковью, которая противилась присоединению Рима к Италии. Папское государство (в пределах Ватикана) было воссоздано только при фашизме, которому католическая церковь предоставила одобрение и поддержку, в награду за что Муссолини подписал Латеранские соглашения (1929), придавшие Ватикану статус отдельного государства.

[13] Примечания: 13

Христианско-демократическая партия Италии *(Democrazia Cristiana)*, основанная в 1942 г. Альчиде Де Гаспери, была распущена 18 января 1994 г. после волны скандалов и судебных процессов, получивших название «Чистые руки» (Mani pulite), когда под судом оказались виднейшие представители этой партии и сформированного из нее правительства. Из обломков «христианской демократии» родились три партии различных направлений: левого, правого и центристского. Говоря о дежавю, Эко имеет в виду, что в 2000 г. ядро партии под руководством Фламинио Пикколи восстановилось под традиционным именем Христианско-демократической партии *(Partito Democratico Cristiano).*

основанное на популистской демагогии, усиленной беспрецедентно сгруппированными в одних руках средствами массовой информации, правительство, созданное одной-единственной частной компанией, заботящейся о собственных приватных интересах. Незнакомый до сих пор новый вариант, по крайней мере в европейской политике. Эта новая сила коварнее и технически оснащенней, нежели любая из популистских элит и диктатур третьего мира.

Многие очерки посвящены именно этой проблеме. Они продиктованы беспокойством и возмущением пред лицом Нахрапистой Нови, которую (по крайней мере в день написания этих строк) неясно еще, удастся ли обуздать.[14]

Второй раздел сборника посвящен популистскому деспотизму *(regime)* в средствах массовой информации, и я без всяких колебаний употребляю это слово примерно в том же значении, которое имели в виду средневековые мыслители (никак не коммунисты!), писавшие *de regimine*

[14] Примечания: 14

Прошедшие 9 апреля 2006 г. парламентские выборы принесли победу анти-берлускониевской коалиции левоцентристских партий. Победа досталась крайне незначительным перевесом голосов, что дополнительно накалило конфликтную атмосферу в итальянской политике последних лет.

principum.[15]

Кстати о «деспотизме», и вообще довольно кстати, я открываю второй раздел воззванием, которое опубликовал перед выборами 2001 года, — его поносили, как мало что на этом свете. Один знаменитый журналист из правых, который, однако, почему-то меня любит, горько сетовал, как это «хороший человек» (это обо мне), может презирать мнение половины граждан Италии (то есть зачем я третирую тех, кто голосует не так, как я).

А недавно меня раскритиковали уже не из чужого лагеря, а из собственного, за высокомерие и малосимпатичную манеру держаться, которая-де свойственна нашим диссидентствующим интеллектуалам.

Я так часто огорчался, слыша о себе, будто я стараюсь быть симпатичным любой ценой и со всеми на свете, что обрадовался определению «малосимпатичный» и даже преисполнился гордости.

Однако диву даюсь, при чем тут высокоме-

---

[15] Примечания: 15

«О правлении государей» *(лат.)*. Название нескольких средневековых сочинений (Фомы Аквинского, Эгидия Римского, оба — XIII в.) об уместности и необходимости абсолютных монархий. Идея восходит к трактату Аристотеля «О политике».

рие. Это как если бы в свое время *(si parva licet componere magnis*[16]*)* братьям Росселли, супругам Гобетти и таким диссидентам, как Сальвемини и Грамши, не говоря уж о Маттеотти[17], поставили на вид, что они не хотят войти в положение фашистов.

Если кто-то бьется за политические изменения (а в данном случае я бьюсь за изменения политические, гражданские и моральные), то, не отменяя непременного права-обязанности интеллигента быть готовым к пересмотру своих позиций, этот бьющийся в момент действия все же должен быть убежден, что стоит за справедливое дело, и должен энергично клеймить ошибочную позицию тех, кто ведет себя иначе. Не могу себе представить, как можно строить

---

[16] Примечания: 16

Коль великое сравнивать с малым *(лат.).* Вергилий. *Георгики.* iv, 176. Пер.
С. Шервинского.

[17] Примечания: 17

Карло (1899—1937) и Нелло *Росселли* (1900—1937) — итальянские последователи Г. Сальвемини (см. ниже), выпускавшие подпольную антифашистскую газету «Нон молларе» и открывшие закулисную сторону убийства Маттеотти (см. ниже), были убиты во Франции по приказу Муссолини. Пьеро *Гобетти* (1901—1926) — итальянский мыслитель-либерал, основатель журнала «Революцьоне либерале». Преследуемый фашистами, эмигрировал с женой Адой в 1926 г. и умер во Франции. Гаэтано *Сальвемини* (1873—1957) — итальянский историк, основоположник социалистической философской мысли, настаивал на необходимости аграрных реформ в целях модернизации экономики

Юга Италии. Антонио *Грамши* (1891—1937) — один из основателей итальянской компартии, однако, в отличие от Пальмиро Тольятти, не был настроен ни просталински, ни просоветски. Автор знаменитых философских записей «Тюремные тетради» (1928). Джакомо *Маттеотти* (1885—1924) — итальянский депутат-социалист, 30 мая 1924 г. произнесший в парламенте речь, оспаривавшую легитимность имевших место за месяц до этого выборов, в результате которых пришел к власти Бенито Муссолини. «Я свою речь произнес. Теперь готовьте похоронную речь по мне», — сказал он друзьям. Через десять дней Маттеотти был похищен и зверски убит. Когда нашли его труп, разразился политический кризис, угрожавший самому существованию режима. Произнося речь в парламенте 3 декабря 1925 г., Муссолини открыто взял на себя ответственность за преступление.

предвыборную кампанию на лозунгах вроде «ваша позиция сильнее нашей, но мы вас просим голосовать за нашу, за слабую». В ходе предвыборной кампании критиковать противника надо жестко, безжалостно, так, чтобы перетянуть на свою сторону если не оппонентов, то хотя бы колеблющихся.

Вдобавок часто та критика, которая звучит малосимпатично, является критикой нравов. А критик нравов (порою в чужих пороках клеймя свои собственные или свои наклонности к оным) должен быть бичевателем. Снова сошлюсь на классику: критикуя нравы — будь Горацием, пиши сатиры; а если ты скорее Вергилий — тогда пиши поэмы, самые прекрасные поэмы на свете, но воспевая начальников.

Времена плохие, нравы у нас развратные, и даже сама по себе работа критиков (та, которой удастся протиснуться через цензуру) выставляется пред народом на поругание.

Что ж, тогда я сознательно опубликую эти очерки под знаком конструктивной малосимпатичности, изберу ее как флаг.

Все заметки печатались прежде (источники приводятся), однако многие тексты для этого издания переработаны. Не для того, конечно,

чтобы подновлять и вписывать в опубликованные очерки задним числом пророчества, а чтоб поубирать повторы (поскольку иногда в запале невольно возвращаешься к навязчивым темам), отредактировать слог, иногда — вычеркнуть отсылки к тому сиюминутному, что сразу забывается читателями и становится малопонятным.

I. Война, мир и ни то ни се

Несколько соображений о войне и мире[18]

В начале 1960-х годов я был соучредителем итальянского Комитета за ядерное разоружение и участником нескольких маршей за мир. Прошу иметь это в виду. Добавлю, что всю жизнь я был пацифистом (остаюсь им и ныне). При всем при том уведомляю вас, что я намерен в этой книге ругать не только войну, но и мир. Прошу вас набраться терпения и послушать, за что ругаем.

О каждой новой войне, начиная с войны в Персидском заливе, я написал по очерку и только после этого понял, что от войны к войне переменял самую суть своего представления о войнах. Похоже, что понятие о войне, пребывавшее более или менее постоянным со времен древних греков до нашего времени (независимо от развития боевой техники), за последнее десятилетие переменило свою суть по меньшей мере три раза.

Я буду повторять отрывки из статьи «Осмысляя войну», опубликованной в сборнике «Пять эссе

---

[18] Примечания: 18

Alcune riflessioni sulla guerra e sulla pace. Выступление в Милане в Обществе св. Эджидио, июль 2002 г.

на темы этики»[19]. В статье речь идет о первой войне в Заливе. Старые мысли обретают новое измерение.

От праправойны к «холодной войне»

К чему сводился во все века смысл тех войн, которые мы будем именовать праправойнами? Война должна была приводить к победе над противником так, чтобы его поражение давало выгоду победителю. Враждующие развивали свои стратегии, захватывая врасплох противников и мешая противникам развивать их собственные стратегии. Каждая сторона соглашалась нести урон — в смысле терять людей убитыми, — только бы противник, теряя людей убитыми, нес еще больший урон. Ради этого прилагались все возможные усилия. В игре принимали участие две стороны. Нейтралитет прочих сторон плюс условие, что нейтральные стороны не понесут от войны урона, а, напротив, даже получат частичную выгоду, были обязательны для свободы маневра воюющих. Да, вот еще. Я забыл назвать

[19] Примечания: 19

Eco U. *Cinque scritti morali.* Milano: Bompiani, 1997. Рус. пер.: Эко У. *Пять эссе на темы этики.* Corpus, 2012.

последнее условие. Полагалось понимать, кто твой враг и где он находится. Поэтому, как правило, конфликты выстраивались по принципу фронтальности и охватывали две (или более) опознаваемые территории.

В наш век идея «мировой войны», способной затрагивать даже общества без истории — такие, как племена Полинезии, — дала тот результат, что невозможно стало отграничивать нейтральные стороны от воюющих. А поскольку существуют и атомные бомбы, то кто бы ни участвовал в конфликте, в результате пострадает вся наша планета.

По этим причинам праправойна переродилась в неовойну, перед тем пройдя через стадию «холодной войны». «Холодная война» создавала напряжение мирной воинственности (воинственного мира). Это равновесие, опирающееся на страх, гарантировало определенную стабильность в центре системы. Система позволяла и даже поощряла маргинальные праправойны (Вьетнам, Ближний Восток, Африка и пр.). «Холодная война», в сущности, обеспечивала мир первому и второму миру ценой некоторых сезонных или эндемических войн в третьем мире.

Неовойна в Персидском заливе

С распадом советской империи исчезли основания для «холодной войны», но обрели видимость никогда не прекращавшиеся войны третьего мира. Захват Кувейта был призван продемонстрировать, что просто необходимо прибегать на определенном этапе к традиционной войне (как многие помнят, тогда даже аргументировали эту необходимость примером Второй мировой войны, что, дескать, если бы Гитлера остановили вовремя, не отдали бы ему Польши, мирового конфликта бы не было). Но вскоре обнаружилось, что война идет уже не только между двумя главными сторонами. Обнаружилось, что произвол в отношении американских журналистов в Багдаде бледнеет по сравнению с произволом в отношении многих миллионов проиракски настроенных мусульман, проживающих в странах антииракской коалиции.

В войнах старого времени потенциальных неприятелей обычно интернировали (или убивали). Свой соотечественник, который с вражеской территории пособничал врагу, в конце войны попадал на виселицу. Мы помним, как англи-

чане повесили Джона Эмери, который выступал против родной страны по фашистскому радио, и что Эзру Паунда только всемирная известность и заступничество интеллигенции всей планеты спасли от казни — его не уничтожили, а объявили сумасшедшим.

В чем же было новаторство неовойны?

В неовойне трудно понять, кто является врагом. Все иракцы? Все сербы? Кого убиваем?

Неовойна не фронтальна. Неовойна уже не могла структурироваться фронтально в силу самой природы надгосударственного капитализма. Ираку поставляли оружие западные заводы — вовсе не по оплошности; и не по оплошности через десять лет после Ирака западная промышленность снабжала оружием талибов. К тому подводила логика развитого капитализма: ситуация уже не поддавалась контролю отдельных государств. Хочу напомнить один эпизод, вроде неважный, но характерный. Внезапно открылось, что наши западные военные самолеты долго кидали бомбы на танковую или летную базу Саддама Хуссейна и стерли эту базу в порошок, после чего выяснилось, что это не база, а отвлекающий макет военного объекта и что произвели его и продали Саддаму, по закону оформив этот контракт, ита-

льянские предприниматели.

На праправойнах наживались военные заводы участвующих в конфронтации стран. А на неовойнах наживаются межнациональные корпорации, у которых интересы и по ту и по другую сторону баррикад (если, конечно, баррикады как-то можно разглядеть). Но разница еще отчетливее. На праправойнах жирели производители пушек, и их сверхприбыли перекрывали ущерб от временного прекращения торговых обменов. А неовойна, хотя производители пушек на ней точно так же жиреют, доводит до кризиса (в масштабах всей планеты!) индустрию авиатранспорта, развлечений, туризма и средств массовой информации: они теряют коммерческую рекламу, — и вообще подрывает индустрию излишеств, двигатель прогресса, от недвижимости до автомобилей. Во время неовойны одни виды экономической власти приходят в противоречие с другими видами, и логика их конфликтов оказывается мощнее логики национальных государств.

Именно по этой причине, говорил я, неовойна в принципе не может быть долгой, потому что она в затяжном варианте вредна всем сторонам и не полезна ни одной.

Но не одна только логика межнациональных промышленных корпораций при неовойне оказалась существеннее, чем логика государств. Столь же приоритетными оказались потребности массовой информации с ее специфической новой логикой. Во время войны в Заливе впервые сложилась ситуация, ставшая типичной: западные массмедиа сделались рупором антивоенной пропаганды, исходившей не только от западных пацифистов, возглавляемых Римским Папой, но и от послов и журналистов из арабских государств, симпатизирующих Саддаму.

Средства информации регулярно предоставляли микрофоны противникам (в то время как, по идее, цель любой и всяческой политики военного времени — пресекать вражескую пропаганду). Слушая противника, граждане воюющих стран становились менее лояльны к своим правительствам (в то время как Клаузевиц[20] учил, что условие победы — моральное единство воюющих).

Во всех былых войнах население, веря в цель войны, мечтало уничтожить противника. Ныне

---

[20] Примечания: 20

Карл Филипп Готлиб фон *Клаузевиц* (1780—1831) — прусский генерал, военный историк и теоретик военного дела. В трактате «О войне» выдвинул концепцию тотальной войны.

же, напротив, информация не только подрывает веру населения в цель войны, но и вызывает сострадание к гибнущему неприятелю. Смерть врагов из далекого неявного события превращается в непереносимо наглядное зрелище. Война в Персидском заливе стала первой в истории человечества войной, в ходе которой население воюющей страны жалело своих врагов.

(Нечто подобное намечалось уже во времена Вьетнама, но тогда мнения высказывались в особых, отведенных для этого местах, преимущественно периферийных, и высказывались они в Америке исключительно группами радикалов. Во времена Вьетнама посол хошиминовского правительства или пресс-атташе генерала Во Нгуен Зиапа[21] не имели возможности разглагольствовать по Би-би-си. Тогда американские журналисты не передавали репортажи в прямом

[21] Примечания: 21

Генерал *Во Нгуен Зиап* (р. 1911/12) — вьетнамский военачальник и политический деятель, главнокомандующий вооруженными силами Северного Вьетнама.

эфире из ханойского отеля. А Питер Арнетт[22] в иракскую войну вещал прямо из гостиницы в Багдаде.)

Информация допускает врага в чужие тылы. Именно во время войны в Заливе мир осознал: у каждого в тылу присутствует враг. Даже если заглушить всю массовую информацию, новые технологии связи не заглушишь. Никакому диктатору не под силу остановить мировой поток коммуникации, он распространяется по таким технологическим мини-инфраструктурам, без которых и сам диктатор как без рук. Поток коммуникации выполняет ту же функцию, которую при традиционных войнах выполняли секретные службы: нейтрализует расчет на упреждение. А что это за война, в которой противника невозможно упредить? Неовойна узаконивает всех Мата Хари и допускает братание с врагом.

За столом во времена неовойн столько мощных игроков, что игра идет по правилам «все против всех». Неовойна — не из тех процессов, где имеют

---

[22] Примечания: 22

Питер *Арнетт* (р. 1935) — американский военный журналист, лауреат Пулитцеровской премии за освещение войны во Вьетнаме, работавший в 2003 г. корреспондентом Эн-би-си в Багдаде и уволенный в марте того же года за высказывание в эфире иракского телевидения своей оценки военной стратегии США: «Военный план американцев провалился». В тот же день Арнетт был принят на работу британской газетой *Daily Mirror.*

значение расчеты и намерения игроков. Из-за количества факторов мощи (начиналась эпоха глобализации) война в Персидском заливе приобрела непредсказуемые аспекты. Развязка могла оказаться и приемлемой для какой-то из сторон, но в общем в той войне *проигрывали все.*

Говоря, что конфликт на некоей стадии якобы завершился в пользу одной из сторон, мы исходим из идеи, что конфликт вообще «способен завершиться». Но ведь завершение было бы возможно, лишь если бы война оставалась, по Клаузевицу, продолжением политики иными средствами: то есть война кончалась бы, когда бы достигалось желаемое равновесие и можно было бы возвращаться просто к политике. Однако две большие мировые войны XX века продемонстрировали, что политика послевоенного периода всегда и повсеместно — это продолжение (любыми средствами) процессов, начатых войной. Чем бы ни завершались войны, они приведут ко всеобъемлющим перетряскам, которые в принципе не смогут удовлетворить всех воевавших. Так что любая война продолжится в форме тревожной политической и экономической нестабильности еще сколько-то десятилетий, не обеспечив никакой другой политики, кроме политики *во-*

инствующей.

С другой стороны, а когда бывало иначе? Допускать, будто войны античности приводили к разумным результатам (то есть к конечной устойчивости) — значит верить вслед за Гегелем, будто история имеет направление. Ни из данных истории, ни из простой логики не следует, будто порядок в Средиземноморье после Пунических войн или в Европе после Наполеона стал устойчивее. Этот порядок вполне может рассматриваться как неустойчивый, который бы мог быть гораздо устойчивее, не расшатай его война. Что с того, что человечество десятки тысяч лет использует войну как панацею от неустойчивых геополитических состояний? Те же десятки тысяч лет человечество применяет как панацею от депрессии наркотики и спиртное.

События показали, что мои тогдашние размышления не были досужими. Посмотрим, что произошло после войны в Заливе. Силы западного мира освободили Кувейт, но вслед за этим остановились, поскольку не могли себе позволить дойти до полного уничтожения противника. Равновесие, сложившееся после этого, не так уж отличалось от ситуации, возбудившей весь конфликт. Оставалась прежняя проблема: ликви-

дировать Саддама Хусейна.

Дело в том, что неовойна в Заливе вывела на передний план вопрос абсолютно новый, не свойственный не только логике, не только динамике, но и самой психологии праправойн. Нормальной целью праправойн являлось уничтожение как можно большего числа врагов — при согласии, чтобы расстались с жизнью также довольно многие из своих. Великие полководцы былых времен ночами после битв выходили на поля сражений, усеянные мертвыми костями, и ни капельки не удивлялись, что половина павших были их собственными солдатами. Смерть собственных воинов отмечалась наградами и трогательными церемониями, создавался культ славы павших героев. Смерть противников воспринималась как праздник. Гражданское население у себя в домах должно было ликовать и упиваться известиями о каждом убитом вражеском солдате.

Во время войны в Заливе оформились два новых принципа: (i) недопустима смерть ни одного из наших и (ii) желательно уничтожать как

можно меньше врагов[23]. Насчет уничтожения врагов, мы помним, имело место порядочное жеманство и даже лицемерие, поскольку в пустыне все-таки иракцы гибли в гигантском количестве, но уж и то, что их не показывали с торжеством и радостью, само по себе примечательно. Так или иначе, для неовойн стало характерно стараться не истреблять население, ну разве что по случайности, ибо если наубивать чересчур много штатских, нарвешься на неодобрение международных СМИ.

Отсюда идея «умных бомб» и ликование по их поводу. Молодежи подобная гуманитарная чувствительность, вероятно, кажется естественной: молодежь воспитана пятью десятилетиями мира, спасибо «холодной войне». Но вообразите себе подобные сантименты во времена, когда «Фау-1» лупили по Лондону, а бомбардировка союзников

[23] Примечания: 23

Эко явно цитирует положения Жана Бодрийяра (см. ниже), в данном случае — из эссе «Под маской войны» (*Le masque de la guerre*. Libération, 10 марта 2003 г.): «Отмена “Зла” в любых формах, отмена противника, которого, в сущности, больше не существует (ведь его просто стирают с лица земли), отмена смерти. “Нулевые потери” — вот главный лозунг всемирной службы безопасности». («Отечественные записки», 2003, № 6. Пер. В. Мильчиной.)

ровняла с землей город Дрезден.[24]

Что до гибели своих солдат, война в Персидском заливе была первым конфликтом, в котором стала казаться неприемлемой потеря даже одного военнослужащего. Отныне воюющая страна уже не разделяла праправоенную логику, а именно: сыны отечества готовы лечь костьми за правое дело. Куда там. Когда был сбит один-единственный западный военный самолет, это восприняли как трагедию. На экранах телевидения показывали пленных, которые, чтобы спасти жизнь, озвучивали пропагандистские лозунги врага. Их показывали с симпатией. Бедняжки, их заставили силой. Забылось священное правило, что пленный патриот молчит и под пыткой.

По логике праправойны их должны были бы предать публичному поруганию или как минимум утаить жалкий инцидент! Но нет, напротив, все старались войти в их положение, им выказывали солидарность, они получали ну если не военные награды, то горячее поощрение массмедиа за то, что правдами и неправдами сумели

---

[24] Примечания: 24

«Фау» (от *нем.* Vergeltungswaffe, «оружие возмездия») — управляемое ракетное оружие дальнего действия. С 13 июня 1944 г. Лондон бомбили крылатыми ракетами «Фау-1», с 8 сентября 1944 г. — баллистическими ракетами «Фау-2». Англичане ответили бомбардировкой немецких городов и в феврале 1945 г. практически уничтожили Дрезден.

найти способ сохранить себя.

Короче говоря, неовойна преобразовалась в шедевр массмедийности, и в конце концов Бодрийяр, любитель парадоксов, заявил, что войн вовсе не было наяву, они были только в телевизоре.[25]

Массмедиа продают, по определению, счастье, а не печаль. Массмедиа обязаны вводить в логику войны принцип максимальной счастливости или хотя бы минимальной несчастности. По этой логике, война, не связанная с несчастностью и соблюдающая принцип максимальной счастливости, должна быть короткой. В силу этой логики массмедиа была короткой и война в Персидском заливе.

Но она была такой короткой, что оказалась по существу бесполезной. До того бесполезной, что неоконсерваторы снова насели на Клинтона, а потом на Буша, чтобы Америка продолжала травить Хуссейна. Неовойна дала результат, обратный ожидавшемуся.

---

[25] Примечания: 25

Жан *Бодрийяр* (1929—2007) — французский культуролог, философ, политолог и социолог, постмодернист и постструктуралист. В его эссе «Некроспектива» по поводу войн, потрясших XX век, говорится: «В конце концов мы логично задаем себе потрясающий вопрос: “А вообще, было ли все это на самом деле?”» (Бодрийяр Ж. *Прозрачность зла.* М.: Добросвет, 2000. С. 136. Пер. Л. Любарской, Е. Марковской).

Неовойна в Косове

Все характеристики неовойны, наметившиеся во времена войны в Персидском заливе, снова проявились в пору косовской войны, вдобавок — в более интенсивном виде.

Не только западные журналисты продолжали транслировать из Багдада, но и Италия, отправляя самолеты бомбить Сербию, в то же время сохраняла дипломатические и торговые отношения с Югославией. Телеканалы стран НАТО аккуратно докладывали сербам, какие натовские самолеты и когда взлетают с военной базы Авиано. Сербские пропагандисты озвучивали позицию своего правительства. Мы видели и слышали их на наших голубых экранах. У нас в доме свободно хозяйничал враг. У них в доме — тоже.

Все мы помним, как сербская журналистка Биляна Срблянович день за днем присылала корреспонденции, клеймившие Милошевича, в итальянскую газету «Репубблика». Как можно бомбить город, обитатели которого направляют нам дружеские письма, полные вражды к их собственному правительству? Конечно, и в Милане в 1944 году было полно антифашистов,

ждавших как манны прихода союзников. Это не помешало союзникам в силу сомнительных военных надобностей зверски разбомбить Милан. Участники миланского Сопротивления не роптали, полагая, что это справедливо. А когда бомбежке подвергся Белград, все возмущались жертвами и все громко сетовали: и Милошевич, и враждебные Милошевичу сербы, и западные граждане, населяющие страны, которые бомбили Белград. Реклама превозносила «умные бомбы», в которых не было ничего умного.

В этой новой неовойне, опять же, умирать не полагалось никому. И уж в любом случае жертв должно было быть меньше, чем в Ираке, поскольку сербы все же белые и европейцы, в точности как и нападавшие. В конце концов пришлось даже оборонять этих сербов от албанцев, хотя конфликт начался с намерения оборонить албанцев от сербов. Конфликт этот конечно же не был фронтальным, в нем противники разъединялись не четкой линией, а многими замысловатыми зигзагами.

Никто не видывал войны, столь нацеленной на максимальную счастливость, минимальную несчастность. По каковой причине также и этой войне было суждено длиться крайне недолго.

Афганистан

Одиннадцатого сентября общепринятую военную логику снова опрокинули с ног на голову. 11 сентября началась не афганская война, а конфронтация, длящаяся и сегодня, между западным миром, особенно США, и исламским терроризмом.

Но если 11 сентября все же счесть началом войны, налицо новая стадия неовойны: она характеризуется отменой фронтальности. Даже те, кто представляет себе участников конфликта как с одной стороны «Запад», а с другой «Ислам», понимают, что война идет не между территориями. Часто поминаемые «государства-изгои»[26], если угодно, — перевалочные базы для терроризма, но терроризм не знает ни территорий, ни границ. Терроризм гнездится в самом сердце государств Запада. Вот уж действительно картинка «Где твой враг? А он у тебя в доме».

С той, однако, разницей, что во времена войны

---

[26] Примечания: 26

В американском политическом жаргоне «государства-изгои» (rogue states, *англ.*) — государства, которые открыто или опосредованно финансируют или поддерживают террористические движения.

в Заливе и войны в Косове тех агентов врага, которые действовали в чужом доме, мы узнавали в лицо (поскольку они выступали по телевизору). А в случае международного терроризма сила врагов в том, что (i) они остаются неопознанными, (ii) наши массмедиа не в состоянии освещать их жизнь, как Питер Арнетт освещал жизнь Багдада под бомбежками западной авиации, и (iii) в рядах потенциальных врагов оказываются не только этнически инородные элементы, затесавшиеся к нам, но и наши соотечественники. Не исключено, что конверты с сибирской язвой рассылали по почте вовсе не мусульманские камикадзе, а американские сектанты, неонацисты или какие-нибудь еще фанатики особого покроя.

Дальше. Роль средств массовой информации. У СМИ теперь совсем иная роль, нежели та, которую они играли в двух предыдущих неовойнах, где, самое большее, они озвучивали мнение противника.

Всякий террористический акт преследует главную цель: запустить сообщение, сеющее в массах ужас *(terror)* или как минимум беспокойство. Теракт дестабилизирует порядок, даже когда ущерб от теракта не очень страшен, и тем более серьезно он дестабилизирует весь уклад жизни,

когда атакуется какой-нибудь важный символ. Какова же была, с этой точки зрения, цель бен Ладена при атаке на башни-близнецы? Развернуть самый величественный спектакль на свете, невиданный даже в фильмах-катастрофах. Наглядно продемонстрировать крах главных символов западной власти. Показать, что эта власть уязвлена в самых сокровенных своих святынях.

И вот, при том, что целью бен Ладена именно как раз и было нанести удар по мировому общественному мнению посредством кошмарной картинки, средства массовой информации стали ему способствовать, и размножали эту картинку, и усиливали ее кошмарность, сообщая о ней, показывая во всей отчаянности работу спасателей, раскопки, изуродованный силуэт Манхэттена. СМИ были принуждены повторять эту серию новостей и картин день за днем, по крайней мере, в течение месяца. Они показывали фото, крутили видеокадры, передавали бесчисленные рассказы свидетелей-очевидцев, снова и снова тыча в глаза всем и каждому изображение этой раны.

Принуждены ли? Трудно ответить. Благодаря этим фото журналы подняли тираж, телеканалы — рейтинг, и зрители просили и требовали одних и тех же сцен, то ли подпитывая свое негодова-

ние, то ли теша свой подсознательный садизм. Наверное, иначе и быть не могло. В общем, средства информации выдали Усаме бен Ладену дармовой рекламы на миллиарды долларов. Они каждый день показывали образы, созданные Усамой, и стремились как раз к тому, чего Усама хотел: чтобы все и каждый — без исключения — эти образы увидели. Чтобы западные люди от этих изображений растерялись, а фундаменталисты, сторонники Усамы — загордились.

Тем самым массмедиа, порицая бен Ладена, выступили его надежными союзниками и помогли ему выиграть первый раунд.

В то же время и попытки цензурировать или смягчать коммюнике бен Ладена, которые он рассылал через Аль-Джазиру, на практике потерпели неудачу. Мировая информационная сеть оказалась могущественнее Пентагона и тем самым паки утвердился принцип неовойны: враг говорит с тобой в твоем собственном доме.

В этом случае неовойна опять-таки сталкивала между собой не соперничающие государства, а многие сильные власти, с той разницей, что эти сильные власти в двух предыдущих неовойнах могли работать на сокращение длительности конфликтов, на обретение мира, а на этот тре-

тий раз их работа грозила затянуть начавшуюся войну.

Бывший директор ЦРУ не так давно в интервью газете «Репубблика» обмолвился, что по-хорошему надлежало бы бомбить не афганцев, а офшорные банки Каймановых островов и банки крупных европейских столиц.

За несколько дней до того в телепередаче Бруно Веспы[27], после подобного же высказывания (не столь авторитетного, ибо оно исходило не от бывшего директора ЦРУ, а от никому не известного антиглобалиста), Густаво Сельва[28] разразился филиппикой, утверждая, что только сумасшедший или провокатор может намекать, будто западные банки якобы подыгрывали исламским террористам. Вот пример, как политик довольно-таки почтенного возраста попросту не способен уяснить глобальную природу неовойны. Однако эту природу превосходно понимают в Вашингтоне. Мы помним, что на более ранней

---

[27] Примечания: 27

Бруно Веспа (р. 1944) — итальянский телеведущий на первом (государственном) канале. Имеет репутацию конформиста, всегда поддерживающего и оправдывающего правительство.

[28] Примечания: 28

Густаво Сельва (р. 1926) — в прошлом журналист итальянского государственного телевидения, ныне сенатор от партии неофашистов («Национального Союза», AN).

стадии, имевшей место между 11 сентября и началом афганской операции, Соединенные Штаты планировали развивать этот конфликт средствами крупного шпионажа и поразить терроризм в его финансовое сердце. Но потом потребовалось спешно взбодрить униженное и уязвленное самосознание американцев, а единственным способом спасти лицо было организовать самую настоящую праправойну.

Так афганский конфликт построился по традиционному принципу — территориальной конфронтации, полевой стратегии, традиционной тактики (впору вспомнить баталии XIX века — англичан на перевале Хайбер), — и были возрождены следующие принципы праправойн:

(i) Средствам информации снова запретили подрывать эффективность военных действий, то есть восстановили некое подобие цензуры. Тот факт, что тем временем цепочки глобальной информации работали своим ходом и порою запретные для американских средств сведения озвучивались по арабскому телевидению, доказывает как ясный день, что праправойны действительно неосуществимы в эпоху интернета.

(ii) Поелику неприятель победил в первом раунде, в битве символов, он подлежал физическому

уничтожению. При этом следовало хотя бы формально щадить мирное население (то есть опять зазвучали разговоры об «умных бомбах»), хотя не все шло гладко, и когда бои велись не солдатами из западной группировки, а афганцами из Северной коалиции, то и дело случалась какая-нибудь бойня и приходилось зажмуриваться или глядеть в другую сторону.

(iii) Снова сделалась приемлемой гибель собственных солдат. Нации было предложено готовиться к утратам. Буш-второй, уподобляясь Черчиллю в эпоху Второй мировой войны, пообещал всем своим, разумеется, рано или поздно победу, но перед победой пообещал кровь и слезы; в то время как первый Буш, во времена наступления в Персидском заливе, не вел подобных разговоров.

Праправойна в Афганистане, может быть, и решила проблемы, которые ею же самой были поставлены: то есть талибов отстранили от власти — но не решила проблем неовойны третьей стадии, которая, собственно, породила саму ее, праправойну. Если целью афганской войны было уничтожение международного исламского терроризма и подавление его очагов, то яснее ясного, что эти очаги продолжают существовать

и действовать по всему миру: сейчас террористы затаились и выбирают, куда им бить в следующий раз. Если целью было уничтожение бен Ладена, совершенно не факт, что эта цель была достигнута. А если даже она и выполнена, запросто может обнаружиться, что бен Ладен, да, харизматичная фигура, но он олицетворял собой отнюдь не весь исламский фундаменталистский терроризм, какой только есть на свете.

Искушенные политики, к примеру Меттерних, понимали, что отправкой Наполеона на Святую Елену бонапартизм не пресекается, и Меттерних закрепил результаты Ватерлоо решениями Венского конгресса (причем и этого, вынуждены мы добавить в скобках, оказалось недостаточно, как показала история XIX века).

Следовательно, неовойна, начатая 11 сентября, не дала ни победы, ни результата на стадии афганского конфликта. Не могу сказать вам, имел ли возможность Буш действовать иначе и как он должен был бы действовать. Не о том речь. Речь о том, что неовойну в принципе не может выиграть ни один военачальник.

На этом месте мы видим противоречие; противоречие это велико; велика путаница под луной. С одной стороны, отсутствуют все посылки, из

которых обычно рождались войны, — поскольку враг совершенно замаскировался. С другой стороны, чтобы продемонстрировать, что врагу нет пощады, мы устраиваем имитации праправойн, которые, однако, могут быть полезны только для сплочения внутреннего единства, чтобы граждане забыли: враг не там, где его закидывают бомбами, — враг у них в доме.

Пред лицом подобной путаницы общественное мнение (рупорами которого стали некоторые политические руководители) подыскивает образ хоть какой-то реально победоносной праправойны. Ее прообразом становятся Крестовые походы — столкновение цивилизаций. Новоявленная битва при Лепанто, бой христиан с басурманами… Ведь удалось же нам выиграть маленькую афганскую войну. Значит, мы сможем выиграть и глобальную неовойну, и мировую праправойну, наши (белые) победят ненаших (мавров)? Просто комикс какой-то. Однако успех Орианы Фаллачи доказывает, что комиксы приходятся по вкусу многим взрослым.

Поборники крестового похода, скорее всего, не учитывают, что Крестовые походы входят в категорию праправойн, а праправойны неосуществимы при глобализации, глобализация

обуславливает неовойну и ее тоже делает бессмысленной.

Возможный крестовый поход. Сценарий

Хорошо. Вообразим сегодня битву христианства против мусульманства. Фронтальную, как в прошлые времена. Но в прошлом у Европы были четкие границы, между христианами и неверными пролегало Средиземное море или высились Пиренеи, отгораживавшие западный отросток континента, занятый арабами. Военные действия подразделялись на две категории: нападение или сдерживание.

К категории нападений относились Крестовые походы, но что вышло из них, знают все. Лишь один раз удалось завоевать земли (и создать франкские королевства на Ближнем Востоке) — это было в первую попытку, в первый поход. Франкские королевства продержались меньше ста лет, и Иерусалим опять отошел к мусульманам. За полтора века состоялось семь Крестовых походов, все они окончились безрезультатно. Лишь одна военная операция прошла успешно. Я

имею в виду Реконкисту[29] Испании. Но то был не заморский поход, а отечественная война; она не дала урегулирования конфликта двух миров, а только сдвинула границу.

Что же до сдерживания, в этой категории были достигнуты определенные успехи. Христиане остановили турок под Веной[30], победили под Лепанто, воздвигли башни на берегах Европы — высматривать пиратов-сарацин, и туркам не удалось завоевать Европу. Но взаимная неприязнь окрепла, конфронтация ужесточилась.

После завершения первой фазы Запад, выждав, пока Восток ослабеет, колонизовал его. Это мероприятие было как раз таки, вне всяких сомнений, успешным, а также долгосрочным, однако к чему оно привело, мы видим ныне. Конфронтация не только не исчезла, она до крайности обострилась.

Если бы теперь кто-то затеял фронтальную войну, что было бы в новой войне такого уж неви-

---

[29] Примечания: 29

Арабы вторглись на Пиренейский полуостров в 711 г. Реконкиста — отвоевание Испании христианами — продолжалась почти восемь столетий и закончилась в 1492 г. взятием Гранады.

[30] Примечания: 30

В 1529 и 1683 гг. турки-османы безуспешно осаждали Вену, столицу империи Габсбургов. Неудача 1683 г. ознаменовала начало упадка Османской империи.

данного, по сравнению с кампаниями прошлого? Невиданное — это в основном технический уровень. В эпоху Крестовых походов наступательное и оборонительное оснащение мусульман не сильно отличалось от оснащения христианского войска. В распоряжении у тех и у других были мечи и осадные машины. Ныне же у Запада громадный перевес по части военных технологий. Да, разумеется, Пакистан, управляемый фундаменталистами, может применить и атомную бомбу, но самое большее, что им удастся, — это, скажем, размолотить Париж, после чего их собственные ядерные запасы будут ликвидированы. Собьют сирийцы один американский самолет — американцы оснастят другой. Когда американцы собьют сирийский, Сирия срочно купит новый самолет на развитом Западе. Восток превращает в пыль Париж, Запад кидает атомную бомбу на Мекку. Восток рассылает ботулин в почтовых конвертах, Запад поливает ядом всю их аравийскую пустыню — точно так же, как он без всякой войны поливает пестицидами поля на Среднем Западе. Перемрут все верблюды. Все закончится крайне быстро. Возвратимся к каменным палицам, хотя, конечно, они схлопочут от нас посильнее, чем мы от них. Еще одно обстоятельство отличает

нынешние войны от давешних. Во времена Крестовых походов ни христиане не нуждались в арабском железе для ковки мечей, ни мусульмане — в христианском железе. А сегодня даже самая передовая технология существует за счет нефти, а нефть-то не у нас, нефть у них. По крайней мере ее значительная часть. Они своими силами, особенно если мы разбомбим их нефтевышки, добыть эту нефть не сумеют. Однако и мы останемся без нефти. Запад, следовательно, будет принужден реструктурировать всю свою экономику за счет альтернативных ресурсов. Учитывая, что до нынешних пор мы так и не сумели построить электромобиль, способный ездить со скоростью больше 80 км/ч, и чтобы он не требовал каждый раз целую ночь для подзарядки, — не знаю уж, сколько времени займет реконверсия и поиск альтернативных технологий. Чтоб научиться использовать атомную энергию, двигать ею самолеты и танки, вырабатывать электричество, уже не говоря об опасности этой технологии, придется затратить достаточно много времени.

Интересно к тому же, согласятся ли с такой

ситуацией «Семь Сестер»[31]. Я вовсе не удивлюсь, если нефтяные монополии Запада, лишь бы не лишаться своих сверхдоходов, дадут «добро» на исламизацию всей планеты.

Нефть быстро кончится. Но не закончатся вопросы. В добрые прежние века сарацины жили по одну сторону Средиземного моря, а христиане — по другую. Ныне же Европа полна людей, исповедующих ислам, говорящих на наших языках и учащихся в наших школах. Если уже сегодня некоторые из них переходят на сторону фундаменталистов, можно вообразить, что заварится в случае планетарного конфликта. Это будет первая война против неприятеля, не только проживающего в нашем с вами доме, но и получающего по больничному в нашей с вами страховой кассе.

Разумеется, та же проблема встанет и перед исламским миром, у которого внутри размещены филиалы западных фирм и даже есть целые христианские анклавы, например — в Эфиопии.

Поскольку враг по определению коварен и зол, всем проживающим на Востоке христианам

[31] Примечания: 31

«Семь Сестер» — созданный в 1928 г. и затем расширенный консорциум основных нефтяных корпораций, контролирующий мировую нефтедобычу и цены на топливо. На сегодняшний день в него входят компании: ExxonMobil, Chevron, Shell, British Petroleum.

грядет амбец. На войне как на войне. Они уже, считай, в братской могиле. Ватикан может начинать производить их всех в святомученики.

А что будем делать мы у себя дома? Когда противостояние примет резко радикальный характер, когда повалятся еще два или три небоскреба или собор Святого Петра? Начнем охоту на мусульман. В духе Варфоломеевской ночи или Сицилийской вечери[32]. Хватаем всех, у кого усы и загорелое тело, перерезаем глотки. Придется обработать миллионы людей, но этим займется толпа, не обременяя вооруженные силы.

А может, возобладает здравый смысл. И никогошеньки убивать не будут. А что сделают с мусульманами? Даже либеральные американцы в начале Второй мировой войны арестовали и загнали в концлагеря (конечно-конечно, соблюдя гуманитарные церемонии) японцев и итальянцев, живших в их государстве, включая родившихся на американской земле. К чему тогда ненужные нежности. Останется только выявить всех, кто, даже не будучи мусульманином, потенциально может омусульманиться. А если попадут

[32] Примечания: 32

Сицилийская вечеря началась 30 марта 1282 г.: в результате этой «зачистки» на острове было уничтожено все пришлое французское население.

в ту же кучу, допустим, христиане-эфиопы — ну что ж поделать. Господь опознает своих[33]. Всю эту ораву следует интернировать. Где? Чтобы предоставить всей этой публике лагеря, учитывая переизбыток в Европе приезжих гастарбайтеров, надо изыскать пространство, энергию, организаторов, надсмотрщиков, еду и лекарства, не говоря уж о том, что каждый лагерь моментально превратится в гранату с выдернутой чекой.

Или следует взять их всех вместе. Трудноразрешимо, но не оставлять же на расплод. Брать надо быстро и сразу, единым махом. Посадить на корабли и отправить. Куда отправить, позвольте спросить? Извините, господин Каддафи, извините, господин Мубарак, не могли ли бы вы забрать эти вот три миллиона турок, которых мы тут высылаем из Германии? Можно применить известный метод работорговцев. Лишних просто спустить под воду. Окончательное решение вопроса по гитлеровской схеме. Миллионы трупов засорят собой Средиземноморье. Хотел бы я посмотреть, какое правительство на это решится.

---

[33] Примечания: 33

«Убивайте всех! Бог опознает своих» — такой совет дал папский легат во время Крестового похода против еретиков-катаров в Лангедоке (1209—1229), когда его спросили, как отличить еретиков от истинных христиан.

Это вам не *desaparecidos*[34], такие количества даже Гитлер обрабатывал постепенно, порционно.

Возможна альтернатива. Учитывая, что мы совестливые, оставим каждого жить нормальной жизнью у себя дома, но только к каждому приставим соглядатая из госбезопасности. Откуда взять столько соглядатаев? Набрать из гастарбайтеров. А не примерещится ли нам после этого (как это произошло в США, где авиакомпании из экономии нанимали гастарбайтеров на посадочный контроль), что от подобных сотрудников трудно ждать большой идейной лояльности?

Конечно, подобные же рассуждения возникнут и в голове находящегося по другую сторону баррикад мыслящего мусульманина. Никто не гарантирует, что везде и сразу всю власть возьмут фундаменталисты. В мусульманских странах разбушуются гражданские войны, зальют кровью все и вся. Трудно вообразить масштабы мясорубок. Мировые экономические катастрофы отрикошетят и по Востоку, и у них станет еще меньше еды и еще меньше лекарств, нежели у них есть теперь,

---

[34] Примечания: 34

«Исчезнувшие» *(исп.).* Так при латиноамериканских диктатурах именовались люди, уничтоженные режимом (подобно сталинским «десять лет без права переписки», исчезновение чаще всего подразумевало смерть).

так что они перемрут как мухи. Но поскольку мы в данный момент договаривались мыслить в терминах открытой конфронтации, давайте переживать не из-за чужих неприятностей, а из-за собственных.

Итак, вернемся на Запад. Внутри нашей западной коалиции обязательно завяжется полемика. Сложатся исламофильские фракции, сплоченные не мусульманской верой, а ненавистью к войне. Возникнут новые направления мысли, несогласные с западным путем развития. Последователи Ганди объявят бойкот правительствам. Фанатики, подобные сектантам «Ветви Давидовой» из города Уэйко[35], развернут террористическую деятельность — не будучи исламскими фундаменталистами — для очищения испорченного Запада. По улицам Европы пойдут процессии отчаянных и отчаявшихся молельщиков, ожидающих Апокалипсиса.

Да и не только об этих неуравновешенных

---

[35] Примечания: 35

Уэйко — городок в Техасе, рядом с которым располагалась штаб-квартира секты «Ветви Давидовой». Ее глава Давид Кореш провозглашал себя новым мессией. Его обвиняли в полигамии и насилии над детьми, подозревалось также незаконное хранение и изготовление оружия. Осаду укрепленного ранчо Кореша в 1993 г. вели силы Бюро по контролю за алкоголем, табаком и оружием, а затем — ФБР. 19 апреля во время боя вспыхнул пожар, унесший жизни около восьмидесяти последователей Кореша, в том числе двадцати детей.

элементах нам следует беспокоиться. Согласятся ли остальные (уравновешенные) мириться с дефицитом электроэнергии, притом что даже керосиновыми лампами из-за нехватки горючего обойтись вряд ли получится? Согласятся ли они с отключением средств вещания — не больше часа телевидения в сутки? Покорно пересядут с автомобиля на велосипед? Откажутся от кино и от дискотек? Станут в очередь в «Макдональдсах» за пайком — ломтем грубого хлеба и листиком салата? Коротко говоря — смирятся ли массы с окончанием экономического благоденствия, роскоши и изобилия?

Совсем уж по чести говоря, афганцу или палестинскому беженцу что военная экономика, что мирная — приблизительно одинаково. А вот нашему с вами сородичу? Представляете, какая депрессия, какая коллективная демотивация разовьется в западном обществе?

Продолжат ли отождествлять себя с Западом чернокожие Гарлема, беднота Бронкса, чиканос Калифорнии?

Как, наконец, проявят себя латиноамериканцы, многие из которых, не будучи мусульманами, накопили столько завистливой злобы на гринго, что, когда были взорваны башни Торгового цен-

тра, в Южной Америке злорадно шипели: «Так этим грингос и надо»?

При планетарной войне, скорее всего, и ислам предстанет не совсем монолитным, но уж христианство-то продемонстрирует крайнюю степень разброда и истеричности. Мало кто запишется в новые тамплиеры, в западные камикадзе.

Это был фантастический сценарий — надеюсь не увидеть, как он осуществляется. Однако обрисовать подобную перспективу необходимо, чтобы стало ясно: начни сценарий сбываться, победа не светит никому. Следовательно, даже преобразуясь в планетарную праправойну, неовойна третьей стадии не приведет ни к какому результату, кроме неудержимого расползания по лику земли удручающего пейзажа из «Конана-Варвара».

Это значит, что в глобальную эпоху глобальная война теоретически невозможна, поскольку она оканчивается поражением всех.

Всеобщий мир

Рассуждая о неовойне в Персидском заливе, я делал вывод, что война в нашу эпоху невыполнима, а этот вывод подводил меня к убеждению,

что следует объявить тотальное табу на войну. Однако сегодня, после опыта новых неовойн, я понимаю, что, увы, витал в облаках прекраснодушия. Ныне я уверен, что, поскольку в неовойнах не бывает побежденных и победителей, а праправойны ничего не меняют, кроме настроения тех, кто взял верх, да и то ненадолго, перманентным состоянием мира должна стать затяжная неовойна, с множественными периферийными праправойнами, то вспыхивающими, то затухающими.

Полагаю, этот новый вывод никому не понравится, потому что все мы преданы идеалу мира. Давешняя моя идея, что когда люди поймут, до чего бесполезны неовойны, они серьезно отнесутся к строительству всеобщего Мира, была прекрасна. Но, увы, нереалистична: неовойна подводит к переосмыслению понятия Мира.

Когда говорят о мире, когда добиваются мира, имеют в виду (применительно к собственному горизонту) мир всеобщий, тотальный. Мы не зовем миром замирение для некоторых, для немногих. При таких взглядах прямая дорога в Швейцарию или какой-нибудь монастырь, где и принято было спасаться в темные времена, когда кругом полыхали сплошные войны. Так что или

рассуждаем о мире в планетарном, глобальном масштабе, или нечего о нем рассуждать.

Мир обычно мыслится не только тотальным, но еще и исконным. Символ мира — Эдем, золотой век. Принято думать, что мир — возвращение к первоначальному состоянию человечества. В картину иногда включают даже примирение между человеческим родом и животными. Эта первоначальная гармония, как принято думать, некогда разрушилась по вине насилия и злобы. Странно, что все забыли: по вопросу о золотом веке уже Гераклит[36] проявлял необыкновенную ясность ума, возразив, что если все течет, борьба — это правило сущего, война — породительница и госпожа всех вещей. За Гераклитом пришли и Гоббс с его *homo homini lupus*[37], и Дарвин с борьбой за существование (основанной на выживании самых приспособленных).

Попробуем теперь принять за данность, что

---

[36] Примечания: 36

Гераклит Эфесский (кон. VI — нач. V вв. до н. э.) — древнегреческий философ, представитель ионийской школы. «Должно знать, что война общепринята, что вражда — обычный порядок вещей и что все возникает через вражду» *(Ориген против Кельса // Фрагменты ранних греческих философов.* М.: Наука, 1989 — Фрагмент 20 [80 DK], VI, 42); «Война — отец всех, царь всех» (Ипполит. Опровержение всех ересей // Там же. 29 [53 DK], IX, 94).

[37] Примечания: 37

Человек человеку волк *(лат.).*

кривая энтропии строится как функция конфликтов, разрушений, смерти и что островки мира, то, что Пригожий[38] именовал «диссипативными структурами», — мелкие хорошенькие пузырики на общей кривой энтропии, — это исключения из общего правила войны, и пузырики эти тратят множество энергии, чтобы уцелеть и не лопнуть.

Переходя от научности к метафорике (ибо науки о мире не существует, или, во всяком случае, мне она неведома), я сказал бы, что мир — это не то состояние, которое прежде было даровано, потом утрачено, а ныне снова поддается реконструкции. Мир — трудоемкое завоевание, отвоеванные пяди земли в траншейной войне. Мир добывается ценой множества, множества человеческих жизней.

Великие мирные государства, известные в истории, охватывавшие широкие территории, такие как *Pax Romana* или, уже на нашей памяти, *Pax Americana* или *Pax Sovietica* (семьдесят лет подряд содержавшая в мире крупные пространства, теперь охваченные войной и междоусобицами),

[38] Примечания: 38

Илья *Пригожий* (1917—2003) — бельгийский физик русского происхождения. Получил Нобелевскую премию за разработку теории нелинейной термодинамики и хаоса. Применение его теорий к социальным наукам привело к возникновению синергетики.

такие как массивный, теперь уже доброй памяти мир первого мира, звавшийся «холодной войной», который теперь все, потерявши, оплакивают, и Оттоманская империя, и Китайский мир — эти державы были результатами постоянной военной напряженности, что и позволяло поддерживать порядок, гасить конфликтность в центре ценой многих мелких периферийных праправойн. Крупные мирные державы были военными державами.

Такое положение вещей может, думаю, нравиться тем, кто в центре системы, но не тем, кто находится на краях и терпит праправойны, нужные системе для стабильности. Грубо говоря, мирное существование всегда мирно для нас, но никогда не мирно для других. Дайте мне хоть один пример конкретного мира за несколько последних тысячелетий, не основанного на этом вышеприведенном не то чтобы золотом — железном правиле. Самое ценное в идеях антиглобалистов — это как раз посылка, что удобства мирной глобализации оплачиваются неудобствами всех живущих на периферии экономических систем.

Изменится ли это правило поддержания мира с началом эры неовойн? Навряд ли. Навряд

ли оно изменится, потому что, суммируя все мною сказанное, при переходе от праправойн к неовойнам (третьей стадии) изменения состояли в следующем:

(i) Праправойны создавали положение временной двусторонней нестабильности, затрагивавшей двух участников конфликта, без нарушения общего равновесия на нейтральной периферии.

(ii) «Холодная война» создала вынужденную и замороженную стабильность в центральных частях первых двух миров ценой многих временных нестабильностей на периферии: периферии сотряслись множественными мелкими праправойнами.

(iii) Неовойна (третья стадия) обещает постоянную нестабильность даже и в центрах. Центры становятся территорией ежедневного беспокойства, ареной постоянных террористических атак. Эта нестабильность будет сдерживаться перманентным кровопусканием на периферии и большим количеством праправойн, среди которых Афганистан — только первый пример из многих.

Приходим к выводу, что наше положение стало значительно хуже, ибо рассеялась даже иллюзия, создававшаяся «холодной войной», будто бы в

центральных зонах первых двух миров может царить состояние мира. В сущности, именно утрату этой иллюзии ощутили американцы 11 сентября, и тем объясняется всеобщий шок.

Не думаю, что на нашем шаре, где человеки человекам волки, можно будет достичь всеохватного мира. Оттого Фукуяма возвестил «конец истории»[39]. Но недавние события, опровергая Фукуяму, показали, что история не кончается, а продолжается в виде конфликтов.

Локальные замирения

Если всеобщий мир — результат войны, и чем разрушительней война, чем неспособнее она решить те проблемы, которые ее породили, тем недостижимее мир, — что остается тому, кто верит, что за мир надо бороться, что он не наследство, даруемое божией благодатью?

Остается строительство мира не сплошного, а

---

[39] Примечания: 39

Фрэнсис *Фукуяма* (р. 1952) — американский политолог, бывший заместитель директора Штаба планирования политики при Государственном департаменте США, автор бестселлера «Конец истории и последний человек» (*The End of History and the Last Man*, 1992); отправные пункты «конца истории» — это «холодная война» и распад СССР; под «концом истории» подразумевается победа либерализма над авторитаризмом.

крапчатого — выгораживание островков мира на бескрайней периферии, охваченной праправойнами, которые будут сменять друг друга — одна за другой, одна за другой.

Если всеобщий мир — всегда плод войны, локальный мир может быть плодом прекращения войны. За локальный мир не обязательно вести «последний бой». Локальный мир устанавливается, когда на фоне усталости дерущихся некий Переговорщик предлагает себя в посредники. Условие для посредничества — чтобы праправойна была маргинальной и длящейся давно, то есть чтобы массмедиа уже утратили к этой войне интерес и стороны могли соглашаться на компромиссы, не позоря себя в глазах международного общественного мнения. Периферийность конфликта и короткая память массмедиа — самые благоприятные условия для мирового посредника. Никакое посредничество и никакие переговоры не могут в наше время устранить конфликтность в центре системы, по той причине, что это не зависит от воли правительства. Поэтому нереальна программа мира для неовойн третьей стадии. Реальна программа мира только для праправойн, которые неовойной порождаются.

Эти локальные замирения позволят выпустить пар и разрядить в долговременном масштабе напряженность, ведущую к перманентной неовойне. Это значит (хотя любой пример мешает воспринимать идею как гибкую и приложимую к самым разнообразным ситуациям), что, установись сейчас в Иерусалиме мир, он, безусловно, поспособствовал бы разрядке напряженности во всем эпицентре планетарной неовойны.

Но даже если не всегда достижим подобный результат, мини-мир, напоминающий маленький пузырик на общей кривой энтропии, этот мини-мир — пусть он и не главная цель и даже не этап на пути к главной цели — все равно послужит примером и моделью.

Замирение как модель. Да, я согласен, идея очень христианская, но эту идею приняли бы и языческие философы. Пусть замирятся хоть двое, хоть одни Монтекки с одними Капулетти. Это не разрешит проблем насущного мира, но покажет: проявление доброй воли даже в наши времена возможно. Оно возможно всегда.

Работа по сокращению локальных конфликтов нужна, чтобы заставить верить: разрешимы и конфликты глобальные. Это, конечно, прекраснодушие, но иногда примеры — лучшая благая

ложь. Плохо лжет тот, кто говорит ложь, а хорошо лжет тот, кто подает благой пример и побуждает и других поступать во благо, пусть даже и заставляя ошибочно верить, что частная посылка (из p следует q) разовьется в общий закон (из p всегда следует q).

Потому-то этика и риторика — не формальная логика. Единственная наша надежда — работать на локальные замирения.

Любить Америку, но и устраивать марши мира[40]

Зло порождает зло. Главная цель всякого террористического акта и движения — дестабилизировать лагерь противников. «Дестабилизировать» означает довести противников до ошаления, чтоб они потеряли спокойствие и начали подозревать друг друга во всем на свете. Ни правому, ни левому терроризму в конечном счете не удалось дестабилизировать нашу Италию. Поэтому оба терроризма у нас потерпели фиаско, хотя бы на стадии первого, самого устрашающего приступа. Но тогда все разыгрывалось в провинциальном, не в планетарном масштабе.

Терроризм бен Ладена (то есть той широкой фасции фундаментализма, которую бен Ладен представляет) более изворотлив, всеобъемлющ, успешен. 11 сентября 2001 года бен Ладен сумел дестабилизировать западный мир. Он сумел вызвать к жизни призраки древних распрей. Мир тут же вспомнил о борьбе цивилизаций, религиозных войнах, противостоянии континентов.

---

[40] Примечания: 40

Amare l ' America e marciare per la pace. La Repubblica, февраль 2003 г.

Затем бен Ладен пошел дальше. Вбив клин между западным миром и третьим миром, он взялся за западный мир и стал раскалывать его изнутри. Он действительно сумел вызвать разногласия — если не военные, то, безусловно, моральные и психологические — между Америкой и Европой, а также посеять ростки розни в самой Европе. Вдруг пробудился подспудный антиамериканизм французов, и — кто бы мог поверить? — в Америке снова зазвучала обидная кличка «лягушатники», оскорбление французов, как в старинные времена.

Чтоб не расшатывались нервы, прежде всего нам надо помнить, что эти трещины пролегли не между американцами и немцами, не между французами и англичанами. И на том берегу Атлантики, и на другом есть множество людей, выступающих за мир. Следует помнить, что и формула «американцы предпочитают войну», и формула «итальянцы предпочитают мир» равно безапелляционны и равно не соответствуют действительности. Согласно формальной логике, если хотя бы один обитатель земного шара терпеть не может свою мать, значит, утверждение «все любят своих матерей» неверно. Можно говорить только «некоторые любят своих матерей».

Конечно, слово «некоторые» не обязательно означает «немногие». Бывает, что слово «некоторые» покрывает 99,9%.

Но даже и 99,9% не означает «все». Это все-таки «некоторые». Очень редко когда применимо категорическое местоимение «все». Разве что в знаменитой максиме о том, что «люди смертны». На сегодняшний день ее еще не опроверг никто. Даже те двое, о которых принято считать, что они воскресли, Иисус и Лазарь, перед тем как воскреснуть, однако, умирали, а следовательно, через жерло смерти прошли и они.

Сделаем вывод, что в распрях по вопросу «воевать — не воевать» участвуют не «все» с одной стороны против «всех» с другой стороны, а лишь «некоторые» с каждой из двух (трех, четырех, пяти) сторон против таких же «некоторых».

Подобные уточнения отдают крючкотворством, но без оговорок рискуешь сойти за экстремиста.

Увы, в исконной, кровной, хотя пока не кровавой атмосфере этих распрей все время раздаются высказывания явно расистского толка, типа: «Все, кто опасается войны, — споспешники Саддама», или «Все, кто считает приемлемым силовое решение конфликтов, — фашисты».

Предлагаю порассуждать.

Один английский критик недавно опубликовал рецензию — вполне благожелательную — на мою книжку «Пять эссе на темы этики», которую выпустили в Англии. Но, дойдя до моего утверждения, что война должна быть полностью табуирована, этот критик саркастически вставил в скобках: «Вот думаю, как убедить в этом бывших узников Освенцима». Он имел в виду, что если бы война была табу для всех, то Гитлера бы не победили, а евреев из лагерей (к сожалению, не «всех» евреев, а «некоторых») так бы и не выпустили.

Ну, это все-таки мне кажется довольно натянутой придиркой. Я, к примеру, утверждаю, что убийство для меня морально неприемлемо и что я мечтаю прожить всю жизнь, не убивши никого. Но все-таки если вооруженный субъект ворвется ко мне в дом и станет угрожать ножом мне или моим близким, я применю все доступное мне насилие, дабы остановить его. Тем более на войне. Война — криминал. Гитлер был преступником, развязавшим мировую войну. Когда после этого союзники ему ответили, то есть когда они ответили насилием на насилие, они, разумеется, сделали все правильно, потому что надо было спасать человечество от варваров. Чем не отменяется, что Вторая мировая война была со-

вершенно бесчеловечной, она унесла пятьдесят пять миллионов жизней и было бы лучше, если бы Гитлер ее не развязывал.

Менее парадоксальное возражение звучит так: «Вот вы только что признали, что Соединенные Штаты правильно вступили в войну, спасая Европу, — американцы тем самым не допустили, чтобы фашисты понастроили концентрационных лагерей еще и в Ливерпуле или в Марселе». Да, отвечаю я, еще бы. Как не признать. Они прекрасно сделали, союзники, и я не могу забыть — мне было тринадцать лет, я побежал встречать первый взвод американцев-освободителей (они были еще вдобавок и чернокожие), вступавший в городишко, куда нашу семью эвакуировали от бомбежек. Я моментально сдружился с ефрейтором Джозефом, он дал мне первую в жизни жвачку и первые комиксы с Диком Трэйси. Однако после этого ответа мне тут же задают следующий вопрос: «Хорошо, значит, прекрасно сделали американцы, что задушили в колыбели немецкую и итальянскую фашистские диктатуры?»

Ну, тут я должен возразить по многим пунктам. Ни американцы, ни англичане с французами не душили нацистскую и фашистскую диктатуры

в колыбели. Итальянский фашизм они старались унимать и усовещивать, при этом с ним вполне водились, как с посредником, вплоть до начала 1940 года. Англия и Америка применили кое-какие демонстративные санкции против итальянского фашизма, но этим ограничились. Что до Германии, то и германскому нацизму они тоже позволили разрастись и окрепнуть. США вступили в войну после того, как японцы атаковали Пёрл-Харбор, и напоминаю заодно, что это Германия с Италией, вслед за Японией, объявили американцам войну, а вовсе не американцы им (я сознаю, что кое-кому из молодых читателей это покажется анекдотом, но дело было именно так).

Соединенные Штаты выжидали, не ввязывались в кошмарную войну, хотя моральное напряжение, подталкивавшее их ввязаться, было огромным. Они удерживались из осторожности, из опасения, что еще не готовы, а также потому, что и в самой Америке имелись некоторые (и вдобавок известнейшие) люди, симпатизировавшие нацизму, и Рузвельту пришлось проделать очень тонкую работу, чтобы вовлечь народные массы в этот поход.

Плохо ли со стороны Франции и Англии было выжидать, уповая, что немецкая экспансия

ограничится оккупацией Чехословакии? Вероятно, плохо. Немало насмешек выпало на долю Чемберлена, который отчаянно юлил, пытаясь сохранить мир. Это доказывает, что осторожность бывает чрезмерной. Но это и пример того, как любыми доступными способами люди пытаются сохранить мир. В конце концов дело зашло настолько далеко, что уж никто ни в чем не сомневался. Никто не сомневался, что именно Гитлер является зачинщиком войны и именно на нем лежит за эту войну ответственность.

Поэтому я нахожу несправедливым размещенную на первой странице американской газеты подпись под фотографией военного кладбища. Сняты могилы американских солдат, сказано, что они отдали жизни за спасение Франции (святая правда), а под фото написано, что якобы теперь французы напрочь забыли все это.

Франция, Германия и все те, кто считает неправомерной упреждающую войну — войну поспешную и направленную только против одного Ирака, — ничего не забыли. Кроме того, Франция и Германия отнюдь не отказывают в поддержке Соединенным Штатам как стране, которую, можно сказать, со всех сторон обложили международные террористы. Но в то же время Франция

с Германией считают, как считают и многие здравомыслящие частные лица, что нападение на Ирак не обезглавит терроризм, а вероятно (думаю даже, что бесспорно), его усилит, приведя в ряды террористических групп многих из тех, кто пока что еще находится в замешательстве и осторожно выжидает. Они учитывают, что международный терроризм вербует сторонников из тех, кто живет в США и в европейских странах, что вовсе не в иракском банке лежат на счетах деньги террористов, что террористы имеют возможность получать оружие, как обычное, так и химическое, из разнообразных третьих стран.

Представьте себе: когда готовилась высадка союзников в Нормандии, Шарль де Голль вдруг уперся бы и, исходя из размещения французского контингента в африканских колониях, потребовал бы проводить десант не на побережье Нормандии, а на Лазурном берегу. Американцы с англичанами, по всей вероятности, постарались бы переубедить его и выдвинули бы многочисленные соображения: что немцы все еще контролируют берега Италии и Тирренское море, по крайней мере Генуэзский залив; что при высадке на севере Франции Англия обеспечит для десанта безопасный тыл; что лучше ввозить вой-

ска для высадки по Ла-Маншу, а не переправлять через все Средиземное море.

Можно бы было сказать в подобной ситуации, что США вонзили Франции нож в спину? Нет, нельзя. Речь могла бы идти только о стратегических несогласиях между спорящими. Я, например, уверен: высадка в Нормандии была оптимальным решением. В той ситуации союзники применили бы всемерные усилия, чтобы отговорить де Голля от бесполезной и опасной операции.

Иногда высказываются еще и моральные доводы в поддержку военной оккупации Ирака силами США. Я слышал подобные доводы, в частности, от одного очень важного и очень достойного человека, известного своей многолетней работой в защиту мира. Он говорил: «Саддам — кошмарный диктатор, и люди стонут под его кровавым игом. Как не думать о несчастных иракцах?»

Надо, надо думать о несчастных иракцах. Но в такой же степени надо думать о несчастных северных корейцах, о бедных африканцах и азиатах, вынужденных существовать под игом местных тиранов, кого гнетут и давят правые диктатуры, установленные и подкармливаемые

теми же США, предпочитающими видеть в Латинской Америке правых диктаторов, а не левых революционеров. Разве мы шли походом на СССР в целях освобождения бедных граждан России, Украины, Эстонии и Узбекистана, которых Сталин отправлял в лагеря? Нет, о таком походе не помышлял никто. Ибо если воевать со всеми диктаторами, то цена общей крови, учитывая количество как нормального, так и ядерного оружия, окажется чрезмерной. А поскольку политика всегда прагматична, даже когда она вдохновляется идеалами, все избирали не войну, а перетягивание каната, пытаясь добиться максимальных результатов и не употреблять бесчеловечных средств.

Это оптимальное поведение. Оптимальное, в частности, и потому, что, как мы видим, западным демократиям в результате удалось избавиться от советской диктатуры без всяких атомных взрывов. Потребовалось выждать. Кое-кто в ходе этого выжидания был уничтожен. Но несколько сотен миллионов вероятных мертвецов мертвецами не стали, а продолжили жить и радоваться жизни.

Таковы мои соображения. Их немного, но, мне кажется, их достаточно, чтобы сделать вывод, что

в нашей ситуации не следует (именно потому что ситуация тяжелая) делать резких движений, размежевываться и выкрикивать: «Раз ты так думаешь, ты мне не друг!» Ведь это тоже было бы фундаментализмом.

Любить американские традиции, американский народ, американскую культуру, относиться с уважением к стране, заслужившей титул самой сильной на свете державы. Сочувствовать боли этого народа, скорбеть о трагедии 2001 года. Но при этом не бояться убеждать американцев, что их правительство ошибается. С нашей стороны это не предательство, а высказывание несогласия. Если его нельзя высказывать, значит, нарушается право людей и наций на несогласие. А это прямо противоположно урокам, которые мы получили в 1945 году, после фашистской диктатуры, от американцев-освободителей.

Сценарий для Европы[41]

Эту статью придумал не я. Недавно Юрген Хабермас обратился к нескольким коллегам из различных европейских стран с предложением, чтобы все опубликовали одновременно, в один и тот же день, в соответствующих крупных национальных газетах программную статью. Мне известны кое-какие идеи Хабермаса из его электронных писем, но в данный момент, когда я пишу, я не знаю в точности, что скажет Хабермас в своей газете, что скажет Жак Деррида в статье, предназначенной одновременно в газеты «Франкфуртер Альгемайне» и «Либерасьон», что скажут Фернандо Саватер в «Паис», Джанни Ваттимо в «Стампа», Адольф Мушг в статье для

---

[41] Примечания: 41
Prospettive per l ' Europa. La Repubblica, май 2003 г.

«Нойе Цюрхер Цайтунг», Ричард Рорти[42] в своей колонке спецкора для «Зюддойче Цайтунг». Может статься, мнения будут разными и возникнет полемика. В любом случае Хабермас просил нас как друзей и коллег высказаться, чтобы мировая общественность узнала и оценила взгляды некоторых европейцев на нынешнее положение в Европейском союзе. Тем самым Хабермас планировал побудить к каким-то решениям правительства всех стран, а также правительство той общности, которая сформировалась — то есть, уточню, формируется, но еще пока сформировалась не вполне — под именем Единой Европы.

Похоже, сейчас наиболее неподходящий момент для гадания о будущем объединенной Европы. Страны Европы заняли настолько несходные

---

[42] Примечания: 42

Юрген Хабермас (р. 1929) — немецкий философ Франкфуртской школы, ученик Теодора Адорно. Призывал завершить работу, начатую просветителями XVIII века, и рассматривать абстрактные идеи с точки зрения человечности. *Жак Деррида* (1930—2004) — французский философ и лингвист, основатель деконструктивизма — философской школы, подвергшей пересмотру принципы анализа текстов. Центральная его концепция — *diff é rence*, то есть дистанция между означающим и означаемым, приводящая к «деконструкции» текстов в поисках все новых означаемых. *Фернандо Саватер* (р. 1947) — баскский философ и писатель, профессор этики в Университете Басконии. Активно выступает против террористических действий баскских боевиков. *Джанни Ваттимо* (р. 1936) — итальянский философ, с 1999 г. — депутат Европейского парламента от блока левых демократов, профессор теоретической философии в Университете Турина, журналист. Представитель так называемой «слабой мысли», отрицающей возможность

обретения абсолютного знания и отвергающей все философские учения (от просветительства до марксизма), претендующие на однозначную интерпретацию бытия. *Адольф Мушг* (р. 1934) — швейцарский писатель и литературовед, автор иронической прозы. *Ричард Рорти* (р. 1931) — американский философ-прагматист, прозванный «философом конца философии» за полемические статьи против традиционных школ мышления. Применяет свою философскую логику, в частности, к разбору литературы с точки зрения ее функциональности. Анализирует произведения Дж. Оруэлла, В. Набокова.

позиции по вопросу иракского конфликта, что это доказало: Европа все еще не едина. Вхождение в Евросоюз стран Восточной Европы приведет к тому, что старые демократии, готовые отчасти поступиться национальным суверенитетом, и демократии молодые, цель которых — усилить национальную доминанту в своих новообразованных правительствах, пусть даже ценой поиска союзников за пределами Европы, окажутся в едином доме.

В настоящий момент вроде и существует европейское самосознание и европейское самоопределение, и в то же время следует сказать, что некоторые события подрывают европейское единство.

Возьмем ту же тему, которую, я знаю, собирается разрабатывать и Хабермас. Рассмотрим основные компоненты так называемой западной ментальности: греческий и иудео-христианский фундамент; идеи свободы и равенства, завещанные нам Французской революцией; багаж современной науки, у истоков которой стояли Коперник, Галилей, Кеплер, Декарт и Фрэнсис Бэкон; капиталистическую форму производства; отделение церкви от государства; римское право или

Common Law[43]; и самое понятие справедливости, утверждающей себя через классовую борьбу. Все это результаты идейной работы европейского Запада. Список, конечно, не полон. Да и идеи эти ныне принадлежат отнюдь не только Европе. Они привились, распространились и расцвели и в Америке, и в Австралии, и частично — в Азии и в Африке. Поэтому, безусловно, говоря о западной цивилизации, мы подразумеваем цивилизацию, отождествляющую себя с той моделью, которая в процессе глобализации получила главенство над всем миром.

Но повторим опять: не одни европейцы отождествляют себя с этой моделью.

Внутри же этой западной цивилизации мы все ощутимее чувствуем особость Европы. Возможно, этого ощущения у нас нет, когда мы, европейцы, ездим в другие европейские страны, поскольку мы обращаем внимание прежде всего на отличия. Но ведь отличия наблюдает и миланец, попавший в Палермо, и калабриец в Турине. Однако при первом же контакте европейца с неевропейской культурой, в том числе с американской, в

[43] Примечания: 43

Общее право *(англ.)* — система права во многих англоязычных странах, отводящая прецедентам и традициям равную, если не более значительную роль, нежели нормам и законам.

нем обостряется чувство «европейскости». В поездке, на конгрессе, с друзьями из разных стран, в путешествиях явственно проявляется нечто объединяющее (сходные воззрения, сходное поведение, сходные вкусы): мы роднее с французом, испанцем или немцем, нежели с теми, кто не из Европы.

Министр образования Франции, философ Люк Ферри, в декабре 2002 года в своем вступительном слове на парижском Конгрессе борцов за мир отмечал (никакой новизны, разумеется, в его наблюдении не было, но имелся интересный драматизм в подаче текста), что ни один француз не может сейчас вообразить войну с соседями — например, войну с немцами. Как, разумеется, и англичанин — войну с Италией, или испанец — нападение на Фландрию. А ведь мы помним, что война с соседями как форма решения всех конфликтов и междоусобиц две тысячи лет была обычным делом для Европы. Ныне имеет место новая историческая ситуация, которую невозможно было вообразить всего только полвека назад. Эта ситуация, допустим даже, не всегда четко формулируется в нашем сознании, однако ею определяется наше поведение. Поведение всех рядовых европейцев: жители Европы едут

в отпуск, спокойно пересекая те самые границы, которые их отцы штурмовали с винтовкой в руках.

По тысяче причин француз до сих пор чувствует себя отличным от немца, но оба они — наследники древнего общего опыта, сформировавшего и ту и другую нацию. У нас в совместном багаже — идея благосостояния, достигнутого благодаря профсоюзам, а не благодаря гомеостазу индивидуалистской этики, основанной на личном успехе. Мы все пережили провал колониальной политики и распад империй. Мы все пожили под диктатурами, умеем распознавать их в зачатке, и, может быть, потому мы (многие из нас) вакцинированы от диктатур.

Нам всем известно, что такое война в своем доме, что такое прямая угроза жизни. Я даже рискну сказать, что если бы два самолета воткнулись в Нотр-Дам или Биг-Бен, это вызвало бы, разумеется, отчаяние, испуг, гнев и ужас, но вряд ли — такой ступор и такую реакцию (депрессивный синдром в сочетании с инстинктом немедленного мщения), какие мы наблюдали у американцев, впервые получивших удар на своей собственной территории.

В общем, у европейцев имеется немало общих

качеств, общих опытов, радостей, печалей, общая гордость, общий стыд, общие традиции и общая совесть. Каждая европейская страна некогда жила в симбиозе с каким-то регионом Африки или Азии, обменивалась чем-то с этим регионом, конфликтовала с ним и находилась от него не так уж далеко, не за океаном, во всяком случае.

Достаточно этого, чтобы и впрямь объединить Европу? Явно недостаточно. Мы это наблюдаем каждый дань. Невзирая ни на общую валюту, ни на тот факт, что разные страны хотят примкнуть к этому нашему союзу и готовы поступиться многим, лишь бы их взяли в Европу. Многим, но не всем, и при единстве вызревают новые конфликты: например, разность точек зрения по вопросу об иракской войне.

Однако единство, которое Европа не умеет обрести в себе самой, навязывается ей извне объективной эволюцией событий. Покуда шла «холодная война», страны Европы, растасованные после Второй мировой войны между западным и восточным блоками, были вынуждены существовать в тени какой-либо из двух великих держав: или Соединенных Штатов, или Советского Союза. И СССР и США реализовывали в Европе свои идейные программы.

Китай тогда не просматривался. Китай для США не предвещал непосредственной угрозы. Китай представлял собой угрозу лишь в стратегическом будущем, а в тот период Китай был полностью занят борьбой за внутреннюю стабильность и пребывал в открытой конфронтации не с американцами, а с русскими. Американцы спокойно стерпели застой в Корее и поражение во Вьетнаме, поскольку главную игру они вели в Европе, и эту войну американцы выиграли: в конце концов советская империя распалась.

Втянутые в игру более сильных игроков, европейские нации строили свою внешнюю политику по модели одного из блоков, с которыми они себя отождествляли, живя под военным протекторатом либо НАТО, либо Варшавского договора.

Этот пейзаж переменился, как только пала Берлинская стена. А теперь окончательно прорисовалась утрата интереса американцев к Европе. В недавние годы, когда стало видно, до чего вяло американцы относятся к балканскому вопросу. Враг, побиваемый в течение полувека, пал. США обнаружили, что главный враг теперь у них другой. Позиционирование этого нового врага нечетко, но безусловно — он угнездился где-то в недрах мусульманского, ближневосточного и

дальневосточного мира, против этого недруга США направляют свою военную мощь — против Кабула, против Багдада, и, может быть, не только против них. Этот новый военный поход побудил американцев даже передислоцировать свои военные базы. То есть американцы перестали видеть в НАТО надежную опору (потому что, помимо всего прочего, выяснилось: европейские страны по историческим и географическим причинам имеют с арабским миром отношения, кое в чем диссонирующие с американскими интересами).

Тем временем стало ясно, что главная конфронтация, уготованная Соединенным Штатам, — это грядущая конфронтация с Китаем. Не обязательно она будет военной. Но она обязательно охватит и экономику, и демографию. Достаточно прийти в США в любой университет, чтобы увидеть, до какой степени стипендии, аспирантские ставки и лидирующие позиции уже сейчас в руках азиатских студентов (не знаю, в генах ли дело или в том, что и по воспитанию эти азиатские студенты гораздо охотнее своих европейских сверстников готовы вкалывать по восемнадцать часов в сутки, дабы выдвинуться на самое высокое место). Американская наука развивается все больше благодаря импортированию не европейских, а

азиатских мозгов, мозгов из Индии, Японии и Китая.

Это значит, что все внимание американцев перемещается от Атлантики на тихоокеанские регионы. И точно: вот уже много лет крупнейшие производственные и научно-исследовательские центры переселяются или наново строятся в Калифорнии. Когда-нибудь в будущем Нью-Йорк станет чем-то вроде американской Флоренции, станет заповедником моды, искусства и культуры, но отнюдь не местом принятия первостепенных решений.

Америка смотрит все меньше на Атлантику, все больше — на Тихий океан. В двадцатые годы WASP не сводили глаз с Парижа, а теперь новые американцы из заслуженных и важных проживают в штатах, куда вообще не поступает «Нью-Йорк таймс» (главная атлантическая газета) или поступает с опозданием на целые сутки, и только в редкие привилегированные киоски. Этими новыми американцами скоро заселятся области, в которых о Европе будут знать совсем мало, а если что и будут узнавать, то не сумеют уяснить причин событий, которые происходят на том дальнем экзотическом континенте, гораздо менее понятном для Америки, нежели Япония

или Гавайи.

Когда Америка перенесет свое усиленное внимание на Ближний Восток и на огромный Тихоокеанский регион, Европа потеряет свое значение в мире. Как ни крути, самым страстным американофилам уже и сейчас ясно, что не станут американцы днем и ночью заботиться о чужом континенте, пусть даже это была родина их предков (да и то не для всех американцев; мало ли их носит фамилии Перес и Чун Ли). Вдобавок европейскому континенту уже не грозят ни гусеницы гитлеровских танков, ни советские казаки, скакавшие поить коней ватиканской святой водой.

Поэтому Европа окажется в изоляции самою силой вещей (как говорил Гегель: все происходит так, как того требует действительность, а действительность разумна). И тогда Европа либо станет единой, либо распадется.

Гипотеза распада, я думаю, не слишком реалистична, но все-таки обсудим этот сценарий. Допустим, Европа повторит судьбу или Балкан, или Южной Америки. Новые сверхдержавы (возможно, в отдаленном будущем Китай, если он займет место США) примутся вертеть несильными европейскими странами по своему усмотрению — тем

самым закрепляя свое положение в качестве сверхдержав. Им может быть удобно размещать свои военные базы в Польше или Гибралтаре, в Хельсинки или Таллине — близко к полярным воздушным коридорам. Чем разобщеннее станет Европа, чем менее конкурентоспособным будет евро на мировых валютных рынках, тем для США и Китая лучше. И невозможно вменять в вину сверхдержавам, что они заботятся прежде всего о собственных интересах.

Ну а если Европа изыщет ресурсы, чтобы позиционировать себя в качестве третьего полюса между Соединенными Штатами и Востоком (будет ли этим Востоком Пекин, или, как знать, Токио, или Сингапур)?

У Европы есть только один путь, как ей стать этим третьим полюсом. Европа уже объединила таможни и валюту, теперь она должна объединить внешнюю политику и оборону. То есть те минимальные военные силы, которые ей полагается иметь. Ибо вряд ли Европа готовится захватывать Китай или драться с США. Ровно столько войск, сколько ей необходимо для самообороны и для быстрого реагирования, учитывая, что НАТО уже не станет решать за Европу ее проблемы.

Смогут ли европейские правительства договориться и подписать подобные соглашения? В воззвании Юргена Хабермаса говорится, что невозможно достичь такого результата в расширенной Европе, если она будет включать в себя Эстонию, Турцию, Польшу и, может быть, в один прекрасный день — Россию. Консолидация Европы способна пока что охватывать только те страны, которые были в ядре Европейского союза. Если бы эта основная группа выдвинула четкие предложения, другие страны подтянулись бы (может быть, понемногу, постепенно).

Утопия? Как подсказывает здравый смысл, утопии могут стать реальными гипотезами на фоне меняющегося миропорядка. Или так, или никак. Европа должна и, можно сказать, обречена выработать совокупный способ вести внешнюю политику и оборонять территорию. Если этот способ не вырабатывать, Европа превратится — надеюсь, что никого не обижаю — в Гватемалу.

Это воззвание видные европейцы обращают к правительствам континента, на котором они родились и на котором хотели бы спокойно досуществовать, гордясь своим местожительством.

Волк и ягненок. Риторика бессовестности[44]

Не знаю, метать ли бисер перед вами, стадом бессмысленных дурней, которые вообще никогда и ничего не способны уразуметь.

Как вам такое начало? Типичный случай *captatio malevolentiae*[45], то есть я применил риторическую фигуру, которой нет и быть не может, — эта фигура призвана восстанавливать аудиторию против оратора. Вообще-то я много лет полагал, будто первым выдумал этот термин — *captatio malevo — lentiae.* Я применял его к одному своему приятелю и к его манере держать себя в обществе. Но потом посмотрел в интернете и увидел, что на многих сайтах *captatio malevolentiae* активно упоминается. Не знаю уж, как это случилось — то ли они цитировали меня,

---

[44] Примечания: 44

Il lupo e l' agnello. Retorica della prevaricazione. Выступление в Болонском университете 20 мая 2004 г. в рамках курса «Под знаком слова» *(Nel segno della parola)*, организованного исследовательским центром «Долговечность классики» *(La permanenza del classico)*. Несколько переработанный вариант этого текста был опубликован в книге *Nel segno della parola* / A cura di Ivano Dionigi. Milano: BUR, 2005.

[45] Примечания: 45

Снискание нерасположения *(лат.)*.

то ли налицо явление литературного полигенеза (это когда одна и та же идея спонтанно возникает у разных людей в разных местах, независимо друг от друга).

Совсем другое дело, если бы я начинал свою речь вот так: «Не знаю, метать ли бисер перед подобным стадом бессмысленных дурней, но все-таки выскажусь. Как минимум из уважения к тем двум или трем из вас, кто не такие дегенераты, как прочие». Это был бы пример (довольно резкий и опасный) *captatio benevolentiae*[46]. Естественно, каждый слушатель обязательно подумал бы, что именно он — один из двух или трех, кто не такой дегенерат… и, презрительно отвернувшись от остальных, начал бы слушать супервнимательно и суперзаинтересованно.

Captatio benevolentiae — риторический прием, позволяющий, как вы уже поняли, немедленно налаживать эмоциональный контакт с собеседником. Чаще всего *captatio* ставят в зачины («Для меня великая честь выступать перед столь почтенной публикой»). На этом приеме строится один до того распространенный и до того затасканный зачин, что он теперь уже чаще

[46] Примечания: 46
Снискание расположения *(лат.).*

применяется иронически — я имею в виду зачин «как вы, несомненно, помните». Этим способом восстанавливают в памяти собеседников нечто полузабытое, но делают вид, будто просто даже стесняются повторять то, что собеседник, конечно, знает и сам.

Почему в риторике используют *captatio benevolentiae?* Потому что… ведь что такое риторика? Риторика — это вовсе не презренное словоплетение, в котором изобилуют ненужные слова и напыщенные периоды. Риторика — и не синоним софистики, что бы ни утверждали отдельные глупые учебники. Кстати о софистике, оговорюсь, что греческие софисты, занимавшиеся риторикой, вовсе не были такими ужасными, как утверждают те же самые учебники. Великим мастером искусства риторики был Аристотель. Платон в диалогах использовал тончайшие риторические приемы (к слову, эти риторические приемы Платон использовал, чтобы полемизировать именно с софистами).

Так вот, риторика — это техника убеждения *(persuasio)*. Кстати и об убеждении — в нем опять-таки нет ничего худого, хотя, разумеется, убеждать можно очень коварно и в конце концов убедить человека поступить себе во вред. Технику

убеждения очень полезно изучать. Аподиктические утверждения работают только в крайне редких случаях. Они работают лишь при полном согласии по исходным терминам, например — при одинаковом представлении о том, что такое угол, что такое сторона, площадь, треугольник. Если собеседники одинаково интерпретируют термины, им и спорить-то незачем: не спорят же о теореме Пифагора. Однако в большинстве дискуссий о современной жизни по поводу любого предмета каждый собеседник имеет свое собственное представление. Поэтому каждому собеседнику приходится убеждать остальных, а убеждая — использовать риторику.

Спокон веков риторика подразделялась на *судебную* (ибо в суде у каждого свое мнение, доказательна ли улика или нет), *совещательную* (в парламентах и ассамблеях у каждого свое собственное мнение по вопросу, следует или нет строить дорогу через горный перевал, ремонтировать лифт в подъезде, голосовать за Джованнини, Пьетрини или Сидорини) и *эпидиктическую.* Эпидиктической называется риторика, восхваляющая или осуждающая некие явления. Тут уж точно взгляды могут быть самые различные. Не существует научных оснований, чтобы утвер-

ждать, приятнее ли Гэри Купер Хэмфри Богарта, чище ли стирает «Ариэль», нежели «Кристалл», и кто женственнее, Майкл Джексон или Элтон Джон.

Поскольку подавляющее большинство споров на этом свете ведется вокруг взглядов и представлений, риторические техники помогают:

— выдвигать аргументы, с которыми согласится большинство слушателей;

— формулировать аргументы так, чтобы они выдерживали критику;

— выражать аргументы так, чтобы слушатели интуитивно верили в их доброкачественность;

— а также вызывать у публики эмоции, способствующие успеху аргументов, в том числе посредством *captatio benevolentiae*.

Естественно, и самые вроде бы убедительные высказывания могут быть разбиты еще более убедительной критикой, чем доказывается итоговая ограниченность всякой аргументации. Все вы *(captatio)* знаете, конечно, шуточную псевдорекламу: «Ешьте дерьмо: миллионы мух не могут ошибаться». Эту фразу нередко приводят, демонстрируя ущербность принципа «большинство всегда право». Кажущуюся логику этого высказывания можно опровергнуть, поставив вопрос:

а отчего мухи питаются пометом животных, по причине вкуса или по причине необходимости? Можно еще задать вопрос: если бы поля и долины были покрыты икрой и патокой, обрадовались ли бы мухи? А если да, то обрадовались ли бы они икре с патокой больше, нежели экскрементам? И еще, кстати, не забывайте, что предпосылка «все вкушающие вкушают то, что им вкушать любо» опровергается эмпирикой, когда вкушающие вынуждены есть то, что им совершенно не любо, а именно: в тюрьмах, в больницах, в армии, при голодоморах и блокадах, а также при диетическом питании.

Так что ясно, отчего *captatio malevolentiae* неуместно в риторике. Риторика нацелена на получение согласия, а следовательно, в риторике неуместны зачины, вызывающие несогласие. Однако минуту внимания. Это в свободных демократических обществах (включая даже ту достаточно ущербную демократию, которая существовала в Афинах) техника, вызывающая несогласие, неуместна. В обществах же, где одни навязывают себя другим за счет грубой силы, искать согласия не требуется. Бандиты, насильники, грабители, надсмотрщики в Освенциме не используют риторику убеждения.

Потому возникает соблазн провести демаркационную линию. Отдельно — такие культуры, в которых власть основывается на консенсусе населения, в таких культурах бытуют техники убеждения. И отдельно — культуры-деспотии, где торжествуют законы силы, законы бессовестности: в этих культурах никого ни в чем убеждать не требуется.

Однако поскольку все и всегда на этом свете гораздо сложнее, чем казалось на первый взгляд, поговорим все же *о риторике бессовестности.*

По словарю, бессовестное злоупотребление означает «неумеренное пользование властью с целью получения себе выгоды в ущерб интересам жертвы». Действовать бессовестно — «действовать несообразно с честностью, нарушая границы законности». Обычно бессовестный злоупотребитель, зная, что злоупотребляет, норовит при случае узаконить свой поступок и даже (в условиях диктатур) добиться консенсуса с жертвами: то есть подыскивает законное обоснование своим действиям. Мы видим, что вполне возможно, ведя себя бессовестно, обращаться к риторике для оправдания бессовестного пользования властью.

Классический пример псевдориторики бессо-

вестности — басня Федра[47] о ягненке и волке. Ягненок говорит волку: «Как могу вредить тебе? Вода течет ведь — от тебя к моим губам…» Как видим, он вполне владеет риторической техникой и находит слабое место в аргументации волка, умеет возразить, апеллирует к мнению, разделяемому всеми здравомыслящими слушателями: воду вниз по течению замутить можно, вверх по течению — нельзя. Пред лицом оппонирующего ягненка волк находит новый довод: «Ты нагрубил мне шесть месяцев назад». Ягненок парирует и это: «Я тогда еще и не родился». Опять-таки ловкий ход ягненка в этой партии, и волку приходится искать очередное обоснование: «Значит, грубил мне твой отец, клянусь Гераклом!»

> *И тут, схвативши, растерзал ягненка он.*
>
> *Вот эту басню написал я про того,*
>
> *Кто гнет безвинных, повод выдумавши сам.*

В басне два посыла. Сначала — что злоупотребитель старается оправдаться. Когда оправдания

---

[47] Примечания: 47

Федр (конец I в. до н. э. — начало I в. н. э.) — римский баснописец. Текст цитируется в переводе Н.И. Шатерникова.

не имеют успеха, он противопоставляет риторике неаргументирующую силу. В басне отображен вполне реальный жизненный принцип. Постараюсь показать, как эту технику уже применяли в истории, порою — поаккуратнее.

Конечно, в этой басне Федра ритор-налетчик выведен в довольно карикатурном виде, аргументы волка слабы, он — несомненно бессовестный злоупотребитель. Несостоятельность аргументации волка видна любому. Однако бывает, что злоупотребление преподносится под флером риторики. Бывает, берется исходное мнение, разделяемое большим числом людей, — то, что в греческой риторике называлось *endoxa* (апелляция к общественному мнению), — и отрабатывается эта техника, причем в аргументацию тихонько втаскивается *petitio principii* — прием, когда в качестве решающего аргумента приводится тот тезис, который как раз хотят доказать, или когда в качестве опровергающего доказательства приводят именно то положение, которое хотят опровергнуть.

Вот яркий пример:

> *От времени до времени вы можете встретить в наших иллюстрированных*

изданиях статьи с соответствующими портретами, рассказывающие на удивление <...> мещанину, как там или сям удалось сделать из негра учителя, адвоката или даже пастора или, наконец, героического тенора и т. п. Разинув рот, мещанин ахает от изумления по поводу таких чудес и приходит к выводу, что дело воспитания находится в современном обществе на недосягаемой высоте. Евреи же пользуются этим совсем для других целей: хитро улыбаясь себе в бороду, они начинают доказывать всему честному народу, что эти примеры являются самым убедительным аргументом в пользу их теории о равенстве всех людей. Современному несчастному обществу не приходит даже в голову, что примеры эти говорят только об одном: о том, сколь сильно грешим мы против самых элементарных требований здравого рассудка.

Миллионы и миллионы людей, принадлежащих к гораздо более высокой по своей культуре расе, влачат жалкое существование, занимая самые низкие места в

нашей общественной иерархии. А мы в это время радуемся преступной игре, позволяющей выдрессировать полуобезьяну настолько, чтобы сделать из нее адвоката. Люди не понимают, что мы совершаем величайший грех против воли вечного творца нашего, когда мы спокойно смотрим на то, как сотни и сотни тысяч одареннейших людей гибнут, подвергаясь всем ужасам пролетаризации, и в то же время дрессируем зулусов и кафров, чтобы дать им возможность занять места в более высоких профессиях. Ибо надо же сказать правду: на деле это только дрессировка, – такая же дрессировка, как соответствующее обучение пуделя. Если бы мы столько же труда и внимания посвятили людям более интеллигентных рас, то результат, разумеется, получился бы в тысячу раз больший.

Совершенно нестерпимо такое положение, когда из года в год сотни тысяч совершенно бесталанных людей получают возможность проходить через высшие учебные заведения, между тем как сотни тысяч других действительно

талантливых людей лишены возможности получить высшее образование. Нация несет в результате этого невероятный ущерб, которого даже не учтешь[48].

Кто автор этого текста? Босси[49]? Боргецио[50]? Один из министров нашего правительства? Могло быть и так. Однако автор — Адольф Гитлер. Это цитата из «Майн Кампф». Для подготовки своей расистской кампании Гитлеру требовалось укоренить в широких массах убеждение о мнимой отсталости некоторых рас. Против этой теории выступали факты. Было очевидно, что африканец, получивший доступ к обучению, восприимчив и способен к наукам столь же, сколько и европеец, и это доказывало, что его раса — не отсталая. Как же Гитлер опровергал этот аргумент? Он заявлял: поскольку невероятно, чтобы низшее существо было обучаемо, следовательно, его выдрессиро-

---

[48] Примечания: 48

Изд. на рус. яз.: «Т-ОКО», 1992. Имя переводчика не указано.

[49] Примечания: 49

Умберто *Босси* (р. 1941) — итальянский политик, лидер федерации автономистских движений «Лига Севера». Стиль его оскорбительных по отношению к государству публичных выступлений обычно на грани буффонады.

[50] Примечания: 50

Марио *Боргецио* (р. 1947) — итальянский политик, депутат Европарламента от «Лиги Севера». Не скрывает своей агрессивной ксенофобии.

вали. То есть аргумент, цель которого — доказать, что негры не животные, опровергался с помощью довода, что-де негры животные.

Вернемся к ягненку. Волк, чтобы сожрать его, подыскивает *casus belli*[51], то есть он хочет убедить ягненка, или присутствующих, или, может, себя самого, что он сожрет ягненка за грехи. Это второй подвид риторики бессовестности. Бессовестный поиск повода для войны. Истории известен не один *casus belli,* и находили их, как правило, гораздо более хитроумные волки. Примечателен, например, *casus belli,* с которого началась Первая мировая война.

В 1914 году в Европе накопились все предпосылки для войны: во-первых, экономическая конкуренция сильнейших держав, когда продвижение немецкой империи на крупные рынки тревожило Великобританию, Франция беспокоилась из-за экспансии немцев в африканские колонии, Германия нервничала от напора соседей и чувствовала себя ущемленной в международных притязаниях, Россия претендовала на роль защитницы Балканских стран и конфликтовала с Австро-Венгрией. Отсюда гонка

---

[51] Примечания: 51
Повод к войне *(лат.).*

вооружений, национализм, интервенционизм в ряде стран. Каждое государство было заинтересовано в войне, но ни одна из имевшихся предпосылок не могла войну оправдать. Нападай любая из этих стран на другую, это выглядело бы так: нападающая страна во имя собственных интересов ущемляет интересы прочих стран. Требовался предлог.

Вот тут-то в Сараеве 28 июня 1914 г. один боснийский студент застрелил эрцгерцога Австро-Венгрии Франца Фердинанда и эрцгерцогиню. Понятно, что вылазка отдельного фанатика не может компрометировать всю страну. Но Австрия на лету подхватила мяч. Вместе с Германией австрийцы возложили на сербское правительство ответственность за инцидент. 23 июля в Белград был направлен жесткий ультиматум: Сербия в нем была представлена организатором антиавстрийского заговора. Россия оповестила Сербию, что готова поддержать ее, после чего Сербия, ответив на ультиматум довольно примирительно, объявила всеобщую мобилизацию. Австрия в ответ, не приняв предложения Англии о посредничестве, объявила Сербии войну, и в эту войну тут же ввязались все европейские государства.

Хорошо еще, что потом была Вторая мировая

война (пятьдесят пять миллионов жертв), а не то держать бы Первой мировой пальму первенства в качестве самого трагического безумства истории.

Австрия, цивилизованное и просвещенное государство, искала настоящий сильный повод для войны. И тут у них застрелили наследного принца. Перед лицом подобного факта сама напрашивалась мысль преподнести поступок Гаврилы Принципа не как спонтанное покушение, а как часть плана сербского правительства. Аргумент хотя бездоказательный, но в эмоциональном плане очень выигрышный. В репертуаре бессовестностей это пример второго подвида: бессовестная апелляция к синдрому заговора.

Первейший довод, который используют, когда необходимо развязать войну или устроить гонения, это «пришлось противодействовать заговору, устроенному против нас, нашей группы, нашей страны, нашей цивилизации». «Протоколы сионских мудрецов», книжонка, служившая оправданием для уничтожения европейского еврейства, — типичный синдром заговора. Хотя надо сказать, что синдромы заговора существовали и в Древнем мире. Карл Поппер в статье «О рациональной теории традиции» пишет о

конспирологической теории общества:

> *Упомянутая теория, которая примитивнее многих форм теизма, подобна той, которую мы находим у Гомера. Гомер представлял себе власть богов всеобъемлющей, и все, что происходило на равнине перед Троей, являло собой лишь отражение многоплановых заговоров, выплетаемых богами на Олимпе. Заговорщическая теория общества, по сути, есть преломление этого теизма, то есть веры в богов, чьими капризами и причудами определяется все в нашем мире. Это последствие утраты веры в Господа, ответ на вопрос: «Кто же тогда на месте Бога?» На этом месте ныне самые разные люди и группы власти – зловещие фракции, осуществляющие давление, дело их рук – Великая депрессия и многие другие терзающие нас напасти. Конспирологические теории общества, хотя и малоправдоподобны, чрезвычайно популярны. Только когда теоретики заговора дорываются до власти, теория заговора начинает соответствовать реальным событиям.*

Например, когда Гитлер захватил власть (а Гитлер верил в «Сионские протоколы»), он противопоставил «заговору евреев» свой собственный контрзаговор.

Обычно же диктатуры, чтоб заполучить общенародный консенсус для своих решений, избирают в качестве жупела какую-либо страну, или группу, или расу, или тайное общество, которое якобы злоумышляло против цельности народа, управляющегося диктатором. Любая форма популизма, в том числе и современная для нас с вами, нацелена на то, чтобы заручиться консенсусом, сплачивая вокруг себя народ против внешней угрозы или против тайного внутреннего врага. Выигрывают те, кто умеет, подыскавши *casus belli*, грамотно преподнести его под соусом из теории заговора. По этому рецепту добился успеха Гитлер, изготовивший из «еврейского заговора» не только массовое истребление евреев во всем мире, но и собственную крестовую войну против, как их тогда называли в итальянской прессе, «деможидовских плутократий». Но не один Гитлер достиг успеха по этому рецепту. Прекрасно умел смешивать *casus belli* с теорией заговора и Бенито Муссолини.

Возьмем замечательный пример — речь, произнесенную Муссолини в октябре 1935 года. В этой речи дуче оповещал народ о начале эфиопской кампании. Объединившись и образовав национальное государство, Италия, по примеру прочих европейских стран, завела себе колонии. Воздержимся от моральных оценок. В XIX веке никто не осуждал колонизаторов, существовала настоящая идеология «бремени белого человека» — так выражался Киплинг, так думали почти все. Так вот, Италия, укрепившись в Сомали и Эритрее, нацелилась на Эфиопию. Но Эфиопия была страной древней христианской культуры, страной, которую европейцы в старину ассоциировали со сказочным царством пресвитера Иоанна. Эфиопия сама, по собственной воле искала встречи с западной цивилизацией.

В 1895 году итальянцам пришлось пережить военное поражение под Адуа, и с того времени Италия скрепя сердце признавала Абиссинию как автономию, поддерживая там режим наподобие протектората и сохранив несколько плацдармов на абиссинской территории. Когда в Италии установился фашистский режим,

в Эфиопии Рас Тафари[52] начал работу по высвобождению своей страны из затянувшегося феодализма. Эту работу он продолжил под христианским именем императора Хайле Селассие. Он понимал, что единственный шанс на выживание для единственного суверенного государства в Африке — модернизация. Естественно, негуса не устраивало, что среди работающих в стране западных специалистов-техников преобладают итальянцы. Желая уравновесить их приезжими из других государств, негус вовсю приглашал инженеров и советников из Франции, Англии, Бельгии и Швеции, чтобы они модернизировали армию, обучали солдат новейшим технологиям, развивали авиацию.

Итальянский фашизм не мог делать вид, что он модернизирует Абиссинию, — она и без итальянцев, хотя с неимоверными трудностями, самостоятельно шла по пути частичной европеизации. И, повторяю, итальянцы не имели никакого религиозного повода для захвата страны, поскольку Абиссиния уже и так исповедовала

[52] Примечания: 52

Тафари Маконнен (1892—1975), в крещении Хайле Селассие («Мощь Троицы»), — с 1916 г. эфиопский принц (Рас), с 1930 г. — император Хайле Селассие I. Зародившееся на Ямайке религиозное движение растафарианцев (растаманов) считает его мессией.

христианство. Интерес итальянцев лежал в сфере наглой выгоды. Поэтому для начала эфиопской кампании итальянцам требовался *casus belli*.

Этим «казусом» стало соперничество за район Уал-Уал, в свое время укрепленный итальянцами. Это был укрепрайон вокруг нескольких колодцев, откуда брали воду — жизненный ресурс — кочевые племена Огадена. Эфиопия не признавала право на этот участок за итальянцами и время от времени обращалась за помощью к Великобритании, чьи колонии граничили с укрепрайоном. В общем, однажды случился инцидент. 24 ноября 1934 года к колодцам подошла смешанная англо-эфиопская комиссия, сопровождаемая эскортом из нескольких сотен вооруженных абиссинцев, и потребовала от итальянцев уйти с позиций. Итальянцы вызвали подкрепление и даже авиацию. Англичане выразили протест и удалились, абиссинцы остались и вступили в бой. Абиссинцев погибло триста. Итальянцев было убито двадцать один человек из *dubat* — так называли бойцов колониальной армии. Раненых с итальянской стороны насчитали около сотни. Подобно большинству приграничных стычек, эта история могла быть урегулирована по дипломатической линии. Чего уж там, если мериться

убитыми, выходило четырнадцать на одного в пользу Италии… Однако Муссолини уцепился за долгожданный предлог. Рассмотрим же, какими риторическими приемами он оправдывал свои намерения перед итальянским народом и перед всем человечеством в речи, произнесенной 2 октября 1935 года с балкона Палаццо Венеция в Риме:

> *Чернорубашечники Революции! Граждане и гражданки Италии! Сограждане, живущие по всему миру, за горами и за морями: слушайте! Наступает заветный час в истории нашей Родины.* ***Двадцать миллионов сограждан*** *слушают нас сейчас на площадях Отечества. Никогда в мировой истории не бывало столь потрясающего зрелища. Двадцать миллионов: единое сердце, единая воля, единый порыв.*
>
> *Много месяцев* ***колесо судьбы*** *под напором нашей спокойной решимости двигалось к цели. Не одни наши Вооруженные силы идут к цели и достигают ее, но весь народ, сорок четыре миллиона итальянцев, негодует пред лицом вопиющей несправедливости. У нас решили*

отобрать *часть места под солнцем. Когда в 1915 году Италия отважилась, рискуя невозможным, объединить свою судьбу с судьбой союзников, сколько было вознесено хвалений нашей храбрости! Сколько было обещано! Но когда была одержана общая победа, на алтарь которой Италия возложила 670 тысяч жизней, 400 тысяч увечий и миллион полученных ран, от стола победителей ей достались только* ***жалкие крохи*** *богатых колониальных территорий.*

Мы терпели тринадцать лет, и все эти годы все сильнее теснили нас чужие эгоистические посягательства, претендуя на наше жизненное пространство. ***Мы претерпели положение в Эфиопии сорок лет! Так скажем: доколе?!***

<…> Мы заявляем снова, решительно заявляем, и я священно клянусь в том перед вашим лицом, что приложим все силы, дабы этот конфликт колониального значения ***не перерос*** *ни по характеру, ни по масштабу в конфликт европейский.*

<…> Никогда прежде итальянский народ не выказывал ***такого величия духа,***

такой силы характера. ***И против этого-то народа, которому человечество обязано великими достижениями, народа поэтов, художников, героев, святых, мореходов, путешественников, против этого-то народа чья-то рука поднимается применять санкции!***

Перечитаем ударные места этой речи (жирным шрифтом выделено мною). Во-первых — самооправдание с апелляцией ко мнимой «воле **народа**». Муссолини принял решение единолично, однако присутствие (предполагаемое) двадцати миллионов итальянцев на площадях используется им как оправдание принятого решения. Во-вторых, на принятие решения якобы воздействовал поворот **«колеса судьбы»**. Сам дуче и итальянцы вместе с дуче принимают решение, потому что сумели интерпретировать заветы рока. В-третьих, намерение захватить эфиопскую колонию подано в виде волевого противостояния *грабежу*, следует дать отпор тем, кто хочет отобрать у Италии часть места под солнцем. В действительности же «они» (европейские государства, применившие санкции против Ита-

лии) не пускали Италию отобрать чужое место. Не будем сейчас вдаваться в тонкости, выясняя, какие национальные интересы защищали другие страны, препятствуя итальянской агрессии. Но в любом случае они не отнимали у нас наше собственное достояние, а противодействовали тому, чтобы мы воровали чужое.

Вот тут-то самое время притянуть к делу синдром заговора. Италию пролетариев доводят до нищеты и голода, сговорившись между собой, демоплутожидовские державы, науськиваемые, ясное дело, еврейским капиталом. И тут же раздаются причитания о *национальной ущемленности*, с кивками в сторону тяжело давшейся, но куцей победы. Мы-де выиграли мировую войну, но не получили того, за что сражались.

По правде, мы сражались за то, чтоб получить Тренто и Триест, и их и получили. Ладно, замнем. Важнее то, что манипулирование этим чувством ущемленности (а синдром заговора работает, именно когда есть комплекс неполноценности) подготавливает, эмоционально оправдывает и предваряет заключительный пассаж речи дуче: «Мы протерпели сорок лет положение в Эфиопии. Так скажем: доколе?!» Можно было бы задуматься, а не терпела ли, наоборот, Эфиопия положение

с нами, учитывая, что это мы к ним лезли, в то время как Эфиопия и не помышляла и не имела никакой возможности лезть к нам. Но никто не задумывается. Концовка речи сопровождается восторженным ревом толпы.

Дело в том, что эта концовка содержит *captatio benevolentiae.* Оригинальное расположение риторической фигуры не в начале, а в конце. Этот народ, гонимый, недооцененный, чьей волей оправдана агрессия, — одарен величием духа и силой характера. Это — несравненный народ поэтов, художников, героев, святых и мореходов. Можно подумать, Шекспир, зодчие готических соборов, Орлеанская дева и Магеллан — все родились между Бергамо и Сиракузами…

На Муссолини и Гитлере не кончилась череда тех, кто спекулирует угрозами заговоров. Вы, конечно, подумали, что я имею в виду Берлускони, — да нет, Берлускони не более чем невыразительный эпигон этой политики. Гораздо тревожнее, что «Протоколы» и еврейский заговор всплывают в риторике, оправдывающей арабский терроризм и покушения.

Чтоб вас не только расстраивать, но и повеселить, перескажу довольно забавную историю, вычитанную в статье Массимо Интровинье

«Покемоны? Жидомасонский заговор» (Massimo Introvigne. *Pokemon? Sono un complotto giudaico-massonico*. Il Giornale, 17.01.2004), — этот автор обычно пишет о сектах и религиозном фанатизме. Так вот, из его статьи мы узнаем, что в Саудовской Аравии сперва запретили покемонов (декретом правительства от 2001 года), а в декабре 2003 года напечатали пространную фетву шейха Юсуфа Аль-Карадави, и в этой фетве обосновываются причины саудовского постановления 2001 года. Аль-Карадави был изгнан Насером из Египта в 1970-х годах и проживает в Катаре, где слывет самым авторитетным проповедником из всех, кто вещает по телевизионному каналу Аль-Джазира. Более того: в католическом мире, в правящих верхах Аль-Карадави считают важным посредником для выстраивания диалога с исламом.

Так вот, этот важный муфтий заявил, будто покемоны подлежат запрету, потому что «развиваются» и в определенных условиях «преобразуются» в «персонажей усиленного значения». Посредством этих преображений, убежден Аль-Карадави, «в умы молодежи протаскивают теорию Дарвина», тем более что покемоны «сражаются друг с другом и в их сражениях выживает

тот, кто лучше приспособлен к среде». Борьба за выживание тоже относится к теории Дарвина. К тому же Коран запрещает рисовать несуществующих животных. И еще — игра в покемонов имеет вид карточной колоды, а карточные игры запрещены законами ислама в качестве «пережитка доисламского варварства».

Ко всему сказанному добавлено, что в покемонах «присутствуют символы, значение которых ведомо тем, кто их протаскивает: шестиконечная звезда, эмблема масонов и сионистов, а также символ тлетворного и узурпаторского государства Израиль. А с ними наряду и треугольники, явный кивок в сторону масонов — знаки атеизма и японской религии». Подобные символы губительны для мусульманского отрочества. Ради пагубы они и засланы. Не исключается также, что быстро проборматываемые в фильмах о покемонах японские фразы означают «Я еврей» или же «Стань евреем». Но по этому вопросу не достигнута единая точка зрения, и Аль-Карадави не настаивает на этой последней интерпретации.

Вот до чего в глазах фанатиков вездесущи заговор и заговорщичество «тех, кто не такие, как мы».

В истории с Первой мировой войной и захватом

Эфиопии *casus belli* хотя бы в какой-то степени существовал, хотя он и был раздут искусственно. Но нередко «казус» высасывается из пальца. Не хочу углубляться в дискуссию, обзавелся ли действительно Саддам оружием массового уничтожения (предпосылка для ввода войск в Ирак). Ограничусь лишь цитированием того, что утверждали некоторые силовые группы в американском обществе — так называемые неоконсерваторы *(neocons).* Они утверждали, кстати — небезосновательно, что США, будучи самой сильной в мире демократической страной, не только имеет право, но и прямо обязана вмешиваться в дела других стран, дабы охранять то, что обычно именуется *Pax Americana*.

В документах, издаваемых неоконсерваторами, издавна провозглашалась идея, что США проявили слабость, не доведя до конца первую войну в Персидском заливе, не заняв весь Ирак и не сместив Саддама. В особенности после трагедии 11 сентября зазвучало такое мнение: единственный способ обуздать арабский терроризм — это применить силу, продемонстрировать, что величайшая держава мира в состоянии сломить своих врагов. Из этого вытекало, что вторжение в Ирак назрело и назрело смещение Саддама и это необходимо

не только в интересах нефтепромышленников США, но и в качестве акции устрашения.

Я не буду вступать в эту дискуссию, не стану разбирать тайные причины *Realpolitik*[53]. Но займемся текстом письма, которое направили Биллу Клинтону 26 января 1998 года несколько ведущих представителей проекта «Новый американский век», элита неоконсерваторов: Фрэнсис Фукуяма, Роберт Каган[54] и Дональд Рамсфельд.

> *Мы не можем более зависеть от союзников по войне в Заливе, когда речь идет о том, чтобы заставить соблюдать санкции или наказать Саддама за то, что он препятствует проверкам ООН или уклоняется от них. Соответственно, снижается наша возможность гарантировать, что Саддам Хусейн не произведет оружие массового поражения. Даже если мы возобновим инспекции, опыт пока-*

[53] Примечания: 53

Термин *Realpolitik* был употреблен впервые в XIX в. немецким журналистом-либералом Людвигом фон Рохау (1810—1873) применительно к дипломатии Бисмарка. Речь идет о макиавеллизме в политике, то есть об умении поступиться идеологией во имя конкретных результатов.

[54] Примечания: 54

Роберт Каган (р. 1958) — американский политолог и главный идеолог неоконсерваторов, старший сотрудник Фонда Карнеги за международный мир и один из редакторов еженедельника *Weekly Standard*.

зывает, что трудно, почти невозможно отслеживать иракское производство химического и бактериологического оружия. Из-за продолжительности периода, когда инспекторам перекрывали доступ на многие иракские предприятия, ныне еще менее вероятным представляется раскрытие всех тайн Саддама. Единственная приемлемая стратегия – исключить возможность для Ирака использовать такое оружие или угрожать таким оружием <…> В ближайшем времени это означает проявить волю к военному вмешательству, поскольку дипломатия оказывается несостоятельной. В длительной перспективе это означает удаление Саддама Хусейна и его режима от власти <…> Мы полагаем, что США обладает полномочиями в рамках существующих положений ООН для принятия необходимых мер, включая военные действия, дабы защитить наши жизненные интересы в Персидском заливе[55].

[55] Примечания: 55

Это письмо известно как манифест проекта *The Project for the New American Century* (PNAC, 1997).

Этот текст, полагаю, недвусмыслен. У него единственный смысл, а именно: чтоб защитить наши интересы в Персидском заливе, нужно ввести войска; чтобы ввести войска, полагалось бы доказать, что у Саддама есть оружие массового уничтожения; это никогда не удастся доказать стопроцентно, так что давайте вводить войска. В письме не сказано, что доказательства предлагается подделывать. Подписавшие — джентльмены.

Это письмо Клинтону (1998), как мы знаем, не возымело прямого воздействия на политику Америки. Но 20 сентября 2001 года было отправлено новое письмо, на этот раз — президенту Бушу; среди подписей — и авторы первого письма.

> *Не исключено, что иракское правительство предоставило определенную поддержку организаторам недавних покушений на США. Но если даже не существует доказательств, непосредственно увязывающих Ирак и покушения, любая стратегия, нацеленная на истребление терроризма и его пособников, должна включать в себя задачу смещения Саддама Хусейна.*

Через два года после этого второго письма был задействован двойной предлог — предполагаемое производство в Ираке оружия массового уничтожения и предполагаемое оказание Ираком поддержки мусульманскому фундаментализму. Этот предлог был задействован на фоне четкого понимания, что, во-первых, если оружие и присутствует, его наличие недоказуемо, и что, во-вторых, режим Саддама, сколь угодно деспотичный и диктаторский, не религиозен и, следовательно, не имеет отношения к фундаментализму. Опять-таки, повторяю, я не намерен обсуждать политическую рациональность этой войны, я только анализирую, каким образом обосновывался проявленный акт силы.

До сих пор мы рассматривали случаи, когда злоупотребление искало себе опору, к примеру — *casus belli.* Но в заключительном пассаже муссолиниевской речи содержится аргумент иного рода, отсылка к стародавней традиции, в двух словах: «Наше право бесстыдничать и безобразничать закреплено тем фактом, что мы — лучшие». В своем доморощенном красноречии Муссолини не смог измыслить ничего оригинальнее, нежели китчевое клише «итальянцы — народ поэтов, святых и мореходов».

А ведь мог бы воспроизвести и более яркий образец, не будь этот образец запретен (из-за опасности прозвучать хвалой в адрес ненавистной для Муссолини демократии). Этим ярким образцом могла бы стать известная речь Перикла перед началом Пелопоннесской войны (она приводится у Фукидида в «Истории Пелопоннесской войны». II, 60–4). Речь Перикла замышлялась и многократно воспроизводилась на протяжении веков как восхваление демократии и гордое описание того, как может управляться и существовать государство, обеспечивающее счастье всем своим гражданам, свободный обмен идей, свободное провозглашение законов, заботу об искусствах и науках и всеобщее равенство.

> *Наш государственный строй не подражает чужим учреждениям; мы сами скорее служим образцом для некоторых, чем подражаем другим. Называется этот строй демократическим, потому что он зиждется не на меньшинстве, а на большинстве (демоса). По отношению к частным интересам законы наши предоставляют равноправие для всех (1), что же касается политического значе-*

ния, то у нас в государственной жизни каждый им пользуется предпочтительно перед другим не в силу того, что его поддерживает та или иная политическая партия, но в зависимости от его доблести, стяжающей ему добрую славу в том или другом деле; равным образом, скромность звания не служит бедняку препятствием к деятельности, если только он может оказать какую-либо услугу государству. Мы живем свободной политической жизнью в государстве и не страдаем подозрительностью во взаимных отношениях повседневной жизни; мы не раздражаемся, если кто делает что-либо в свое удовольствие, и не показываем при этом досады, хотя и безвредной, но все же удручающей другого. Свободные от всякого принуждения в частной жизни, мы в общественных отношениях не нарушаем законов главным образом из страха перед ними и повинуемся лицам, облеченным властью в данное время; в особенности же прислушиваемся ко всем тем законам, которые существуют на пользу обижаемым и которые, будучи

неписаными, влекут (за нарушение их) общественный позор.

(38) Повторяющимися из года в год состязаниями и жертвоприношениями мы доставляем душе возможность получить многообразное отдохновение от трудов, равно как и благопристойностью домашней обстановки, повседневное наслаждение которой прогоняет уныние. Сверх того, благодаря обширности нашего города, к нам со всей земли стекается все, так что мы наслаждаемся благами всех других народов с таким же удобством, как если бы это были плоды нашей собственной земли.

…Мы любим красоту, состоящую в простоте (3), и мудрость без изнеженности; мы пользуемся богатством как удобным средством для деятельности, а не для хвастовства на словах, и сознаваться в бедности у нас не постыдно, напротив, гораздо позорнее не выбиваться из нее трудом. Одним и тем же лицам можно у нас и заботиться о своих домашних делах, и заниматься делами государственными, да и прочим гражданам, отдавшимся

другим делам, не чуждо понимание дел государственных[56].

Но куда метит оратор в этом своем восхвалении демократии в Афинах, идеализированной до невозможности? Истинная цель этой речи — придать законную силу гегемонии Афин над окрестными греческими городами и над иностранными государствами. Перикл расписывает любыми красками афинский образ жизни, этим самым мотивируя особое право Афин господствовать над другими.

> *Наши предки всегда неизменно обитали в этой стране и, передавая ее от поколения к поколению, своей доблестью сохранили ее свободу до нашего времени. И если они достойны хвалы, то еще более достойны ее отцы наши, которые, умножив наследие предков своими трудами, создали столь великую державу, какой мы владеем, и оставили ее нам, ныне живущему поколению. И еще больше укрепили ее могущество мы сами, достигшие*

[56] Примечания: 56

Здесь и ниже: Фукидид. *История Пелопоннесской войны.* М.: 1915. Т. 1-II, кн. II, гл. 37—38. Пер. Ф.Г. Мищенко, в переработке С.А. Жебелева.

ныне зрелого возраста. Мы сделали наш город совершенно самостоятельным, снабдив его всем необходимым как на случай войны, так и в мирное время <…> В военных попечениях мы руководствуемся иными правилами, нежели наши противники. Так, например, мы всем разрешаем посещать наш город и никогда не препятствуем знакомиться и осматривать его и не высылаем чужестранцев из страха, что противник может проникнуть в наши тайны и извлечь для себя пользу. Ведь мы полагаемся главным образом не столько на военные приготовления и хитрости, как на наше личное мужество. Между тем как наши противники при их способе воспитания стремятся с раннего детства жестокой дисциплиной закалить отвагу юношей, мы живем свободно, без такой суровости, и тем не менее ведем отважную борьбу с равным нам противником. И вот доказательство этому: лакедемоняне вторгаются в нашу страну не одни, а со своими союзниками, тогда как мы только сами нападаем на соседние земли и обычно без

большого труда одолеваем их, хотя их воины сражаются за свое достояние. Со всей нашей военной мощью враг никогда еще не имел дела, так как нам всегда одновременно приходилось заботиться и об экипаже для кораблей и на суше рассылать в разные концы наших воинов. Случись врагам в стычке с нашим отрядом где-нибудь одержать победу, они уже похваляются, что обратили в бегство целое афинское войско, так и при неудаче они всегда уверяют, что уступили лишь всей нашей военной мощи. (4) Если мы готовы встречать опасности скорее по свойственной нам живости, нежели в силу привычки к тягостным упражнениям, и полагаемся при этом не на предписание закона, а на врожденную отвагу, – то в этом наше преимущество. Нас не тревожит заранее мысль о грядущих опасностях, а испытывая их, мы проявляем не меньше мужества, чем те, кто постоянно подвергается изнурительным трудам. Этим, как и многим другим, наш город и вызывает удивление.

Вот очередная фигура — может быть, наиболее лукавая — риторики злоупотребления: мы-де вправе навязать свою силу другим, потому что воплощаем наилучшую форму правления из всех существующих. Тот же самый Фукидид предлагает нам иную, самую крайнюю фигуру риторики злоупотребления, суть которой — уже не подыскивание разных предлогов и поводов к войне, а прямое утверждение потребности и неотвратимости злоупотребления.

Конфликтуя со Спартой, афиняне снарядили экспедицию против острова Мелос, колонии Спарты. До поры до времени Мелос держал нейтралитет. Город был маленький, войну Афинам он не объявлял и не сговаривался с противниками Афин. Так что предстояло непонятно как оправдать афинскую агрессию против Мелоса, и прежде всего показать, что жителям Мелоса не присущи здравый смысл и понятие о политической норме. Поэтому афиняне послали депутацию к мелосцам и оповестили тех, что не станут их уничтожать, ежели те покорятся им. Мелосцы отказались — как из гордости, так и из чувства справедливости (как сказали б мы сегодня, исходя из положений международного права), и в 416 г. до н. э. после продолжительной осады остров был

завоеван. Из описания Фукидида мы знаем, что афиняне казнили всех захваченных взрослых мужчин, продали в рабство женщин и детей. Сам Фукидид в произведении «О Пелопоннесской войне» реконструирует диалог между афинянами и мелосцами, который предшествовал последнему приступу. Разберемся в основных моментах диалога. Афиняне заявляют, что не намерены распространяться долго, к тому же и неубедительно, и что не станут доказывать, будто господство над мелосцами приличествует им как победителям персов или будто мелосцы заслужили наказание за то, что словом и делом оскорбили афинян. Они не ищут *casus belli,* не повторяют неуклюжую хитрость волка из басни Федра. Они вполне открыто приглашают мелосцев обговорить дело, рассмотрев истинные намерения каждой стороны, поскольку соображения справедливости берутся в расчет, лишь когда силы противных сторон одинаковы, а в прочих случаях тот, кто сильней, делает что пожелает, а тот, кто слабее, — терпит.

Заметим, что на словах афиняне утверждают посредством отрицания, что действуют так, как действуют, по той причине, что господство над спартанцами обеспечивает им право верховодить над всею Грецией, а мелосцы — это колоны

тех, кто для афинян был противником. На самом же деле с необыкновенной ясностью (почти что написалось — честностью, но честность все же проявили не они, а Фукидид, передавший этот диалог) афиняне демонстрируют, что поступят так, как хотят, поскольку власть уполномочивается только силой.

Мелосцы — а у них нет возможности апеллировать к справедливости — отвечают уже не по собственной логике, а по логике противника, что имеет смысл проанализировать полезность намеченного. И стремятся убедить захватчиков, что, ежели Афинам приведется стерпеть поражение от спартанцев, им достанется и жестокое мщение несправедливо затронутых городов, таких как Мелос. Афиняне отвечают: вы не заботьтесь о нашем риске. Мы вам докажем, что сумеем править нерушимо. Вот наши планы по спасению вашего города: мы хотим управлять без усилий и хранить вас в здравии и благе ради вашей и нашей выгоды.

Мелосцы говорят: да какая же выгода нам рабствовать? Вам-то выгодно порабощать. А афиняне: а такая, что все ж вам не терпеть крайнюю беду, а становиться подданными; и нам выгодно не уничтожать вас. Мелосцы: а если мы не ста-

нем присоединяться ни к одной из сторон, будем жить отдельно? Афиняне: нет, потому что злоба ваша не так опасна для нас, как ваша дружба. Ведь ваша дружба — показатель нашей слабости, а в вашей злобе — показатель нашей силы. Иначе выражаясь, афиняне сказали: вы уж извините, но нам выгодней вас поработить, нежели оставить в покое. Поработителей все будут страшиться.

Мелосцы отвечают, что не надеются выстоять против сильных, но все-таки уповают продержаться, поскольку, верные богам, они противятся неправедности. Богам? — переспрашивают афиняне. Нашими требованиями, нашими действиями мы нисколько не перечим вере рода людского в богов. Мы уверены: и человеки, и боги, где имеют власть, там и проявляют ее, по неодолимому требованию естества. И не нами установлен этот закон, и не мы первые вменили его. Он унаследован нами, ему предуготована длительная жизнь. Вы поступили бы точно так же, обладай вы нашей силой.

Можно предположить, что Фукидид, проявляя интеллектуальную честность и точно воспроизводя конфликт между справедливостью и силой, в конце концов пришел к выводу, что политическая перспектива — это господство афинян.

При этом он реконструировал во всей красе риторику злоупотребления, которая не подыскивает оправданий вне себя. Она работает по принципу *captatio malevolentiae:* «Делай, малявка, что сказано, или потом не жалуйся». Весь ход мировой истории — долгое, подробное, точное воспроизведение описанной модели. Хотя и не все бандиты работают на таком высоком уровне самоосознания, как старые добрые афиняне.

Норберто Боббио: пересмотренное представление о назначении ученого[57]

Процитировав в названии известную работу Фихте (у Фихте *Bestimmung des Gelehrten* — «Несколько лекций о назначении ученого»), я тут же усложнил себе жизнь. Во-первых, потому, что те работы Норберто Боббио[58], которые я буду цитировать (из тома «Политика и культура»: *Politica e cultura.* Torino: Einaudi, 2005), посвящены «интеллигентам» *(uomi — ni di cultura),* что есть более широкое понятие, нежели суперобразованные «ученые», о которых пишет Фихте (по-немецки ученый — *Gelehrte,* по-итальянски *dotto*). Во-вторых, Боббио писал свои полемические статьи в 1950-е годы, когда было принято объединять в

[57] Примечания: 57

Norberto Bobbio: la missione del dotto rivisitata. Сокращенный вариант выступления в Турине в рамках семинара, посвященного Норберто Боббио, сентябрь 2004 г.

[58] Примечания: 58

Норберто Боббио (1909—2004) — итальянский философ права и политически активный мыслитель, работавший в русле просветительского рационализма с тенденцией к отказу от метафизики во имя познания мира через реальные факты. Выступал за автономию культуры от контрольных механизмов общества. Лекции «Политика и культура» создавались в 1951—1955 гг.

общую категорию и «работников умственного труда», и политиков, и лиц, интегрированных в систему управления государством, и «клерков-предателей» по Жюльену Бенда[59]. То есть опять-таки для рассмотрения Боббио избирает категорию более общую, включающую в себя самых разных представителей умственных профессий, в том числе писателей и поэтов, которые уж точно «учеными» не являются.

У Фихте «ученый» мог быть либо мудрецом, либо знатоком наук, но нельзя забывать, что в представлениях немецкой идеалистической философии ученый, технического ли, гуманитарного ли профиля, может именоваться «ученым», только если являет собою еще и философа (в представлении носителей крайне идеалистического мышления все те, кого мы сегодня зовем специалистами по точным наукам, — это просто манипуляторы псевдоидеями).

Фихте, будучи именно ученым-философом, привел студентам в своей лекции 1794 года пример, напоминавший, без оглядки, поздние

---

[59] Примечания: 59

Жюльен Бенда (1867—1956) — французский философ, прославившийся памфлетом 1927 г. «Предательство клерков» *(La trahison des clercs).* Называл стремление интеллигенции принимать участие в политическом процессе «предательством».

неудачные политические опыты Платона[60]. Философ представал единственным, кто способен разработать образец государства. Еще не избыв своих прежних взглядов, которые можно назвать анархическими, Фихте в тот момент считал, что придет время, когда «станут излишними все государственные образования» и…

> *…вместо силы или хитрости всюду будет признан как высший судья один только разум. Будет признан, говорю я, потому что еще и тогда люди будут заблуждаться и в заблуждении оскорблять своих ближних, но все они обязаны будут иметь добрую волю дать себя убедить в своем заблуждении и, как только они в этом убедятся, отказаться от него и возместить убытки. До тех пор пока не наступит это время, мы в общем даже не настоящие люди*[61].

---

[60] Примечания: 60

Платон в поздних диалогах «Государство» и «Законы» создал утопию, где правят философы, изгоняется поэзия, государство заменяет собой семью.

[61] Примечания: 61

Цит. по русскому переводу под редакцией В. Вандека: Фихте И.Г. *Несколько лекций о назначении ученого // Факты сознания. Назначение человека. Наукоучение.* Мн.: Харвест, М.: АСТ, 2000.

Однако Фихте сознавал, что это время еще не наступило, и, снова принимаясь трактовать тему общественного устройства, представил человеческое общество в виде этического государства, а не как вольную совокупность людей. Не имея перед собой утопической ситуации, а имея непреходящую социальную разобщенность и необходимое социальное расслоение труда, Фихте был убежден: философ должен отслеживать и направлять действительный прогресс человеческого рода. Первоочередная задача ученого — двигать науку, наиважнейшая обязанность ученого — способствовать прогрессу в той отрасли науки, в которой он специалист, то есть первейшее назначение ученого — хорошо и честно выполнять собственную работу, но при этом ученый призван также направлять людей к осознанию ими их истинных потребностей. Ученый выявляет, как следует удовлетворять эти истинные потребности. По этим пунктам позиция ясна: ученый облечен миссией наставника человечества, воспитателя людского рода, совести собственной эпохи.

Долг ученого — не только проповедовать вечные идеи Справедливости и Добра, но и понимать текущие запросы и искать средства для решения сиюминутных задач, потому что настоящий уче-

ный способен не только видеть настоящее, но и провидеть будущее.

В этом смысле ученый — обязательно философ, ибо, если он берется за определение потребностей и за поиск средств для их разрешения, он должен быть философом, чтобы выстроить отвлеченную картину, в рамках которой все определенные им потребности и найденные им средства обретут смысл.

В этих лекциях 1794 года Фихте как будто гордо объявляет: «Господа, сегодня мы создадим ученого».

Невзирая на идейные искания, которые многими воспринимаются как почти социалистическое брожение, созвучное определенному периоду научной эволюции ученого, Фихте фактически предвосхитил образ ученого-философа типа Джованни Джентиле[62], — чьею целью было строительство этического государства и управление его реальной политикой, — или типа Хайдеггера (каким Хайдеггер выглядит в своей

[62] Примечания: 62

Джованни Джентиле (1875—1944) — итальянский философ-идеалист. В двадцатилетие фашизма провел реформу итальянского образования.

«Ректорской речи» 1933 года).[63]

Если Фихте именно так представлял себе образ ученого и социальную функцию ученого, значит, воззрения Боббио достаточно сильно расходятся с заветами Фихте. Боббио начинает свой цикл статей «Политика и культура» с утверждения: «Задача интеллигентов, сегодня более чем когда-либо, — это сеять сомнения, а не охотиться за истинами», а в 1954 году пишет: «Что интеллигенция образует, или думает, будто образует, отдельный класс, отличный от других социальных и экономических классов, и что она себе присваивает по этому случаю исключительную миссию, это признак дурной работы всего социального организма в целом» (*Politica e cultura*, с. 100).

Первая лекция цикла «Политика и культура» таким образом — это урок скромности; в первых же строках книги сказано, что тема «предательства клерков» закономерна только при «излишнем романтизировании фигуры фи-

---

[63] Примечания: 63

Мартин Хайдеггер (1889—1976) — немецкий философ. В 1933 г. был назначен на должность ректора Фрейбургского университета и в связи с этим произнес так называемую «Ректорскую речь», где говорил о фюрере как воплощении судьбы Германии. Уже в 1934 г. Хайдеггер покинул руководящий пост, не сработавшись с нацистами, но этого выступления ему не простили.

лософа», в контексте идеи, что якобы философ обладает даром претворять обычное человеческое знание, «знание явно ограниченное и конечное, требующее исключительной осторожности и исключительной скромности», в знание пророческое (там же, с. 15).

Статьи, которые Боббио писал с 1951 по 1955 год, создавались в обстановке, в которой за учеными уже не признавали право на платоническую отрешенность (Фихте такое право признавал): правые обвиняли интеллигенцию в том, что она предает себя, выходя на политическое ристалище, а левые требовали от нее подчиниться принципу классовости, чтобы перечень целей и арсенал средств интеллигенции диктовались ей партией, выразительницей классового мышления, с которой интеллигентам надлежало связывать себя, вступая в ее ряды.

Поэтому, перестав идеализировать интеллигента и делать из него учителя человечества, все задались вопросом, в чем же роль и в чем же долг интеллигенции.

Думаю, что здесь потребуется сделать отступление, если можно так выразиться — семиотического характера, оставив на время Боббио, и

определить, что мы имеем в виду под «интеллигенцией». Слишком уж многозначен этот термин. Попробуем дать относительно частное определение — думаю, оно будет достаточно близко к тому, которое имел в виду Боббио. Я думаю так, потому что немногие мои мысли на эту тему родились как раз таки из чтения (двадцать три года назад) книги Боббио.

По общераспространенному мнению, интеллигент — это человек, работающий головой, а не руками (хотя в наше время ремесла не так четко отграничены от свободных искусств). Следуя этому общему мнению, мы должны именовать интеллигентами не только философов, ученых, преподавателей математики, но и банковских служащих, и нотариусов, а ныне, когда так развит непроизводственный сектор, — даже и экологических операторов (в былой нашей жизни звавшихся дворниками), которые теперь употребляют компьютерные программы для сортировки мусора в городских кварталах. Забавно, что при таком подходе окажутся включены в круг интеллигенции дворники, но исключены из него — ваятели и хирурги.

В любом случае, как бы ни проводилось разграничение по способу труда, одно условие остается

непреложным: всякий делающий умственную работу, как, кстати, и всякий делающий работу физическую, должен стремиться к единственной функции — делать работу как можно лучше: банкир обязан как можно тщательнее следить, чтобы в его компьютерную таблицу не затесался вирус, нотариус — как можно выразительнее писать договоры о купле-продаже; участия в политике от них по этой теории не требуется, кроме ежеутреннего чтения обязательных, как молитва, газет и похода раз в пятилетие наряду с остальными гражданами в избирательный участок.

Поэтому давайте применять ко всем тем, кто работает не руками, понятие *умственного труда*, а имея в виду уже не способ труда, но степень его осознанности, — применять понятие *интеллигентской функции*.

Функция интеллигента заключается в том, что человек — ну пускай не всегда, пусть какую-то часть времени, работает ли он головой, думает ли руками, — обязательно творчески участвует в формировании совокупной мудрости и совокупного блага. Этот человек выполняет *интеллигентскую функцию.* Ее выполняет (может, только один раз за всю жизнь, но выполняет) кре-

стьянин, который, наблюдая за сменой времен года, додумывается по-новому расчислять сроки сева и жатвы сельскохозяйственных культур. Интеллигентскую функцию выполняет воспитатель детского сада, когда отрабатывает новую обучающую игру. И безусловно выполняет эту функцию ученый, философ, писатель, художник всякий раз, когда выдумывает нечто до него никому не известное.

Кто-то может подумать, что мы уравниваем *интеллигентскую функцию* с той таинственной деятельностью, которую обычно именуют творчеством, да так часто, что термин «творчество» затаскался и замусолился от употребления. Поищите в интернете, на слово *creativity*. Вы увидите 1 560 000 сайтов, и все эти сайты скучные. В преобладающей части этих сайтов под «творческим подходом» разумеется сноровка в решении промышленных и коммерческих проблем, творчество отождествляется с новаторством, то есть со способностью порождать новые идеи, сулящие прирост доходов. Лишь немногие сайты предлагают представление о творчестве как об искусстве, да и то искусство это притянуто к разговору лишь для того, чтобы лучше растолковать, какие именно качества требуются от бизнесмена, или чтобы

подбавить в представление о творчестве легкую нотку безумия. Перебирая гроздья дефиниций, мы обнаружим, что многие знаменитости, высказываясь на эту тему, говорили глупости. «Творчество сродни свободе». «Творчество означает — знать, кто ты такой». «Творчество — это джаз без музыки». «Творчество — поток энергии». «Творческий человек — человек смелый».

Почему неудовлетворительно такое коммерческое видение «творчества»? Потому что при этом, хотя речь идет о новаторстве, никому нет дела, до чего преходяще это новаторство. А ведь рекламщик, выдумывая слоган для стирального порошка, знает, что его находка очень быстро потеряет смысл, — как только конкуренты сделают ответный ход.

Я же под «творческим новаторством» понимаю изобретения, несущие новизну всему обществу, изобретения, которые общество готово признать, принять, усвоить и использовать, как говорил

Ч.С. Пирс[64], *in the long run*[65], то есть такие изобретения, которые войдут в наше общее богатство, в общий доступ, явят собой нечто большее, нежели частное достояние придумавшего.

Для этого в творчестве должен непременно присутствовать критический подход. Ничего творческого нет в идее, высказанной в ходе «мозгового штурма» *(brainstorming),* брошенной небрежно — была не была! — и с восторгом подхваченной остальными, за неимением лучшего. Чтобы сделаться творчеством, идее надлежит быть взвешенной, продуманной, а также воспроизводимой, по крайней мере — воспроизводимы должны быть все виды технического новаторства.

Интеллигентская функция выражается, подытожим, как в новаторстве, так и в критическом отношении к существующему знанию или существующему обычаю, а в особенности — в критическом отношении к собственному вы-

---

[64] Примечания: 64

Чарльз Сэндерс *Пирс* (1839—1914) — американский философ, основатель научной школы прагматизма в философии США. Имел основополагающее значение для формирования научных взглядов У. Эко и часто цитируется тем. Произведения Пирса опубликованы Эко в знаменитой антологии «Знак трех» (*Il segno dei tre.* Peirce, Holmes, Dupin / A cura di U. Eco e T.A. Sebeok. Milano: Bompiani, 1983).

[65] Примечания: 65

На длинной дистанции, т. е. в долгосрочной перспективе *(англ.).*

сказыванию. Поэтому не является творчеством сочинение поэта, не ведающего, какие готовые общие места он перепевает. И в то же время очень даже творческую работу проделывает историк-ревизионист, наново прочитывая давно известный документ. Творчески работает и литературный критик, и даже простой учитель литературы, не пишущий собственных работ, но предлагающий читать совершенно в новом ключе произведения, сочиненные не им, а теми, кто работал прежде него или вместо него: через это новаторское чтение он выражает собственный поэтический подход. А наш коллега университетский профессор, вечно и уныло бубнящий тексты учебников, заученные для экзаменов в молодости, и воспрещающий студентам отступать от этих текстов, не может быть назван новатором и интеллигентскую функцию не выполняет.

Мое определение не исключает тех новых идей, которые рассчитывались «на длинную дистанцию» и до поры до времени считались истинными и качественными, но именно от длительности пробега в конце концов обнаруживали свою ошибочность, — я имею в виду, скажем,

астрономию Птолемея[66] или Тихо Браге. Я вижу творческое начало и в гипотезах, оказывающихся ложными, но перед тем успевающих помочь нам в существовании. К сожалению, в эту категорию я должен поневоле впустить и все сумасшедшие теории. В этом повинны те культуры, которые много веков почитали юродивых носителями высшей истины. И все-таки творческое начало интеллигентской функции определяется в конечном счете проверкой на «приемлемость»/«неприемлемость». Можно было бы сказать, что Гитлер проводил интеллектуальную работу, сочиняя «Майн Кампф», потому что неоспоримо, что есть нечто кошмарно-креативное в гитлеровской идее нового миропорядка; в этом смысле креативен сон разума, порождающий чудовищ[67]. Понимая неизбежность подобных возражений, я хочу напомнить, что в моем определении интеллигентской функции заложено, конечно, новаторство, но — в обязательном сочетании с критикой и самокритикой. Гитлер, в

[66] Примечания: 66

Клавдий *Птолемей* (первая половина II в.) — греко-египетский геометр, физик и астроном, утвердивший геоцентрическую модель Вселенной, не менявшуюся на протяжении 1400 лет.

[67] Примечания: 67

«Сон разума порождает чудовищ» *(El sue ñ o de la raz ó n produce monstruos)* — фабула офорта Франсиско Гойи.

итоге, не креативен: он не продемонстрировал способности к самокритике.

Поэтому даже при умственном характере труда не выполняет интеллигентскую функцию тот, кто официально и по заслугам назначается рупором идей своей группы. Не является интеллигентом ни высокопрофессиональный партиец, ни высококвалифицированный рекламщик. Ни один работник политической пропаганды не решится сказать о своей партии, что она не дотянула до идеала, и ни один рекламщик не отважится признать, что его порошок стирает хуже конкурентского. Рекламщики не самокритичны. Но мы, пусть порошок и хуже, восхищаемся рекламным слоганом: хоть лжив, да остроумен. По эстетическим причинам забавное вранье имеет право на существование.

Полагаю, что указанная дистинкция между умственным трудом и исполнением интеллигентской функции структурно соответствует противопоставлению в работах Боббио *политики культуры* и *культурной политики.* Боббио описал это противостояние в одном очерке 1952 года: «*Политика культуры,* то есть политика людей культуры, направленная на защиту условий существования и развития культуры, проти-

вопоставляется *культурной политике,* то есть регулированию культуры политиками» (там же, с. 22).

В свете этой дистинкции Боббио ставил вопрос, что должны делать интеллигенты (они же *люди культуры,* в смысле — те, кто осуществляет интеллигентскую функцию, а не только занимается умственным трудом). Боббио не соглашался считать, что интеллигент обязан быть ангажированным политически и социально, хотя именно эта точка зрения доминировала в политических дискуссиях в пятидесятые годы.

Боббио утверждал, что лишь в обществах, функционирующих ненормально, интеллигенты играют чрезвычайную роль в качестве пророков или оракулов. Под ненормально функционирующим обществом Боббио имел в виду современную ему Италию. Италия избывала последствия войны и Сопротивления — и жила в те годы так, будто новое потрясение было неотвратимо. Когда общества функционируют ненормально, члены их не работают на единый результат (это Боббио исподволь адресуется к фихтеанской теории о назначении ученого), а разобщаются и пикируются между собою.

Элементы вражды и разобщенности окружали

Боббио, конфликтуально простраиваясь в две альтернативы, равно неприятные для Боббио по причине своей догматичности. Если перечитать материалы дискуссий, в которых участвовал тогда Боббио, то видно, что первой альтернативой было противостояние Востока и Запада (то есть противопоставление мира социализма миру либерал-капитализма), а второй — противостояние политической ангажированности желанию устраниться от политической ответственности.

Размышляя о роли интеллигентской оппозиции, пускай порой и молчаливой, в период фашистской диктатуры, Боббио осмыслял идеи работы Грамши «Интеллигенция и организация культуры» *(Gli intellettuali e l ' organizzazione della cultura)* и работы Бенда «Предательство клерков» *(La trahison des clercs)* — и приходил к выводу, что имел место (цитирую) «революционный процесс в действии» (там же, с. 103). С одной стороны, Боббио был обворожен этим революционным процессом и не собирался клеймить его (и обзывать Империей Зла), а с другой стороны, Боббио полагал, что пред лицом любого «революционного процесса в действии» задача интеллигентов — следить, чтобы свобода и справедливость не вступали в противоречие друг с другом. Поэтому

когда Боббио полемизировал с Бьянки Бандинелли или с Родриго из Кастильи[68], главная мысль его была — что политическая функция культуры состоит в защите свобод (там же, с. 91). Он многократно повторял следом за Кроче[69], что либеральная теория — не политическая, а метаполитическая теория, моральный идеал, воплощенный в «партии интеллигентов» (там же, с. 93). Однако, противопоставляя этот идеал своим оппонентам-коммунистам, Боббио критиковал того же Кроче за то, что он после войны отождествил «неполитическую силу» с одной из партий, сформировавшихся в послевоенные годы. То есть Боббио, в качестве либерала, существующего выше политики, выступил против политизации Кроче, отождествившего себя с

---

[68] Примечания: 68

Рануччо *Бьянки Бандинелли* (1900—1975) — итальянский археолог, ученый, крупнейший знаток этрусского и греко-римского искусства, не поддержал фашизм и в 1930-е годы находился в удалении от власти. Был близок к марксизму. *Родриго из Кастильи* — журналистский псевдоним Пальмиро Тольятти (1893—1964), основателя журнала *Ordine nuovo*, на протяжении тридцати лет — генерального секретаря Компартии Италии.

[69] Примечания: 69

Бенедетто *Кроче* (1866—1952) — итальянский философ, политик, литературный критик. Работал в русле гегелевского идеализма и историзма. Поначалу поддержал фашизм на том основании, что суждение историка должно быть свободно от моральных оценок. Впоследствии переменил свою позицию после убийства в 1924 г. депутата-социалиста Джакомо Маттеотти. После выхода пояснявшего

и оправдывавшего фашизм «Манифеста фашистских интеллектуалов», написанного философом Джованни Джентиле и подписанного многими представителями итальянской интеллигенции, Кроче создал «Манифест антифашистских интеллектуалов» — обвинительный документ против режима. В эстетическом плане Кроче наделял художника абсолютной свободой и защищал теорию искусства для искусства.

либеральной партией.

Однако если задача «партии интеллигентов» была отстаивать свободу, значит, члены этой мета-политической партии не могли уклониться от политической ангажированности. Проблема состояла в том, что оппоненты Боббио представляли себе политическую ангажированность неотторжимой от образа интеллигента, декларирующего свою причастность к некоей партии. Так намечалась новая демаркационная линия, ибо, вероятно, Боббио стоял на тех же позициях, что и поздний Витторини[70], то есть полагал, что интеллигентам невместно подыгрывать революции на дудке.

Но разве можно быть ангажированным и не подыгрывать на дудке?

Боббио считал: интеллигентам положено не только создавать идеи. Их дело также — направлять процессы обновления. Боббио повторял за

---

[70] Примечания: 70

Элио *Витторини* (1908—1966) — итальянский писатель и издатель, участник Сопротивления, антифашист, поддерживавший испанских республиканцев. В 1951 г. в статье в газете *La Stampa* «Пути бывших коммунистов» *(Le vie degli ex comunisti)* проанализировал причины собственного выхода из Итальянской Коммунистической партии, а также выхода многих друзей.

Джайме Пинтором[71]: «Революции удаются, когда их готовят поэты и художники, при условии, что поэты и художники *будут помнить свое место»* (Pintor G. *Il sangue d ' Europa.* Torino: Einaudi, 1950). Вопрос, однако, был именно в этом: какое же место следует помнить интеллигенции, если ей не пристало солидаризироваться ни с политизированной культурой («которая подчиняется директивам, программам, диктатам, идущим от политиков»), ни с аполитичным затворничеством в башне из слоновой кости (*Politica e cultura,* с. 20)?

Тут-то Боббио и отвергает позицию «над схваткой», которая еще подходит и под описание «ни вашим, ни нашим» (вариант: «и вашим, и нашим»), и снова сосредоточивается на концепции «политики культуры». Эта «политика культуры» ставит себе целью обобщающую работу и критику действий обеих сторон, без каких бы то ни было стараний нащупать «третий путь». Боббио не был сторонником «третьего пути». Он считал, что интеллигенту важно определиться, на чьей он стороне, но, определившись (долг интеллигенции при любых условиях), ему следует

[71] Примечания: 71

Джайме Пинтор (1919—1943) — итальянский антифашист, коммунист, писатель и литературный критик.

посредничать, критикуя, выявляя и подчеркивая перед оппонентами и, что еще более важно, перед сторонниками любые внутренние противоречия и тех и других. Сам Боббио выполнял этот труд с добросердечной беспощадностью, в частности — в ходе полемики с Бьянки Бандинелли, «часовым пролетариата».

Я процитировал работу Боббио 1951 года, в которой сказано, что задача интеллигентов — сеять сомнения, а не охотиться за истинами. Это кажется трюизмом теперь, когда я пишу, но Боббио провозгласил это в эпоху, когда прогрессивная интеллигенция требовала от ученых, чтобы те выдавали миру истины. Урок поведения Боббио, думаю, полезен и сегодня.

Прошло много лет, и меня пригласили на конгресс, организованный Миттераном и его помощниками в Париже. Тема конгресса была «Роль интеллигента в кризисных условиях современного общества». Миттеран не был философом, хотя был начитанным человеком, так что простим ему наивность постановки вопроса, к тому же не исключаю, что сама по себе эта формулировка —

на совести распорядителя конгресса, Аттали[72]. В общем, мое выступление было суперкоротким и разочаровало всех, чем я не перестаю гордиться и по сегодня. Я сказал только одну фразу: «Интеллигенция не должна справляться с кризисами, интеллигенция должна устраивать кризисы».

Кому же интеллигенция должна устраивать эти кризисы? А вот смотрите, какой еще один великий урок можно извлечь из учения Норберто Боббио. Мне смешно, когда в разговорах о послевоенной Италии ссылаются на тогдашнюю «гегемонию левых сил» и причисляют Боббио к защитникам Империи Зла: это при том, что Боббио всю жизнь полемизировал именно с левыми силами, претендовавшими на гегемонию. Это означает, что главным уроком Боббио или, по крайней мере, главным уроком, который извлек лично я из учения Боббио в то время, было: интеллигент действительно обязан быть критиком, а не глашатаем, и он обязан прежде всего критиковать своих. «Свои» не всегда означает «члены той же партии», потому что не всегда интеллигент — член партии. «Свои» — это те, кого интеллигент

[72] Примечания: 72

Жак *Аттали* (р. 1943) — французский писатель и журналист, советник Франсуа Миттерана.

намерен идейно поддерживать. Именно им он и обязан устраивать, по моей идее, кризисы.

Если нужны цитаты — пожалуйста. Я нашел их немного, зато сочных. Например, Боббио говорил, что сколь угодно солидаризируясь с политическими силами, интеллигенты должны прежде всего критически выявлять любые натяжки и передержки (там же, с. 24), что «не будучи нейтральными, то есть предпочитая какую-то из многих политических сил, вполне можно соблюдать беспристрастность; беспристрастность — это не значит никому не отдавать предпочтения; быть беспристрастным — значит разумно судить, мыслить и признавать правоту то той, то этой стороны. Или не признавать правоту ни одной стороны, если не правы обе. Наконец, признавать правоту обеих, если права и та, и та» (там же, с. 117).

Боббио повторял, что «можно быть беспристрастными, не придерживаясь нейтралитета» (там же, с. 164) и что «превыше обязанности вступать в борьбу для интеллигентного человека важно право не принимать правил борьбы в единожды данном виде, право подвергать эти правила обсуждению, критиковать их, подвергать критике разума», ибо «превыше обязанности

участвовать — право узнавать» (там же, с. 5), и, наконец, «было бы крайне важно, если бы интеллигенты защищали автономию культуры внутри собственной партии или собственной политической силы, в сфере тех политических идей, которые они свободно себе избрали и для споспешествования которым они согласны приложить усилия. Усилия людей культуры» (там же, с. 33).

Этих цитат хватило, чтобы составить для меня, тогда еще молодого читателя, квинтэссенцию моих собственных воззрений на проблему участия интеллигенции в политике. Вследствие чего в 1968 году, когда меня, «вольного стрелка», пригласили высказаться на тему политической ангажированности в ходе одного из партийных съездов, я заявил, что первейший долг интеллигента — критиковать единомышленников, даже под угрозой расстрела на месте. То есть из чтения работ Боббио я вынес твердое убеждение, что интеллектуал означает наблюдатель и резонер. И в общем, я до сих пор считаю, что эта позиция — единственно приемлемая.

В том давнем выступлении я использовал одну метафору, взятую, кстати, не у Боббио, а у Кальвино. Я сказал: интеллигент участвует в событиях, не слезая с дерева.

Имелась в виду книга Итало Кальвино «Вьющийся барон»[73]. Роман Кальвино вышел в 1957 году, то есть через два года после публикации книги «Политика и культура». Роман Кальвино создавался в то пятилетие, когда печатались в прессе статьи Боббио, о которых мы сейчас говорим. Не помню, спросил ли я об этом самого Кальвино, не помню, подтвердил ли он мою догадку в разговоре, но я всегда придерживался мнения, что, создавая своего героя барона Козимо Пьоваско ди Рондо, живущего на вершинах деревьев, Кальвино думал о Боббио, воспроизводил взгляд Боббио на роль интеллигента в обществе. Барон Козимо Пьоваско не устраняется от обязанностей, диктуемых временем, он участвует в крупных исторических событиях своей эпохи, но с критической дистанции (в отношении своих же собственных товарищей), то есть с высоты родного дерева. Ему незнакомо ощущение «твердой почвы под ногами», зато какая широкая панорама открывается ему! Он переместился на дерево не чтоб уклониться от жизненных обязанностей, а чтоб не стать ополовиненным виконтом

[73] Примечания: 73

Изд. на рус. яз.: Кальвино И. *Барон на дереве.* М.: Радуга, 1984. Пер. Л. Вершинина.

или несуществующим рыцарем[74]. Поэтому «Вьющийся барон» — не фантазия и не сказка, а философическая *conte*[75] как мало какая другая.

Но вернемся теперь к Боббио. Чтобы интеллигенту соблюсти себя в качестве наблюдателя и резонера, он должен быть довольно-таки выраженным пессимистом, пессимистом в намерениях и особенно в помыслах. Перечитаем заключительную часть «Назначения ученого», посмотрим, в чем же Боббио так сильно не совпадает с Фихте. Фихте, которому претит руссоистский пессимизм, завершает свое обращение к студентам декларацией исторического диалектического оптимизма:

Чем благороднее и лучше вы сами, тем

---

[74] Примечания: 74

У итальянского писателя Итало Кальвино (1923—1985) в трилогии «Наши предки» («Ополовиненный виконт» — *Il visconte dimezzato*, 1952; «Вьющийся барон» — *Il barone rampante*, 1957; «Несуществующий рыцарь» — *Il cavaliere inestistente*, 1959) действует молодой барон Козимо Пьоваско, который отправляется жить на дерево, чтоб спастись от гнева отца и не есть улиток на ужин, и проводит там всю жизнь.

[75] Примечания: 75

Под *contes* У. Эко имеет в виду прежде всего «Философские повести» Вольтера: «Задиг, или Судьба» (*Zadig ou la Destin é e*, 1747), «Микромегас» (*Microm é gas*, 1752), «Кандид, или Оптимизм» (*Candide, ou l ' optimisme*, 1759) и др. Их жанр — соединение традиционной философской повести (традиция Монтескье и Джонатана Свифта) с пародией на романы о приключениях. Как писал Пушкин, «Вольтер наводнил Париж

произведениями, в которых философия заговорила общепонятным и шутливым языком» (*О ничтожестве литературы русской*, 1834).

болезненнее будет для вас предстоящий вам опыт, но не давайте этой боли себя одолеть, но преодолевайте ее делами. На него рассчитываю, он также учтен в плане улучшения рода человеческого. Стоять и жаловаться на человеческое падение, не двинув рукою для его уменьшения, – значит поступать по-женски. Карать и злобно издеваться, не сказав людям, как им стать лучше, – не по-дружески. Действовать! действовать! – вот для чего мы существуем. Должны ли мы сердиться на то, что другие не так совершенны, как мы, если мы только совершеннее; не является ли этим большим совершенством обращенный к нам призыв с указанием, что это мы должны работать для совершенствования других? Будемте радоваться при виде обширного поля, которое мы должны обработать! Будемте радоваться тому, что мы чувствуем в себе силы и что наша задача бесконечна!

А вот концовка Боббио:

Я просветитель-пессимист. Если угод-

но, просветитель, многое перенявший у Гоббса, у де Местра[76], у Макиавелли и у Маркса. В принципе я убежден, что пессимистическое мировоззрение приличествует человеку разумному больше, чем оптимистическое. Оптимизм предполагает восторженность, человеку разумному восторженность не свойственна. Оптимисты и те, кто считает историю драмой, но драмой со счастливым концом. Я знаю только, что история – драма, но мне неизвестно, счастливый ли у нее конец. Оптимисты – это другие, это такие люди как Габриэль Пери[77], который, умирая со славой, писал: «Готовлю поющие завтра». Завтра наступили, но песен мы не слышим. Озираюсь: какие

---

[76] Примечания: 76

Граф Жозеф Мари *де Местр* (1753—1821) — французский публицист, политический деятель и философ, мечтавший провести в жизнь новый религиозный миропорядок; идеолог консервативной революции и возврата к средневековой монархии и теократии.

[77] Примечания: 77

Габриэль Пери (1902—1941) — французский журналист, коммунист, расстрелянный немцами в декабре 1941 г. В своем предсмертном стихотворении он писал: *Je vais pr é parer tout à l ' heure des lendemains qui chantent. Je me sens fort pour affronter la mort. Adieu et que vive la France* («Я готовлю поющие “завтра”. Я силен — достаточно, чтоб встретить смерть. Прощайте, и да здравствует Франция»). Ему посвящено стихотворение Поля Элюара и очерк Луи Арагона.

песни! Одно рычание.

Я пессимист, но я не отвергаю мир. Я исповедую здоровое воздержание, оргии оптимизма кончились. Теперь – спокойный отказ участвовать в пире риторов, в бесконечном праздновании. Жест пресыщения – не отвращения. Пессимизм не препятствует деятельности, напротив, придает ей сосредоточенность, придает цельность. Между оптимистом, лозунг которого: «Не будем беспокоиться, все само собой наладится», и пессимистом, чей ответ звучит: «Делай каждый день, что ты должен, даже если все идет хуже и хуже», я выбираю пессимиста. <…> Я не говорю, что все оптимисты – пустобрехи, но все известные мне пустобрехи – оптимисты. Мне не удается отъединить в сознании слепую веру в историческое или божественное провидение от суетности тех, кто считает себя центром мира и думает, будто все произойдет по его хотению. Я ценю и уважаю, напротив, тех, кто работает, не требуя никакого обещания от мира, никакой гарантии, что мир исправится, не ожидает не то что

наград, но даже и подтверждений. Только славный пессимист способен действовать со свободным умом, с крепкой волей, себя не выпячивая, с предельной преданностью собственным обязанностям» (там же, с. 169—170).

Таково, и по мне, пересмотренное представление о назначении ученого.

Просвещение и здравый смысл[78]

Вот мы тут спорим о Просвещении, и мне захотелось поспорить кое с чем конкретно. А именно — с тезисом Маффеттоне[79] (с которым я, должен сказать, соглашаюсь по остальным пунктам) насчет того, что хотя Эудженио Скальфари[80] всю жизнь занимается Просвещением, это якобы совсем не чувствуется теми, кто читает курируемые Скальфари литературный и научный разделы газеты «Репубблика».

Ну зачем же так преувеличивать. Если не считать раннего периода (двадцать лет назад культурная страница в «Репубблика» была зациклена на проблеме дисбаланса между Северной Итали-

---

[78] Примечания: 78

Illuminismo e senso comune. Выступление на дискуссии о Просвещении, организованной Эудженио Скальфари. *La Repubblica*, январь 2001 г. Опубликовано в сборнике материалов «Актуальность Просвещения» (*Attualit à dell ' illuminismo*. Bari: Laterza, 2001).

[79] Примечания: 79

Себастьяно *Маффеттоне* (р. 1948) — итальянский философ, председатель Итальянского общества политической философии. Близок к позициям левой светской либеральной философии (линия, идущая от Гобетти к Боббио). Эко имеет в виду статью в *La Repubblica* 30.12.2000 г.

[80] Примечания: 80

Эудженио Скальфари (р. 1924) — итальянский журналист, в 1976 г. основал и до 1996 г. был главным редактором газеты *La Repubblica*, которая

является рупором леволиберальной интеллигенции и соперничает с *Corriere della Sera*, занимающей более консервативную позицию.

ей и Южной, потому что в то время Скальфари, как и все остальные, был посткрочеанцем)[81], раздел культуры состоит в равных пропорциях из статей о Ницше и из рассуждений в духе литературных салонов XVIII века, так что определенная доза Просвещения там вполне наличествует. Коль уж на то пошло, это газету «Коррьере делла сера» можно упрекнуть в некотором перекосе в сторону божественной тематики.

Но мы говорим не об этом.

Лучше давайте определим, что значит быть последователем Просвещения в сегодняшние времена. Эпоха Просвещения ушла, и, по мне, малопродуктивно переквалифицироваться в столяров, как Дидро. Определим первостепенную посылку интеллектуальной этики просветительства — быть готовыми критически пересматривать не только любое верование, но и все то, что

[81] Примечания: 81

Крочеанцы — мыслители, отличавшиеся живым отношением к реальности, подобно Бенедетто Кроче. Б. Кроче в послевоенный период часто отходил от философских тем, предаваясь политическим размышлениям. Кроче живо интересовался так называемым «южным вопросом» *(questione meridionale)* — то есть проблемами, вставшими перед молодым объединенным государством: требовала осмысления и актуальных программ резкая экономическая диспропорция Севера (капиталистического и индустриализированного) и Юга (аграрного, отсталого). Фраза Эко о «посткрочеанцах», надо полагать, слегка иронична: имеется в виду политизированность образа мышления в ущерб философским обобщениям.

наука застолбила в качестве непререкаемых истин. Выделить некоторые обязательные условия и при их наличии опираться не на «твердое основание» (по Гегелю), а на нормальный здравый смысл. Ибо основное наследие Просвещения к тому и сводится: есть на свете рассудительный способ рассуждать, и, ведя себя разумно, всем бы следовало рассуждать, договариваться и соглашаться друг с другом. Философию тоже следовало бы подчинить здравому смыслу.

Значит, необходим здравый смысл — не столь всеохватный, как «голый разум» Бёрка[82], но все-таки очень полезный. Хотя, конечно, боже упаси воспринимать собственную разумность как нечто метафизическое и высокое. Просто-напросто, помните, у Лейбница? Хорошо, когда все садятся вокруг стола и говорят «посчитаем» *(calculemus).*

Поэтому я думаю, что порядочный просветитель — это тот, кто имеет представление о том, «как устроен мир». Этот минималистски-реалистичный подход недавно было заново упрочен

---

[82] Примечания: 82

Эдмунд *Бёрк* (1729—1797) — ирландский государственный деятель и политический теоретик. «Голый разум» *(naked reason)* — выражение, использованное Бёрком в трактате «О вкусе» (ок. 1756). По мнению Бёрка, люди скорее приходят к согласию в эстетических суждениях, чем в теоретических вопросах «голого разума».

Серлем[83], который отнюдь не всегда прав, но иногда у него бывают дельные и резонные мысли. Говоря «мир устроен так-то», мы отнюдь не заявляем, будто познали мир или надеемся когда-то познать его. Но, несмотря на то, что нам не суждено никогда познать мир, он все равно будет устроен так-то, и нисколько не иначе. Даже те, кто полагает, будто мир сегодня устроен так, а завтра эдак, то есть что мир странен, хаотичен и непостоянен, что законы мира меняются то и дело наперекор метафизикам и космологам, — даже они согласятся, что капризность и непостоянство мира грамматически описываются с помощью фразы «мир устроен так-то».

А следовательно, имеет смысл продолжать стараться и описывать как можно большее число вещей мира.

Когда-то я сказал Ваттимо, что верю в законы природы, то есть знаю: если скрестят кобеля с сукой, родится собака, а если скрестят кобеля

---

[83] Примечания: 83

Джон Роджерс *Серль* (р. 1932) — американский философ языка и автор концепции «интенции», создающей предпосылки для лингвистического акта. Серль ввел в теоретическую лингвистику практические эксперименты, в частности — проделал известный «эксперимент с китайской комнатой», доказывая, что искусственный разум (компьютерный), не имея «интенциональности» лингвистического акта, может расцениваться только как неосмысленный исполнитель полученных извне инструкций.

с кошкой, или не родится ничего, или родится такое, что упаси нас господь увидеть в своей квартире. Ваттимо на это отвечал, что в нынешнюю эру генные инженеры уже научились менять характеристики видов. Ну да, парировал я: если для того, чтоб скрестить кошку с собакой, нужно привлекать инженеров (то есть искусство), это значит, что было первоначальное естество, природа, над которой впоследствии совершили неестественность, то есть природу извратили искусством. Выходит, что я больший просветитель, нежели Ваттимо, — думаю, он не огорчится, услышав эти слова.

Здравый смысл подсказывает: во многих случаях можно договориться о представлениях, как устроен мир. Говоря, что солнце встает на востоке и заходит на западе, мы соответствуем здравому смыслу, хотя в астрономическом отношении это условность. Но бессмысленно писать примечания, что это не солнце встает, это земля поворачивается. Кто знает, а может быть, вся Галилеева космология заслуживает пересмотра? Мы видим, что солнце с одной стороны встает, на другую сторону заходит, об этом гласит наш здравый смысл, со здравым смыслом не поспоришь.

Во время работы над этой статьей я получил

известие о смерти Куайна[84]. Куайн был эмпиричнее всех остальных эмпириков, он даже позволял себе заявлять, что повторяющаяся интерпретация некоего слова вызывается стереотипным автоматизмом наших реакций на повторяющиеся стимулы. Однако тот же Куайн сказал, что никакое утверждение не бытует в одиночку, что утверждения способны бытовать только в контексте культурных условностей. Как примирить эту пару заявлений, с виду взаимопротиворечащих? Опыт сообщает нам, что на нас капает с неба вода, культурные условности подсказывают вывод, что, кажется, день дождливый.

Если еще до того как начинать спорить, что такое «дождь» в представлении метеорологов, собеседники способны согласиться, что на всех

---

[84] Примечания: 84

Виллард Ван Орман *Куайн* (1908—2000) — американский философ, теоретик философии языка и логик, крайне важный для формирования научных взглядов У. Эко. Противопоставил теории американского языковеда Ноама Хомского (р. 1928) идею о недетерминированности концепции тотального перевода. В математике отрицал принципиальную разницу между аналитическими и синтетическими методами. Внес неоценимый вклад в онтологию научных теорий работами: «Новые основания математической логики» (1937); «Математическая логика» (1940); «Проблема значения» (1953); «Слово и объект» (1960); «Вещи и теории» (1981); «Quidditates» (1987). Пример с Гавагаем взят из книги «Слово и объект» (*Word and Object*, 1960. Рус. пер.: Праксис, 2000).

участников дискуссии с неба капает вода, — эти собеседники замечательные минималисты-просветители.

Мы помним чудесный пример у Куайна насчет Гавагая, который я перескажу в вольном и кратком виде.[85]

Некий путешественник не знает ни слова туземного языка. Перед путешественником в густой траве пробегает кролик. Путешественник вопросительно глядит на туземца. Тот восклицает: «Гава-гай!» Может, это значит, что на туземном языке «гавагай» означает «кролик»? Не обязательно. Может быть, «гавагай» значит «зверь» или «бегущее существо». Непонятно, но ничего страшного. Нужно просто повторить тот же опыт, когда пробежит собака или когда путешественники и туземцы увидят неподвижного кролика. Однако что, если туземец подразумевал под «гавагай» колыхание травы при пробеге быстрой твари? Или он хотел сказать, что изменяется положение предмета в пространстве и времени? Или что лично он любит жареных кроликов?

---

[85] Примечания: 85

Пример из книги *Dire quasi la stessa cosa* (У. Эко. *Сказать почти то же самое.* СПб: Симпозиум, 2005. С. 43). *Jungle linguist* описан Куайном в его очерке «Значение и перевод» из книги «Слово и объект». Этим же примером вдохновлен образ Гавагая — одного из героев романа У. Эко «Баудолино».

Мораль: путешественник может только выстраивать предположения, он может создавать для себя свое собственное пособие по переводу, которое, возможно, ничем не лучше любого другого пособия. Важно, однако, чтобы внутри пособия соблюдалась определенная логика.

Порядочный просветитель, таким образом, подвергнет сомнению любое существующее пособие по переводу. Но он не станет отрицать, что туземец при виде бегущего в густой траве кролика вскричал «Гавагай!», а до той минуты, пока он любовался небом, он не кричал «Гава-гай». Туземец сказал это слово, только когда его взор обратился на место, где путешественник видел кролика.

Я уверен, что подобный подход уместен и при решении самых сложных вопросов. Прав ли Папа, утверждая, что эмбрионы — человеческие существа? Или прав Фома Аквинский, пишущий, что эмбрионам не суждено будет воскреснуть в Судный день? Это решается исходя из культурных контекстов. Однако необходим здоровый эмпиризм, чтобы все решающие одинаково признавали разницу между эмбрионом, плодом и новорожденным. Установим, о чем спор, и установим, что как называется, — а уж потом

calculemus.

Есть ли не трансцендентная этика, которую любой уважающий себя мини-просветитель должен признавать? Думаю, да. В принципе, любое человеческое существо желает обладать любой вещью, которая нравится. Дабы обладать, существо должно отобрать эту вещь у другого существа, которому она тоже нравится. Лучшее решение — убить другого. *Homo homini lupus*, побеждает сильнейший. Но этот закон не может быть тотальным, ибо кто перебьет всех, тот останется в одиночестве, а человек — общественное животное. Адаму нужна как минимум Ева — не столько для удовлетворения сексуального чувства (обошелся бы козой), сколько для воспроизведения генотипа. Если Адам убьет Еву, Каина и Авеля, он станет одиноким животным.

Поэтому людям приходится договариваться о добрососедстве и взаимном уважении. То есть они вынуждены подписывать общественный договор. Когда Иисус говорит, что любит ближнего, когда нас призывают не делать ближним того, что мы не хотим, чтобы делали нам они, Иисус — отменный просветитель (и вообще он всегда на просветительских позициях, за исключением заявления, будто сам является сыном Бога — по-

тому что это заявление не может подтвердить никто, кроме самого Иисуса, а следовательно, оно бездоказательно, а следовательно, оно основывается на вере, а не на здравом смысле).

Просветитель думает, что можно выработать этику, даже очень сложную, и даже геройскую (допустим, что уместно пойти на смерть, дабы спасти жизнь своих детей), основываясь на принципах разумных договоренностей.

Наконец, просветителю известно, что у людей есть пять первостепенных потребностей. В данный момент я сумел подобрать именно пять. Это питание, сон, любовь (в том числе половая, хотя в принципе это всякая привязанность — в том числе к домашним животным), игра (то есть когда занимаются чем-то просто для удовольствия) и установление причин явлений.

Я выстроил потребности по степени их жизненной насущности, но убежден, что даже маленький ребенок, после того как он накормлен, поспал, поиграл, научился узнавать маму и папу, неизбежно захочет понять, по какой причине что-то как-то устроено. Первые четыре потребности присущи всякому животному, пятая типична для людей и предполагает пользование языком.

Основная причина, которую люди хотят вы-

яснить, — это причина существования вещей. Философ хочет понять, почему существует бытие и не существует «ничто», но этот вопрос нисколько не крупнее вопроса обычного человека, гадающего, по какой причине сотворился мир и что было в мире до сотворения. Пытаясь найти причину, человек создает пантеон богов (или познает их, не важно — не хочу вдаваться в богословские тонкости).

Следовательно, просветитель, кроме всего прочего, знает, что, когда человек нарекает богов, он занят совсем не пустым делом. Просветитель знает еще, что вид и характер пантеона — это культурная условность и о ее формах позволительно дискутировать, но сама по себе потребность в пантеоне есть природная потребность, поэтому она не обсуждается.

Ну вот, я определил, что такое в наше время «просветители». Если всех устраивает это определение, я причислю к ним самого себя.

От игры к карнавалу[86]

Почему-то из дискуссии о Просвещении родилась дискуссия об игре. Честно сказать, это вызвало у меня раздражение. Мне привелось в предыдущем очерке высказать достаточно ординарную мысль: что одной из основных человеческих потребностей, наряду с пищей, сном, любовью и познанием, является игра. И вдруг эту мысль мне возвращают в качестве (как сказано в заголовке газеты «Репубблика» от 6 января) «эпохального высказывания Эко». Да, уж куда эпохальнее! Как это, никто до тех пор не обращал внимания, что дети, котята и щенята самовыражаются посредством игр? Что наряду с определением «человек — мыслящее животное» спокон веков бытует определение «человек играющий» *(homo ludens)?*[87]

Средства массовой информации раз за разом

---

[86] Примечания: 86

Dal gioco al Carnevale. La Repubblica, январь 2001 г.

[87] Примечания: 87

Homo Ludens («Человек играющий», *лат.)* — трактат, опубликованный в 1938 г. голландским историком и культурологом Йоханом Хёйзингой (1872—1945). Сочинение посвящено всеобъемлющей сущности феномена игры и универсальному значению игры для человеческой цивилизации.

открывают Америку через форточку. Хотя, поразмыслив, понимаешь, что открывать Америку через форточку — их основная миссия. Газета не может вот так, с бухты-барахты, призвать народ читать Данте. Газета должна дождаться, пока подготовят и выпустят какое-нибудь новое издание Данте, и тогда, пожалуйста, верстай заголовок хоть на четыре полосы: «Интеллектуальная бомба. Алигьери опять рядом с нами». И это можно исключительно приветствовать, поскольку среди читателей есть и те, кто давно закончил школу (они о существовании Данте и думать забыли), и те, кто принадлежит к молодому поколению (они о Данте сроду не слыхивали, даже от своих учителей в школе). Равно как и Америка, по представлениям этих людей, находится на соседней улице. Время от времени невредно напоминать им, что до Америки бог знает сколько часов надо лететь, а в старые времена приходилось плавать на кораблике.

Ну ладно, возвращаемся к игре. Прочитав тот номер газеты от корки до корки, я нашел в большинстве статей сведения, указывающие на глубинное изменение людской природы на данном этапе развития человечества. Игра в качестве незаинтересованного опыта, полезного для

тела и, как утверждали богословы, изгоняющего уныние, вызванное работой, опыта, несомненно изощряющего наш ум, — такая игра всегда присутствовала в быту и в жизни, но как исключение. Игра была перерывом в изнурительном дневном старательстве, будь то тяжкий физический труд или философская беседа Сократа с Кебетом.[88]

Одна из положительных сторон *felix culpa*[89] состоит в том, что если бы Адам не согрешил, он бы впоследствии не оказался вынужден зарабатывать в поте лица своего хлеб свой, — то есть, слоняясь круглыми днями по Эдему, он так и остался бы великовозрастным обалдуем. Думаю, следует сказать спасибо змею.

Во всех обществах несколько дней в году отводится под сплошные игры. Это период, когда все позволяется; в нашей культуре он зовется карнавалом, а в других культурах он называется или назывался иначе. Во время карнавала все развлекаются безостановочно, но чтобы занятие это не превратилось в обузу, оно должно быть

---

[88] Примечания: 88

Кебет — оппонент Сократа в диалоге Платона «Федон». Как говорит о нем другой собеседник, Симмий, «нет на свете человека более упорного и недоверчивого» (пер. С. Маркиша).

[89] Примечания: 89

Счастливая вина *(лат.)* — грех Адама, для искупления которого в мир пришел Иисус Христос.

недолгим. Написав эти слова, умоляю газету «Репубблика» не начинать на этом месте новую долгую дискуссию об «эпохальном высказывании Эко», ибо литература по вопросам карнавала совершенно необозрима.

Так вот, одна из новых характеристик общества, в котором мы живем, — стопроцентная карнавализация жизни. Не то чтобы работать начали как-то сильно меньше, не то чтобы многие виды труда как-то уж очень передоверили машинам (стимулирование досуга и планирование свободного времени были священной заботой и при диктатурах, и при либерал-реформаторских правительствах). Дело в другом. Карнавализация в нашу эпоху *охватила и всю сферу рабочего времени.*

Мало того, что видно при самом поверхностном наблюдении — сколько часов проводит средний гражданин перед экраном телевизора. А телевидение, за исключением краткого времени, отведенного информации, у нас полностью развлекательное, причем среди всех возможных развлечений на телевидении предпочитаются те, которые представляют нашу жизнь как сплошной карнавал, где шуты и прекраснейшие девицы швыряются не бумажными ленточками,

а миллионами евро, и всякий может заработать в игре все эти миллионы! (А мы потом удивляемся, с какой стати албанцы, соблазнившись именно этим изображением Италии, лезут к нам через границу всеми доступными способами — лишь бы протыриться в этот круглосуточный луна-парк.)

Мало того, сколько времени и денег отводится массовому туризму — сказочные острова по скидочным ценам, добро пожаловать в Венецию на карнавальный уикенд, чтобы в лагуне остались банки, скомканные обертки, огрызки хот-догов, кляксы горчицы, как и положено в конце всякого порядочного карнавала.

Но не сразу заметно, что уже целиком карнавализован и процесс работы. Полиморфные орудия, услужливые роботы, выполняя за человека его труд, создают такую атмосферу, как будто все время работы — это время игры.

Карнавальной стала жизнь клерка, в чьем компьютере, по секрету от начальства, кишат ролевые игры и фотографии из «Плейбоя». Карнавально вождение машины, с той поры как она научилась разговаривать, выбирать маршрут и доводить нас до аварий, приглашая давить на разные кнопки в поисках информации о темпера-

туре, запасе бензина, средней скорости и средней продолжительности избранного маршрута.

Переносные телефоны, эти «обереги» третьего тысячелетия, должны были бы быть орудием работы тех, чья профессия требует немедленного реагирования — врачей и водопроводчиков. Лицам иных профессий следовало бы звонить по мобильникам лишь при экстремальных обстоятельствах, когда вне дома они вступают в срочнейший контакт, к примеру оповещая об опоздании, о том, что поезд налетел на столб или случился потоп. Если бы подход был именно такой, то у всех, кроме самых кошмарных неудачников, мобильный телефон представлял бы собой предмет, задействуемый никак не более двух раз в день. А вместо этого 99% тех, кого мы видим с притиснутыми к уху «предметами обожания», играют. Ублюдок, который с соседнего с вами сиденья в поезде визгливо проводит по телефону банковские платежи, — дикарь, токующий среди своих собратьев в разноцветном плюмаже и с яркими кольцами на пенисе.

Игрой пронизано все наше время, проводимое в супермаркетах и в ресторанах на скоростных шоссе, где выложены радужные россыпи абсолютно ненужных вещей. Заскочив за пачкой

кофе, мы блуждаем не менее часа и после кассы обнаруживаем, что приобрели в нагрузку четыре коробки собачьего печенья… собаки, разумеется, у нас нет. Но если бы она имелась, это был бы зашибенный лабрадор, наимоднейшая порода, которая сторожить не может, охотиться или искать трюфели не может, общеловывает бандита, вонзающего в нас кинжал, но являет собой потрясный статус-символ, особенно в плавающем виде.

Я помню, как в семидесятые годы прозвучало революционное предложение группы «Потере Операйо»[90] — отказываться от работы, поскольку совсем уж скоро триумфальное внедрение роботов приведет к отмиранию суровой необходимости вкалывать. Тогда, я помню, звучали возражения, что если рабочий класс и впрямь откажется от работы, то кто же будет внедрять автоматы? В определенном смысле революционная группа «Потере Операйо» была права. Автоматы, как мы видим, повнедрялись сами собою. Беда только, что результат получился не такой, как утопически сулил нам Карл Маркс (облагораживание рабочего класса и возможность для

[90] Примечания: 90

Potere Operaio — вторая по численности в Италии группа внепарламентских левых, основанная в 1967 г.

каждого волшебно преображаться в рыбаря, охотника и т. д.). Напротив, на рабочий класс хищно спикировала карнавальная индустрия, превратив рабочего в среднестатистического потребителя. Рабочему сегодня есть чего лишаться, кроме цепей. Сегодня (если б случилась революция и вырубили свет) рабочему предстояло бы лишиться очередного выпуска передачи «Большой Брат»[91]. Поэтому рабочий обязательно будет голосовать за тех, кто света ему не вырубит и «Большой Брат» ему покажет. Рабочий вполне согласен работать и приносить прибавочную стоимость тем, от кого поступают развлечения.

Когда вдруг из новостной десятиминутки обнаруживается, что в некоторых частях земного шара и развлечений маловато, и дети умирают с голоду, наши лжеугрызения быстро утоляются крупномасштабным зрелищем (карнавальным!) благотворительного марафона с целью сбора средств на черных детей, парализованных, скелетоподобных.

Карнавализуется спорт. Как? Спорт — игра по определению. Можно ли карнавализовать

---

[91] Примечания: 91

«Большой Брат» — реалити-шоу, созданное в Нидерландах в 1999 году и вдохновленное образом тотальной слежки из романа «1984» Джорджа Оруэлла.

игру? Выясняется, можно — превратив игру из редкого удовольствия (когда-то показывали раз в неделю матч и раз в четыре года — Олимпиаду) в повседневное зрелище. При подобной карнавализации спорт становится уже не зрелищем — индустрией. В спорте уже не имеет значения игра играющих (ставшая вдобавок настолько нагрузочной, что ее не выполнишь без наркотиков), а имеет значение карнавальная колготня перед соревнованиями, за кулисами соревнований, после соревнований. По-настоящему играет не тот, кто играет, а тот, кто днем и ночью с утра понедельника до вечера воскресенья безостановочно пялится на играющих.

Карнавализовалась политика, к которой теперь постоянно применяется определение «политика-зрелище». Все больше дискредитируется парламент. Все чаще политика вершится в телестудиях, подобно гладиаторскому бою. Чтобы упрочить реноме премьер-министра, его приглашают на телевстречу с Мисс Италией. Мисс Италия вдобавок приходит не в одежде нормальной женщины (хотя говорят, что она вполне нормальная девушка, и даже достаточно смышленая, по впечатлению довольно многих зрителей), — она приходит переодетая в Мисс

Италию. Скоро ради повышения престижа премьер-министра мы будем требовать, чтоб его переодевали премьер-министром.

Карнавализована религия. Когда-то мы улыбались, наблюдая в фильмах, как цветные люди в цветном убранстве отплясывают чечетку с выкриками *«Oh yes, oh Jesus!»*. А труды, труды-то где? — недоумевали мы, католически воспитанные, видя эти постпротестантские карнавалы приплясывающих вер. Сегодня, *absit iniuria*[92], многие шествия Юбилея 2000 года под музыку рок страшно напомнили мне дискотеку.

Гомосексуалисты настаивают: в порядке сатисфакции за тысячелетия гонений они имеют право на карнавальный парад *Gay Pride*. В контексте этого парада гомосексуалистов допустили в общество, потому что общество в периоды карнавалов допускает все, что угодно. Допускается даже голый пуп у певицы, выступающей перед Иоанном Павлом II (не притворяйтесь, будто вы уже забыли. Эта сцена действительно имела место, причем лишь немногие из зрителей сочувствовали страдающему благородному старцу).

Будучи по определению существами игрового

---

[92] Примечания: 92
Без намерения обидеть *(лат.)*.

плана, потеряв всякую меру в играх, мы тонем в тотальной карнавализации. Но и у человеческого рода много резервов. Можно предположить, что человечество мутирует и сумеет даже извлечь из этого непривычного положения кое-какие духовные преимущества. Может, и хорошо, что в наши времена работа перестала быть проклятием, что можно не посвящать все дни жизни упражнению в «доброй смерти» и что рабочий класс наконец-то пойдет в рай[93], улыбаясь и хохоча. Возликуем же!

Вероятно, со всем остальным разберется История. Одна приличная мировая война с положенными причиндалами типа обедненного урана, одна хорошая озоновая дыра, и карнавалу — каюк. Характерно, в частности, что тотальная карнавализация никого не насыщает, а только разжигает аппетит. Доказательство — дискотечный синдром: наплясавшись и наслушавшись диких децибелов на танцплощадках, выходя после ночи утром, ненасытные разгоняют машину и устраивают на скоростных дорогах опьяняющие гонки смерти.

Полная карнавализация, глядишь, доведет нас

[93] Примечания: 93

«Рабочий класс идет в рай» (1971) — фильм итальянского режиссера Элио Петри.

до анекдота. Помните древнюю хохму о том, как знакомятся с барышней: «Девушка, а сегодня после оргии вы чего делаете вечером?»

Утраченная укромность частной жизни[94]

Первое, что утратилось по милости интернета, из-за глобализации средств связи, — это понятие границ. Представление о границах так же исконно, как людской род, — более того, оно присуще и животным. Этологи обнаружили, что каждое животное отводит для себя и для себе подобных защищенное пространство, территорию, внутри которой зверь себя чувствует уверенно и считает своим врагом всякого, кто проникнет на охраняемую территорию. Культурная антропология продемонстрировала, как это буферное пространство от культуры к культуре меняется, у одних народов расстояние между собеседниками должно быть как можно меньшим, и это знак доверия, а другие соблюдают дистанцию — у них в культурах чрезмерная близость говорящего воспринимается как знак агрессивности.

На социальном уровне индивид отождествляет эту защищенную зону с собственной общиной.

---

[94] Примечания: 94

La perdita della privatezza. Выступление в Венеции на конгрессе, организованном Стефано Родота на тему *Privacy*, сентябрь 2000 г.

Границы города, области, царства обычно воспринимаются населением как сумма индивидуальных защищенных пространств. В представлениях древних римлян царило понятие о границе: идея границы даже легла в основу мифа об основании государства. Ромул провел границу и убил брата Рема, осмелившегося ее нарушить. Юлий Цезарь, перед тем как перейти Рубикон, волновался, наверное, не меньше Рема. Цезарь знал, что, переходя через реку, совершает вооруженное нападение на римскую территорию. Остановился ли после того он в Римини (сперва остановился!) или двинулся штурмовать Рим, уже не меняет дела — святотатство свершилось в минуту пересечения границы, оно необратимо. «Жребий брошен!» Греки знали, где пролегали границы полиса, при переходе из местности в местность переменялся язык. Варвары начинались там, где грекоговорящие кончались.

Нередко идея политической границы воздействовала на умы до того капитально, что ставился забор поперек живого города, и одни оказывались по сю сторону, другие — по ту. Попытка перелезть через забор, по крайней мере для восточных немцев, кончалась столь же нерадостно, как и затея легендарного Рема. Берлинская стена — квинт-

эссенция границы. Любая граница защищает сообщество не только от внешнего нападения, но и от заглядывания извне. Стена и языковой барьер помогают деспотическому режиму держать в узде население, не ведающее, что происходит во внешнем мире, однако при этом гарантируется также и населению, что никакие чужеземцы не смогут выведать местные обычаи, местные богатства, местные изобретения, местные способы обработки почвы. Великая Китайская стена не только оберегала население Поднебесной империи от набегов, но и гарантировала сохранность тайны шелка.

А население Поднебесной расплачивалось за эту внешнюю неприкосновенность утратой укромности в частной жизни. Светская и религиозная инквизиция имела право интересоваться и поведением, и сплошь и рядом даже мышлением подданных, не говоря о бесконечных таможенных и налоговых проверках, поскольку в Китае всегда считалось нормой, что личное богатство любого жителя должно быть подконтрольно государственным органам.

Сегодня интернет пронизал весь мир, и по этой причине скоро и идея национального государства подвергнется пересмотру. Интернет не только

позволяет организовывать международные и многоязычные чаты. Любой городок в Померании может брататься с районным центром в Эстремадуре, у них найдутся общие интересы и темы, они организуют коммерцию, не ощущая потребности ни в каких дорогах и, следовательно, не нуждаясь в позволении пересекать какие бы то ни было границы. Ныне, в эпоху массовых миграций, мусульманская община Рима мгновенно связывается с мусульманской общиной Берлина.

Однако падение границ приводит к возникновению двух противоположных явлений. С одной стороны, ни одно национальное образование не в состоянии запретить своим членам знать, что происходит в других странах, и скоро ни одна диктатура не сможет отгородить своих подданных от мира. С другой стороны, централизованный надзор государств за деятельностью граждан с некоторых пор отошел к иным могущественным инстанциям, которые технически оснащены (хотя и не всегда законно уполномочены) и всегда умудряются знать, кому мы писали, что купили, где побывали, чем интересуемся и даже какой вид секса предпочитаем. Даже унылый педофил, который в деревенской тиши хранит в секрете противоестественную страсть, испытывает иску-

шение — а не открыться ли миру, не обнажить ли постыдные тайны своей души онлайн. На нашу сегодняшнюю частную жизнь, которую мы желаем предохранить от поругания, посягают даже не хакеры (они — явление такое же нечастое, как и разбойники с большой дороги; флибустьеры бывали во все времена); нет, на нее посягают всевозможные *cookies*[95] и прочая технологическая чертовщина, позволяющая собирать какую угодно информацию о нас.

По телевизору показывают «Большой Брат». Узкая группа людей по собственной свободной воле позволяет весьма многочисленной массе людей глазеть на собственную жизнь днем и ночью. И те глазеют с азартом. Но Оруэлл описывал совсем иного Большого Брата. Большой Брат у Оруэлла — это узкая группа номенклатуры, которая отслеживала приватные действия членов огромного общества, шпионила за любым человеком вопреки его воле. У Оруэлла описано действие, обратное телевизионному; а в телевизоре миллионы наблюдателей смотрят

---

[95] Примечания: 95

Небольшой фрагмент данных о предыстории обращений данного пользователя к данному серверу, автоматически создаваемый сервером на машине пользователя; позволяет определить уникального пользователя; в частности, позволяет предотвратить показ одного и того же рекламного баннера дважды одному посетителю.

на одного эксгибициониста. Это что-то вроде *panopticon* у Бентама, где многочисленные сторожа наблюдают, скрытые, скрытные, за одним приговоренным. У Оруэлла Большой Брат являлся аллегорией фигуры «отца»-Сталина. В наше время Большой Брат, наблюдающий за нами, лишен лица. Он не единоличен. Большой Брат — это глобализованная экономика. Так Власть у Фуко являет собой нечто неопознаваемое — комплекс центров, вступающих в игру и поддерживающих друг друга. Так и в реальной жизни уполномоченные подобных властных центров шпионят за людьми, делающими в супермаркете покупки, а потом и сами становятся объектами наблюдения, как только соберутся заплатить кредитной карточкой за гостиницу. Эта власть неопознаваема, она не имеет лица — то есть она непобедима. По крайней мере, подобную власть очень трудно контролировать.

Теперь о сути понятия *privacy.* В моем родном городе каждый год разыгрывают комедию о Джелиндо. Это религиозно-комические спектакли, действие происходит в Вифлееме, действуют пастухи, все разворачивается во время рождества Спасителя, но в то же время обстановка действия — область, где я родился, окрестности

Алессандрии, в комедии выведены обычные пьемонтские крестьяне. Играют ее на диалекте, на диалекте строится весь комизм, герои переходят бродом Танаро (это река в моих краях) — и при этом ругают царя Ирода за дурацкие и вредные постановления нашего нынешнего правительства. Что до характеров и ситуаций, с туповатой красочностью комедия представляет характеры пьемонтцев, которые, как известно, замкнуты и ревниво относятся к укромности своей частной жизни и личных чувств. Появляются, как положено, волхвы, встречают некоего пастуха Маффео, просят показать путь в Вифлеем. Этот пастух, староватый и глуповатый, говорит, что не знает пути, и предлагает расспросить своего хозяина Джелиндо, который вот-вот придет. Джелиндо действительно приходит, видит волхвов, они задают вопрос — он ли Джелиндо. Следует не слишком интересный диалог Джелиндо с волхвами. Интереснее следующее: Джелиндо спрашивает у пастуха, откуда иноземцу стало известно его имя. Маффео признается, что имя сообщил он. Джелиндо свирепеет и обещает отколотить Маффео, потому что негоже-де имени гулять по свету как разменному пятаку. Имя является личным достоянием. Обнародовав чье-то

имя, причиняют ущерб его носителю, отнимая у него часть *privacy.* Джелиндо, конечно, термин *privacy* неизвестен, но именно эту укромность неприкосновенной частной жизни он столь решительно защищает. Владей Джелиндо более интеллигентной лексикой, он сказал бы, что стремится к конфиденциальности, к отъединенности или что защищает личное пространство.

Отметим, что тяга к анонимности — совсем не только архаический обычай. В 1968 году бунтующие студенты представлялись на митингах как Паоло, Марчелло, Ивано — без фамилии. Стремление укрыть фамилию порою шло от страха политических репрессий: везде могли быть информаторы полиции. Но по большей части у студентов это был политический шик, стремление подражать партизанам, у которых не было имен, а были прозвища (партизаны оберегали свои семьи). Смутное нежелание предавать свое имя гласности чувствуется у всех, кто звонит в прямой эфир радио– и телепередач, порою для того чтобы высказать нечто абсолютно невинное или поучаствовать в отгадках. Но интуитивная стыдливость (и вместе с тем, может быть, привычка к навязываемой в передачах модели общения) побуждает их представляться как «Мар-

челла из Павии», «Агата из Рима», «Спиридион из Термоли».

Иногда отмежевывание своего пространства связано с боязливостью, с нежеланием отвечать за свои действия. Поневоле завидуешь тем государствам, в которых принято, выступая на публике, сразу четко заявлять свои имя и фамилию. Хотя если утаивание паспортного имени может выглядеть и странноватым, и в ряде случаев необъяснимым, желание отгородить от публики свой личный мир мне кажется в общем-то закономерным. По старой традиции сор не выметают из избы. Вполне естественно стремление засекретить информацию о собственном возрасте, о здоровье или о доходах — в пределах, разумеется, не нарушающих компетенции закона или полицейского дознания.

Кто должен заботиться о защите конфиденциальности? Ну конечно, все те, кому желательно не обнародовать коммерческие трансакции, те, кто защищает свою личную переписку, кто сохраняет до поры до времени в секрете результаты научных опытов. Все это естественно, и существуют на свете законы, защищающие тех, кто взыскует конфиденциальности. Но много ли их, тех, кто действительно желает конфиденци-

альности? У меня рождается чувство, что один из главных абсурдов массового общества, общества, основанного на засилье прессы, телевидения и интернета, — это добровольный отказ от *privacy*. В своей крайней форме отказ от *privacy* (а значит, и от сдержанности, вплоть до потери стыда) граничит с патологией, с эксгибиционизмом.

Так вот, мне кажется парадоксальным, что кто-то пытается сохранить укромность в обществе эксгибиционистов.

Социальная язва нашего времени — это утрата ценнейшего универсального клапана, во многом — благотворного средства разрядки, каким выступала в прежние времена *сплетня*.

Добрая старая сплетня, деревенские пересуды, болтовня консьержки, треп клиентов в баре — вот что было клеем любого общества. Не сплетничали же люди о том, что кто-то здоров, благополучен и весел. Сплетничали о недостатках, о немощах, о неприятных ситуациях в жизни. Тем самым срабатывали механизмы эмоциональной причастности (поскольку не все сплетни презрительны, сплетни бывают и сочувственны). Разговоры должны были вестись в отсутствие обсуждаемого. Вообще, естественно, требовалось, чтоб обсуждаемые не знали о гласности

сведений. Тогда они могли сохранять лицо, притворяясь, будто продолжают не знать. Если же до обсуждаемого доходил сам факт сплетни, начиналась потасовка («сволочь такая, думаешь, мне не известно, ты же брешешь, будто бы у меня…»). Вследствие потасовки сведения официально становились гласными. Жертва превращалась в посмешище, подвергалась порицанию, и терзателям становилось нечего обсуждать.

Поэтому пока в обществе действовали такие мощные клапаны, как сплетни, все — терзатели и терзаемые — оберегали конфиденциальность.

Но потом появились сплетни нового типа. Их породило развитие прессы. Дотоле существовали специализированные издания, посвященные сплетням о таких личностях, которые по роду своей работы (актеры, актрисы, певцы, монархи в изгнании, плейбои) охотно выставляют себя напоказ фотографам и хроникерам. Все было шито белыми нитками — даже и читатели превосходно понимали, что если такой-то актер был замечен в ресторане с такой-то актрисой, это не обязательно значит, что между ними вдруг воспылала какая-то особенно сердечная склонность. Скорее всего, их встреча организована пресс-секретарями. Но читатели подобных изданий не искали истины,

они искали именно развлечения и ничего более.

Чтоб одолеть, во-первых, конкурирующее телевидение, и, во-вторых, чтоб заполнить немалое количество страниц, а значит, получить больше рекламных заказов, даже так называемая серьезная пресса, в том числе ежедневная, все больше уделяла внимания социальной жизни и очеркам нравов, и светской хронике, и сплетням. Когда сенсаций не было, журналистам приходилось их выдумывать. Выдумывать сенсацию — не означает говорить, будто было то, чего не было. Просто можно преподнести как сенсацию вещь, сенсацией не являющуюся. Фразу, ляпнутую политиком в отпуске. Мелкие факты из жизни актеров. Сплетня, таким образом, становится материалом тотальной информации и распространяется в такие среды, которые прежде были наглухо отгорожены от репортеров. Сплетни начинают затрагивать частную жизнь царствующих особ, политических и религиозных знаменитостей, президентов, научных деятелей.

При подобной трансформации общественных нравов сплетня из шепота превращается в крик, достигая всех обсуждающих и даже всех обсуждаемых и даже тех, кому эта сплетня вообще неинтересна. Сплетня теряет все обаяние,

всю силу секрета. Зато она создает новый образ обсуждаемой жертвы. Эта жертва новой формации совершенно не вызывает сочувствия. Она вызывает зависть. Ведь предметами массового обсуждения бывают только знаменитости. Значит, стать предметом сплетни (публичной) — это признак высокого общественного статуса.

Тут-то и совершился переход на следующий уровень утраты *privacy*. Телевидение стало делать передачи, где уже не терзатели позорили имена терзаемых, а сами терзаемые сладострастно позорили собственные имена, веря, будто получат за это такое же общественное признание, как известные актеры или политики. В эфире не злословят по адресу тех, кого в передаче нет. Оскверняемый сидит тут же вместе со всеми и сам оскверняет себя, демонстрирует свое грязное белье. Герои сплетни первыми узнают о наличии сплетни, а окружающие знают, что предметам сплетни все известно. Ни о ком не перешептываются за глаза, за спиной. Тайны нет. Невозможно ни поизмываться над обсуждаемыми (ибо они сами измываются над собой, выставляя напоказ свои слабости), ни посочувствовать жертвам — ведь жертвы заработали немалый профит от самобичевания, они заработали известность.

Сплетня потеряла характер клапана для выпуска пара. Сплетня свелась к демонстрации малоинтересных фактов, и только.

Это началось еще до передачи «Большой Брат», в которой многочисленные вуайеристы сутками разглядывают подопытных людей, расписавшихся в своей потребности срочно показаться психиатру. Это началось уже не менее двух десятков лет назад. Люди, о которых поначалу никто не тревожился и психически нестабильными их не считал, начали приходить в телестудии и ссориться с мужьями и женами из-за наставленных рогов, поливать грязью свекровей, умолять вернуться зазнобу и хлестать друг друга при всем народе по мордасам. Они доходили до развода, беззастенчиво обвиняя супругов и женихов в импотенции. Если в прошедшие времена частная жизнь была до того тайной, что тайное тайных, по общему мнению, сообщалось одним лишь исповедникам, ныне «исповедниками» зовут телеведущих в передачах типа «Большой Брат».

Но нет пределов худшему. Рядовые мужчины и рядовые женщины привыкли обнажать постыдные тайны интимной жизни, чтобы потешить публику и чтобы удовлетворить свой эксгибиционизм: следуя их примеру, на общее обозрение

выставился и тот, кого в традиционных культурах именовали деревенским дурачком, а ныне, деликатнее и политкорректнее, я предлагаю назвать Деревенским Недоумком.

Деревенский Недоумок в былинные времена, будучи обделен матерью-природой как физически, так и умственно, подвизался при местной рюмочной, где завсегдатаи его подпаивали и подстрекали на разные выходки, все сплошь непристойные и потешные. Предположительно, в этих ситуациях Деревенский Недоумок догадывался, что с ним обходятся как с недоумком, но принимал эту игру, ее условия. Он принимал их потому, что за это ему подносили выпить, и потому, что склонность к эксгибиционизму входила в набор качеств такого человека.

Сегодняшний Глобально-Деревенский Недоумок, живущий не в реальной деревне, а в виртуальной *Global Village,* — это уже не среднестатистический муж, вылезающий на экран, чтоб опозорить неверную жену. Недоумок — это уже пещерный уровень, это низко даже для телевизионного стандарта. Его приглашают в разговорные программы и в телевизионные викторины именно как Недоумка. Недоумка, но не обязательно дебила. Он может быть просто

психом (нашедшим обломки Ковчега Завета; изобретателем вечного двигателя), который многие года и совершенно безнадежно обивает пороги журналов и газет, патентных бюро… а тут вот, надо же, его наконец приняли всерьез! Он может быть дилетантом-писателем, выгнанным изо всех редакций, который понял наконец, что незачем стараться писать шедевр: достаточно пойти на студию и прилюдно спустить штаны, наговорить ругательств в дискуссии на тему о культуре. Это может быть и провинциальная зануда, «синий чулок», обретшая наконец слушателей и место, где она может старательно выговаривать трудные слова и рассказывать о своих экстрасенсорных переживаниях.

В прежние времена, когда кабацкие мужики переходили разумные пределы в издевательстве над деревенскими недоумками и подстрекали тех на слишком уж дикие бравады, вмешивались мэр, аптекарь, друг семьи, которые обнимали недоумка за плечи, выводили из кабака, возвращали домой. А нынешнего телевизионного глупца никто домой не отводит. Никто не защищает его от всенародного глумления. Отведенная ему роль напоминает роль гладиатора, идущего на смерть для развлечения толпы. Общество,

отговаривающее самоубийц от их трагических намерений, ограждающее наркоманов от их пагубных страстей, не пытается спасти бедных телевизионных шутов. Напротив, общество подзуживает их, как некогда оно подзуживало карликов и бородатых женщин, которых показывали на ярмарках.

Несомненно, что перед нами преступный факт. Но не о защите попранных интересов Недоумка хлопочу я ныне (хотя этим вопросом следовало бы заняться компетентным органам, поскольку налицо злоупотребление правами недееспособного). Меня беспокоит другое. Восславленный своим явлением на экране, телевизионный Недоумок становится эталоном жизни. Если позвали его, значит, могут позвать любого. Выставление напоказ ничтожества убеждает публику, что никакое, даже самое постыдное невезение не обречено оставаться тайной личной биографии и что обнародование этого стыдного будет вознаграждено. Чем шире круг любопытных зрителей, тем становится Недоумок знаменитее. Его слава измеряется рекламными заказами от фирм, приглашениями на конференции, на праздники, а также предложениями сексуальных отношений (как мы помним из Виктора Гюго,

некоторым дамам нравился Человек, который смеется). В результате выходит, что искажается само по себе понятие искажения. Все становится красивым, даже уродство, если оно вынесено на телеэкраны.

Помните в Библии? И сказал Безумец в сердце своем: нет Бога.[96]

Телевизионный Недоумок горделиво утверждает: есмь Я.

Аналогичная ситуация отмечается сейчас в интернете. Посещая домашние странички, обнаруживаешь, что целью множества людей является обнародование своей малоинтересной нормальности или, хуже того, малоинтересной ненормальности.

Я набрел на страницу одного такого субъекта, который публиковал в интернете да, может быть, публикует и до сих пор фото своего зада. Как известно, существует такой анализ — его делают в больничных условиях, — когда в задний проход суют зонд с телекамерой и пациенту показывают снимки его внутреннего пространства, исследуемого через задние ворота. После этого исследования вам на руки выдаются медицинская

[96] Примечания: 96
Пс. 52:2.

выписка и цветные фотографии прямой кишки.

Интересно, что прямые кишки у всех на свете людей (кроме случаев рака в запущенной стадии) в общем и целом одинаковые. Поэтому если даже собственная кишка кого-то может интересовать, то почти обязательно чужая кишка любого оставит равнодушным. А вот владелец того сайта, о котором я говорю, потрудился и открыл в интернете страницу для демонстрации своей прямой кишки. Думаю, это человек, которого жизнь жестоко обделила, у кого нет наследников, которым он передаст свое имя, нет друзей, кому можно показать фотографии, снятые во время отпуска, так что все его надежды — на эту последнюю и отчаянную попытку хотя бы где-то утвердить свое бытие. В этом, равно как и во многих других случаях добровольного отказа от конфиденциальности, я вижу океан отчаяния, и перед зрелищем этой трагедии нам следовало бы прибегнуть к сострадательной невнимательности. Но эксгибиционист (в этом его драма) не позволяет отворачиваться от его стыдного страдания.

Я мог бы продолжить перечень случаев, в которых мы наблюдаем радостный отказ от частной обособленности. Тысячи людей, идущих по улице,

едущих в поездах, сидящих в ресторанах, говорят по мобильным телефонам о самых деликатных личных делах. На спутниковых каналах разыгрываются настоящие любовные драмы. Дело даже не в срочности передачи каких-либо сведений (если бы звонок делали вынужденно, по срочной надобе, люди ворковали бы в трубку, прикрывая ее ладонью, чтобы охранить секрет). Нет, они как раз намерены оповестить всех окружающих, что заведуют отделом на холодильниковой фабрике, покупают и продают на бирже акции, организуют конференции, что их оставила невеста. Они заплатили за этот мобильный телефон, им стоит кучу денег телефонная карточка, цель их — обнародовать пред лицом всех окружающих факты своего частного существования.

Неспроста я посвятил страницу перечню этих уродств, моральных и физических. Я просто убежден, что обязанность властей, ограждающих нас от нападений извне, — защищать и тех, кто не в состоянии справиться с самими собой. Более того, я хочу сказать, что как раз эксгибиционисты демонстрируют, до какой степени попрание конфиденциальности стало уже не преступлением, а раковой болезнью общества. Начать следует с детей. Именно их с младенчества нужно так на-

страивать, чтоб они оборонялись от тлетворного влияния родителей.

Создается, однако, порочный круг. Исчезает конфиденциальность — значит, мир привыкает к ее исчезновению. Многие у нас уже поняли: лучший способ засекретить сведения — это их обнародовать, поэтому пишутся электронные письма или звучат сообщения по телефону, в которых открытым текстом говорится все, что велено передать, и говорящие при этом думают: прослушивателям, поди, безразлично то, чего мы совершенно не скрываем. Понемногу эксгибиционизм проникает во всех. Все равно ничего не скроешь. А уж если ничего не скроешь, вряд ли что-то может оказаться постыдным. Потихоньку те, кто рушит нашу конфиденциальность, убеждаются, что имеется согласие жертв. Коли так, их уже не удерживают никакие масштабы скандала.

Я хотел вот что сказать. Защита конфиденциальности — проблема не только юридическая, но и моральная, и антропологически-культурная. Нам следует учиться вырабатывать, распространять, воспитывать новое представление о сдержанности по отношению к себе и к другим. Пример уважения к чужой *privacy* — лучший

пример из известных — это у Мандзони[97]. Когда наконец ему пришлось сообщить читателю, что Монахиня из Монцы уступила ухаживаниям коварного Эджидио и, следовательно, шагнула в бездну разнузданности и беспутства, тут писатель, не желая обнародовать интимную жизнь несчастной, ограничился словами «злополучная отвечала». На его месте более игривый сочинитель употребил бы множество страниц, чтоб описать, как вуайерист, что же наделала злосчастная Гертруда. Истинный пример христианской милостыни! А также вполне светского уважения к частной жизни другого.

Что до уважения к собственной частной жизни, помните, какие слова содержала предсмертная записка Чезаре Павезе?[98] «И пусть сплетничают поменьше…»

---

[97] Примечания: 97

Алессандро *Мандзони* (1775—1863) — итальянский писатель. Исторический роман «Обрученные» *(I promessi sposi)* в первом издании вышел в 1827 г. (окончательная редакция — в 1842 г.). Мандзони вывел в образе Гертруды, несчастной и жестокой «монцской монахини», реальное лицо — Марианну де Лейва (1575—1650), в монашестве сестру Вирджинию.

[98] Примечания: 98

Чезаре Павезе (1908—1950) — итальянский писатель, переводчик американской литературы. Во времена фашизма пережил преследования и ссылку. Создавал издательство левой интеллигенции Einaudi. Автор романов «Прекрасное лето» (*La bella estate,* 1949), «Луна и маяки» (*La luna e i fal ò,* 1950). Покончил с собой, не выдержав депрессии и *mal de vivre*.

О политкорректности[99]

Ясчитаю, что выражение «политическая корректность» в наше время употребляется политически некорректно: лингвистические новаторства привели к появлению лингвистических двусмысленностей. Прочитайте в «Википедии» статью, посвященную феномену ПК (эта моднейшая сегодня пара букв не означает ни «персональный компьютер», ни «партия коммунистов»). В энциклопедии приводится также и история, как родилось это выражение. Якобы в 1793 году в США было заявлено на суде (так называемое дело «Чизхолм против Джорджии»[100]), что слишком часто говорят «государство» в значении «народ», ради чьего блага

---

[99] Примечания: 99

Sul politically correct. La Repubblica, октябрь 2004 г.

[100] Примечания: 100

«Чизхолм против Джорджии» — дело в Верховном суде США, решение по которому (в 1793 г.) стало определяющим в доктрине о правах штатов. Два гражданина Южной Каролины выступили с иском против Джорджии, власти которой отказались от судебной защиты, заявив, что частное лицо не имеет право возбуждать иск против штата. Верховный суд не поддержал штат, но Законодательное собрание штата отказалось выполнять решение суда. В результате была принята Одиннадцатая поправка к Конституции США (1795), закрепившая иммунитет штата от судебного преследования гражданином другого штата или иностранцем.

государство создано и существует. Предлагалось осудить человека, публично произнесшего речь, где «политически некорректно» употреблялось выражение «Соединенные Штаты» вместо выражения «народ Соединенных Штатов».

Движение за политкорректность развилось в университетских кругах США в восьмидесятые годы прошлого века в качестве (снова цитирую по «Википедии») установки на корректную речь, не содержащую несправедливой дискриминации (реальной или мнимой) и никого не обижающую. Речь, где найдены эвфемистические замены лингвистическим дефинициям, затрагивающим расу, пол, сексуальную ориентацию, физические увечья, религию и политические убеждения.

Все мы знаем, что первое сражение за политкорректность развернулось вокруг именования людей с небелым цветом кожи. Не только против таких выражений, как «грязный ниггер», но даже против слова «негр», которое в английском языке выговаривается [ˈniː gr∂u], звучит как заимствование из испанского и напоминает рабовладельческое прошлое. Поэтому общество переключилось на слово *black* — «черный», которое потом подкорректировали в *African American*.

Эта история с подкорректированием полит-

корректности выявляет одну важную характеристику ПК. Главное не в том, чтобы придумать, какими словами «мы» (говорящие) собираемся называть других. Главное в том, чтобы знать, как эти другие сами желают именоваться. А если подкорректированный термин почему-то им опять-таки покажется неудачным, «мы» должны быть готовы принять предложенный «ими» третий вариант.

Это правильно. Не испытав определенных комплексов, нелегко понять, какое слово уязвит и обидит тех, кто его примет на свой счет. Поэтому самое разумное — считаться с «их» предложениями. Типичный случай — слово «слабовидящий», употребляемое у нас вместо «слепой». Ничего такого обидного в слове «слепой» не заложено, и его употребление не уменьшает, более того — увеличивает и уважение, и заботу, положенную всем, кто принадлежит к этой категории (принято же звать Гомера «великий слепец»). Но если тем, кто входит в эту группу, угоднее именоваться «слабовидящими», уважим их волю.

Профессия «дворник» неблагозвучна для тех, кто выполняет эту достойную работу? Ну хорошо, если того просят дворники, давайте звать их «экологическими операторами». Из чистой страсти к

парадоксам в тот день, когда и адвокатам придет в голову обидеться на свое имя (может статься, под влиянием разных дразнилок вроде «адвокатишка» или «адвокат пропащих кляуз»), нам придется их звать «правовыми операторами».

Однако думаю, что адвокатам переменять свое имя не захочется (вы могли бы представить себе, как Джанни Аньелли[101] просил бы обращаться к нему «правовой оператор Аньелли»?). Потому что, во-первых, адвокат — профессия престижная, а во-вторых — замечательно оплачиваемая. Получается, дело в том, что порой употребляют ПК, чтобы уладить социальные проблемы, действующие на нервы. Вместо того чтоб совершенствовать общество, совершенствуют лексику. Когда общество принимается звать неходячих не «инвалидами», а «альтернативно развитыми» *(diversamente abili),* вместо того чтобы строить для них пандусы, понятно: лицемерно расправившись с прежним термином, провели косметический ремонт в языке, но не ремонт лестницы.

Будем звать безработных «незатребованными

---

[101] Примечания: 101

Джанни (Джованни) *Аньелли* (1921—2003) — итальянский промышленник, лицо-символ автозавода FIAT. В газетах его называли «Адвокат Аньелли», иногда хватало и одного слова «Адвокат».

на неоговоренный срок». Уволенных — «пребывающими в ожидании перемены рода занятий». Возьмите книгу Эдоардо Кризафулли «Гигиена языка. Политкорректность и лингвистическая свобода»[102], в которой выявлены многие противоречия и высказано много соображений как за, так и против этой тенденции.

Теперь нам ясно, почему какая-либо категория ратует за первую смену имени, а получив новое имя и видя, что в реальной жизни ничто не переменилось, требует второй смены имени? Этот бег на месте рискует или не кончиться никогда, или продлиться до тех пор, пока вдобавок к имени не переменится и еще что-нибудь. Бывают даже откаты назад, когда какая-то категория добивается ввода нового определения, однако в своем частном узусе продолжает использовать старое определение или возвращается к нему даже с каким-то вызовом (в «Википедии» говорится, что молодые афроамериканцы то и дело используют в применении к самим себе слово «ниггер». Однако боже упаси назвать их так в лицо). Ну, так же дело обстоит, как мы знаем, с еврейскими анекдотами, а также с анекдотами о шотланд-

[102] Примечания: 102

Crisafulli E. *Igiene verbale. Il politicamente coretto e la libert à linguistica.* Vallecchi, 2004.

цах или об обитателях области Кунео: их имеют право рассказывать только сами евреи, или же шотландцы, или жители Кунео.

Трудно поверить, но от политкорректности только шаг до подспудного расизма. Я помню, как после войны многие итальянцы, недоверчиво относясь к евреям, но не желая прослыть антисемитами, говорили о евреях, поколебавшись в выборе пристойного слова, что те — «сыны Израиля». Им было неведомо, что для евреев приемлемее слово «еврей», пусть даже использовавшееся за несколько лет до того в контексте вражды и ненависти.

Еще один занимательный случай касается лесбиянок. Довольно долго те из говорящих, кто заботился о декоруме, ни в коем случае не говорили «лесбиянка», так же как и остерегались произносить презрительные клички гомосексуалистов. Они робко выговаривали: «последовательницы Сафо». Потом, когда получше разобрались в гомосексуалистах, выяснилось, что для мужчин предпочтительнее всего слово *gay,* в то время как для женщин — слово «лесбиянка»: в частности, благодаря культурным коннотатам лексемы «Лесбос». Оказывается, лесбиянок надо было звать лесбиянками.

Периодически политкорректность меняет — мне кажется, в общем и целом безболезненно — сам строй языка. Все чаще и чаще, когда приводятся общие примеры, люди стараются избегать слов в мужском роде. Мои американские коллеги, преподаватели университетов, вместо «когда я руковожу студентами», говорят «студентами и студентками»; всем известно, что председательствующего *(chairman)* в наше время именуют или *chairperson*, или *chair* (то есть «стул»). Из разряда шуток о политкорректности: предлагается переменить именование почтальона *(mail man),* на *person person*, потому что не только *man* — мужчина, но и *mail* (почта) тоже произносится как *male* (мужчина).

В подобных прибаутках высмеивается тот факт, что, войдя в набор обязательных демократических и «либеральных» принципов, незамедлительно приобретя коннотацию «левости» (как минимум в Америке), политкорректность сразу же дошла до абсурда. Начали говорить, что *mankind* (человечество) некорректно, поскольку содержит корень *man* и исключает из человеческого рода женщин. По безграмотности было решено заменить его на *humanity:* принявшие это решение не ведали, что и *humanity* происхо-

дит от *homo*[103] (и уж никак не от *mulier!*[104]). В духе полнейшего озорства и в силу той же этимологической неподготовленности, некоторые феминистские фракции решили не упоминать больше об истории как о *history* (ведь *his* — местоимение мужского рода) а говорить впредь о *herstory.*

При завозе положений политкорректности в другие культуры начинались новые корчи и судороги, и все мы знаем, сколько копий переломали у нас в Италии, решая, называть ли адвоката-женщину адвокатессой. А в одном пришедшем из Америки тексте я увидел, что поэтессой женщину разрешается звать, только если она супруга поэта. Думаю, действовать следует исходя из узуса. В Италии, скажем, «поэтесса» принято не менее, чем «догаресса»[105], а вот «банкаресса» (служащая банка) прозвучало бы довольно дико.

Случай затруднительного переноса — как раз процитированный выше случай перекрашивания негра в «черного». В Америке переход от

---

[103] Примечания: 103
Человек, мужчина *(лат.).*

[104] Примечания: 104
Женщина *(лат.).*

[105] Примечания: 105
Догаресса — жена дожа.

слова *negro* к слову *black* был революцией в языке, а в итальянском от *negro* перешли к *nero*, и это выглядит какой-то натяжкой. Тем более что термин *negro* имел свою вполне законную историю, укорененную во множестве литературных источников: все мы помним, как в переводах из Гомера, которые мы читали по-латыни в школе, звучало гордое «черное вино» *(negro vino),* и мы помним, что африканские литераторы, писавшие по-французски, предложили миру доктрину «негритюд».

В Америке при дальнейшем развитии политкорректности, нередко ублюдочном, появилось дикое множество пародийных, страшно смешных словарей и справочников, в которых поди разбери относительно предложенных словарных форм, взаправду ли их хотят укоренить в языке или это попросту розыгрыш. Рядом с теми обиходными словами и обиняковыми выражениями, которые всем известны, мы находим варианты «сегрегированный от общества» для арестованного, «оператор по быкоуправлению» для ковбоя, «геокоррекция» (землетрясение), «субъект гибкого расселения» (бродяга), «эрекционно ограниченный» (импотент), «горизонтально легкодоступная» (девица легкого поведения),

«фолликулярная регрессия» (облысение) и даже, подумайте, «меланиново недоукомплектованный» (для людей белой расы).

В интернете есть сайт организации S.T.U.P.I.D. (*Scientific and Technical University for Politically Intelligent Development* — Научно-технический университет политически разумного развития), где сообщается: в кампусе этого учебного заведения размещены «знаки дорожного движения на пяти языках и вытисненные для ощупывания, по Брайлю» и что там читают лекции о вкладе австралийских аборигенов и алеутских индейцев в квантовую механику; там изучают вопросы, как может влиять малый рост (тех, кто *vertically challenged* — «вертикально озадачен») на способность людей к научным открытиям, на примерах Ньютона, Галилея и Эйнштейна, а также исследуют феминистскую космологию, противопоставившую маскулинной и эякуляторной концепции Большого Взрыва *(Big Bang)* теорию длительного вынашивания *(Gentle Nurturing)* нашей с вами Вселенной (пожалуйста, называйте ее в женском роде, очень просим не говорить «универс» или «космос»).

В интернете можно найти политкорректные варианты историй Красной Шапочки и Белоснеж-

ки. Не видел, правда, как там описываются гномы — без упоминания росточка? Я читал и долгую дискуссию на тему о том, как надо правильно переформулировать «пожарник приставил лестницу к дереву, залез и достал кота». Не говоря уж о явнейшей очевидности, что пожарника можно называть только менеджером противопожарного подразделения, необходимо урегулировать вопрос: что делать, если этим менеджером работает женщина? Не выступает ли пожарник (-ица) как гаситель (-ница) свободного самоопределения этого кота, который, может быть, желал быть оставленным на дереве? Имел ли право пожарник посягать на благоденствие дерева, на которое он напер со своею лестницей? Ведь пожарный оскорбил кота, обойдясь с котом, словно он — бесправная собственность посылающих его хозяев! А проворно забравшись на лестницу, он создал психологический дискомфорт для всех физически несамодостаточных лиц, чье движение по причине каких-либо увечий ограничено! И так далее, и так далее, и так далее.

Политкорректность, с ее неотъемлемыми комическими и пародийными обертонами, с самого начала вызвала дикое раздражение консерваторов, приписывавших ей политическую

окраску и видевших в политкорректности «идеологию левых сил», даже «лицемерие левых сил» и посягательство на нормальную свободу слова и самовыражения. Часто припоминают, ругая политкорректность, новояз Оруэлла, еще чаще — новояз эпохи сталинизма. Многие из этих реакций, в свою очередь, лицемерны. Будьте уверены, что существует и политкорректность правого лагеря, не в меньшей степени враждебная к лексике левых. Вспомним, что началось, когда кто-то из наших журналистов посмел высказаться об «иракском сопротивлении».

И все же следует понимать, где кончается моральный императив и где начинаются юридические преследования. Одно дело, что этически недостохвально называть гомосексуалистов «пидорасами». Но это проблема чисто этическая. И даже когда так высказывается министр, даже на гербовой бумаге министерства, мы имеем дело

только с мерзостной пошлостью[106]. От этого все-таки далеко до подсудности (если только этот министр не обозвал пидорасом другого, за что другой имеет право подать на того в суд). Так что никакой закон не даст вам столько-то лет или месяцев тюрьмы за «дворника» вместо «экологического оператора».

Политкорректность — это на личную ответственность. На усмотрение каждого, в меру его хорошего вкуса и уважения к окружающим.

Известны, однако, такие случаи, когда за неполиткорректные высказывания телевизионные программы подвергаются санкциям, у них отзывают рекламу или даже закрывают их. Мне известны скандалы в университетах, когда профессорам объявляли бойкот за некорректные высказывания. И должен добавить, что стычки возникают не только между либералами и консерваторами. Раздел проходит во многих слу-

---

[106] Примечания: 106

Имеется в виду итальянский министр Мирко Тремалья (р. 1926), депутат от неофашистов («Национального союза», AN), министр последних двух правительств Берлускони, занимавшийся правами итальянцев за рубежом. 12 октября 2004 г. Тремалья грубо откомментировал (в личной записке на гербовой бумаге) международный неуспех министра Рокко Буттильоне, выступившего в Брюсселе с тезисом «гомосексуализм — грех», но не получившего поддержки. В то же время депутат Алессандра Муссолини, внучка дуче, написала: «Лучше быть фашистом, чем педерастом», — это было оскорбление в адрес Владимира Луксуриа, коммунистического депутата-трансвестита.

чаях по достаточно нечетким демаркационным линиям.

Не так давно газета «Лос-Анджелес таймс» избрала для себя новый принцип издательской политики: использовать термин *anti-abortion* вместо «в защиту жизни» *(pro-life).* В термине *pro-life* действительно изначально заложена какая-то идейная предвзятость. Так вот, при редактуре статьи какого-то журналиста о каком-то театральном спектакле сотрудник газеты нашел выражение *pro-life,* использованное, однако, в совершенно ином смысле. Тем не менее он это выражение исправил на *anti-abortion,* полностью исказив смысл газетной заметки. Все это вызвало скандал, и газета извинилась, опубликовав имя виновного. Но на этой почве произошел второй скандал, потому что согласно канону *privacy* газета не имела права публиковать имя сотрудника, работа которого состояла в редактировании чужих заметок.

Так что постепенно, и в особенности — в Америке, наблюдается сползание с чисто лингвистической проблематики (звать ли других именно так, как им желательно зваться) к проблемам прав меньшинств. Естественно, в университетах иностранные студенты хотели бы слушать курсы

лекций о собственных культурных и религиозных традициях и о своей литературе. Но не так уж естественно, если, например, студенты африканского происхождения требуют заменить курсы по Шекспиру курсами по африканскому фольклору.

Нельзя забывать, что школа вовсе не должна учить студентов только тому, что им самим желательно, она должна довольно часто их учить как раз тому, что им вовсе не желательно или не сразу воспринимается как желательное. Иначе бы в начальных и средних школах, забросив математику, грамматику и латынь, стали бы преподавать только компьютерные игры. По политкорректной логике, пожарник должен бы оставить в покое кота, и пусть тот бегает себе по шоссе, пока на него не наедет какая-нибудь машина, — ведь кот реализует таким образом свою естественную свободу.

Так мы подходим к последнему положению моей речи. Все чаще считается политкорректным (ПК) любой политический подход, который способствует взаимопониманию между различными расами и религиями, а порой даже попыткам войти в положение идейного противника.

Одна из самых характерных в этом отношении

историй имела место не так давно на американском телевидении, когда ведущий Билл Маэр не согласился с президентом Бушем, назвавшим «трусливыми» террористов, которые взорвали ВТЦ. Маэр парировал, что камикадзе можно обвинить в чем угодно, но не в недостатке храбрости. Что началось! Была мгновенно отозвана вся реклама, запроданная в эту программу, да и программу после этого закрыли. Случай Билла Маэра не имел отношения к политкорректности ни с точки зрения левых, ни с точки зрения правых. Маэр высказал только свое собственное мнение. Его можно было упрекнуть за то, что он высказался таким образом перед широкой публикой, которая пока еще слишком болезненно реагировала на все, что касалось 11 сентября. Можно было возразить ему (и кто-то возразил, помнится), что есть различие между трусостью физической и трусостью нравственной. Можно было сказать в ответ, что камикадзе до такой степени одурманен собственным фанатизмом, что к нему неприменимы категории «смелости» или «трусливости». И все же высказывание Маэра, отражавшее его личное мнение, не содержало никакой неполиткорректности.

У нас иногда подтрунивают над перебором

политкорректности у тех, кто симпатизирует палестинцам, ратует за вывод наших войск из Ирака или слишком уж лоялен к наводняющим страну нелегальным иммигрантам. Между тем все эти случаи не имеют к политкорректности отношения. Речь идет об идейных и политических убеждениях, спорных сколько угодно, но все же беспорочных в плане лексики и выражения.

Однако консервативные политические силы до такой степени доспекулировались с этими разговорами о политкорректности, что в результате обвинение кого-либо в неполиткорректности стало казаться просто приемом, нацеленным на затыкание рта. Так что «политкорректность» становится довольно противным словом, как это уже произошло с термином «пацифизм».

Как видите, ситуация трудная. Остается сделать вывод, что политкорректно использовать некоторые термины, в том числе «политкорректность», в их конкретном значении, и задействовать при этом здравый смысл. Наверно, не следует именовать Берлускони *вертикально ограниченным субъектом в стадии волосяной регрессии.* А следует помнить о главном и фундаментальном принципе — гуманности и цивильности, и не допускать в своем речевом обиходе высказыва-

ний, способных уязвить других людей, таких же, как мы.

О частных школах[107]

Питигрилли[108] каждое утро читал статью, сочиненную главным редактором, чтобы знать, что ему думать. Я этому принципу особо не следую, по крайней мере — не каждое утро. Тем не менее и впрямь, чтобы узнать, что же мне думать, я читаю статью — собственную, которую для этого и пишу. Вот я решил написать несколько слов в русле полемики, которую сейчас развели в газетах вокруг вопроса о частном школьном образовании. Постараюсь избежать слишком конкретных ссылок на ситуацию в итальянском парламенте и вообще как можно меньше вдаваться в технические частности.

Спросим кого угодно: правильно ли, если в демократической стране будет существовать частное образование (наряду с государственным), и правильно ли, если каждая семья будет иметь возможность выбирать для детей образование,

---

[107] Примечания: 107

Che cos ’è una scuola privata. La Repubblica, август 2001 г.

[108] Примечания: 108

Дино Сегре *Питигрилли* (1893—1975) — итальянский журналист, во времена фашизма политэмигрант, мастер острот и парадокса.

которое она сочтет наиболее уместным? Несомненно, ответ будет: правильно, иначе какая же это демократия?

Теперь поставим вопрос иначе. Предположим, человек купил «феррари» за 250 тысяч евро. Что ж — он имеет право ехать на автодороге со скоростью 200 км/ч? Сожалею о потраченных им тысячах, но ответ будет: не имеет. А если я купил дом на берегу моря, имею ли я право гонять всех и каждого с пляжа, чтоб никто не шумел и не кидал там обертки и пивные жестянки? Ответ опять-таки будет: нет, не имею. Я должен признать, что берег принадлежит всем. Самое большее — я могу позвонить в полицию и нажаловаться на кидающих.

Штука в том, что демократия дает возможность всем и каждому пользоваться любыми свободами — при условии, что эти личные свободы не ущемляют свобод других людей. Я даже думаю, например, что всякий человек имеет право на самоубийство — но при условии, чтобы этих самоубийств не становилось неприемлемо много. Если число самоубийств дорастет до эпидемии, государству придется вмешаться и постараться предотвращать самоубийства, ибо в конце концов вполне возможен серьезный ущерб бла-

госсостоянию целого общества.

Каким же образом все это касается частного обучения? Возьмем пример такой страны, как США, где государство ограничивается лишь тем, что гарантирует всем своим гражданам любую вообразимую свободу, включая и разрешение на владение любым оружием (хотя кое-кто, похоже, там уже сомневается, не составляет ли эта свобода угрозу для свободы прочих граждан). В США вы можете выбирать, идти ли вам в государственную или в частную школу. Мои друзья, неверующие и евреи, за немалые деньги отправили дочку к католическим монахиням, потому что у монахинь история начинается с Юлия Цезаря, а в нормальной школе — с Джорджа Вашингтона. Натурально, поучившись в этой хорошей школе, девочка поступила потом в Гарвард. А учившиеся в простых школах в Гарвард не поступили, потому что программа простых школ составлялась для пуэрториканцев, которые и по-английски толком говорить не умеют.

Поэтому положение в США можно описать так. У кого есть деньги, тот имеет возможность купить для детей приличное образование. У кого денег нет, дети его будут неграмотными. Следовательно, американское государство не предоставляет

своим гражданам равные возможности. Если университеты, государственные и частные, в большинстве своем великолепны — это оттого что они конкурируют на основании рыночных механизмов. Так что и многие государственные вузы тянутся изо всех сил, чтобы держать высокую планку.

Но ведь такая же конкурентность университетов есть и в Италии, особенно после новых законов об университетской автономии. Государство ограничивается только тем, что ратифицирует некоторые дипломы частных вузов да составляет комиссии для конкурсов на заведующих кафедрами. Если ты закончил Боккони[109], тебе одна дорога, а если закончил какой-нибудь не слишком именитый университет, дорога другая, покуда рыночная конкуренция, конечно, не откорректирует твой реальный уровень или пока этот уровень не выяснится на конкурсе на место в суде, на место в прокуратуре, на место преподавателя или еще на какое-нибудь место.

Применительно же к детсадам, к начальным и средним школам — нет в наличии ни рыночной

[109] Примечания: 109

Частный платный университет *Боккони* в Милане относится к числу сравнительно новых (основанных в 1960–1970-х гг.) учебных заведений, готовящих кадры для бизнес-структур.

конкуренции, ни публичных конкурсов. Один получит крайне приблизительные знания и никогда не осознает этого (именно потому что его уровень крайне приблизителен), а другой получит высококлассные знания и вследствие этого — высококлассную работу. Это, по-вашему, демократия?

Решение. Государство должно признать право частных детских садов, начальных и средних школ обучать кого угодно, но должно выдать бонусы всем гражданам, дабы католики посылали детей к монахам-сколопам[110], а безбожники — в государственные учебные заведения. При демократии родители должны иметь право выбирать образование детей. Тогда пусть частные школы не требуют оплаты выше этого государственного бонуса и не норовят для привлечения состоя-

[110] Примечания: 110

Сколопы (Бедные регулярные клирики Богоматери, создатели Добрых школ) — католическая церковная конгрегация, основанная переселившимся в Рим из Испании святым Джузеппе Каласанцио (Хосе де Каласанц; 1557—1648). Сколопы понимают свою миссию как воспитательную работу, большей частью — с проблемными подростками. Церковь сколопов экуменична, она открыта для евреев и лиц, исповедующих иные виды единобожия. К трем главным обетам монашества (целомудрия, бедности и послушания) у сколопов добавлен обет преподавания. Открытая святым Каласанцио в 1597 г. в Трастевере (Рим) первая в Европе бесплатная народная школа при церкви Святой Доротеи существует и сегодня под именем Коллегии народных школ Назарено.

тельной и культурной публики перегораживать доступ эмигрантам или детям безработных, неспособным даже толком говорить по-итальянски.

Но реально ли заставить частную школу принимать чернокожих и культурно непродвинутых учеников? Если частной школе придется учитывать уровень этого контингента, чье присутствие будет оплачено государством, как она соблюдет свою элитную специфику?

Даже если будут исполняться законы демократического равенства, нам превосходно известно, что одни частные школы предлагают обучение высочайшего уровня, а другие специализируются на изготовлении по-быстрому дипломов для лоботрясов, за которых кто-то платит. В мои времена государство осуществляло за такими школами наистрожайший надзор. Помню, как обливались потом выпускники таких частных школ на обязательном государственном экзамене. А раз так, если этот контроль действительно должен быть — надо, чтобы выпускные экзамены были построже и посложнее. Помнится, у нас сдача выпускных экзаменов проходила так: была внешняя комиссия, в которую допускался только один преподаватель из нашей собственной шко-

лы, и сдавали полностью весь материал по всем предметам за три года. До сих пор мне снятся страшные сны о том экзамене. В ином же случае перспектива — несколько поколений недоучек. Часть их выйдет из государственных школ, отведенных для люмпенов, а другая часть — из платных школ, где свидетельство об окончании просто-напросто покупается.

И это еще не вся беда. Предположим, что эти дефекты общества будут исправлены неким законом, который защитит права неимущих классов и поможет юному сенегальцу, родившемуся в Италии, посещать самую эксклюзивную из приватных школ по стипендии государства. Но тогда в целях соблюдения равенства всех граждан, защиты всех религий и защиты всех мнений, вероятно, все на свете автоматически приобретут право открыть собственную частную школу и принимать в оплату государственные бонусы? Ну, монахи-сколопы, это уж само собой. Ну, монахи-иезуиты. Но ведь захотят и вальденсы[111].

[111] Примечания: 111

Религиозная секта *вальденсов* состояла из последователей лионского купца Петра Вальдеса, жившего во второй половине XII в. Он призвал восстановить первобытную чистоту христианских нравов. Так родилась ересь «лионских нищих». Вальденсов отлучили от церкви в 1184 г. С тех пор они существуют в качестве секты, с собственными церквями и церковно-приходскими школами.

Захотят и неверующие открывать такие частные школы, где учащимся будет прививаться здравый рационализм и преподаваться понемножку любой религии: по чуточке Корана, понемножечку Библии, с довеском буддийских текстов, а история Италии будет интерпретирована исключительно антицерковно. Захотят и интеллектуалы от компартии пооткрывать лицеи (имени Фейербаха), нацеленные на борьбу с религиозными предрассудками. Масоны откроют Институт Хирама[112], образующий юношество согласно духовным и моральным принципам вольных каменщиков. Платит-то за все государство; каждое учебное заведение (с помощью, как знать, может, и частных спонсоров) сумеет и сравнять, и вывести в актив свой баланс.

Как же запретить (у нас же демократия) преподобному Муну с преподобным Милинго откры-

[112] Примечания: 112

Хирам — легендарный строитель храма Соломона, покровитель масонов.

вать свои центры обучения?[113] Существуют же штейнерианские школы?[114] А мусульманам — тоже можно ведь? И последователям вуду и прочих культов афро-бразильского синкретизма?

Кто им не позволит? Ватикан, быть может, обратится к правительству с просьбой провести госконтроль… Начинать все заново? Да если даже представить себе, что технически осуществимы стопроцентная государственная проверка и государственный допуск, можем ли мы не дать допуска такой школе, которая прививает ученикам абсолютный скептицизм относительно всех религий, или запретить школу, построенную по принципам Корана, если эти школы по базовым программам (итальянский язык, история, гео-

[113] Примечания: 113

«Церковь объединения», основанная в Сеуле в 1954 г. американо-корейским проповедником Сан Мюн *Муном* (р. 1920), принадлежит к числу тоталитарных сект. Проживавший с 1971 г. в США преподобный Мун обвинялся в уклонении от налогов, шпионаже в пользу Северной Кореи, сексуальных домогательствах. Используя своих адептов во всем мире, создал экономическую империю с активным финансовым участием в транснациональных автомобилестроительных компаниях. Монсеньор Эммануэль *Милинго* (р. 1930) — католический архиепископ родом из Лусаки (Замбия), прославившийся своими сомнительными достижениями в области врачевания и изгнания бесов. В 2001 г. официально перешел в секту преподобного Муна и в мае того же года сочетался браком с сектанткой Марией Сунг. Был лишен сана, что не помешало ему претендовать на совершение таинств, а в 2006 г. монсеньор Милинго даже произвел в епископы четырех священников, к тому же — женатых.

[114] Примечания: 114

Штейнерианские школы работают по методу немецкого философа и педагога, основателя антропософии Рудольфа Штейнера (1861—1925). Другое их имя — «вальдорфские школы», по имени штутгартской фабрики «Вальдорф Астория». Обучение Штейнера первоначально разрабатывалось для детей рабочих этой фабрики.

графия) будут соответствовать государственным критериям?

А если мы предоставим все эти допуски, то в результате получим страну разрозненных индивидов, сгруппированных по этносам, по идейным убеждениям, у каждого свой тип образования, и эти типы несовместимы между собой. Это нельзя назвать решением в духе здоровой поликультурности. Поликультурное общество должно воспитывать своих граждан в духе познания, признания и приятия различий, а не в духе незнания различий.

Иногда приводят в пример зарубежные страны, где торжествует право на свободное образование. Есть, однако, Франция — образец баснословной несвободы в образовании. Если вы француз и собираетесь сделаться крупным государственным чиновником, вам следует отучиться в ЭНС *(Ecole Normale Sup é rieure*[115]*)* на улице Ульм, а чтобы туда поступить, вы прежде должны пройти через один из важных государственных лицеев, вроде «Людовика Святого» или «Декарта» или «Генриха IV». В этих лицеях государство обучает своих граждан тому, что у них именуется «Рес-

[115] Примечания: 115

Высшая нормальная школа *(фр.)* — одно из старейших и престижнейших учебных заведений Франции.

публикой», а именно набору таких сведений и ценностей, которые должны уравнять, по крайней мере теоретически, студента, родившегося в Алжире, и того, кто родился на севере Нормандии. Может, идеология этой «Республики» и жестковата, но ее нельзя корректировать от противного: не должно быть, чтоб католики шли только за католиками, протестанты за протестантами, мусульмане за мусульманами, атеисты за атеистами, а свидетели Иеговы за свидетелями.

Я признаю, что если все оставить в том виде, как предписала нынешняя Конституция, нам не уйти от несправедливости: богатые будут по-прежнему учить своих детей где им желательно, а очень часто им желательно учить их за рубежом (глупейшие из богатых родителей норовят заслать своих отпрысков в американскую *high school*[116]). А бедным будут, как обычно, светить бесплатные государственные школы. Но демократия всегда вмещает в себя терпимую долю несправедливости. С ней следует мириться, чтобы всему нашему обществу избежать несправедливости нестерпимой.

Вот какие я вижу проблемы, вытекающие из

[116] Примечания: 116

Старшие классы средней школы, в Америке часто отделенные от младших и средних.

заявления, казалось бы, простого и необидного, будто всем должна быть доступна та школа, которая им нравится. И если мы с вами загодя об этих проблемах не подумаем, дискуссия выродится в банальную драку между католиками-фанатиками и безбожниками-антиклерикалами. А нужна ли нам эта драка, скажите мне?

Наука, технология и магия[117]

Мы считаем, будто живем в эпоху, которую, отождествляя весь период с его началом, Исайя Берлин нарек веком Просвещения. Рассеялась средневековая тьма, явилась возрожденческая критическая мысль и с нею само понятие научной мысли, и всем нам свойственно думать, будто ныне у нас тут наступила эра, когда наука стала главною силой и царит повсеместно. Честно сказать, эта идея абсолютной всезначности научного подхода, идея, которую в простоте душевной провозгласил Кардуччи[118] в «Гимне Сатане», та же, что — в заостренном виде — была основой «Коммунистического манифеста» 1848 года. Эту идею проповедуют по большей части реакционе-

---

[117] Примечания: 117

Scienza, tecnologia e magia. Выступление на международной конференции по вопросам научной информации под председательством Умберто Веронези, Рим, ноябрь 2002 г. Впервые напечатано тогда же в газете La Repubblica.

[118] Примечания: 118

Джозуэ *Кардуччи* (1835—1907) — лирик, первый итальянский лауреат Нобелевской премии, автор исторических и гражданских од, «поэт нации».

ры, спиритуалы[119], *laudatores temporis acti*[120], а не ученые.

Реакционеры, а не ученые развертывают перед нами устрашающие картины, похожие на научную фантастику: картины мира, который, отринув все остальные ценности, предался и поклонился вере в научные истины, в мощь технологии. Модель эпохи, подчиненной науке, в глазах противников — именно та, триумф которой изображал Джозуэ Кардуччи в «Гимне Сатане»:

> *Оставь свой ладан, поп, упрячь кадило!*
> *Нет, не отступит дьявольская сила!*
> *Восславься, Сатана, врагов сразив —*
> *Ты, Разума великомощный взрыв!*
> *<…> Внимай, Сатан, молитвенному зову —*
> *Ты победил поповского Иегову!*

Те, кто внимательно читает этот текст 1863

---

[119] Примечания: 119

Спиритуалы — философское течение второй половины XIX в. во Франции и Италии, противопоставлявшее преобладающим направлениям мысли — материализму и позитивизму — свою метафизику, выросшую из традиционного католицизма.

[120] Примечания: 120

Хвалебщики прошлого *(лат.).*

года, видят, что там приведены в качестве сатанинских героев, поборающих засилие религии, ведьмы и алхимики, великие еретики и реформаторы, от Гуса до Савонаролы и до Мартина Лютера, но нет ни одного ученого, нет даже нашего соотечественника Галилея, которому полагалось бы просто очаровать антиклерикальную и республиканскую душу Кардуччи. У Кардуччи на месте Галилея иной идеальный герой, иное воплощение победы разума над верой; этот герой — паровоз:

Дивновидно, страхолюдно, чудище играет,

Рассекает океаны, землю обегает,

Вихри, дымы изрыгая, подобно вулкану,

Преодолевает горы, равнину пространну;

Пропасти перелетает – и внезапно в горы

Утекает, проницая их тайные норы,

И опять, пройдя глубины, людям и природе

Зычным зовом возвещает о своем приходе.

То есть даже Джозуэ Кардуччи, ценивший классику, но подверженный страстям в духе свежей романтической моды, видел торжество разума в технике, а не в научной идее. Это интересно, и отсюда мы поведем мысль о противопоставлении между наукой и технологией.

Люди сегодняшнего дня не только ожидают от технологии непомерных достижений, но прямо требуют их, при этом не отграничивая разрушительную технологию от технологии созидательной. Дети воспитываются компьютерными играми, полагают наушники природным отростком евстахиевых труб и дружат по интернету[121]. Они живут в технологии, они не в состоянии представить себе, как мог бы существовать иной мир, мир без компьютеров и даже без телефонов.

Но с наукой такой близости не выходит. Средства массовой информации сами путают науку с технологией и, к сожалению, запутывают публику, та начинает считать наукой все, что имеет отношение к технологии, и при этом не ведает,

---

[121] Примечания: 121

Перекличка со словами Ж. Бодрийяра в его эссе «Ксерокс и бесконечность»: «Видео, телевидение, компьютер, “минитель” — эти контактные линзы общения, эти прозрачные протезы — составляют единое целое с телом, вплоть до того, что становятся генетически его частью» (М.: Добросвет, 2000. С. 144. Пер. Л. Любарской, Е. Марковской).

в чем содержание науки, и не знает, что технология — только придаток, только следствие, но никак не первостепенность.

Технология — это когда предлагается все и сразу. А наука движется постепенно.

Поль Вирильо[122] так описал нашу эпоху: всех захватила (я бы выразился — загипнотизировала) скорость. Главный знак нашего мира — скорость, это угадали с опережением футуристы. Мы желаем тратить не больше четырех часов на перелеты из Старого Света в Новый. Головная боль от джетлэга ликвидируется лекарствами с мелатонином. Это мелкие погрешности нашей чудной жизни в скорый век. Мы так привыкли к быстроте, что досадуем, когда медленно грузится электронное письмо или запаздывает самолет.

Однако эта технологичность жизни нисколько не эквивалентна научности. Она тождественна, если угодно, магичности.

Что же такое магия, чем она была на протяжении столетий и чем является сегодня, пускай в закамуфлированном виде?

Магия означает веру, будто можно перескочить в быстром темпе с причины на результат, опу-

---

[122] Примечания: 122

Поль Вирильо (р. 1932) — французский архитектурный критик и философ, основоположник *дромологии* (науки о скорости, с 1980 г.).

стив промежуточный процесс. Ткнуть булавкой в изображение врага — и враг погибнет. Произнести заветную формулу — железо станет золотом. Воззвать к ангелам и через ангелов направить важную информацию. Бенедиктинский аббат Тритемий (XV век) выступил провозвестником современных шифровальных машин, разрабатывая системы секретного кодирования для передачи посланий от правителей военачальникам. Все схемы Тритемия в наше время запросто взламываются на компьютере, но для его собственного времени они были гениальны. Так вот, чтобы схемы смотрелись поаппетитнее, автор изображал свою технику как волхвование, включающее в себя созыв ангелов, которые озаботятся перенести подальше и поконфиденциальнее нашу зашифрованную информацию.

Магия — это когда не показывают длинную цепь следствий и причин и в особенности когда не пытаются проверить эту цепь методом повторяемых экспериментов. Чудо совершается сразу, в том-то красота магии. От первобытных культур до нашего просветленного Возрождения и далее до сегодняшнего дня, до мириадов оккультных сект и групп, кишащих в интернете, — вера в магию, надежда на магию отнюдь не угасла по

воцарении опытной науки.

Страсть к стремительным перескокам от причин к результатам олицетворилась в технологии, которая воспринимается как дочь науки.

А сколько пришлось попыхтеть, чтобы от первых компьютеров Пентагона, от «Элеа» фирмы «Оливетти» размером с целую комнату (помнится, потребовались месяцы программистам из Иврei[123], чтобы заставить своего мастодонта сыграть марш из фильма «Мост через реку Квай», к неимоверному их счастью и гордости) дойти до нашего с вами лэптопа, где имеется все и сразу? Технология из кожи вон лезет, чтоб затушевать порядок причин и следствий, сделать вид, что причин не существует, что все вершится само собой, волшебно.

Первые компьютерщики писали программы на бейсике, который был не машинным языком, а языком почти мистическим (мы — первые компьютерные пользователи — не знали язык

[123] Примечания: 123

В городе Иврея (близ Турина) инженер Камилло Оливетти в 1908 г. основал легендарную компанию «Оливетти», производившую печатные машинки, а позднее — калькуляторы и компьютеры. Фирма внедрила в свой быт многие виды социальных забот о работниках и гордилась почти нулевой текучестью кадров. В 1950-е гг. компания «Оливетти» начинает разработки вычислительной техники вместе с некоторыми лабораториями США (Коннектикут) и создает *Elea 9003* — первый компьютер итальянской конструкции.

машины, но понимали, что дабы вынудить машинные чипы связаться в определенную цепочку, им обязательно следует дать мучительно сложные инструкции на хитром бинарном языке). Впоследствии система *Windows* заокультировала это программирование на языке Бейсик, потребитель нажимает на кнопку и переворачивает перспективу, связывается с заморским корреспондентом, получает результат астрономического расчета; потребитель остается в полном неведении, каким же путем он дошел до этого (а путь-то был). Компьютерный пользователь воспринимает компьютерную технологию как магию.

Наверное, покажется странным, что эта магическая ментальность живуча в наше время, но стоит посмотреть вокруг, и мы убедимся, что магия популярна повсеместно. Повсюду правят бал сатанинские секты, под боком у нас исполняются синкретические обряды — те самые, за которыми совсем недавно антропологи уезжали в далекую Бразилию, а сегодня монсеньор Милинго устраивает свои радения в Риме, хотя Рим — отнюдь не Баия.

И даже традиционные религии все чаще отступают, дрожа, под натиском многообразных

чужих ритуалов и, дабы подманить публику, ныне перестают обсуждать публично и такую тематику, как таинство Троицы (хотя вообще-то богословские диспуты, хоть и подчинены особым критериям, все-таки методологически ближе к науке, нежели к магии, уж хотя бы по одному тому, что они развиваются поэтапно, ступень за ступенью, шаг за шагом), — и предпочитают преподносить сошествие Святого Духа как мгновенное чудо.

Разбирая проблему Троицы, богословская мысль продвигалась по правилам логики, поэтапным методом, выкладывая аргумент за аргументом для доказательства, что эта тайна постижима (или же *не* постижима). А мысль магическая выводит на первый план сакральность, таинственность, трансцендентность, которая исходит от харизматической инстанции, и именно этой таинственной харизматичностью (отнюдь не трудными богословскими силлогизмами) завораживает широкие массы.

СМИ при первой возможности живописуют нам науку как магию, а эта первая возможность представляется, как только наука начинает обещать какую-то потрясающую технологичность.

Сам собою возникает «низкий сговор» *(pactum*

sceleris) между ученым и массмедиа, потому что ученый не способен устоять перед соблазном, он даже считает своим долгом рассказывать о своем исследовании. Иногда это полезно для привлечения спонсоров, иногда исследование просто приятнее предъявить миру в качестве открытия еще до неизбежно грядущего разочарования, когда обнаружится, что обещанного результата вовсе нету на золотом блюдечке.

Мы все помним подобные эпизоды, от явно преждевременно разрекламированного «секрета холодного термоядерного синтеза» до постоянно обещаемого лекарства от рака. Это триумф веры в магию, в мгновенность. Трудно объяснить публике, что научная работа — это гипотезы, опыты, ошибки и разборы ошибок. Когда спорят, что достовернее — официальная медицина или знахарство, вопрос, по сути, стоит так: к чему ждать три года обещанного наукой, если можно получить моментальный результат от альтернативной медицины?

Недавно Гараттини в журнале CICAP[124] снова написал, что если больной принял лекарство и вскорости выздоровел, это еще не доказательство, что именно лекарство сработало. Существуют, по крайней мере, еще два объяснения: во-первых, могла иметь место природная ремиссия и лекарство подействовало только как плацебо; или, во-вторых, природная ремиссия могла быть уже на подступах и раньше, а лекарство просто отдалило ее. Но вы только попробуйте предъявить широкой публике два этих последних рассуждения. Не будет вам ни малейшей веры, поскольку для магической ментальности всего важнее быстрый процесс, победный механизм связи между предполагаемой причиной и желанным результатом.

В связи с этим может произойти, да и действительно происходит странная вещь: урезаются средства, отводимые на науку, а общественность совершенно не возмущается урезанием. Обще-

[124] Примечания: 124

Сильвио *Гараттини* (р. 1928) — итальянский фармаколог, с 1963 г. — основатель и директор Института фармакологических исследований «Марио Негри» в Милане. CICAP (*Comitato Italiano per il Controllo delle Affermazioni sul Paranormale*, Итальянский комитет по проверке сигналов о паранормальном) существует с 1989 г. и объединяет интеллектуалов, телевизионных журналистов и даже нескольких нобелевских лауреатов. Гараттини — активный член рабочей группы и сотрудник выпускаемого комитетом раз в два месяца журнала.

ственность возмутилась бы, если бы закрыли больницу или повысили цены на лекарства, однако она остается невозмутимой, когда прикрывают долгие и медленные научные исследования. Ну самое большее, возникает неуютное чувство, что какие-нибудь ядерщики того и жди эмигрируют в Америку (хотя что скажешь, атомная бомба-то все равно у американцев). Никто не сознает, что именно этот срыв долгого исследования ставит под вопрос новое лекарство от гриппа или ввод в эксплуатацию нового автомобиля на электрическом ходу. Никто не связывает научные эксперименты, с одной стороны, и лечение больного полиомиелитом мальчика — с другой, потому что цепь последствий и причин в этом случае длинная, опосредованная, не «раз-два-три», как полагается по правилам волшебства.

Все мы помним выпуск сериала «Скорая помощь», в котором доктор Грин оглашает перед длинной очередью пациентов великую научную новость: тем, кто заболел гриппом, не будут прописывать антибиотики, потому что при гриппе антибиотики не помогают. Этот эпизод довел публику до такого накала, что зазвучали даже упреки в расовой дискриминации. Пациенты верили в волшебную связь антибиотиков с

выздоровлением. Все СМИ убеждали их, что антибиотики спасают. В этой коротенькой цепочке главнейшая истина. Таблетка антибиотика — техногенный продукт и опознается как таковой. А разбор причин и способов борьбы с эпидемией гриппа — забота всяких НИИ.

Я изобразил тут неприятную и разочаровывающую картину еще и потому, что в довершение всех зол даже некоторые правители (которые, если верить официальным сообщениям Белого дома, советуются с магами и астрологами) иногда в своих позициях ближе к человеку с улицы, чем к человеку из лаборатории. Я изобразил эту картину, но не могу порекомендовать, что же с ней делать. Нельзя уговорить массмедиа отменить мистический подход. Массмедиа обречены на мистицизм не только в погоне за «аудиторией», но и потому, что их обязанность — каждый день выстраивать связи между причинами и следствиями, и связи эти описываются сплошь и рядом как магические. Существуют и всегда существовали, я согласен, серьезные популяризаторы — упомяну хотя бы моего друга Джованни Мария

Паче[125], совсем недавно умершего. Но и для его серьезных статей газеты обычно находили такие крикливые, такие скандальные заголовки, что эти заголовки обычно искажали содержание статьи. Осторожный рассказ о том, что начинает разрабатываться вакцина против гриппа, неизбежно становился фанфарным провозвестием: грипп на земле скоро исчезнет без следа. (Думаете, благодаря науке? Нет, благодаря триумфу технологии, сумевшей внедрить в ассортимент новую пилюлю.)

Как должен реагировать ученый на назойливый запрос газетчиков, которые ждут от него ежедневных волшебных обещаний? Ученый должен реагировать осторожно. Но и осторожность порою, как только что мы наблюдали, не помогает. Ученому не пристало, с другой стороны, и покрывать завесой тайны всякую научную новость, поскольку наука по естеству своему принадлежит общественности.

Думаю, нам следует вернуться за парты началь-

---

[125] Примечания: 125

Джованни Мария Паче (1938—2002) — итальянский журналист и писатель, штатный сотрудник сперва журнала *l ' Espresso,* впоследствии газеты *La Repubblica,* автор статей о генетических манипуляциях с продуктами питания, здравоохранении, экспедициях в Антарктику, военных корреспонденций (Балканы, Афганистан, война в Персидском заливе), статей о роботах, созданных для разминирования минных полей, работ на темы философии и биоэтики (эвтаназия).

ной школы. Именно школа и все учебные центры наряду со школой — включая наиболее серьезные интернет-сайты — должны постепенно приучать молодых людей к правильному представлению о научных процессах. Это самая нелегкая часть обучения, потому что и школе очень свойственно впихивать в память учащихся отрывочные данные, связь между которыми непостижима и магична. Мадам Кюри приходит вечером домой, глядит — на бумаге пятно, и открывает радиоактивность. Доктор Флеминг кидает задумчивый взор на плесень и понимает: пенициллин. Галилей по колебанию пламени в лампе осознает, что земля-то обращается. Мы до того крепко запомнили, какую трепку получил Галилей за свою научную смелость, что забыли: Галилей понятия не имел, по какой орбите земля обращается.

Как можно ожидать от школы корректной научной информации, когда еще до сих пор во многих учебниках и во многих хрестоматиях можно прочесть, что до Христофора Колумба люди считали землю плоской? Ведь это извращение истории. Уже древним грекам прекрасно было известно, что земля круглая, и это знали и саламанкские мудрецы, тормозившие экспедицию Колумба именно потому, что они точнее, чем

Колумб, все рассчитали и хорошо представляли себе настоящий масштаб нашей с вами планеты.

И все же одно из назначений интеллигента — кроме жесткой и суровой критики — это просвещенная популяризация. Все мы превосходно понимаем, что в Италии, более чем где бы то ни было, научный работник считает популяризацию делом компрометирующим. Между тем великими популяризаторами были и Эйнштейн, и Гейзенберг[126], и мой покойный друг Стивен Джей Гулд[127]. И если все-таки ждать откуда-то неволшебного описания ситуации в науке, то его ждать можно отнюдь не от журналов и газет, а от самих исследователей и ученых. Именно они должны потихоньку трансформировать общественное сознание, влияя на молодых.

Полемическое резюме этого моего выступления: пиетет в отношении науки в наше время

---

[126] Примечания: 126

Вернер Карл *Гейзенберг* (1901—1976) — немецкий физик, создатель квантовой механики, лауреат Нобелевской премии 1932 г., автор принципа неопределенности. Его популярные лекции собраны в сборнике «Физика и философия» (1958) и в книге «Часть и целое» (1969), посвященной жизни автора, дружбе с Нильсом Бором, многим проблемам науки.

[127] Примечания: 127

Стивен Джей Гулд (1941—2002) — американский палеонтолог и зоолог, автор теории «прерывистого равновесия», предполагающей, что некоторые виды в силу чисто случайных причин совершали скачки в биологическом развитии.

основан на ошибочных предпосылках и, как бы то ни было, извращен совместным влиянием двух магических подходов — веры в волшебное колдовство и веры в колдовство технологическое. Эти подходы до сих пор царят и в душах наших слушателей, и в их головах, и в их сердцах.

Если не стремиться выйти из порочного круга лжеобещаний и обманутых чаяний, науке несдобровать.

В пору раннего средневековья Исидор Севильский (между нами, зарекомендовавший себя перед лицом истории в качестве простяги и легковера, способного всерьез полагать, будто *lucus*[128] происходит от *non lucendo*[129], а *cadaver*[130] — от *caro data vermibus*[131]) все же сумел — хоть и на основании неверных сведений, восходивших к незапамятным временам, к Эратосфену, — почти что правильно и в любом случае без всякого волшебства вычислить длину экватора. Но по

---

[128] Примечания: 128
Священная роща, лес *(лат.).*

[129] Примечания: 129
Без света *(лат.).*

[130] Примечания: 130
Труп *(лат.).*

[131] Примечания: 131
Мясо, данное червям *(лат.).*

экватору гуляли единороги и лесные чуды-юды, и хотя ученые не сомневались, что земля сферична, художники по своим уважительным причинам представляли ее не только плебеям, но даже господам в качестве плоского диска с Иерусалимом в середине, или расплющивали шар для пущей символичности и для удобства демонстрации (как до сих пор Землю расплющивают в школьном атласе). Расплющивали не очень сильно, но все-таки достаточно, чтоб все кругом переставали понимать, какая же форма на самом деле у земного шара.

Вот так, пройдя через три века Просвещения, мы все еще похожи на Исидора: когда газеты повествуют о наших научных симпозиумах, симпозиумы неотвратимо выглядят волхвованием.

Чему тут удивляться? Мы и сейчас, как в Средние века, деремся и пышем неудержимым фундаментализмом, упрямым фанатизмом. Ратуем за крестовые походы, целые континенты вымирают от голода и СПИДа, а телевидение при этом показывает (волшебно преображая) нас с вами как блаженных богатейших людей, привлекая на наши побережья баркасы, нагруженные нелегалами из Африки и Албании. Эмигранты хотят попасть к нам, как в старину все хотели

попасть на Эльдорадо. Как не понять, что простакам до сих пор неизвестно, что есть наука, и они склонны принимать за науку даже ренессансную магию? И что для них волшебство — возможность послать сообщение в Австралию по цене внутригородского звонка и со скоростью молнии?

Чтоб успешно продолжать работу, каждый из нас в своей области должен хорошо сознавать, в каком мире он живет, делать выводы, быть хитроумным как змея и если не чистым как голубка, то хотя бы великодушным как пеликан[132], и всегда стараться преподнести от себя нечто людям, которые о нас никакого понятия не имеют.

Как бы то ни было, следовало бы ученым остеречься тех, кто чересчур их боготворит и считает, будто ученые — это жрецы истины в последней инстанции. Ученого легко возвышают до статуса мага. Но стоит ученому замешкаться с выдачей проверяемого результата, он будет объявлен шарлатаном, в то время как колдуньи, выдавая результаты не проверяемые, но эффектные, полу-

---

[132] Примечания: 132

Пеликан, отрывающий собственное мясо с груди, чтобы накормить детей (так интерпретировали издалека зрелище раздачи птенцам полупережеванной отрыгнутой пищи), — воплощение милосердия и Христовой жертвы, изображался в церквах и на эмблемах в качестве символа Христа. Имя пеликана носят масонские ложи и благотворительные учреждения (в особенности по призрению детей).

чают приглашения на ток-шоу. Так что ученым на ток-шоу ходить не надо, чтоб их не путали с колдуньями.

II. Хроники деспотизма

По ком звонит колокол. Призыв 2001 года к моральному референдуму[133]

Вряд ли кому понравится проснуться утром и узнать, что все газеты — «Коррьере делла сера», «Репубблика», «Стампа», «Мессаджеро», «Иль Джорнале», и так далее вплоть до «Униты» и «Манифесто», не исключая еженедельников и толстых журналов, и желтых, и глянцевых, — все-все-все принадлежат одному хозяину и дружно транслируют его мнение. Мы ощутили бы себя менее свободными.

Именно это случится, если в стране станет править «Полюс», называющий себя «Полюс свобод»[134]. Единый хозяин, лично владеющий тремя телеканалами, получит политический контроль еще над тремя. А шесть основных каналов вещания в государстве воздействуют на

---

[133] Примечания: 133

Впервые опубликовано без названия на интернет-сайте *Golem — L ' indispensabile,* затем под заглавием *Per chi suona la campana. Appello 2001 a un referendum morale* в газете *La Repubblica* (май 2001 г.).

[134] Примечания: 134

«Полюс свобод» *(Il Polo delle Libert à)* — правоцентристская коалиция с лидером Сильвио Берлускони, образованная перед политическими выборами 1994 года. В 2000 г. переименована в «Дом свобод» *(La Casa delle Libert à).*

общественное мнение больше, нежели все газеты взятые вместе. Этот самый владеющий всем-всем-всем хозяин и так уже забрал под себя серьезные газеты и журналы. А дальше постепенно пойдет известный процесс: остальные органы печати подстроятся к генеральной линии — отчасти по привычке, отчасти потому, что их хозяевам покажется, что целесообразно искать главных редакторов, близких к правящим кругам.

Короче, получится деспотизм.

Деспотизм получится сам собой, будь Берлускони даже самым корректным на свете джентльменом, имей его богатство самое приличное происхождение, а широковещательные фразы о предпочтении государственных интересов своим личным — хоть сколько-то искренности. Любой человек, оказавшись в роли фактического управителя всеми источниками информации в стране, даже если этот человек — святой, не устоит перед соблазном: он начнет расставлять акценты согласно логике собственной системы. Даже если он станет изо всех сил сопротивляться соблазну, деспотизм устроят его сотрудники. Никогда в истории ни одной страны не было видано, чтобы газета или телеканал самопроизвольно повели кампанию против собственного владельца.

Ситуация со СМИ, известная в мире под именем итальянской аномалии, обуславливает вывод, что победа «Полюса свобод» в нашем случае не отображала бы, вопреки словам многих политологов, «нормальное чередование левых и правых правлений», которое является важной частью демократической диалектики. Установление фактического деспотизма (который, повторяю, установится сам по себе) отношения к демократической диалектике не имеет.

Но большинство граждан Италии не обеспокоены итальянской аномалией. Чтоб понять, почему они не обеспокоены, разберемся: что представляет собой потенциальный электорат «Полюса»? Он разделяется на две части. Во-первых, Сознательный электорат — это те, кто голосует за «Полюс» по сознательному убеждению. Сознательна политическая позиция сепаратистов — как совершенно полоумных сторонников «Лиги Севера»[135] (желающих выслать всех иногородних в пломбированных вагонах), так и несколько

[135] Примечания: 135

«Лига Севера» (Lega Nord) — автономистская партия, основанная Умберто Босси в 1991 г., представляет собой конгломерат движений сепаратистского, ксенофобного и автономистского толка. Изначальное название «Ломбардская лига» восходило к символической реалии итальянской истории: в 1176 г. города северной Италии объединились и разбили под Леньяно армию Фридриха II Гогенштауфена (Барбароссы). Это событие описано, в частности, в романе У. Эко «Баудолино».

более умеренных сторонников той же «Лиги» (тех, кто хочет процветания своей малой родины в убеждении, будто малая родина способна процветать, отделившись и отгородившись от всего остального мира). Сознательна поддержка со стороны бывших фашистов, которые, приемля *obtorto collo*[136] демократическое устройство общества, пестуют свою националистическую ностальгию, ревизуя историю XX века. Сознательна поддержка предпринимателя, который думает (правильно думает!), что налоговые льготы, обещанные «Полюсом», выгодны только богатому слою общества. И столь же сознательно поддерживают Берлускони те, кто имеет причины опасаться прокурора и рассчитывает на помощь «Полюса», то есть на то, что новая власть обуздает независимых прокуроров. «Полюс» имеет явно сознательную поддержку всех тех, кто не хочет, чтобы их налоговые деньги переводились в отсталые регионы.

Для всех этих избирателей итальянская аномалия и нарождающийся деспотизм — если даже не активно желательны, то, во всяком случае, представляют собой нечувствительную дорожную

---

[136] Примечания: 136
Вынужденно *(лат.)*.

пошлину, которую уплатить в общем-то не жаль, лишь бы достигались главные намеченные цели. Никакая аргументация не переубедит их.

Вторая часть электората, назовем ее Очарованным электоратом, гораздо более многочисленная, не имеет политических установок. Система ценностей этих людей складывалась в течение многих лет под воздействием телевидения — не обязательно берлускониевского. Для этого контингента ценны идеалы материального благосостояния, в той же мере ему присуще романтическое видение жизни, не слишком отличное от представлений того, кого я условно назову Беженцем из Албании. Албанец и не подумал бы бежать к нам в Италию, если бы телевидение транслировало на Албанию кадры из картин Росселлини[137]

«Рим — открытый город», «Наваждение», «Пайза». Албанец постарался бы держаться как можно дальше от этой нерадостной земли. Но он бежит в Италию, ибо видит в телевизоре богатое и красочное место, где делают большие подарки всякому,

[137] Примечания: 137

Роберто *Росселлини* (1906—1977) — итальянский кинорежиссер. Фильм «Рим — открытый город» (1945) стал манифестом неореализма.

кто способен ответить, как звали Гарибальди[138]. Он воспринимает Италию как зрелище.

Этому электорату (который, как свидетельствует статистика, вдобавок редко читает прессу и никогда не читает книг) совершенно не важно, что может установиться деспотизм, потому что деспотизм не уменьшит, даже наоборот — увеличит количество зрелищ, которыми электорат заворожен. Поэтому смешно наблюдать, как такому избирателю указывают, что Берлускони создал конфликт интересов. Обычно на подобные речи следует стандартный ответ, что «совершенно не важно, заботится ли Берлускони о собственных интересах, если при этом он намерен позаботиться и о моих».

Таким избирателям незачем внушать, что Берлускони грозится изменить конституцию. Во-первых, они ее вообще не читали, во-вторых, левые тоже говорят о каких-то изменениях в конституции. Что из того? Какую именно статью переделают, это для Очарованных совершенно несущественно; потому так беспардонно берлускониевский карикатурист издевается над предложением левых внести в конституцию

[138] Примечания: 138

Что Гарибальди звали Джузеппе, знает в Италии сто процентов населения.

статью об обязанности государства охранять окружающую среду, как будто речь идет о каком-то чудачестве любителей садоводства, а не о насущном конституционном новшестве, которое соответствует актуальным и серьезным тревогам о выживании планеты.

Но как это понять широкой публике, если этого не поняли даже информированные журналисты?

Подобный электорат незачем предупреждать о том, что Берлускони хочет заткнуть кляпом рты прокурорам. Электорату того и надо: идея правосудия ассоциируется у этих избирателей с идеей угрозы их собственным финансовым комбинациям. Этот электорат простодушно говорит, что премьеру-миллионеру якобы незачем воровать. Эти простаки воображают себе хищение в размере тысяч долларов, в размере сотен тысяч долларов, они не представляют себе, что значат хищения в миллионы и даже в миллиарды долларов. Эти избиратели думают (верно думают!), что Берлускони не будет пачкать руки взяткой в размере цены трехкомнатной квартиры, он не польстится на автомобиль. Эти избиратели (как, кстати, и все мы с вами) не чувствуют разницы между десятью и двадцатью миллиардами

долларов.

Идея, что в парламенте, где большинством манипулирует новое начальство, без всякого труда возможно провести такой закон, который в силу множества причин и следствий, для нас не вполне понятных, может принести главе нашего правительства прибыль в миллиард долларов, не совпадает с ежедневными представлениями этого избирателя о том, что означает продать, что означает купить, выклянчить, подарить или обменять. Какой смысл говорить этому избирателю про офшоры, если на экзотических островах он-то лично дай бог если сподобился хотя бы раз в жизни побывать с женой по туристскому ваучеру, чартерным рейсом?

Какой смысл ссылаться перед избирателями этого сорта на статью в «Экономист»[139],если они и итальянских-то названий газет не знают, а когда им предстоит долго ехать в поезде, берут в киоске не глядя журнал правого ли, левого ли толка, было бы фото задницы на обложке? Эта категория нечувствительна к упрекам, ее вовсе не колышет заявление, что деспотизм почти

[139] Примечания: 139

В марте 2001 года *The Economist* рассказал, как Берлускони взлетел к вершинам власти в Италии, и охарактеризовал магната как личность непригодную к государственному управлению.

установился. Эти выборщики — плоть от плоти нашего общества, они сформированы долгими годами зрелищ моды, успеха и быстрой наживы. На этого избирателя фатально повлияло телевидение, не обязательно правое, на него фатально подействовали показы мод, надменные манекенщицы, матери, которые со слезами обнимают нашедшегося в Австралии сына, и супружеские пары, обретшие в кои-то веки лестную популярность среди соседей по подъезду, после того как они на славу поругались при свете телесофитов. Его сформировало все великое, выведенное в смешном виде, вся идеология, утверждающая, что достаточно поскрести билетик, и огребешь кучу денег, невыигрышность честной статистики и выигрышность нечестной.

Хотя преступность уменьшается, но телевизионщикам-то выгодно расписывать страшные случаи криминала и намекать, что подобный ужас может произойти с любым из нас!

Очарованные избиратели приведут «Полюс» к победе. Италия получит то, чего хотел Очарованный электорат.

Но еще опаснее Очарованного электората и Сознательного электората (тех, которые — за правых) для нашего общества, что ни говори,

Несознательный электорат левых. Под «левыми» я имею в виду кого угодно, от пожилого неверующего республиканца до парня из коммунистического кооператива и до католика, добровольно работающего в некоммерческой организации и не верящего ни в какие классы и ни в какую политику.

Эти люди знают все, что сказано мною выше, и им даже читать это неинтересно. Однако левое правительство, управлявшее Италией в конце 1990-х, разочаровало их — они ждали гораздо большего. Они отрежут себе яйца назло жене. Чтобы наказать разочаровавших их политиков, они допустят в Италию деспотизм.

Их моральная ответственность неизмерима. На суде истории не станут клеймить любителей телесериалов. Эти любители получат телесериал по своему вкусу. Суд истории укажет перстом на тех, кто читает и книги и газеты, но не отдал себе отчета или отчаянно пытался не понять, что через три дня нас ждут не обычные выборы, а моральный референдум. Если они отринут этот моральный императив, они уготовят себе круг

ада «для ничтожных».[140]

Ополчаясь против безразличия, мы сзываем всех, кто колеблется, кто разочарован. Пусть откликнутся на наш призыв. Он очень прост. Мы не просим их разделять все позиции этого рассуждения. Пусть подпишутся только под словами, приведенными здесь ниже и взятыми в кавычки. «Голосую против деспотизма, против идеологии массовых зрелищ. Голосую, чтоб сохранить плюрализм информации в стране. Я считаю послезавтрашние выборы моральным референдумом, от которого ни один гражданин не вправе устраняться».

Это будет значить, что каждый поступит по велению совести и взяв на себя ответственность.

Потому что «ни один человек не есть остров… и поэтому никогда не спрашивай, по ком звонит колокол, — он звонит по тебе».[141]

---

[140] Примечания: 140

Души, не примкнувшие ни к добру ни к злу, равнодушные к славе и справедливости, проводят вечность в преддверии ада (Данте. *Божественная комедия.* Ад, II).

[141] Примечания: 141

Донн Д. *Обращения к Господу в час нужды и бедствий* (1623) // Медитация XVII. Пер. А. Нестерова.

Избирательная кампания 2001 года и прапракоммунистические технологии[142]

Избирательная кампания «Полюса свобод» оказалась до того успешной, что многим хотелось бы теперь понять ее секрет — ну, если не секрет, хоть формулу и основную идею. Прежде всего приходит в голову объяснить победу «Полюса» тем, что политики «Полюса» и в особенности Берлускони (единственная личность, в чью пользу проводилась кампания) взяли себе за образец коммерческую рекламу. И в соответствии с рекламными шаблонами решили постоянно показывать один и тот же символ, озвучивать одни и те же несколько быстрозапоминающихся слоганов — и грамотно поработали над выбором символических цветов. Цвета были выбраны превосходно, в частности и потому, что теми же цветами раскрашена заставка системы *Windows*. Слоганы сработали именно потому, что были примитивны, в точности как примитивна реклама

---

[142] Примечания: 142

La campagna del 2001 e le tecniche vetero-comuniste. La Repubblica, апрель 2001 г.

потребительских товаров. Агитация основывалась на том же принципе, который господствует в рекламе: а именно что правдоподобие не имеет значения.

Ни один потребитель не верит, будто «“Скаволини” — кухонная мебель в каждой семье, в каждой квартире» (спросите статистиков — они опровергнут). Никто не верит, будто новый порошок отбеливает лучше всех других: они отбеливают одинаково. И все же потребители берут ту продукцию, которую запомнили благодаря слоганам. По этой причине совершенно зря сатирики и политики иронизируют по поводу фраз «премьер-министр — рабочий» или «достойную пенсию каждому». Ну, может, не зря, потому что они нас смешат. Но они не правы. Сила слоганов не в осмысленности, а в запоминаемости.

Интересно, что коммерческая реклама как образец идеальна для предвыборных плакатов и уличной расклейки, но не для проведения предвыборных кампаний в парламенте или в прессе, поскольку парламентским дебатам свойственно становиться все злее и агрессивнее по мере приближения даты голосования. Более того. Верно подмечено (не мной) явное расхождение стилей двух типов агитации: насколько благостен дух

избирательной расклейки, настолько же злобен дух предвыборных споров.

Нередко в этом видят ошибку тактики. О непроизвольных просчетах писал и Монтанелли[143]: он делал вывод, что «Полюс» якобы не умеет победить свою унаследованную от фашизма тягу к сильной власти, а также психопатию своего лидера и тем самым выдает себя с головой и обнаруживает поневоле всю свою авторитарность и всю свою ностальгию (хотя в основном ностальгию символическую) по хорошей дубинке. Ну, я считаю эту интерпретацию однобокой. Она объясняет какие-то эксцессы, угрозы и посулы, но отнюдь не поведенческий тип. Поведенческий тип восходит к совершенно иному образцу и почти воспроизводит его. Я имею в виду не фашистскую модель, не коммерчески-рекламную модель, а модель прапракоммунистическую *(veterocomunista),* как это ни странно звучит: модель приснопамятного всем нам с вами бунтарского 1968 года.

Попробуем (те, кто достаточно в годах) припом-

---

[143] Примечания: 143

Индро *Монтанелли* (1909—2001) — «король итальянский журналистики», историк-популяризатор, драматург. Будучи мыслителем правой ориентации, тем не менее критиковал итальянский фашизм, вступал в дискуссии и конфликтовал с владельцами СМИ, в которых работал, и говорил: «У меня хозяев нет».

нить тактику и стратегию пропагандирования коммунизма при Тольятти. При жуткой усложненности теоретической казуистики на уровне руководящего эшелона партии с рядовыми членами и нечленами партия общалась посредством эффектных и общепонятных речевок, воспроизводившихся несчетное число раз.

Во-первых, это были бесконечные наскоки на капитализм и империализм — виновников бедности в мире. На НАТО — поджигателя войны. На правительство — пособника американцев и на полицию — прислужницу правительства. Изо всех сил клеймили если не государство, то уж точно — правоохранительные органы за то, что они разгоняли левых демонстрантов, но щадили правых экстремистов. Во всяком случае, в судебных ведомствах различали отдельных «хороших» сотрудников (в основном — неподкупных судей, противостоявших произволу) и остальные «нехорошие» органы, которые попустительствовали правящему классу, а рабочий протест давили и разгоняли. Берлускони подставил в ту же формулу вместо «Америки» — «коммунизм с его безрассудными прислужниками» (в безрассудные прислужники скопом попали и католики, такие как бывший президент Италии Оскар

Луиджи Скальфаро[144], и консерватор Монтанелли). Как и коммунисты, Берлускони поделил правоохранительные органы на две категории: на «красных комиссаров», разбирающих аферы Берлускони, и «умеренных» (то есть юристов, которых нанимают доказывать, будто афер Берлускони не было): как и коммунисты, Берлускони разделил органы на «хорошие» и «нехорошие».

Во-вторых, ярко помнится, до чего чеканны были лозунги коммунистов (они были гораздо более просты, чем политический проект, который они обслуживали). Вспомним выступления Джанкарло Пайетты[145]: при всей диалектической утонченности оратора, главный посыл звучал лобово: «Все надо менять».

Третья параллель — несомненное умение ма-

---

[144] Примечания: 144

Оскар Луиджи Скальфаро (р. 1918) — итальянский политик, представляющий католические круги. Президент Италии с 1992 по 1998 г. Известен ригоризмом взглядов и нетерпимостью к нарушению приличий. Памятен случай, когда Скальфаро в ресторане отчитал посетительницу за чересчур откровенное декольте. Причисление человека подобного склада к «коммунистам» звучит парадоксом для любого знакомого с итальянской ситуацией читателя.

[145] Примечания: 145

Джанкарло Пайетта (1911—1990) — крупный руководитель Итальянской компартии, с четырнадцати лет был политически активен, в семнадцать — впервые арестован. Пятнадцать лет провел в тюрьмах, воевал против немецких оккупантов в партизанских бригадах «Гарибальди», был избран в национальный парламент в 1948 г., воспринимался итальянцами как героическая фигура и страстный оратор.

нипулировать общечеловеческими ценностями будто собственным имуществом. Вспомним широкомасштабную кампанию «борьбы за мир» в 1960–1970-е годы, вспомним, как причудливо использовали коммунисты термин «демократия» (у них выходило, что демократия существовала только в странах соцлагеря). Вспомним, как коммунисты монополизировали Гарибальди. Точно то же происходит у нас сегодня. Стоит выкрикнуть на стадионе «Давай, Италия!»[146], упомянуть в статье или в выступлении либеральные ценности, да просто употребить где угодно слово «свобода», как немедленно оказывается, что ты выкрикнул лозунг «Полюса свобод». Точно так в прежние времена стоило заикнуться, что мир лучше войны, как ты автоматически оказывался в рядах попутчиков коммунистической партии, по крайней мере до тех пор, пока Папа Иоанн XXIII не выступил с энцикликой *Pacem*

[146] Примечания: 146

«Жми, Италия!» или «*Давай, Италия!» (Forza Italia)* — партия, основанная Сильвио Берлускони в январе 1994 г., уже через три месяца сумела набрать 20% голосов избирателей на выборах. Путем объединения с нео– (или пост-) фашистами («Национальный союз» — *Alleanza nazionale*, партия Джанфранко Фини), с сепаратистами-ксенофобами из «Лиги Севера» (*Lega Nord,* партия Умберто Босси) и с несколькими более мелкими партиями Берлускони организовал и возглавил «Полюс свобод».

in terris[147] — тогда, по крайней мере, понятие «мир» перестало восприниматься как один из рычагов чисто коммунистической агитации.

Прочими характерными атрибутами пропаганды и политики прапракоммунизма (и в парламенте, и на улицах) были, с одной стороны, подчеркнутая агрессивность, в том числе словесная, в результате чего любое возражение оказывалось заклеймленным как «антинародное выступление», а с другой стороны, постоянное обвинение оппонентов, что те-де агрессивны и «травят» народную партию. Подобное вызывающее поведение восходило к южноамериканским повстанцам («Тупамарос»[148], например) и было свойственно также европейским террористам, которые вдохновлялись идеей (как выяснилось,

---

[147] Примечания: 147

Этот изданный в 1963 г. теоретический документ в форме послания епископам (энциклики) начинается словами «Мир на земле» (первые слова энциклики — всегда ее название). Папа, обеспокоенный напряженной международной обстановкой, призвал всех «людей доброй воли» к диалогу и толерантности. Он процитировал выражение из Священного Писания («Слава в Вышних Богу и на земле мир людям доброй воли»), дав начало известному термину политической лексики.

[148] Примечания: 148

Tupamaros — движение MLN *(Movimiento de Liberaci ó n Nacional),* военизированные подпольщики марксистских убеждений в Уругвае в начале 1960-х гг. Название «Тупамарос» восходит к имени вождя восстания в Перу Тупака Амару II (побежден и казнен в мае 1871 г.), в свою очередь позаимствовавшего имя императора инков Тушка Амару I (1544—1572).

утопичной), что нужно устраивать такие провокации, чтоб никакое правительство их не пожелало терпеть и отвечало бы репрессиями, а репрессии, в свою очередь, привели бы к восстанию всего народа.

Независимо от тех давних экстремистов, агрессивное обличение «заговора прессы» стало главным оружием наших радикалов, главным их занятием, фундаментом их известности, основой их протестных выступлений против замалчивания их деятельности в органах СМИ. Точно так же и берлускониевская пропаганда, располагая СМИ громадной силы, использует эту громадную силу в основном для того, чтобы жаловаться на преследование со стороны прессы.

Прапракоммунисты часто пощипывали чувствительные струны народности (сегодня то же самое — то и дело взывают к «народу Италии»). Проводили многотысячные демонстрации с колыханием знамен и громкими песнями. Соблюдали условную раскраску (красный цвет). Точно так же Берлускони использует синий. И вдобавок ко всему (как утверждают сегодня правые) коммунистические силы постепенно захватывали все центры культурной деятельности. В те времена это были издательства и толстые журналы.

Любопытна попытка «Универсале дель Кангуро»[149] подверстать в прогрессивные писатели даже классиков: Дидро и Вольтера, Джордано Бруно и Фрэнсиса Бэкона, Эразма Роттердамского и Кампанеллу.

Разговор это сложный, тонкий, потому что следовало бы вынести на суд истории и «раздвоенность Тольятти», но тут уж я отступаю и предоставляю обдумывание интересных аналогий моему читателю.

«Обкатывая» эти свои мысли в разговоре с друзьями, я услышал, что они, напротив, видят разницу между стародавней пропагандой коммунистов и нынешней берлускониевской пропагандой. При всей агрессивности по отношению к правительству, компартия старых времен поддерживала многие законы, предлагавшиеся противниками (от модификации Седьмой статьи конституции[150] и вплоть до многих реформ), в то время как «Полюс свобод» постоянно про-

---

[149] Примечания: 149

Известная книжная серия издательства левой интеллигенции «Фельтринелли» (Милан) в 1970-е гг. называлась «Кенгуру» *(Il Canguro).* Теперь эта серия носит название *Economica universale Feltrinelli*, но сохраняет логотип с кенгуру и продолжает нумерацию старой серии.

[150] Примечания: 150

Статья 7 определяет взаимоотношения государства и церкви на основании Латеранских соглашений 1929 г. Церковь не имеет права вмешательства в политику государства Италия.

тивится, и прямо, и косвенно, и саботажем, тем реформам левого правительства, которые, по логике, «Полюс» отлично мог бы и поддержать. Безусловно, Тольятти в свое время был вынужден смириться со статусом пожизненного оппозиционера. После Ялты уже не было возможности, да, в общем, не было и потребности затевать революцию в Италии. Так что Тольятти принял курс на непротивление. В этом смысле позиция «Полюса» далека от той давней позиции прапракомпартии.

Чрезвычайно любопытно, что в самой типичной для «Полюса свобод» пропагандистской модели, в стратегии и тактике их политической борьбы наблюдаются отголоски деятельности даже не столько компартии, сколько внепарламентских групп образца шестьдесят восьмого года.[151]

У внепарламентариев образ врага в 1960-е годы ассоциировался не с самым очевидным злом (США), а со злом более тонким, замаскированным: межнациональные корпорации, Трехсторонняя

[151] Примечания: 151

Внепарламентские группы существовали в нескольких западноевропейских странах; это левые политические движения, не имевшие представителей ни в палате общин, ни в сенате, но ярко заметные на политическом горизонте, проводившие многочисленные демонстрации, акции протеста, разъяснительную работу в школах и на фабриках.

комиссия[152], воплощения перманентного заговора. Далее: не спускать врагу никогда и ничего, беспрестанно шельмовать, что бы он там ни предлагал, отвергать любую возможность диалога, любые встречи; отказываться от встреч с журналистами, ибо журналисты — прислужники правящего класса. Постоянная глухая оборона. Отказ сотрудничать с парламентом. Отвергать какие бы то ни было компромиссы можно было только при уверенности, о которой постоянно трубили и провозглашали в виде пророчеств и лозунгов, что победа революции неизбежна. Так что следовало немилосердно действовать на нервы закомплексованной буржуазии, провозвещая, что вот-вот грядет. И что пленных не берем. И что уже составлены проскрипционные списки и завтра они появятся в дацзыбао. Избранная техника напоминала кетч: изводить противника воплями, запугивать речевками вроде «фашистские гады, буржуям нет пощады!» *(fascisti, borghesi,*

[152] Примечания: 152

Трехсторонняя комиссия была создана в 1973 г. Дэвидом Рокфеллером для противостояния некоторым процессам новой политической и исторической обстановки, которые могли угрожать финансовому благополучию процветающих государств и многонациональных корпораций, и для влияния на стратегические, экономические и политические решения правительств. В комиссию входили крупные менеджеры, промышленники, банкиры и политики Европы, США и Японии.

ancora pochi mesi) и «это только начало» *(ce n ' est qu ' un d é but),* или попросту орать в лицо «дурак, дурак» *(scemo, scemo).* Поход за властью должен был совершаться под хоругвями — священными иконами Че Гевары и Ленина–Сталина–Мао. Можно сказать, что все это просто подбор аналогий и что пропагандистские приемы везде и всегда между собою сходны, однако полезно учесть вдобавок, сколько перебежчиков и из рядов прапракоммунистов, и из рядов бывших активистов 1968 года завербовалось в конце концов в «Полюс свобод». Не столь уж неразумно полагать, будто Берлускони в еще большей степени, чем к рекламщикам и пиарщикам, поучавшим его на ранней стадии, впоследствии начал прислушиваться к бывшим левым.

Прислушаться к левым, памятуя, сколь солидные наработки имеются у них по части агитации и пропаганды, — это было с его стороны очень умно. Особенно если учесть, что в современной политической географии настоящая массовая партия — именно «Полюс». Именно идеологам «Полюса» удалось угадать, что в процессе предуказанного марксизмом разложения общества сформируются новые группы, уже не по имущественному цензу, а по принципу поголовной

зависимости от мира массмедийных ценностей, то есть группы, нечувствительные к идейным призывам, но чувствительные к призывам популистским. «Полюс» вербует через посредство «Лиги Севера» пужадистскую[153] мелкую буржуазию Севера, через посредство неофашистского «Национального союза» — малообеспеченное население Юга, которое вот уже полвека голосует за монархистов и неофашистов. А через партию «Давай, Италия!» «Полюс» обратился к тому самому рабочему классу былых времен, немалая часть которого сегодня докарабкалась до статуса мелкой буржуазии и в этом качестве опасается угрозы своему благосостоянию со стороны новых люмпенов. Именно эта прослойка благодарно воспринимает программу «Полюса»: борьба с преступностью, уменьшение налогового гнета, защита от государственного произвола, неподчинение столице — средоточию всех на свете зол;

[153] Примечания: 153

Пьер Пужад (1920—2003) — лидер «движения налогового сопротивления» во Франции, в 1953 г. создавший Союз защиты коммерсантов и ремесленников *(Union de D é fense des Commer ç ants et Artisans)* и возглавивший массовое народное движение пужадистов, которое в 1956 г. одержало неожиданную победу на парламентских выборах (53 депутата, 12% голосов на национальном уровне). Политик правых убеждений, последователь фашиста Жака Дорио, работавший в свое время на вишистский режим, Пужад без труда добился консенсуса от многочисленной мелкой буржуазии Франции. Имя Пужада стало нарицательным.

устрожение нравов, нетерпимость к любому виду альтернативного поведения. Приоритеты, общие для всех популистских риторик.

В популистской риторике вызрели и те доводы о преимуществах Берлускони, которые так хорошо действуют на людей низшего социального происхождения. Вот эти пункты: (i) Берлускони — миллиардер, поэтому не станет воровать (соображение, основанное на принципиальном отождествлении политиков с ворами); (ii) что мне за дело, если он устраивает собственные дела, я буду рад, если он устроит заодно и мои; (iii) человек, который исхитрился так здорово разбогатеть, сумеет обогатить и народ, которым он будет править (почему-то подобные надежды не оправдали ни Бокасса[154], ни Милошевич). Отметьте, что такие упования убедительны для тех, кто много смотрит телевизор и видит, что телевизор способен обогатить того, «кто хочет стать миллионером». Однако подобная вера уходит корнями в первобытные, архетипические суеверия. Достаточно вспомнить «грузовые куль-

[154] Примечания: 154

Жан Бедель *Бокасса* (1921—1996) — правитель Центрально-Африканской Республики (в конце правления — император Центральноафриканской империи), садист и людоед, был свергнут и бежал за границу, после чего мирно жил сперва в личном замке во Франции, а потом в Кот-д'Ивуар, где ему предоставили убежище.

ты», бытовавшие на островах Океании с периода начального колониализма приблизительно до конца Второй мировой войны. Белые приплывали на кораблях и прилетали на самолетах, сгружали еду и другие удивительные товары (предназначенные большей частью для них самих, для белых). А туземцы ждали появления каждого грузового парохода или самолета, словно прихода Мессии. Они думали, что рано или поздно пароход доставит вещи и для них.

Когда в электорате живут подобные надежды и чаяния, из этого следует: нарождается настоящая массовая партия, а в настоящей массовой партии обычно живут речевки, лозунги и задорные призывы. Основной просчет левых сил сегодня: они не понимают, они по своей природе, видимо, не способны понять, что подлинный электорат партии, которая поставит целью провести реформы в Италии, — это уже не «народные массы», а обеспеченные слои, работники непроизводственной сферы. Этот электорат громаден. Именно к нему, а не к мифическому рабочему классу, и надлежит левым сегодня адресоваться.

Так что одно из удивительных открытий в этой нашей избирательной кампании: самый завзятый коммунист из всех возможных зовется

Сильвио Берлускони. Прапракоммунистические технологии и практики 1968 года все те же, они не переменились. Только теперь их оседлала партия капиталистов, как в свое время она оседлала программу кооперативов. Так что вперед, товарищи.

О популизме в СМИ
Именем итальянского народа [155]

На этой неделе писали, что иностранные журналисты обеспокоены наступающим полугодием, когда Евросоюзом будет управлять премьер-министр Италии. Они, конечно, правильно беспокоятся. У них есть поводы для тревоги. Характерно, что Берлускони сильно пугает жителей зарубежных стран (те в полном ужасе от мысли, как бы с ними не случилось того, что случилось с нами), а вот среди итальянцев процент тех, кто пугается Берлускони, не так уж и высок. Тем не менее угрозы, которые таятся в деспотичном режиме Берлускони, многочисленны. Я намерен поговорить об одной из них. Для начала поспокойнее разберемся в выражении «режим». Обыкновенно, когда кто-то говорит о деспотичном режиме, все понимают — имеется в виду фашизм. Ну, это натяжка. Самый отъявленный критик правительства, как ни крути, не сможет утверждать, будто Берлускони открыл «Палату Фашио и корпораций», переодел всех

---

[155] Примечания: 155
Servirsi del popolo. L'Espresso, июль 2003 г.

школьников в черные рубашки, позакрывал журналы и газеты. Нет, мы не имеем в виду «фашизм». «Режим» — нейтральный термин, и означает он форму правления. Существуют страны с демократическим режимом, с христианско-демократическим, с республиканским, с монархическим режимами.

А Берлускони создает и разворачивает свою, особую форму правления. Среди характеристик этой формы я выделил бы прежде всего опасную популистскую окраску. Под популизмом я подразумеваю не историческое явление (вроде народничества в России), а явление современное. Популисты — это Перон и другие южноамериканские и африканские начальники. Попробуем вспомнить, что заявлял Берлускони, когда он еще не прикрывался от правосудия своей премьер-министерской должностью и в отчаянных поисках спасения по ходу дела старался делегитимизировать судебную власть. Берлускони заявлял: «Я, будучи избран волею народа, неподсуден тем, кто получил место по служебному конкурсу».

По этой логике, нельзя доверить и хирургу удаление аппендикса, детей нельзя посылать к учителям. А если нас арестуют карабинеры — мы окажем сопротивление по той причине, что они

не народные избранники, а всего лишь лица, выигравшие специальные конкурсы.

На самом же деле «народа» как выражения единой воли и чувства, как натуральной живой силы, воплощающей мораль и историю, не существует. Существуют граждане, и у каждого гражданина своя идея, и в демократическом режиме (который не идеален, но другие режимы еще менее идеальны) принято передавать власть тем, кто получил согласие от большинства сограждан. Не от «народа», а от большинства, и часто не в силу количественного перевеса, а вследствие особого расклада сил по одномандатной избирательной системе. Избранники образуют парламент, где пропорционально представляют избравших их граждан. Но государство не сводится к парламенту. В государстве есть «промежуточные инстанции»: промышленность, армия, пресса. Этими институциями руководят группы людей, проходивших конкурс. И их заслуги отнюдь не умаляются тем фактом, что они были введены в роль проэкзаменовавшими и проверившими их подготовку экспертами. Результаты конкурса могли быть подтасованы? Согласен, но в аналогичной степени подтасованы могли быть результаты выборов. Проведя нужный конкурс,

государство заверяет, что представители промежуточных инстанций действительно способны исправлять доверенную должность. Выиграв конкурсы, воспитатели детсадов получают право авторитетно утверждать, что когда Берлускони говорит «Ромул и Ремул» вместо «Ромул и Рем», он отступает от нормы. На основании конкурсов врачи получают право предостерегать население от определенного лекарства: значит, лекарство вредно. По той же самой схеме конкурсов (это называется «кооптация») получают свои должности министры, формируется правительство: министры не обязательно должны быть избранными депутатами парламента. Министры должны быть компетентны в своей работе.

Воля народа — фикция; поскольку народа как такового не существует, популисты фабрикуют иллюзию народной воли. Кто-то, следом за Муссолини, собирает сотню тысяч, двести тысяч человек. Муссолини обращался к толпе с балкона на площади Венеции, толпа восславляла Муссолини и, как на театральной сцене, исполняла роль народа. Кто-то для создания иллюзии народного консенсуса подделывает данные опросов, кто-то адресуется к фантомному «народу». Действуя подобным образом, популист

приравнивает собственный замысел к народному волеизъявлению, после чего, в случае успеха (что нередко), преображает в этот выдуманный им «народ» немалую часть сограждан, очарованных иллюзией и стремящихся с этой иллюзией отождествиться.

Таковы риски популизма, явно знакомого и явно неприемлемого для нас, когда мы наблюдаем его примеры в других странах. Забавно, что мы не обращаем внимания на его же проявления прямо у нас перед носом. Видимо, некоторые черты заметнее со стороны, и иностранцы различают их значительно четче, нежели сами граждане (можете говорить — население, только, пожалуйста, не народ!) в своих собственных пространствах обитания.

Цапаться ли с Берлускони? [156]

Я иду в киоск, покупаю все газеты и журналы, по штуке. И замечаю, что критикой властей занята только оппозиционная периодика плюс в определенной степени те издания, которые называют себя «независимыми» и, соответствен-

---

[156] Примечания: 156
Demonizzare Berlusconi? MicroMega, сентябрь 2003 г.

но, клеймят хотя бы самые скандальные факты общественной жизни. Однако многие читатели покупают совсем другие издания, поэтому критика проходит мимо них. Из-за этого, к сожалению, сплошь и рядом антиберлусконизм превращается в междусобойчик, объединяющий тех, кто и так все понимает, а резкая критика (если и звучит) не доходит до ушей именно тех наших соплеменников, которым следовало бы задуматься: кому же все-таки они отдали свои голоса несколько лет тому назад? Право, начинаешь понимать, пусть и не разделяя, позицию тех, кто при вполне оппозиционных взглядах призывает: хватит травить премьер-министра. Травля рискует выродиться в светскую салонную говорильню, где все соглашаются друг с другом и все поносят Берлускони, потому что это бонтонно.

Отсюда мой первый вывод — вернусь к нему в конце этого рассуждения: критика властей доходит лишь до той аудитории, для которой в этой критике ничего нового не содержится.

Теперь перейдем к прочим выводам. Они касаются нашей многострадальной Италии. Каждый день до нас доносятся возмущенные отклики (по счастью, они доходят и из-за границы, где общественное мнение возмущается даже сильнее, чем

здесь у нас) на тот ползучий переворот, который Берлускони пытается провести. Мы все заметили, что прения на тему «насаждает ли Берлускони деспотизм» были сформулированы неудачно, поскольку деспотизм ассоциируется обязательно с «фашистским режимом», а тогда, истины ради, следует возразить, что Берлускони не отменяет ни свободу печати, ни право на выборы и не высылает диссидентов на Вентотене.[157]

Но может быть, если бы вовремя проговорили, что «деспотизм» есть просто одна из известных форм правления, стало бы ясно, что Берлускони день ото дня устанавливает именно деспотическую форму правления, при которой партия, страна и государство становятся стопроцентно приравнены к сумме корпоративных интересов

---

[157] Примечания: 157

Вентотене — вулканический остров в Тирренском море (входит в состав Понтинских островов) площадью 1,3 км с выстроенной на нем тюрьмой Санто-Стефано; служил местом заключения еще во времена Древнего Рима. Фашистский режим отправлял туда диссидентов — кого в тюрьму, кого на вольное поселение. На Вентотене в 1941 г. был написан программный «Манифест Вентотене» — поразительный ранний проект политического и экономического объединения Европы, разработанный ведущими представителями ссыльных интеллигентов: Альтьеро Спинелли (1907—1986), Эрнесто Росси (1897—1967) — политическими руководителями антифашистской организации «Правосудие и Свобода» *(Giustizia e Libert à)* — и философом Эуджению Колорни (1909—1944). Альтьеро Спинелли справедливо считается одним из отцов-основателей единой Европы.

правителя. Это делается не прибегая к полицейским операциям, к аресту депутатов. Это делается посредством поэтапного захвата главных средств информации. Или накладывая лапу с применением групповой тактики и посредством всяческих финансовых махинаций, по счастью не всегда успешных, на те издания, которые пока еще независимы. Или заручаясь поддержкой масс, замешенной на популистской пропаганде.

По этому поводу можно утверждать следующее:

(i) что Берлускони подался в политику с единственной целью — отсидеться или отбиться от судебного дознания и, вероятно, от тюрьмы;

(ii) что, как сказал один французский журналист, Берлускони выстраивает «педежизм» (*pdg* во Франции значит *pr é sident directeur g é n é ral*, президент — генеральный директор, то есть босс, менеджер, неподконтрольный командир на предприятии);

(iii) что Берлускони получил поддержку преобладающей части населения на выборах, а следовательно, оппозиция не имеет права гнать его с престола. Оппозиция вправе только агитировать эту преобладающую часть, уговаривая принять и признать наши соображения;

(iv) что Берлускони, получив поддержку преобладающей части населения на выборах, протаскивает законы, направленные на защиту его собственных личных интересов, а вовсе не интересов населения (и это и есть педежизм);

(v) что Берлускони, как показано выше, не является ни государственным мужем, ни вообще политиком традиционного типа, а следует иной модели поведения, и именно поэтому он опаснее приснопамятных каудильо: берлускониевские приемы внешне совместимы с принципами демократии;

(vi) что вышесказанные, общеизвестные и неопровержимые положения сводятся к следующему: Берлускони уже преодолел фазу конфликта интересов и уже вошел в фазу борьбы за конвергенцию интересов и работает на эту конвергенцию день и ночь. То есть старается внушить стране, будто его личные интересы совпадают с интересами нации.

Это, без всякого сомнения, деспотизм. Деспотизм и по форме, и по сути — по восприятию самой идеи управления нацией. Деспотизм этот строится до такой степени активно, что опасения заграничных журналистов продиктованы, думаю, не сочувствием и не заботой об Италии,

а прозаическим опасением, как бы Италия не повторила недавнее и недоброе прошлое и не превратилась в лабораторию вирусов, расползающихся по всей Европе.

К сожалению, однако, противники Берлускони, в том числе и зарубежные, верят и в еще одну теорию, седьмую и с моей личной точки зрения — неправильную. Якобы Берлускони, будучи не политиком, а боссом крупной фирмы, весь поглощен разруливанием и выравниванием неустойчивых равновесий внутри своей коалиции; поэтому-де он не замечает, что в понедельник говорил одно, во вторник другое. Что якобы он по неопытности допускает ляпсусы политического и дипломатического свойства: говорит, когда не положено, позволяет себе высказывания, которые на следующий день приходится опровергать и извиняться, и до такой степени не разграничивает свои собственные дела и дела государственные, что при иностранных министрах шутливо жалуется на шалости собственной супруги. Конечно, Берлускони таков. Не зря Берлускони — идеальная мишень для сатириков. Оппозиция обычно радуется, узнавая новые «перлы» Берлускони. Оппозиция думает при этом, что Берлускони нечувствительно для

себя катится под гору и сам себе готовит конец.

А я, наоборот, думаю, что Берлускони — политик самоновейшей формации, скажем даже — супер– и постновейшей. И что Берлускони осуществляет, именно в самых своих нелепых поступках, сложную, хитрую и тонкую стратегию, подтверждающую, что он абсолютно владеет собой и имеет сильный оперативный ум (это не ум теоретика, а сверхъестественная торгашеская сообразительность).

Действительно, в Берлускони поражает (и, к сожалению, забавляет многих) торгашеская манера поведения. Он не дотягивает до Ванны Марки[158], но и он гипнотизирует недоразвитую публику. Он работает в точности как торговый представитель автомобильной фирмы. Первым делом он говорит, что предлагаемая им машина — зверь, ступнешь на газ — она уже едет двести. Запроектирована специально для гонок. Но после того, как продавец узнает, что у вас пятеро детей и теща в инвалидной коляске, машина без вся-

[158] Примечания: 158

Телеведущая *Ванна Марки* (р. 1942) несколько десятков лет выступала в телепередаче карточных гаданий с предложениями выгодных покупок. В начале 2000-х годов была арестована и приговорена к тюремному заключению за надувательство и обман. Ее истеричная, требовательная и визгливая манера стала ярким явлением в итальянском паноптикуме масскультуры.

кого перехода оказывается идеалом безопасного вождения, она, как выясняется, куда ни жми, всегда едет ровно, всегда держит крейсерскую скорость, идеальный автомобиль для большой семьи. Потом, по наитию, в порыве великодушия торговый агент предлагает коврики бесплатно. Торговому агенту нет дела, воспринимаете ли вы его высказывания как последовательные. Ему нужно, чтобы среди всего им упомянутого вас зацепила какая-нибудь одна тема. Он знает, что вы отреагируете на что-нибудь одно, на что-нибудь для вас важное, и как только вы зациклитесь на этой важной вещи, все остальные вами забудутся. Поэтому агент упоминает обо всем на свете по очереди, ведет рассеянную пальбу, не заботится о противоречиях. Он знает, что следует говорить много, говорить напористо, убивать в зародыше всякие возникающие возражения.

Многие помнят, что на телевидении когда-то была программа господина Менделлы (и длилась не по полминуты — это только крупные фирмы выпускают рекламу по полминуты, — а по часу, по два и по три, по многу часов на специальном рекламном канале). Господин Менделла убалтывал пенсионеров и небогатые семьи, чтобы те доверяли ему свои сбережения. Обещал всем про-

центы в размере 100% в год. Разорив несколько тысяч человек, Менделла был арестован в тот момент, когда готовился удрать с кассой, хотя если б не занервничал и не переторопился, сумел бы и вывернуться. Так вот Менделла проводил свой первый сеанс в десять вечера и убеждал всех, что лично он не получает выгоды от управления чужим имуществом, что он просто уполномоченный представитель крепкой, важной и крупной фирмы. А на втором сеансе, в одиннадцать, тот же Менделла провозглашал, что в предлагаемые операции, которых он является единоличным гарантом, вложено его собственное состояние и, следовательно, его личные интересы полностью совпадают с интересами клиентов. Люди, посылавшие Менделле деньги, ни разу не отреагировали на эту нестыковку в утверждениях, потому что каждый явно сосредоточивал внимание на том пункте, который внушал ему больше доверия. Сила Менделлы была не в качестве аргументов, а в вываливании сразу тысячи аргументов россыпью.

Техника Берлускони явно относится к тому же типу: «я увеличу пенсии» и «я сокращу налоги». Но техника Берлускони сложнее. Берлускони торгует консенсусом. Однако у него не настолько

доверчивые клиенты, как у Менделлы. Берлускони встречается лицом к лицу с оппозицией, с общественным мнением, в том числе иностранным, с прессой, которая еще не вся подкуплена. Берлускони сообразил, как ему оборачивать исходящую от всех них критику себе на пользу.

Во-первых, раздавать обещания. Сторонникам они могут казаться удачными, неудачными или никакими. Важнее, чтобы эти обещания цепляли за живое противников. Поэтому Берлускони не реже раза в день выдает бессвязную ахинею. Чем невообразимее и неприемлемее, тем лучше. Это гарантирует ему место на первых страницах национальных газет и в заголовках тележурналов. То есть гарантирует ему всеобщее внимание. Во-вторых, провокационность высказываний должна быть настолько острой, чтобы оппозиция не могла не ответить. Чтоб она разразилась отчаянными филиппиками. Берлускони требуется не менее одной филиппики в день. Его должны клеймить и оппозиционные издания, и даже издания нейтральные, у которых попросту лопается терпение при виде дико неконституционного поведения Берлускони. Таким образом Берлускони демонстрирует своим сторонникам, что его постоянно шельмуют: «Видите, они на

меня кидаются по любому поводу!»

Жалостное нытье, казалось бы несовместимое с нахрапистостью, присущей Берлускони, — лучшая формула успеха. Нам известны иные примеры, и даже очень трогательные, такого систематического нытья, например — Паннелла[159], который десятилетиями торчит на первых полосах газет с душераздирающими жалобами, будто все его деяния систематически замалчиваются прессой. Нытье также присуще всем разновидностям популизма. Муссолини атаковал Эфиопию, навлек на Италию международные санкции, после чего принялся ныть (в пропагандистских целях, разумеется), жалуясь на международный заговор против его страны. Провозглашая превосходство италийской расы, Муссолини возбуждал национальную гордость, но подавал эту информацию плаксиво и сокру-

[159] Примечания: 159

Имя Марко *Паннеллы* (р. 1930) неотторжимо от истории итальянской радикальной партии. Он был одним из ее основателей (1955) и по сей день остается «лицом партии». Ярый антиклерикал левого толка, борец за введение в Италии закона, позволяющего разводы (с 1 декабря 1970 г. этот закон вошел в силу), Паннелла добивался и введения знаменитого закона № 194 от 22 мая 1978 г., разрешающего аборты в государственных и частных больницах. В телевизионных дебатах он ведет себя импульсивно, не чуждаясь буффонад, громоподобных филиппик и нарушения всяческих приличий. Паннелла столь часто проводил голодовки политического протеста, что юмористы и карикатуристы считают себя вправе нещадно эксплуатировать эту ситуацию.

шался, что другие страны презирают Италию. Гитлер двинулся на завоевание Европы и при этом хныкал, что окружающие государства отнимают жизненное пространство у немецкого народа. Такова техника волка при работе с ягненком. Любое злоупотребление должно опираться на претензии, будто твои права были попраны. В конечном счете нытье — это одна из техник, при помощи которых деспотизм умело сплачивает свои ряды, возбуждая шовинистические чувства. Надо попросту завопить, что кто-то «нас» ненавидит и хочет подрезать «нам» крылья. Любое националистическое, популистское камлание возникает из национальной униженности.

И не только. Ежедневные жалобы на заговор дают повод ежедневно возникать в прессе и клеймить противников. Это тоже старая и добрая техника, ведомая детям — щиплешь одноклассника, он в тебя лупит из рогатки, ты жалуешься учителю.

Имеется у этой же стратегии еще один прием. Чтобы взаимные провокации обретали лавинообразный характер, высказываться должен не только начальник. Он должен спускать с цепи своих самых бешеных сподвижников. Не следует им ничего объяснять. Если сподвижники подо-

браны квалифицированно, они самостоятельно со всем управятся, и чем они ретивее, чем их провокации наглее, тем лучше для дела.

В провокациях приветствуется любая дикость. Скажем, могут брякнуть, будто настроены переменить конституцию в разделе, касающемся охраны природной среды. Да это и не только настроение, а действие, чем иным является, например, разрешение развивать скорость на автодорогах до ста пятидесяти? А намечаемые фараоновы стройки века — что это, если не уничтожение природы? На такое оппозиция не может не отреагировать. Иначе она потеряет лицо, не выполнит своей роли контролера и гаранта справедливости. Чтоб возбудить гнев оппозиции, достаточно запустить хорошую провокацию, на другой день опровергнуть ее («меня превратно истолковали») и тут же запустить новую. Новая вызовет очередные нападки оппозиции и очередной общественный интерес, и все забудут предыдущую провокацию, как тихое пуканье.

Дикость провокаций позволяет правящей группе, кроме того, добиваться двух существенных результатов. Первый результат обусловлен тем, что по своей природе всякая провокация — пробный шар. Если общественное мнение завопило

в ответ недостаточно гневно — это сигнал, что самая несусветная программа может быть внедрена. Так чтоб не давать правительству потачки, оппозиция вынуждена на все реагировать резко и энергично, даже когда ей понятно, что речь идет о неосуществимом бреде. Если оппозиция не реагирует, она открывает дорогу новым провокациям. Вот оппозиция и возмущается, дабы предотвратить ползучий переворот, но, возмущаясь, она перевороту способствует, ибо льет воду на Берлускониеву мельницу.

Второй результат, к которому приводит эта тактика, можно назвать «эффектом бомбы». Я всегда говорил, что, будь я политиком, впутанным во многие и неприглядные истории, и узнай я, что через пару дней в газетах будет обнародована информация о моих проделках, у меня оставался бы лишь один выход: подложить бомбу на вокзале, в банке или на паперти собора в час окончания мессы. Это гарантировало бы, что по меньшей мере две недели первые полосы газет и заставки теленовостей будут заняты терактом, а беспокоящие меня разоблачения, даже если появятся, окажутся на внутренних страницах и не будут замечены. В крайнем случае они зацепят общественное внимание, но по касательной:

внимание будет отвлечено на другие проблемы.

Типичный случай эффекта бомбы — фразочка насчет капо[160] в сочетании с высказыванием министра туризма Стефани о немецких туристах, невежественных пьяницах[161]. Как это понимать? Скандальный ляп? Который вызвал международный инцидент как раз во время итальянского парламентского полугодия? А ляпа не было. Во-первых, фразочка предназначалась для ушей сторонников Берлускони, для тех, кому присущ латентный шовинизм. А кроме того, как раз в этот день в парламенте поставили на обсуждение закон Гаспарри[162], посредством коего Берлускони окончательно уничтожал государственные телеканалы и умножал свои дивиденды. Однако я и многие еще вместе со мной узнали о голо-

[160] Примечания: 160

В июле 2003 г. на заседании Европейского парламента делегат от европейских социал-демократов Мартин Шульц задал Сильвио Берлускони, исполнявшему роль очередного председателя парламента, несколько вопросов, чем-то обидевших Берлускони, на что тот ответил Шульцу: «В Италии снимают фильм о концлагерях, я предложу вас на роль капо». Бестактность этой реплики усугублялась тем, что Шульц — этнический еврей. История о Шульце и капо обошла газеты и журналы всего мира и не забылась даже через три года после события.

[161] Примечания: 161

Еще одна бестактность правых депутатов в период правления Берлускони. Стефано Стефани, заместитель председателя «Лиги Севера», намереваясь поддержать Берлускони против Шульца, так высказался об общих чертах немецкого характера: «Туристы из Германии, проводящие чемпионаты по рыганию после свинского обжорства картошкой

с пивом...» Эта реплика депутата привела к многочисленным отказам немецких туроператоров и поставила под угрозу весь туристический сезон 2003 г. (обычно немецкие туристы в Италии — самые многочисленные и самые обеспеченные).

[162] Примечания: 162

Закон о реорганизации национального радио и телевидения, открыто лоббирующий интересы Сильвио Берлускони, был представлен на утверждение последнего правительства Берлускони министром по вопросам связи Маурицио Гаспарри, членом правой партии «Национальный союз». Одобрен парламентом 2 декабря 2003 г. и отменен (наложением вето) Президентом Итальянской Республики Карло Адзелио Чампи 15 декабря того же года как антиконституционный. В закон Гаспарри были внесены изменения, и он был снова представлен на обсуждение в парламенте и проведен правым большинством 3 мая 2004 г. Закон вызвал резкие и массовые протесты: он позволил Сильвио Берлускони сосредоточить в своих руках огромное количество СМИ, чем, в частности, были более чем удвоены его прибыли от показа рекламы.

совании Гаспарри только благодаря тому, что за рулем машины прослушали прямой эфир из парламента на «Радио Радикале». Газеты на десятках полос гудели о неловкости Берлускони и волновались: поедут ли обиженные немцы этим летом в Италию? Никто не спал от любопытства: так извинился ли все-таки Берлускони перед Шредером или нет? Эффект бомбы срабатывал на загляденье.

Перечитайте первые страницы газет недавнего периода, ну, скажем, года за два. И посмотрите, сколько замечательных «бомб» было подброшено для отвлечения общественного мнения. На фоне ошеломительных предложений, например: подвергать судей принудительному психосмотру, — прежде всего я задумываюсь: какое действительно важное событие была призвана эта бомба отодвинуть на задний план?

Умелый «педежист» Берлускони контролирует и направляет реакции оппозиционеров, путает их карты, использует любые сигналы для демонстрации того, что все под него копают, все хотят его погубить и любой поворот общественного мнения — это подлый кинжал, метящий прямо ему в печень.

Наконец, стратегия «чересчурности», вызываю-

щая оторопь у тех средств массовой информации, которые нацеливаются на критику. Возьмите хотя бы скандал «Телеком–Сербия»[163]. Грядущие историки напишут, что в этом шабаше инсинуаций и взаимных попреков были затронуты целых шесть совершенно различных непроясненностей. А именно:

(i) была ли сделка «Телеком–Сербия» такой уж невыгодной?

(ii) предосудительно ли было в политическом и в моральном смыслах иметь дело с Милошевичем в период, предшествовавший войне в Косове, то есть когда сербский диктатор еще не получил от демократических наций ярлык неприкасаемого?

(iii) были ли к этой сделке привлечены государственные средства?

(iv) знало ли правительство о происходившем?

(v) давало ли правительство на все это свое согласие?

Эти пять вопросов — для тех, кто интересуется экономикой и политикой, и они поддаются обсуждению на основании фактических данных

---

[163] Примечания: 163

Массмедийная возня, рассчитанная на дискредитацию Романо Проди и его политической команды. Проди обвиняли в получении взяток от правительства Милошевича за сделку по приобретению итальянским правительством доли акций в сербской телефонной компании. Обвинение не подтвердилось.

(когда, как и сколько). Но есть еще и шестой вопрос. Он совсем другого плана: брал ли кто-нибудь взятки, дабы позволить противозаконную сделку, к тому же вредную для Италии?

Этот вопрос — для работников правоохранительных органов, но правоохранительные работники могут им заняться, только если они будут располагать доказательствами. Что ж, остановите любого итальянца на улице и попытайтесь спросить, отчетливы ли в его голове все эти тонкости и знает ли он, о чем идут разговоры, когда поднимается хор протеста или звучит призыв к судебному расследованию. Только несколько материалов, напечатанных в газетах петитом, указывали на существование всех шести проблем. В основном же в прессе имела место вакханалия разнонаправленных мнений, некоторые из коих относились к вопросам (i)-(v), иные к вопросу (vi), в результате чего читатели со зрителями не успевали ни понять, что этих вопросов шесть, ни разобрать, о каком из шести вопросов шла речь в очередной раз. Чтоб освещать эту мешанину высказываний, на все шесть тем и без разбора, массмедиа были вынуждены печатать все, что попадало в редакцию, темы перепутывались еще хуже, что и требовалось

организаторам.

Если стратегия такова, могу сказать: она просчитана замечательно. Если мой анализ стратегии верен, Берлускони заполучил серьезное преимущество перед противниками.

Какая может быть контрстратегия? Она есть, но в духе Маклюэна. Чтобы справиться с террористами (которые действуют ради шумихи, понуждая газеты писать о терактах и создавая напряженность), Маклюэн давал рецепт: перекрыть информацию о терактах в газетах. Последуешь этой рекомендации — террористы не получат рупора в виде прессы, но окажется: газеты становятся жертвами деспотичной цензуры. Именно такую провокацию террористы и надеялись устроить.

Легко говорить: сосредоточь свое внимание на действительно важных вопросах — законе о процессуальной стороне судопроизводства, законе

о фальсификации бюджета, законе Чирами[164], законе Гаспарри. Если Берлускони выпалит, что намерен сделаться Президентом Итальянской Республики, печатай эту новость только петитом на шестой странице, в соответствии с обязанностью органов печати информировать общество обо всем, что происходит. Но не иди на поводу у Берлускони, не делай из этого первополосный материал!

Такова была бы верная линия поведения. Но кто же согласится на такую линию? Оппозиционная пресса не согласится, потому что в этом случае она сразу окажется правее «независимой» прессы. «Независимая» пресса не согласится, потому что это будет означать, что она подчиняется некоей линии, то есть утрачивает свою «независимость». Такая линия неприемлема ни для каких работников информации, ибо долг и

[164] Примечания: 164

Закон, предложенный правоцентристским депутатом Мелькиорре Чирами, называемый «законом о разумном подозрении», был проведен в итальянском парламенте 5 ноября 2002 г. правоцентристским большинством. Один из многих законов, необходимых лично Берлускони, для того чтобы уйти от судебной ответственности по многим пунктам предъявляемых обвинений (коррупция, мошенничество, неуплата налогов, подделка документов, подкуп должностных лиц и т. д.). Согласно этому закону, кассационный суд, получив от адвоката обвиняемого сигнал о «разумном подозрении» насчет предвзятости данного города, района или судебной комиссии, получает право перенести любой судебный процесс в компетенцию другого суда или другого города.

потребность этих работников — использовать любые наимельчайшие детали для того, чтобы создавать и продавать острые, завлекательные известия. Если Берлускони оскорбил члена Европейского парламента, разве можно такое задвинуть подальше и публиковать среди скучной хроники или мелких заметочек о нравах? Пренебречь сумасшедшим увеличением тиража! Ведь известно, какие продажи сулятся, если мусолить подробности, делать на полосу, на две, на три полосы подборки из мнений, интерпретаций, сплетен, гипотез и хохм на эту и сходные с нею темы.

Если согласиться с тезисом, что покуда музыку заказывает Берлускони, оппозиция вынуждена танцевать под нее, — хорошо бы тогда оппозиции ну хоть вытанцовывать свои собственные, фирменные коленца.

Я не хочу, чтоб оппозиция прекратила любые нападки на Берлускони. Если на него не реагировать, он вообще сядет на голову. И к тому же отмечать промахи премьера — это для оппозиции политический долг. Но критиковать его должна определенная часть оппозиции, специально для этого выделенная. И следует пропускать эту критику по специально выделенным каналам.

Если учесть, что та пресса, которая пока еще не под Берлускони, достигает в наше время только тех, кто и сам по себе против Берлускони, а остальному обществу достается информация от прикормленных журналистов, понятно, что самое разумное — послать прессу к черту. У нас уже появились первые ласточки новых методов борьбы — митинги, «хороводы»[165]. Впрочем, если первый, второй «хоровод» могут вызвать интерес, к десятому образуется привыкание…

Информация, что программа новостей замалчивает важную новость, не может оглашаться этой самой программой новостей. Значит — назад к тактике листовок, к раздаче видеокассет, к уличному театру. Устроить передачу данных по цепочке. Шуметь в чатах в интернете. На улицах ставить телеэкраны. Транслировать на любительских частотах. Использовать любые другие фантазии и выдумки технологической эры. Поскольку к электорату, оболваненному традиционными массмедиа, обращаться нет смысла,

---

[165] Примечания: 165

Характерная форма протеста, которую применили политические оппоненты Берлускони во времена миланских судебных процессов, в которых Берлускони являлся обвиняемым. Первый хоровод был организован вокруг миланского Дворца правосудия в январе 2002 г. Взявшись за руки, демонстранты протянули живое кольцо вокруг дворца. Так родилось движение «хороводов» — форма диссидентского поведения.

будем придумывать нетрадиционные средства и обращаться к нетрадиционной публике.

В то же время через самые традиционные сети распространения партийных мнений — через посредство интервью и телепрограмм (но помним: главное — действовать неожиданно и громко) оппозиция должна устраивать свои собственные провокации.

Что я этим хочу сказать? Что дело оппозиции — разгадывать намерения правительства в таких вопросах, к которым общественное мнение наиболее чувствительно, и выявлять, чем это все угрожает всем нам, формулируя свои упреждения таким образом, чтобы средства массовой информации просто обязаны были заняться этими упреждениями не меньше, чем они занимаются Берлускони.

Верный духу чистого макиавеллизма (но ведь мы как-никак говорим о политике!), я уверен, что, оставаясь в пределах пристойности, можно сварганить такую провокацию, которая заставит думать о последствиях, далеко превосходящих реальную вероятность и правдоподобие. Возьмем простой лабораторный пример. Публикуем некий текст, содержащий намеки на то, что левые, если придут к власти, намереваются за-

претить одновременное владение несколькими телеканалами (или газетами, или радиостанциями). Это рванет как бомба. Берлускони придется занять оборону (что ему непривычно — он ведь привык налетать на всех сам); на сцене окажутся его противники. Не им, а Берлускони выпадет огласить факт конфликта (или конвергенции) интересов. Берлускони не сможет уже вопить, что упомянутые интересы — миф, бред, больное воображение оппозиции. А также не сможет клеймить как «коммунистический» проект антимонопольного закона, суть которого — частному капиталу расширяют доступ к собственности на средства массовой информации.

Однако совсем не обязательно выдумывать гипотезы в духе фантастики. Предложение взять под контроль рост цен, произошедший по вине евро, зацепило бы и тех, кому от конфликта интересов вроде бы не тепло и не холодно.

В общем, следовало бы постоянно запускать в печать предложения по части новых государственных идей и тем самым теснить правящее большинство, заставляя его высказываться, полемизировать, защищать свои проекты и оправдываться и лишая его возможности ссылаться на драчливость оппозиции. Если оппозиция утвер-

ждает, что правительство ошиблось, публика не знает, кому верить. Если же публике сообщают, что оппозиция считает полезным внедрить то-то и то-то и предложения затрагивают и мечты и интересы многих членов общества, обязательно возникнет вопрос: а почему правящее большинство это не внедряет?

Но чтобы соблюдать подобную стратегию, оппозиции необходимо единство, ибо невозможно выдумывать приемлемые проекты, завлекательные и многообещающие, если по двенадцать часов в сутки предаваться внутрипартийной грызне. И тут мы вступаем в другую важнейшую область. Похоже, что неодолимое препятствие — это более чем вековая традиция, в силу которой левые силы всего мира больше всего гоняются за внутрипартийными еретиками, почитая борьбу между соратниками намного существеннее борьбы против противника с открытым забралом.

А между тем, только преодолев междоусобицы, можно сделаться политической силой, способной привлечь внимание многочисленной публики по-хорошему провокационными проектами и побить Берлускони, используя, по крайней мере частично, его же оружие. А если не принимать мою логику, ибо моя логика, понимаю, может

не нравиться, хотя она и есть логика медийного универсума, в котором мы все с вами сегодня обитаем, — тогда остается только организовывать демонстрации протеста против введения пошлин на помол пшеницы и ржи.

Очи дуче [166]

Неделю назад у меня был день рождения, собрались друзья, и я попробовал вспомнить хоть чтонибудь из того, что было в тот далекий день. Память у меня очень хорошая, но я не сумел припомнить ничего. Пришлось восстанавливать по рассказам родителей. Похоже, что, вытащив меня из материнских чресел, акушер поднес меня родительнице и с восторгом объявил: «Видите, какие глаза? Вылитый дуче!»

Моя семья не была ни фашистской, ни антифашистской и, подобно многим другим мелкобуржуазным семьям, воспринимала диктатуру как погоду. Но услышать, что дитя напоминает дуче, было, думаю, родителям приятно.

Ныне, поднакопив с годами скептицизм, я начинаю думать, что акушер говорил то же самое

---

[166] Примечания: 166
Gli occhi del duce. La Repubblica, январь 2004 г.

всем роженицам из своей клиентуры. А глядя на свое лицо в зеркале, я убеждаюсь, что больше похожу на гризли, нежели на Муссолини. Однако родители мои, я уверен, были довольны, услыхав, что их сын напоминает дуче.

Я вот задумываюсь, что же скажет сегодняшний акушер. Что дитя — точь-в-точь Берлускони? Но ведь он вызовет послеродовую депрессию у роженицы? Не лучше и другие политики, стоит поглядеть на них в телевизоре. Умный гинеколог станет искать образцы среди известных шоуменов или, для новорожденных девочек, среди топ-моделей.

Значит, каждой эпохе — свои герои. В мое время был культ государственных мужей, ныне — культ телешоуменов.

С присущей левому политическому флангу слепотой, последнюю декларацию Берлускони (про то, что он не читает газет, поскольку телевизор смотрят все, а газет не читает никто) наши единомышленники почему-то восприняли как очередной его идиотский ляпсус. А это вовсе не ляпсус. Это заявление наглое, но не глупое. Если суммировать тиражи всех итальянских ежедневных газет, цифра получится смехотворная. Сопоставьте ее с числом людей, которые еже-

дневно смотрят в Италии телевизор. Учитывайте также, что лишь часть итальянской прессы до сих пор кое-когда покритиковывает правительство. А телевидение, все шесть основных каналов (три государственных — РАИ и три лично берлускониевских — «Медиасет»[167]) являются рупорами правительства. Берлускони совершенно прав. Задача — держать контроль над ТВ. А газеты пусть себе пищат что угодно.

Такова ситуация. Ситуация же такова именно потому, что она не зависит от наших желаний.

Вот из каких предпосылок я исходил. Вывод из предпосылок: в Италии устанавливается диктатура. Ну, раз так, пусть она хотя бы будет медийной — не политической. Уже пятьдесят лет всем понятно, что в любой стране, кроме, быть может, каких-то самых недоразвитых углов планеты, для смещения правительства не нужны никакие танки на улицах. Достаточно взять под контроль радиотелевизионные станции.

Самый последний, кто до этого не докумекивает, — Буш, этот лидер третьего мира, по ошибке

---

[167] Примечания: 167

RAI — итальянское радио и телевидение, государственная организация. *Mediaset* — компания-монополист в отрасли радиотелевизионного продюси-рования. Контролируется холдингом «Фининвест», который основан Сильвио Берлускони и принадлежит его семье.

угодивший на пост руководителя страны с самым высоким на земном шаре индексом благосостояния. Но этим примером мой тезис только подтверждается.

Так что не стоит клеймить берлускониевский режим как «деспотический». Нередко возражают, что термин «деспотизм» напоминает о деспотизме фашистов, а «деспотизм», в котором мы живем, не имеет фашистских характеристик. Так я и не спорю. «Деспотизм» — форма правления, совершенно не обязательно фашистская. При фашизме не было свободы прессы. Берлускони устроил не диктаторский деспотизм, а медийный. Медийный деспотизм Берлускони не столь груб и не столь примитивен, как диктаторский (фашистский). Берлускони понимает, что для получения консенсуса важен контроль только над самыми общераспространенными носителями информации. Газетам как раз таки можно позволить уклоняться от линии правительства. Тем более что все газеты рано или поздно можно купить (разумеется, я имею в виду не купить экземпляры, а приобрести в собственность сами органы печати).

Зачем ссылать лучшего журналиста Энцо Биа-

джи[168] на рудники и тем самым делать из него героя? Достаточно убрать его с телеэкрана — он и из памяти у всех исчезнет.

Разница между двумя деспотизмами — диктаторским и медийным — в том, что при диктаторском деспотизме (фашизме) люди знали, что газеты и радио пишут только то, чего желает правительство, а «Радио Лондон» ловить запрещено и за это сажают. Именно поэтому при фашизме никто вообще не доверял ни газетам, ни радиопередачам, все ловили «Радио Лондон» за плотно закрытыми дверьми и верили только тем сведениям, которые передавались тайно и устно. В медийном же деспотизме, предположим, десять процентов публики имеет доступ к оппозиционной прессе, а до остальных доходит лишь то, что распространяется через рупор врущего телевидения. Так вот, медийному деспотизму, во-первых, свойственно убеждение, будто диссидентство вполне позволено (есть же газеты, критикующие правительство, и мы вечно слышим жалобы от

[168] Примечания: 168

Энцо Биаджи (р. 1920) — итальянский журналист, работал на RAI с 1961 г., приобрел известность своими репортажами, политическими комментариями, интервью. С 1995 г. вел на RAI пятиминутную ежедневную вечернюю передачу «Факт» с частыми критическими высказываниями в адрес Берлускони. После прихода Берлускони к власти 31 мая 2002 г. передачу запретили.

Берлускони, следовательно, в нашем обществе свобода слова соблюдена).

Во-вторых, на телеэкранах реальность события жутко наглядна (нам говорят, что упал самолет, и точно: на глади моря покачиваются сандалии утопленников; не важно, что это могут быть сандалии давних утопленников, такие кадры хранятся в архивах всех телестудий на свете). Картинка яркая, и при медийном деспотизме люди верят исключительно телевидению. Подконтрольное режиму телевидение совсем не всегда цензурирует информацию. Конечно, бывают попытки со стороны диктаторских холопов что-то вырезать, и кое-кто намекает, что по телевидению нельзя говорить гадости о руководителях правительства (этот кое-кто не знает, что при медийном деспотизме можно и нужно ругать начальников, дабы не проснуться однажды в деспотизме диктаторском). Но эти попытки цензуры всем видны, наглядны и даже, не будь они так трагичны, были бы смешны.

Штука в том, что совсем нетрудно насадить в обществе медийный деспотизм с приличным лицом, вроде бы «позволяющий говорить все». Поясняю, какова рецептура этой кухни.

Если ни один канал не передаст мнение ли-

деров оппозиции о новых законах, у публики возникнет ощущение, будто ей что-то недоговорили. Поэтому при медийном деспотизме телевидение всегда держит на вооружении риторический прием, который называется «уступкой» *(concessio).*

Пример уступки. Существует пятьдесят доводов в пользу того, чтоб завести собаку, и еще пятьдесят причин, почему ее не заводить. Доводы в пользу: собака — друг человека; гавкает на воров; порадовать детей. Причины, почему собаку не брать: некому выводить; ветеринар и корм дорого стоят; и как с ней ездить. Предположим, наша цель — уговорить взять собаку. Тогда риторика «уступки» действует так: «Да, естественно, собаки дорого стоят, превращают тебя в раба и не дают никуда ездить… (тут противники собак совершенно размякают от нашей искренности), но вы только подумайте, какие они друзья человека, до чего будут рады дети, как они отпугнут воров…»

Так структурируется аргументация в поддержку приобретения собаки.

Против же приобретения вырисовывается совсем другая риторическая фигура: «Да, мы знаем, что собаки — лучшее лекарство от одиночества, что их любит детвора и совсем не любят воры,

но (и тут в другую дуду) завести собаку означает попасть в рабство, идти на все эти расходы и, в конце концов, сказать прости любым поездкам…» По этому рецепту организуются речи против собак.

Телевизор действует аналогично. Если обсуждают закон о чем-то, поначалу дают слово оппозиции. После этого вступают защитники проекта закона и громят высказывания оппозиционеров. Результат — победа режима — гарантирован. Побеждает тот, кто говорил во вторую очередь.

Последите внимательно, как строятся теленовости. Вы увидите, стратегия именно эта. Никогда в передаче о законопроекте не выпускают говорить сначала верноподданных, а потом несогласившихся. В сотне случаев из ста порядок четкий: верноподданные завершают обсуждение.

Еще и по этой причине медийный деспотизм не сажает противников в тюрьму и не затыкает им рты. Достаточно просто пустить их говорить первыми.

Как бороться с таким медийным деспотизмом, если для борьбы требуется именно-таки доступ к медиа, а медиа как раз медийным-то деспотизмом и контролируются?

Пока у нас в Италии оппозиция не поймет

важность вопроса, не прекратит междоусобные склоки, победа будет за Берлускони.

Птичек жаль [169]

Чтобы описывать «деспотизм», который правительство Берлускони насаждает и протаскивает поэтапно и упрямо, уточним сперва ряд основных определений, как-то: «консерватор», «реакционер», «фашист», «пофигист», «популист» и так далее.

Реакционер — тот, кто считает, будто некогда бытовал исконный уклад общественного и морального общежития, настолько славный, что к нему следует хотеть возвратиться любой ценой, отвергая так называемые завоевания прогресса — от либерально-демократических идей до технологии и науки. По этим признакам реакционер — не консерватор, а даже скорее революционер навыворот. История знает великих реакционеров, у которых ни в коем случае нельзя найти ни одной черты фашистских идеологий, распространенных в XX веке. Даже наоборот, в сравнении с классической реакционностью фашизм выглядит

---

[169] Примечания: 169
Ammazza l ' uccellino. L'Espresso, март 2004 г.

как революционно-модернистская идеология. Фашизм превозносил скорость, превозносил современную технику (ее восславляли футуристы). Что не мешало фашизму, впрочем, в своей извечной синкретической всеядности вбирать в себя и реакционеров в историческом смысле термина — таких как Эвола[170]. Но вспомнить Черчилля: он был консерватором либеральных, антитоталитаристских взглядов.

Популизм — это форма деспотизма, который через голову парламента тщится установить плебисцитарную и прямую связь харизматического лидера с толпой. Известны такие варианты популизма, как популизм революционный, когда путем прямого обращения к народу осуществляются социальные реформы, и популизм реакционный. Популизм воздействует на чисто животные импульсы, он пробуждает глубоко укорененные в сознании масс представления и предрассудки. Эти представления принято также называть пужадистскими или пофи-

[170] Примечания: 170

Юлиус *Эвола* (1898—1974) — итальянский аристократ, в молодости — анархист и нигилист, затем — теоретик «Консервативной революции», идеолог возврата к духовным традициям. Автор книг «Йога могущества», «Герметическая традиция», «Мистерия Грааля». Принимая основные идеи итальянского фашизма, Эвола стремился повлиять на них в пользу большей духовности и углубленности в прошлое («Языческий империализм» — *Imperialismo pagano*, 1928).

гистскими. Босси, в частности говоря, проводит популистскую агитацию, взывая к пофигизму избирателей (ксенофобия, недоверие к государству). Пофигистскими являются берлускониевские обращения к глубинным и дикарским позывам, присущим его электорату: позыву уклоняться от налогов, позыву думать, что-де все политики воры, что нельзя доверять правосудию, потому что оно всех сажает в тюрьму.

Нет, сознательный серьезный консерватор никогда не призовет граждан утаивать доходы, как призывает Берлускони, ибо подобный совет может подорвать именно ту систему, которую консерватор намеревается «законсервировать».

Характерно, что при политических дискуссиях разные лагеря могут сближаться по позициям. Возьмем вопрос о допустимости смертной казни.

Сторонники консерваторов относятся к смертной казни неоднозначно, одни за нее, другие против. Реакционеры ее поддерживают в соответствии со своей мистикой жертвенности и идеями возмездия и крови как очистительной стихии (по

де Местру)[171]. К смертной казни обращаются в своих речах и популисты, играя на страхах населения, которые распространяются при известиях о кровавых преступлениях. Смертная казнь существовала при всех коммунистических режимах.

Любопытно разнятся и сходятся также и взгляды на охрану природной среды. Тема защиты планеты вплоть до устранения с нее человеческого рода — это тема по определению реакционная. Но за охрану среды обитания выступают и сознательные консерваторы (все, кроме Буша, ясное дело, — им манипулируют промышленники, заинтересованные в неконтролируемом развитии), и революционеры из крайних левых.

Популист в принципе мог бы порадеть за защиту окружающей среды, но он считается с глубинными импульсами своего адресата — «народа». Крестьянский мир по традиции оберегал права природы только в пределах собственного

---

[171] Примечания: 171

Граф Жозеф Мари де Местр предлагал провести консервативную революцию беспощадными средствами, наподобие средств, применявшихся якобинцами в пору Французской революции. Де Местр хвалил инквизицию («несколько капель нечистой крови предотвратили пролитие потоков крови благородной») и воспевал палача, который — «истинный хранитель общества и столп истории». О мистической жертве у де Местра в «Санкт-Петербургских вечерах»: «И земля, непрерывно орошаемая кровью, есть лишь громадный алтарь…» *(Санкт-Петербургские вечера.* СПб.: 1998. С. 373. Пер. А. Васильева под ред. А. Терехова).

участка. Окружающие леса вырубались крестьянами без всякого сожаления и без всяких дум насчет геологических последствий в планетарных масштабах. Если мы склонны думать, будто крестьяне давнего времени лучше оберегали природу, чем современные, мы очень сильно ошибаемся. Просто леса вокруг деревень были в старину обширными и вырубка леса не доводила до обморока экологию.

И что мы видим? В наши дни лозунг популистов звучит: «Каждый имеет право строить свой дом там, где он хочет, и не обязан соблюдать экологические запреты».

В парламент внесли закон о смягчении ограничений на дозволенную охоту. Охота — распространенная привычка и страсть, по природе своей атавистическая. Учитывая, что наша общая мораль позволяет выращивать кур, говяд и свиней для их убийства и поедания трупов, мы можем в принципе допустить, чтобы в особых заповедниках, удаленных от населенных пунктов, в оговоренные сезоны разрешалось забавы ради убивать съедобных тварей, воспроизведение рода которых не под угрозой. Но только в разумных пределах. А новый закон норовит вернуть все во времена «доэкологические». Кому

это на руку? Тем, кто пытается играть на древних и грубых струнах, затрагивая «глубинную народность», подмигивая тем, кто не верит ни критикам, ни реформаторам традиций, толпе, которая — культурный бульон любого пужадиствующего брожения. Так обсуждение закона об охоте подчеркивает популистско-аполитичную природу ползучего деспотизма, живущего за счет призывов к неконтролируемым инстинктам наименее критически мыслящего электората.

Что ему делать в парламенте? [172]

В день, когда Берлускони провозгласил в прямом телеэфире предполагаемый вывод из Ирака итальянских войск, я находился в Париже, где открывался Парижский книжный салон, и, естественно, обсуждал итальянскую политику с французами. Мои собеседники, как всегда, совершенно не могли понять, что же все-таки происходит в соседней Италии, и я, как всегда, понимал причины их непонимания.

Вопрос, возникший прежде всего: почему ваш предсовмина сделал настолько серьезное заявле-

---

[172] Примечания: 172
Disertare il parlamento. L'Espresso, март 2005 г.

ние на ток-шоу, а не в парламенте (в то время как, по закону, он должен был испросить согласия парламента)? Отвечаю: это знак популистски-медийного деспотизма, устанавливаемого режимом Берлускони. Между Шефом и Народом налажена прямая связь через каналы СМИ, через голову парламента — куда, кстати, Шефу ходить совершенно не обязательно. Незачем ему испрашивать согласия парламента, потому что консенсус ему и без всякого похода гарантирован и парламент у него ручной. Парламент у него на роли нотариуса, который регистрирует соглашения между Берлускони и телеведущими.

Однако вопросов от французов существенно добавилось, когда прилюдно, после полученных головомоек от Буша и Блэра, Берлускони произнес, что никогда не говорил, будто выведет армию из Ирака. Можно ли настолько противоречить себе? — спрашивали французы. Я отвечал, что в этом-то и прелесть медийного популизма. Все, что было проговорено в парламенте, принято протоколировать: назавтра не получится заявить, что ничего сказано не было. А разглагольствуя в телепередаче, Берлускони мгновенно получил себе чаемый результат (добавочную популярность в преддверии выборов), после чего,

заявив, будто бы ничего не было сказано, с одной стороны — успокоил Буша, с другой — не утратил тот приварок, который был им заработан. Такова уж специфика телепередач: кто их слушает и при этом не читает газеты, тот забывает ровно на следующее утро, что там вчера было на самом деле говорено. Самое большее — он смутно припоминает, что Берлускони накануне говорил что-то скорее приятное, чем неприятное.

Но все же, не успокаивались французы, не может быть, как же это итальянцы не замечают, что таким образом Берлускони (и с ним Италия) теряет международное доверие? И не только Ширака и Шредера, но и Блэра с Бушем? Нет, отвечал я. Это могут заметить только те из итальянцев, кто читает газеты. Ничтожное меньшинство сравнительно с теми, кто узнает о событиях из телевизора, а телеканалы транслируют исключительно то, что нравится Берлускони. Деспотизм от Медийного Популизма.

Популизму – да, митингам – нет! [173]

[173] Примечания: 173
Populismo s ì, ma la piazza no. L'Espresso, август 2002 г.

Не так давно на слете «Комунионе э Либерационе»[174] в Римини председатель итальянского сената Марчелло Пера напомнил публике, что политику надо делать не на площади, а в собрании депутатов, то есть в двух палатах парламента. Это он так выразил свое явное неудовлетворение по поводу мероприятий оппозиции — «хороводов» и схожих публичных шествий и собраний.

Мы, конечно, уважаем суждения главы сената, но эта реплика противоречит духу западных демократий, выстроенных на соединении трех властей в стране — законодательной, исполнительной и судебной. Если принять как данность, что местом для дискуссий должен быть исключительно парламент, где же тогда могут граждане страны (выбравшие парламент) осуществлять свое право надзора за работой основных трех властей? Как тогда можно осуществлять проверку и стимулирование их действий и как выражать, если понадобится, недовольство состоянием государственной системы? Голос электората дол-

---

[174] Примечания: 174

Католическое движение, основанное в 1954 г. священником Луиджи Джуссани (1922—2005), изначально называлось «Студенческая молодежь» *(Giovent ù studentesca)*, а с 1969 г. — «Причастие и освобождение» *(Comunione e liberazione).* Это правоцентристское движение неоднократно обвиняли в фанатизме и интегрализме. С 1980 г. ежегодно проводится международный «слет» *(meeting)* в Римини, в рамках которого разворачиваются политические и культурные дискуссии.

жен звучать не только в день выборов. Слышать суждение электората полезно и парламенту, и правительству. Правительство тем самым воспринимает сигналы и побуждения к работе в некоем направлении. Парламенту же факты осознанного недовольства избирателей дают возможность прогнозировать результаты очередных выборов (и именно целями этого прогнозирования обосновываются опросы общественного мнения — в противном случае они являлись бы только незаконным давлением на умы).

Подчеркиваю, что этот голос избирателей никак не эквивалентен «воле народа», к которой популисты апеллируют. Популизм заключается в прямом обращении к народу (и в произвольной интерпретации «народной воли»), и исходит он сверху. А демонстрации на улицах выражают не неопределенный «голос народа», а свободное волеизъявление групп, партий и различных ассоциаций граждан.

Как выражается позиция электората? Посредством действий различных лидеров общественного мнения, газет, ассоциаций, партий, а также через митинги на площади. Оговоримся. Если вместо митинга на площади вспыхивает бунт санкюлотов, сокрушающих все вокруг, то это

революция или беспорядки, ну, в общем, дело совершенно иное. Но демократиями предусматриваются совсем другие, всецело мирные демонстрации масс, не тоталитарные, не всенародные: митинговать может даже почти незаметное меньшинство, всего два или три человека, — собираясь, они оповещают публику о том, что думают или что им требуется.

В этом смысле вполне достаточно постоять перед английским парламентом или в любом американском городе перед мэрией, наблюдая за депутациями разных групп граждан — как они машут плакатами, скандируют лозунги и обращаются к спешащим прохожим. В углу Гайд-парка всякий, кто желает, забирается на импровизированную трибуну и держит речь. Да и не обязательно ездить в Лондон, чтобы увидеть это. Подобные точки есть во всех итальянских городах. На площадях почти каждый день свободно сходятся люди и говорят о чем хотят, в том числе на разные политические темы.

Иногда уличные собрания и митинги принимали огромный масштаб — Вьетнамский мораторий 1969 года сотряс всю Америку. Подобные массовые сборища бывают правыми, бывают левыми. Мы помним марш сорока тысяч демонстрантов

в Турине, выражавший — во времена серьезных профсоюзных конфликтов — недовольство привилегированных кадров, так называемых «белых воротничков». Мы помним уличные митинги «молчаливого большинства», шествия сторонников «Полюса свобод» и марши активистов «Лиги Севера» в полном средневековом антураже. Непонятно, почему профсоюзные шествия (по причине того юридически нерелевантного обстоятельства, что они собирают миллионы, а не сотни человек?) и «хороводы» (по причине их живописности?) должны трактоваться правительством как более антидемократичные. А не, скажем, акции Паннеллы, приковывающего себя куда попало или пьющего свою мочу перед сочувствующей публикой.[175]

Конечно, масса — сила. На массе (за неимением более надежных критериев) зиждется демократия, право решения принадлежит тем, кого больше. Улица, ведущая себя не буйно, есть выражение гражданской свободы. Мы считаем диктаторскими те режимы, где уличные воле-

---

[175] Примечания: 175

Марко Паннелла в апреле 2002 г. опробовал новую форму политического протеста: прилюдно пил свою мочу, объявив сухую голодовку в знак протеста против действий Конституционного суда, который с ноября 2000 г. выносил приговоры составом судей, численно не достигавшим нормы, предписанной законом.

изъявления не позволены или же организуются сверху. Где они симулируются, где сгоняют население города под балкон Муссолини на площади Венеции. Те скопища были сомнительны отнюдь не потому, что бескрайни, а потому, что не собирались и не позволялись никакие контрскопища.

Теперь задумаемся, а что же такое тот «слет» в Римини, на котором выступил Марчелло Пера? Не заседание в парламенте, не семинар специалистов. В такой же мере, как и праздники газеты «Унита»[176], нет, в еще большей (так как он проходил на центральной площади) «слет» в Римини — это как раз уличное действо, законное, как остальные, и явно политическое по звучанию.

Так где же высказал председатель сената свое неодобрение уличной демократии? На площади, в ходе манифестации, проходившей в отдалении от парламентских залов и выражавшей мнение лишь некоторой части граждан. Решительное «нет» площадям, произносимое на площади, это как если бы моралист, протестуя против эксгибиционизма, распахивал свой плащ на паперти

---

[176] Примечания: 176

L ' Unit à — итальяская коммунистическая газета. С 1945 г. в деревнях и городах Италии проводятся пикники-гулянья «Унита» по типу французских праздников «Юманите» с совместным застольем, концертами и книготорговлей.

церкви, являя себя в похабной наготе, с выкриком: «Не делайте так никогда, ясно?»

Как заключить контракт с древними римлянами [177]

В 64 году до нашей эры Марк Туллий Цицерон, уже ставший знаменитым оратором, но остававшийся «новым человеком» (то есть не принадлежащим к римским нобилям), собрался баллотироваться в консулы. Брат его Квинт Туллий написал ему руководство к действию. Сейчас вышло итальянское издание с параллельным латинским тестом под названием «Руководство кандидатам. Как выигрывать выборы» (*Manuale del candidato — Istruzioni per vincere le elezioni.* Lecce: Manni, 2004) в переводе и с комментариями Луки Канали[178] — с описанием исторических и биографических обстоятельств той предвы-

[177] Примечания: 177

Come fare un contratto coi romani. L'Espresso, июль 2004 г. В заголовке пародируется предвыборный слоган Берлускони «Я заключаю контракт с итальянцами!».

[178] Примечания: 178

Лука Канали (р. 1925) — профессор латыни в Пизанском университете, сотрудник легендарных журналов *Il Contemporaneo, Nuovi Argomenti, Il Verri, Paragone*, переводчик Катулла, Лукреция, Вергилия, Горация, Петрония.

борной кампании. Предисловие принадлежит перу знаменитого эссеиста Фурио Коломбо[179] и включает в себя полемическое рассуждение о «первой республике».

Удивительно, до чего походит на эту первую Римскую республику наша итальянская (не Первая, а Вторая)[180] — походит и в своих достоинствах (немногочисленных), и в своих недостатках (неисчислимых). Пример Рима в течение более чем двух тысячелетий существенно влиял на последующие представления о государстве. Как напоминает Коломбо, на образец древней римской республики ориентировались авторы *Federalist Papers*[181], когда намечали основные линии тех положений, из которых составилась Конституция США. Они нашли для себя в Риме,

---

[179] Примечания: 179

Фурио Коломбо (р. 1931) — итальянский журналист, писатель, историк. Преподаватель Колумбийского университета (США), директор Института итальянской культуры. Был главным редактором газеты *L ' Unit à* и журнала *L ' Arcitettura.*

[180] Примечания: 180

Так называемая (неофициально) Вторая итальянская республика возникла на развалинах Первой, основанной в 1946 г. в результате всенародного референдума, отменившего в Италии монархию. В начале 1990-х гг. разразились процессы по поводу коррупции партий и государственного аппарата, приведшие к разгрому целого политического класса. Ветром истории были сметены и социалистическая партия, и партия христианскихдемократов, и компартия Италии, не скомпрометированная уголовными приговорами, но самопроизвольно расколовшаяся вследствие структурных сдвигов в обществе

и самоликвидации Советского Союза. К 1995 г. образовался новый правящий класс, создались новые партии, и ощущающая свою новизну страна стала называть себя Второй республикой.

[181] Примечания: 181

Статьи из журнала *Federalist*, сборник из 85 политических эссе, написанных Александром Гамильтоном, Джоном Джеем и Джеймсом Мэдисоном, опубликованный первоначально под псевдонимом «Публий» в поддержку кампании за ратификацию американской конституции (1787—1788). Документ классического американского либерализма и некое подобие «генеральной репетиции» конституции.

более нежели в Афинах, образец актуальной и по сегодня народной демократии. С еще большим чувством реальности «неоконсы»[182], окружающие Буша, вдохновляются императорским Римом и цитируют в своих речах как пример Римской империи, так и пример *Pax Romana* в качестве идейного провозвестника заокеанского *Pax Americana.*

Вот только образ предвыборного соревнования, встающий на двадцати страницах книжки Квинта, гораздо менее высок, нежели идеал, вдохновлявший федералистов в XVIII веке. По Квинту, политик вообще не несет своему электорату смелого проекта, и не выходит на споры с оппонентами, и не старается заиметь новых поклонников как премию за проявленную убедительную силу, за яркую утопию.

Как отмечено и Лукой Канали, Цицерон не метил в провозвестники каких-то ярких идей, более того — он советовал кандидату воздержаться от политической полемики, дабы не наделать себе врагов. Кандидат, идеальный в представлении

[182] Примечания: 182

«Неоконсы» — группа американских интеллектуалов, чья идеология отражена в проекте «Новый американский век». Для неоконсерваторов характерны пренебрежение мнением международных организаций, неприятие идеи дипломатических переговоров, применение военной силы и мессианское видение цивилизаторской роли США в мире.

Квинта Цицерона, обязан прежде всего выглядеть обольстительно, делать людям любезности или обещать таковые, никому никогда не отказывать, намекая: раньше или позже нечто будет сделано… Память у избирателей короткая, про обещания они забудут.

Коломбо в предисловии выявляет удивительные сходства, подобия и переклички между наукой Цицерона и нашей практикой. Кажется, двадцати веков не было. Так называемые *salutatores* — те, кто ходил кланяться по очереди к нескольким кандидатам — ныне могут носить имя *terzisti*[183], а древнеримские *deductores*[184], чье постоянное присутствие было призвано удостоверять добросовестность кандидата и рекламировать его добрые дела, сегодня *(mutatis mutandis*[185]*)* заменены телевидением.

Рекламная кампания имеет вид спектакля. Не важно, что представляет собой кандидат, а

---

[183] Примечания: 183

В экономике — субпоставщики *(ит.).* В данном случае термин употреблен в переносном смысле для обозначения лиц, поддерживающих одновременно несколько разных политиков или политических объединений.

[184] Примечания: 184

Сопровождающие лица *(лат.).*

[185] Примечания: 185

С должными поправками *(лат.).*

важно, как он выглядит. Квинт говорит: хотя играют роль и естественные дарования, главная проблема — в том, чтобы обеспечить победу притворства над естественностью.

С другой стороны, «хоть лесть мерзостна, хотя она и портит людей, но лесть необходима кандидату, весь облик которого, лицо и манеры должны от раза до разу меняться, приспособляясь к мыслям и чаяниям того, с кем у него намечена встреча. Естественно, нужно действовать так, чтобы вся кампания была торжественной, яркой, блестящей, но вместе с тем и народной. При первой возможности наводи на противников тень подозрения в злодействе, распущенности, мотовстве». Короче, все милые рекомендации, как будто написанные сейчас, и нет сомнения ни у кого: читая Квинта, все время перелетаешь воображением к Сильвио.

Закончив чтение, думаешь: что же — демократия действительно только форма завоевания поддержки, основанная лишь на срежиссированных видимостях и на стратегии обмана? Да, несомненно. Все так. Мы реалисты. Не может быть иначе внутри системы, основанной на передаче власти тому, у кого более многочисленная поддержка, а не тому, кто сильнее или грознее

прочих. Не забудем же: рецепты Квинта для воображаемой рекламной кампании создавались в эпоху, когда римская демократия уже входила в глубокий кризис. Через краткое время после этого Цезарь окончательно захватил власть, опираясь на свои легионы, и установил фактический принципат, и Марк Туллий оплатил своей жизнью переход страны от деспотизма, основанного на консенсусе, к деспотизму, основанному на захвате власти. И невозможно избавиться от мыслей насчет того, что демократия Рима устремилась к гибели тогда, когда римские политики догадались, что не обязательно относиться с серьезностью к избирательным программам, а следует по большей части изобретать способы, чтобы понравиться своим (теле?)зрителям.

Мы и иностранцы
Мусор и бананы [186]

Как читателям, наверно, известно, некоторые иностранные газеты напечатали статьи, в которых выражали сомнения, подходит ли кандидат от «Полюса свобод» на должность премьер-министра. В ответ на это кандидат обозвал иностранные газеты мусором — извинительное огрызание. Уж такая у нас национальная особенность. Если дама отвергла наши авансы, мы всем рассказываем, что она потаскуха.

Прозвучало и мнение, что недопустимо-де вмешательство иностранной прессы в наши внутренние дела. Так сказал сенатор Коссига[187], и тут я пас; помнится, была реклама с подходящей к случаю фразой: «Этот ротик может говорить что

---

[186] Примечания: 186

Spazzatura e banane. L'Espresso, май 2001 г.

[187] Примечания: 187

Франческо *Коссига* (р. 1928) — видный представитель распущенной ныне Партии христианских демократов, президент Италии в 1985—1992 гг. Будучи министром внутренних дел в правительстве Андреотти с 1976 по 1978 гг., принял решение не вести переговоры с террористами, похитившими Альдо Моро, что привело к гибели Моро от рук «Красных бригад». Член подпольной полувоенной антикоммунистической организации «Гладио». Склонен к резким высказываниям, эпатажу, сарказму.

хочет». Так сказал и сенатор Андреотти[188], что существенно: учитывая характер этого индивида, можно быть уверенными, что если он сказал «А», значит, имел в виду «Б». Но разволновался я из-за высказывания сенатора Аньелли, который (если не врут газеты) якобы сказал, что иностранцы помыкают нашим электоратом, будто они в банановой республике.

Сенатор Аньелли не только внимательно читает газеты, но и имеет к газетам непосредственное касательство. Он владелец туринской «Стампа». Следовательно, ему уже приводилось видеть на страницах газет (не исключая «Стампа») серьезные осуждения поведения Клинтона, подчеркивания дипломатических ляпов Буша, разбор скандалов в правительстве Миттерана, высказывания о монополистском поведении Билла Гейтса, сплетни о британском королевском доме, разбор политики Шарона и самые нелицеприятные отзывы по поводу Милошевича

[188] Примечания: 188

Джулио *Андреотти* (р. 1919) — деятель Христианско-демократической партии. Член Итальянского парламента с момента основания Республики (1946). Семь раз занимал должность премьер-министра Италии, восемь раз был министром обороны, пять раз — министром иностранных дел. Судим за связи с мафией.

и Хайдера.[189]

Ни в одном из этих случаев (за исключением двух последних) из соответствующих государств не приходили протесты по поводу «непозволительных» вмешательств в их внутренние дела. А если бы протесты к нам и пришли — вот тут действительно было бы впору задуматься, уж не банановой ли республикой они нас считают. Почему же тогда итальянские газеты могут судить о политике чужих стран, а чужие газеты судить о нашей политике отчего-то не могут?

Согласно подобной логике, если судья зачитывает нам обвинение, он замешан в заговоре. А если он вынесет оправдательный приговор (или прекратит дело за сроком давности), он честен и неподкупен. Все равно что сказать (и до этого дойдем?): «Экономист» — мусор, потому что осуждает Берлускони, а «Таймс» — образец великолепной журналистики, потому что отзывается о Берлускони более снисходительно. Чем могут кончиться проявления столь неописуемого варварства?

---

[189] Примечания: 189

Йорг *Хайдер* (р. 1950) — бывший глава неонацистской «Партии свободы» в Австрии, которая в конце 90-х гг. прошлого века набрала 22% голосов избирателей и стала третьей партией в стране. Хайдер вошел в коалиционное правительство (2000).

Литература, конечно, — не одно и то же с политикой. Но я в жизни своей не слышал от писателя (сколь угодно тщеславного), что раз его роман разругали в литературном приложении к «Нью-Йорк таймс», то это авторитетнейшее издание — не что иное как мусорный листок. Или что против него соткан заговор (в случае «Нью-Йорк таймс») демоплутожидовствующими критиками. Если бы он сказал такое, мы решили бы, что его эго поражено элефантиазом.

Разумеется, существуют государства, в которых, стоит иностранному журналу дурно отозваться об их правительстве, как продажа этого журнала запрещается, а из местных газет вычеркивают самомельчайшие намеки на эту полемику. Но те как раз и суть страны под диктатурой, а некоторые из них — банановые республики. Да кстати, коль на то пошло, нужно ли так уж сильно презирать их за «банановость»? У них правительства, с которыми договариваться, должно быть, приятно, поскольку мы видим, что солидные и богатые господа, имен которых называть не будем, заключают с ними хорошие коммерческие сделки и переводят на банановые берега (в офшоры) свои солидные капиталы.

Гребет или табанит? [190]

Еще когда мы не знали исхода выборов, представители зарубежной прессы выражали озабоченность не исключенной победой Берлускони, а у нас кое-кто жаловался на иностранное вмешательство, что, мол, Италию воспринимают как банановую республику. По окончании выборов газеты на разных языках в разных странах стали громить нашего предсовмина за опрометчивые его сентенции насчет превосходства Запада над Востоком, за удивительные законы, которые эти варвары (носители диких, непостижимых языков) истолковывали в том духе, что новое правительство извлекает личную выгоду из служебного положения. На это опять-таки Берлускони довольно резко огрызался. Линия поведения, избранная им и его соратниками, была следующей: газеты во всем мире все сплошь левацкие, вся пресса пляшет под дудку левых интеллигентов, поэтому публикует всякую диффамацию в адрес нашей с вами возлюбленной Италии. Таким образом нарисовалась усердно

---

[190] Примечания: 190
Remare contro. L'Espresso, май 2002 г.

тиражируемая картинка: д'Алема, Фассино или Рутелли[191] берутся за телефон, набирают номер главного редактора испанской, французской или, допустим, британской газеты (не исключая и газет консервативных) и велят им публиковать статьи против синьора Берлускони. Те щелкают каблуками, отвечают «Есть!», напитывают ядом перья и наперебой кропают гадости про шельмуемого (или уже ошельмованного) нашего председателя совета министров.

Эта картинка отражает достаточно мафиозное представление о международной печати. И вдобавок, наверно, лишь сегодня мы в полной мере отдаем себе отчет, до чего в этой картинке ярко видит себя сам наш достопочтенный предсовмина Берлускони. Только сегодня, когда он, со своей стороны, открыто потребовал от административного совета гостелевидения уволить нескольких

[191] Примечания: 191

Массимо *д'Алема* (р. 1949) — министр иностранных дел и зампредсовмина в правительстве, возглавляемом Романо Проди (с 17 мая 2006 г.). С 1975 г. п о 1980 г. — секретарь Федерации коммунистической молодежи. В 1989 г. — один из основателей Демократической партии левых сил *(Partito democratico della sinistra)*. Пьеро *Фассино* (р. 1949) — с ноября 2001 г. — секретарь Демократической партии левых сил. Франческо *Рутелли* (р. 1954) — в прошлом был депутатом парламента от партии радикалов и одним из основателей партии «зеленых». Дважды избирался мэром Рима (в 1993 и в 1997), ныне — председатель коалиции левых сил «Ла Маргерита» и министр культуры в правительстве Проди.

журналистов, упорно ему не льстивших.

Ну, я согласен влезть в его шкуру. Может, заговор, обличаемый Берлускони, существовал? И до сих пор существует? Иностранные спецкоры в Италии — рабы наших итальянских левых? Но тогда, если Рутелли, Фассино и д'Алема имеют власть над крупнейшими газетами всего мира, независимо от политической ориентации этих газет — дабы поднять международный престиж Италии, следовало бы передать им быстро, и даже немедленно, всю власть в нашем государстве.

Дальше в лес — больше дров. В какой бы форме ни высказывались суждения зарубежных оппонентов, совершенно очевидно, что Жоспен и Ширак в ходе своей избирательной кампании кивали на Берлускони и на итальянскую ситуацию как на отрицательный пример, которым можно только отпугивать.

Чтоб собрать голоса французов, они всемерно обещали с трибуны: выбирайте нас, мы не будем действовать так, как действует Берлускони.

Для политиков этот прием не новость. Многие избирательные кампании строились на обещаниях не делать как советские руководители. Не поступать как Хайдер. Не следовать примеру нацистов. Не повторять методы Сталина. Мно-

гие кандидаты клялись не доводить страну до разрухи, до которой были доведены страны под управлением Иди Амина Дада, Франсуа Дювалье[192], Саддама Хусейна и иже с ними. Хорошо. Видя, что Жоспен, социалист, бывший троцкист и протестант, употребляет имя Берлускони в качестве ужасного жупела, мы не удивляемся. Жоспен ведь приспешник (с точки зрения итальянского «Полюса свобод») международной клики коммунистов. Но, видя, что к тому же хору присоединяется и голос Ширака, самого заядлого после Тэтчер представителя европейских правых, слыша, как Ширак говорит своим французам: «Голосуйте за правый фронт. Мы совсем не похожи на Берлускони», — поневоле мы призадумываемся. Тут уж вероятность, будто д'Алема, Рутелли и Фассино взяли трубку и напели в уши Шираку, что он должен поддержать их игру, мне кажется малоправдоподобной.

Возникает сомнение. Надеюсь, оно возникнет и у многих сторонников «Полюса». Что, если,

---

[192] Примечания: 192

Иди Амин Дада (1925—2003) в 1971 г. стал президентом Уганды в результате военного переворота. Диктаторский режим Иди Амина был одним из самых жестоких, пострадали сотни тысяч несогласных. Режим Амина свергнут в 1979 г. Франсуа *Дювалье* (1907—1971) избран президентом Гаити в 1957 г.; опираясь на отряды личной охраны (тонтон-макутов), провел закон о пожизненной и наследственной власти.

часом, наш любимый предсовмина делает все, чего ни один председатель Совмина, ни в одной стране, ни одной веры, ни одного цвета кожи, не имеет права делать? Все мы с вами — каждый в своей области — кто в промышленной, кто в коммерческой, кто в культурной — налегаем на весла, чтобы повысился престиж нашей Италии во всем мире. А что делает с веслами наш премьер-министр? Он гребет или табанит?

Легко сказать [193]

Сейчас как раз начинается дискуссия по поводу того, что американцы вчера объявили спокойнейшим образом, что Италия примет участие вместе с ними в войне в Ираке. Тут у нас в Италии все обалдели, не исключая премьер-министра, который что-то залепетал оправдательное на эту тему (еще бы — начнем с того, что подобное решение может принимать только парламент). Каверза Буша, дабы подстегнуть Италию к действию? Конечно, нет. Вопрос культурной антропологии.

Что такое американцы — трудно сказать. Их нация складывалась из пионеров — англосаксов/

---

[193] Примечания: 193
Tra il dire e il fare. L'Espresso, февраль 2003 г.

белых/протестантов, из евреев, итальянцев, ирландцев, поляков, пуэрториканцев и еще кого угодно. Чтоб из этого всего смогла составиться нация, нужно было, чтобы во всеобщем сознании укоренился основной принцип, который потом при случае предоставляет и основу для патриотического самоопределения. Принцип крайне прост. Я — часть страны, позволяющей мне жить и позволяющей, если я сумею, даже разбогатеть. Но я должен принять здешние правила общежития. Я не говорю «соблюдать законы», ибо и в США обитают люди вне закона, гангстеры, мошенники, беспризорные, бездомные, бесприютные, те, кто живет в канализации. Но они тоже, хотя и всемерно нарушают закон, пытаются все-таки соблюдать правила общежития.

Например, все — на вокзалах, в супермаркетах — уважают очередь. Просто невообразимо, чтобы кто-то не уважал. Очередь — святое. Стоящий перед нами может занудствовать и занимать работника чуть ли не час. В очереди злятся, но не протестуют. Он занял место раньше, он имеет право на что ему заблагорассудится.

Помню, когда-то я прилетел со Среднего Запада в аэропорт Ла-Гуардиа, и у меня было времени в обрез — как раз сесть в такси и доехать до аэро-

порта Кеннеди, чтобы успеть на рейс в Италию. А на такси была жуткая очередь, и я понял, что ни за что на свете не успею. Тогда в отчаянии я пошел в начало очереди и сказал первому ждущему: «У меня остались считаные минуты, чтоб доехать до аэропорта Кеннеди и улететь в Европу по срочному делу. Вы не будете ли так любезны и не пропустите ли меня сейчас без очереди?»

Никогда не видел таких растерянных лиц. Видно, в первый раз в жизни к ним обратились с подобными предложениями. Они были так потрясены, что первые десять человек показали руками — пожалуйста. Они, верно, подумали, бедные, что у меня горит дом, а в доме дети. Я прыгнул в первое подошедшее такси, сказал «спасибо» и только в машине понял, что отколол такое, против чего им было протестовать непредставимо… Настолько очередь в США священна.

Второе правило — говорить правду. Всегда предполагается, что все говорят правду. Если от вас просят любезности, а вы на это: *«Sorry, I am busy»*[194], — извиняются и больше ни о чем уже не просят. Но если вы пообещали прийти или сделать, а потом не исполнили — ужас. Это

---

[194] Примечания: 194
Извини, я занят *(англ.).*

непоправимо. Налоговым инспекторам говорят правду. Помните, что Аль Капоне сел за решетку не потому, что застрелил кучу народу, а потому, что солгал про доходы?

Никсон потерял президентский пост из-за того, что солгал. Правдивость (довольно часто вплоть до наивности) американцев в массовом масштабе бывает гротескной. Я потерял кредитную карточку. Так как я не знал, кому звонить, один мой друг, живущий в Америке и опытный, сам дозвонился до кредитной компании. Телефонистка спросила — он ли и есть мистер Эко. Он ответил, что нет, не он. Служащая на это сказала, что заменить карту она может только в одном случае — если попросит лично ее владелец. После чего друг передал мне трубку. Задав мне вопрос, служащая получила от меня заверение, что я и есть *mister Eco in person*. Служащая удовлетворилась, и назавтра мне прислали карту. Естественно, у телефона на моем месте мог быть кто угодно, но в Америке это нереально — служащая ни на секунду не допустила, что я способен ее обманывать.

Это, думаю, проясняет ситуацию с Бушем. Наш предсовмина, как обычно, щедрый на посулы, видимо, набормотал ему чего-то вроде: «Будь спокоен. Как-нибудь я все улажу. Не волнуйся».

Ну, Буш поверил. Не то чтобы сам Буш не умел вешать лапшу на уши своих сограждан. Буш по телевизору способен на все. Но иное дело телевизор, массовые коммуникации, скроенные по рекламному шаблону: в рекламе допускается врать. В случае же взаимных обязательств или перед государственными чиновниками — врать нельзя. Буш не знает, что у нас говорят из вежливости: «Ну, звони. Приятно будет повидаться», или: «Будешь в наших краях — заезжай прямо ко мне», и все это в случаях, когда люди не имеют ни малейшего намерения заходить друг к другу в гости и тем более принимать гостей. Берлускони наболтал Бушу с три короба, Буш поверил, а наш президент просто так сказал. Он уповал на пословицу, что *verba volant*[195]. Поэтому я и комментирую этот казус в ключе культурной антропологии. Даже политикам следует знать, что на чужом поле бывают правила не такие, как на их собственном.

Мы в Техасе, красавчик! [196]

---

[195] Примечания: 195
Слова летучи *(лат.).*

[196] Примечания: 196
É il Texas, bello mio! L'Espresso, июль 2005 г.

Я читал, что в Америке был конкурс на лучшую (самую памятную) фразу из фильма. Ясно, американского. Выиграла фраза: «По правде, дружочек, мне плевать» *(Frankly, my dear, I don ' t give a damn),* которую Кларк Гейбл говорит Вивьен Ли в финале «Унесенных ветром». Поддерживаю. И считаю, что в списке еще должны обязательно быть некоторые реплики из «Касабланки» и некоторые из «Янки-Дудль денди», где Джеймс Кэгни сыграл самую потрясающую роль в своей жизни и прощается со сцены словами: *«My mother thanks you. My father thanks you. My sister thanks you. And I thank you»*[197]. Что ни говори, от припоминания подобной фразы культового фильма легкий огонь пробегает по жилам.

Я удивляюсь, что в этом списке, кроме того, отсутствуют еще две фразы. Одна — из фильма «Крайний срок — США» *(Deadline USA).* Это фильм о свободе печати. Отвечая тем, кто запугивал его по телефону, требуя, чтоб материал не вышел, Хэмфри Богарт подносит трубку к ротационной машине, дает послушать ее скрежет и цедит в трубку: *«That's the power of the press, baby, the power of the press. And there ' s nothing you can do about*

[197] Примечания: 197

Моя мать благодарит вас. Мой отец благодарит вас. Вас благодарит моя сестра. И вас благодарю я *(англ.).*

it»[198]. В пятидесятые годы это был славный урок демократии. Каждый день я молюсь, чтобы эта фраза звучала всегда и везде, и особенно у нас в стране.

Я, как все знают, неравнодушен к «Касабланке» и к Хэмфри Богарту и не могу не привести еще одну цитату. В американском кафе «Рикс» Богарт отбивается от попреков Ивонны, доступной девицы, с которой он по сюжету фильма имел интрижку: *«Where were you last night? — It ' s so long ago, I don ' t remember. — Will I see you tonight? — I never make plans that far ahead»*[199].

Считаю этот диалог шедевральным и не желаю объяснять, по какой причине, поскольку если кто не понимает, тому бессмысленно растолковывать (моя грамматика — это пример конструкции анаколуфа).

Но разве только фразы из фильмов бессмертны? Когда провалился референдум о разрешении в Италии исследований на эмбрионах, а также о разрешении проводить оплодотворение

---

[198] Примечания: 198

Это печать, дорогой мой, это ее сила, слышишь. Против нее ты ничего поделать не можешь *(англ.)*.

[199] Примечания: 199

Где ты был вчера? — Так давно! Не помню. — Увидимся сегодня? — Не строю планов так надолго *(англ.)*.

от незнакомых доноров, я был в Соединенных Штатах, и там меня настигло известие, что Рокко Буттильоне[200] высказался об этом следующим образом: «Италия доказала, что она ближе к Техасу, чем к Массачусетсу». Американские друзья (среди которых есть техасцы), изумляясь, предполагали во всем этом шутку или же делали вывод, что неизвестный господин Буттильоне брошенной фразой хотел заклеймить свою родную страну. Да нет, отвечал друзьям я, это он о том, что в Италии стало лучше.

Тут я припомнил другую чудесную реплику. В Милане в 1950-е годы в университете шел конгресс по философии, с дискуссией философов-аналитиков и идеалистов-джентилианцев[201], диалог неверующих и верующих. Говорил один

---

[200] Примечания: 200

Рокко *Буттильоне* (р. 1948) — итальянский политик правоцентристской ориентации, входит в верхушку неохристианско-демократической партии. Выдвигался на пост евроминистра юстиции, однако был вынужден снять свою кандидатуру, поскольку его жесткие высказывания против гомосексуальных браков и абортов вызвали неприятие остальных министров.

[201] Примечания: 201

Джентилианцы — последователи неогегельянского идеализма, возглавлявшегося в начале XX в. Дж. Джентиле, автором «Общей теории духа как чистого действия» *(Teoria generale dello spirito come atto puro),* в которой он проводил идею необходимости «актуализма» и трансцендентального «Я», то есть абсолютной мысли, в которой растворяется все многообразие реальной действительности.

из последних рыцарей издыхающей идеалистической философии и с изрядной долей риторики возносил хвалы трансцендентному «Я» («тому Я, что образуется, посредствуясь, и, образуясь, создает Историю», и так далее, и так далее). Вдруг встает из публики еще один недобитый идеалист и громко кричит: «Да здравствует Я!» (вызывая в памяти героев Джованни Моска, которые в сюртуке, цилиндре, при раздвоенной бороде, слышат голос Стаффардского аббата[202]). Оратор бледнеет и, дрожа голосом и губами, отвечает: «Коллега, если ваша милость желает поднять на смех те материи, которым я отдал без остатка всю жизнь...» — на что другой, с рыданьем в голосе: «Нет, нет! Я совершенно серьезно!» И тут оратор (и от Джованни Моска мы плавно переходим к Де Амичису[203]) с открытыми объятиями возглашает: «Сюда, ко мне на грудь!» И они обнимаются, а глумливые слушатели конвульсивно кашляют в кулаки.

История с Буттильоне, похоже, из этой же опе-

---

[202] Примечания: 202

«Стаффардский аббат» (1945) — высокопарная драма Джованни Моска (1908—1983), итальянского журналиста и писателя-юмориста.

[203] Примечания: 203

Эдмондо Де Амичис (1846—1908) — итальянский писатель, автор душещипательного романа для подростков «Сердце».

ры. Наверно, кое-кто из читателей, купивший этот номер «Эспрессо» в качестве поездного чтива, задаст вопрос, так ли уж плохо быть ближе к Техасу, чем к Массачусетсу. Тогда еще раз анаколуф: не имею намерения отвечать на его вопрос, потому что кто не понимает, тому бессмысленно растолковывать.

Поработаем ревизионистами
Воспоминания моей фашистской юности [204]

Все время пишут о разных уступках фашизму со стороны многочисленных, славнейших интеллектуаллов-антифашистов. В наше время стало модно говорить: «Значит, тогда не было героев». Перечитывая историю, мы видим, что кто-то отправлялся в ссылку, кто-то давал слабину. Но все огульные оценки исходят из абстрактной шкалы моральных ценностей и выводят за скобки наблюдения социологии.

Я, будучи рожден в 1932 году, жил при фашизме первые тринадцать лет. Никак не хватит, чтобы активно участвовать, но безусловно хватит, чтоб многого поднабраться. А это ведь было время, когда мы в десять лет были вынуждены сами, вопреки всему слышанному от взрослых, догадываться, что дети берутся из живота отрицающей это мамы.

Повсюду витало ленивое соглашательство с тогдашним деспотизмом. Я слышал об умных лю-

---

[204] Примечания: 204
Alcuni ricordi della mia infanzia fascista. L'Espresso, июнь 2000 г.

дях почтенной старой либеральной формации, которые после похода Муссолини на Рим, разводя руками, говорили: «Может, в конце концов хоть ему удастся навести хоть немного порядка в нашей раздрызганной стране». В школе мы изучали «фашистскую революцию», но впоследствии мне стало совершенно понятно, что фашизм не свалился как снег на голову или как советские танки на Будапешт и Прагу, а утверждался плавным ползучим ходом. Даже дело Маттеотти (при тогдашней малоподвижной информации) дошло только до узкого круга и только этим кругом было правильно понято.

Когда кузен моего отца, кипучий социалист, бывал у нас в гостях жаркими летними вечерами, мама бежала закрывать окна, чтоб с улицы не слышали тех колоссальных продерзостей, которые он выпаливал. Прочие члены семьи были умереннее; они говорили, что Муссолини, надо надеяться, действует из добрых побуждений, хотя и «неотесан». Думаю, что и тот двоюродный брат, если б ему занадобилось «пропихнуть» бумаги для пенсии, преспокойно написал бы обходительное прошение компетентным властям. Потому что так поступали и диссидентствующие.

Кто-то храбро шел в ссылку, кто-то шел в

рабочие. Таких было немного. Не оттого, что остальных всех запугали. Просто это было другое время. В 1970—1980 годы двадцатилетние террористы, когда за них принималась полиция, добирались из Рима до Валь-д'Аосты, на границе давали тысячу долларов охране и спокойно переходили в Швейцарию. Спросим же себя, почему во времена Муссолини антифашисты соглашались на многолетнюю ссылку и не пытались уйти в Швейцарию. Ответ — это было другое время, Италия была провинциальной страной, добраться даже до Аосты из Рима — и то было непросто, тысячи долларов (или эквивалента этой суммы) ни у кого не было, языков никто не знал, никто не ездил до того за границу и не имел в Швейцарии друзей, и не то чтобы за несколько жетонов из автомата на углу можно было дозвониться до Цюриха и договориться, чтоб ждали на границе.

Антифашисты попадали в ссылку не потому, что не желали уехать куда-то, а потому, что побег рисовался гомерически трудным делом. Диссиденты полагали диктатуру судьбой, и неизбежным представлялось соглашение с властями. Считалось, что некоторая двойственность жизни соответствует необходимому и законному налогу, выплачиваемому за выживание.

Это вроде того как если бы ныне вдруг обнаружилось, что некто, впоследствии отсидевший десять лет в сталинском ГУЛАГе, до посадки написал заявление в поселковый совет с просьбой о выдаче пособия. Ну и что, судить его моральным судом? В сталинской России все писали подобные заявления. Это не значит, что человек пособничал сталинизму. Этические судилища всегда должны вершиться с учетом исторической ситуации.

Очевидное-потаенное [205]

Дискуссия эта не нова, но, естественно, теперь, когда правые у нас у власти, она вспыхнула с обновленной силой, поскольку, как справедливо было сказано, «историю пишут победители». Поэтому не проходит дня, чтобы мы не получали приглашений пересмотреть события последних шестидесяти лет, которые доминирующая культура якобы от нас утаивала.

Любой историк обязан заново пересматривать документы по своему вопросу, будь этот вопрос даже столь изученным, как битва при Пуатье. Может, он прочтет документы и докажет, что

---

[205] Примечания: 205
Le occultazioni palesi. L'Espresso, май 2001 г.

данная битва не столь уж важна для истории, как принято думать. Однако если историк вдруг заявит, что пересматривать события необходимо по той причине, что доминировавшая культура злонамеренно таила от человечества реальную картину битвы, — мы ответим: ну, это вряд ли…

В 1945 году, в конце войны, мне было тринадцать с половиной лет. Тогда я понимал не так уж много, но смог понять, что такое диктатура и что следует прыгать в ров, когда над головой свистят пули (перестреливаются фашисты с партизанами). Я разбирался, кто были «маро´» из Десятой МАЗ[206], которые считались хорошими ребятами, но немножко чересчур романтичными, и кто были молодчики из «Черных бригад»[207], от которых все разбегались кто куда. Я отличал

[206] Примечания: 206

«Маро´» — морская пехота. МАЗ (*um.* Mezzi d'Assalto) — десантники. После выхода Италии из войны 8 сентября 1943 г. полковником Ю.В. Боргезе были сформированы ударные группы Десятой флотилии МАЗ для защиты Республики Сало´. Группы воевали на стороне немцев против союзнических армий США и Англии, проводили репрессивные акции среди мирного населения. Десятая МАЗ памятна жестокостью, обреченностью и решительностью.

[207] Примечания: 207

«Черные бригады» были созданы Муссолини после 8 сентября 1943 г. для защиты Республики Сало´. Бадольянцы подчинялись генералу Пьетро Бадольо, возглавившему правительство страны после ареста Муссолини, и действовали во второй половине 1944 г., когда север Италии был оккупирован немцами и шла партизанская война.

партизан-бадольянцев с голубыми повязками от партизан-гарибальдийцев, чьи повязки были красного цвета.[208]

Потом мне стало известно, что сбросили атомную бомбу на Хиросиму и что обнаружили нацистские лагеря смерти; что добровольцев Сало´ посадили в Кольтано[209] и вскоре выпустили, что был убит философ Джентиле, что расстреляли братьев Черви[210], что Эзру Паунда арестовали за коллаборационизм и что, по окончании военных действий, бывшие партизаны стали превращаться в грабителей с большой дороги. Поскольку я в общем и целом шевелил мозгами и внимательно читал газеты и журналы, я довольно быстро узнал и о Кефалонии[211], и об истрианских фойбах[212], и о сталинских репрессиях, а позднее,

---

[208] Примечания: 208

«Бригады Гарибальди», участвовавшие в итальянском Сопротивлении, были бригадами коммунистов и сражались под началом Луиджи Лонго, впоследствии — секретаря Коммунистической партии Италии.

[209] Примечания: 209

Лагеря в Кольтано, возле Пизы, были созданы американцами для интернирования пленных всех национальностей, а в особенности лиц, сотрудничавших с Республикой Сало´.

[210] Примечания: 210

Джованни Джентиле был убит партизанами-карателями на пороге своего дома во Флоренции 15 апреля 1944 г. Партизаны отнеслись к Джентиле как к фашисту (он подписал в 1925 г. «Манифест фашистской интеллигенции», хотя, будучи министром, он выступал против антисемитских расистских законов, введенных в Италии королевским

декретом 1938 г.). Семь братьев-антифашистов Черви из семьи эмилианских крестьян были расстреляны в декабре 1943 г.

[211] Примечания: 211

Кефалония — остров в Ионийском море, где итальянские и немецко-фашистские войска, бывшие союзниками, после выхода Италии из войны 8 сентября 1943 г. внезапно оказались в положении врагов. Местное командование итальянцев было против боевых действий, но из главного штаба армии поступил приказ вступить в сражение. Так в бессмысленном бою погибли 1300 итальянских солдат, 350 были захвачены в плен и расстреляны.

[212] Примечания: 212

Фойбы — глубокие овраги в Истрии, куда осенью 1943 г. и в особенности в те дни, когда в Триест вошла югославская армия (с апреля до середины июня 1945 г.), дружинники Тито сбрасывали тысячи человек, как военных, так и штатских, итальянцев, хорватов, словенцев.

читая письма приговоренных к смерти участников Сопротивления, я уяснил, что среди них были и марксисты, и католики, и монархисты, умиравшие за короля. После войны марксистская историография довольно сильно педалировала роль коммунистов в борьбе за освобождение Италии. Но память Сопротивления сложилась из многих компонентов, и складывали ее не одни марксисты. Только на этой памяти Сопротивления смогло воздвигнуться демократическое государство. Больше ведь не на чем было: всем подспудно известна истина, которую Ренцо Де Феличе[213] впервые высказал громко и ясно. Истина эта — что Италия, как ни крути, принимала и поощряла фашистов. После Освобождения имели место кое-какие чистки. Однако в самые краткие сроки тысячи людей, побывавшие фашистами, но лично никого не убившие, вернулись на рабочие места. В бюрократическом аппарате сохранились те же люди, которые были при фашизме, и они — то в шутку, то всерьез — иногда побор-

[213] Примечания: 213

Ренцо Де Феличе (1929—1996) — итальянский историк, в молодости — коммунистической ориентации. Вышел из партии в 1956 г. после венгерских событий. Обвинялся в ревизионизме за попытку официально описать феномен поддержки фашизма со стороны всего населения Италии и поведать в незаинтересованном, неполитизированном ключе историю фашистской диктатуры.

матывали, что «было лучше, когда было хуже». В 1946 году, через год после гибели фашизма, я увидел на стенах первые плакаты «Итальянского социального движения»[214]. В те же годы многие читали не «Унита», а «Боргезе» и «Кандидо»[215]. По государственному телевидению начали упоминать Сопротивление лишь в 1960-е годы, когда президент Сарагат взял привычку оканчивать свои речи словами «Да здравствует Италия! Да здравствует Республика!» и казалось, он кого-то дразнит.

Так что многие «замалчивавшиеся» имена и факты, как только что было продемонстрировано, я знал в самом зеленом возрасте и как раз потому, что их никто не думал замалчивать. Иначе как я мог знать их? Неужто в тринадцать

---

[214] Примечания: 214

«Итальянское социальное движение» — неофашисты, впоследствии принявшие имя «Национального союза» (*Alleanza Nazionale,* партия Джанфранко Фини).

[215] Примечания: 215

Il Borghese — журнал, основанный Лео Лонганези (1905—1957) в 1950-х гг. Правой политической ориентации, блестящий и элегантный, журнал мог гордиться такими сотрудниками, как Джузеппе Преццолини и Индро Монтанелли. *Candido* — журнал, основанный в декабре 1945 г. Джованни Гуарески (1908—1968), писателем-юмористом и карикатуристом, автором известной серии книг и фильмов о заклятых врагах, священнике и коммунисте — Доне Камилло и Пеппоне. Журнал был антикоммунистическим, но не стремился подольститься к новопришедшей к власти Христианско-демократической партии.

лет один я и только я оказался, во всей Италии, допущен к важнейшим государственным секретным сведениям?

Гегемония левизны в культуре [216]

В начале 1970-х годов Мариза Бонацци организовала в Реджо-Эмилия выставку «Учебники для начальных школ». Затем, в 1972 году, мы с Маризой Бонацци вместе обработали материалы выставки и опубликовали в издательстве «Гуаральди» книгу под названием «Лживые листы» *(I pampini bugiardi).* В книге воспроизводились выдержки из учебников с нашими ироническими подписями. «От нас» были вставлены и краткие предисловия к разделам (бедные; работа; родина; расы; гражданское воспитание; история; наука; деньги и проч.). Остальное — сами тексты. На страницах нашего издания представали выдержки из школьных книг, где не только повторялись клише фашистских учебников, но использовалось и более ветхое старье даннунцианского пошиба.

Приведу только два примера. Жирный шрифт

---

[216] Примечания: 216

L ' egemonia della sinistra. La Repubblica, ноябрь 2000 г.

мой. Портрет Назарио Сауро[217], выстроенный по канонам муссолиниевской скульптурности:

> *Мощное тело полнится свежей живою кровью, крупная сильная голова, решительный взгляд: ему передался бессмертный дух, витающий над нашими долами, над нашими горами, над нашими итальянскими морями. Духом этим сильна Италия,* ***наша Родина, краше всех других на свете родин.***

Второй пример — это абзац о военном параде 2 июня, в день государственного праздника Итальянской Республики:

> *…течет стальной поток, развеваются знамена, сияет оружие, идут воины боевыми порядками… Колоссальные танки и бронетранспортеры, годные* ***для продвижения войск даже через облако ядерного взрыва*** *– артиллерийские орудия… Легкие и подвижные наступательные машины…*

---

[217] Примечания: 217

Назарио Сауро (1880—1916) — итальянский подводник, герой, казнен австрийцами во время Первой мировой войны.

Без всякого сомнения, тексты, внушающие невинным детям, что наши танки, будто стальные кони, дружно мчат сквозь легкие облака ядерного взрыва, — это недобросовестные тексты. Книга, составленная нами, получила неплохой резонанс и внесла посильный вклад, наряду с другими выступлениями (в предисловии я цитировал тематический номер журнала «Рендиконти»), в обновление — на общенациональном уровне — текстов школьных учебных пособий. Ни один министерский работник не высказался на эту тему, не была создана никакая комиссия, не была назначена никакая проверка. Как бывает в области культуры, изменение ситуации совершилось самопроизвольно благодаря свободной критике.

Думаю, это и есть норма для цивилизованной страны. Не стану отзываться об учебниках, вызвавших филиппику Стораче[218], потому что я их не читал. Вполне готов признать априори, что некоторые места в этих учебниках спорны.

---

[218] Примечания: 218

Франческо *Стораче* (р. 1959) — депутат от правой группы MSI-DN (наследницы распущенной по суду Национально-фашистской партии, впоследствии MSI-DN приняла имя «Национальный союз»). В ноябре 2000 г. предложил переписать учебники истории для средней школы, устранив сведения о героических эпизодах антифашистского Сопротивления.

В свободной стране спорные мнения оспариваются. Оспариваются — не цензурируются. А если суждено вспыхнуть дискуссии, то пускай она вспыхивает сама. Естественно, критикующему пристало быть достаточно заслуженным в культурном и в моральном смысле, чтоб его критика звучала авторитетно. Но подобные регалии зарабатываются на поле боя.

Не скажу вам ничего нового, напоминая, что школьники должны осваивать свои учебники, и хорошие и плохие, под руководством преподавателя и с сильной поправкой на информацию, поступающую (особенно в нынешнюю эпоху) по другим каналам. У нас в лицее философию учили по Ламанна, серьезному, но неподъемному, пронизанному идеализмом. Джакомо Марино, преподаватель философии, человек религиозный, великолепный лектор (он объяснял нам даже Фрейда, рекомендуя в качестве литературы по Фрейду цикл «Врачевание и психика» Стефана Цвейга), не любил Ламанна и прочел нам совершенно другой, оригинальный курс истории философии.

Потом я стал философом, специалистом, но многое в моей науке я помню со времени лицея именно в том виде, в каком это мне излагал про-

фессор Марино.

Однажды я спросил у Марино, какой журнал по вопросам культуры он может мне рекомендовать дополнительно к уже известному мне «Фьера Леттерария» (в те времена имевшему сугубо религиозное направление, хотя рассказывалось в нем о чем угодно). Он посоветовал мне еще один серьезный и не менее религиозный журнал, «Гуманитас». Эту рекомендацию я хотел бы рассмотреть сейчас в свете пресловутого вопроса о «культурном засилии левых».

Сегодня юноша, который, как водится, не много знает об Италии прошлых лет, читая газеты и слушая политиков (если уж он читает и слушает), вынесет только одно впечатление: что со времен окончания войны и вплоть до «Чистых рук»[219] Италией рулили исключительно левые интеллигенты, которые, владея всеми рычагами власти, установили повсюду свою культурную гегемонию, грустные результаты чего мы наблюдаем и по сей день. Я хотел бы возразить

[219] Примечания: 219

«Чистые руки» — судебные расследования по делам о коррупции, начавшиеся в Милане в феврале 1992 г. и распространившиеся по всей Италии. Волной расследований, обнаруживших множественные случаи незаконного финансирования политической деятельности, накрыло ведущие итальянские политические партии, в первую очередь социалистическую.

этим юношам, что со времен окончания войны нашей страной управляла Христианско-демократическая партия, крепко державшая контроль над министерством образования, и что существовали солидные религиозные издательства («Морчеллиана», «СЕИ», «Студиум», «Аве»), а также что имелось специальное христианско-демократическое издательство «Чинкве Луне». «Риццоли» было прибежищем консерватизма, и не было ничего левого в таких издательствах, как «Мондадори», «Бомпиани», «Гардзанти». Школьные учебники издавались в «Ле Монье», «Принчипато», «Валларди» — весьма далеких от коммунистов. Марксизм не подходил и близко к таким популярным еженедельникам, как «Доменика дель Коррьере», «Оджи», «Темпо». Не существовало больших газет левой ориентации, не считая «Унита», но «Унита» покупали только те, кто голосовал за коммунистов. Проще всего сказать так: без учета издательства компартии («Универсале дель Кангуро»), единственным по-настоящему левым издательством было «Эйнауди». Да и то, когда они в 1948 году опубликовали первую книгу по советскому диалектическому материализму, это была книга

автора-иезуита. «Фельтринелли»[220] родилось на свет позже. Главными хитами «Фельтринелли» были «Леопард» Джузеппе Томази ди Лампедузы и «Доктор Живаго» Бориса Пастернака; ни ту ни другую вещь не назовешь ослепительными проявлениями марксизма.

Так что речь идет не о марксизме, а скорее о «левой мысли». Когда походя говорят о «левой мысли», имеют в виду мысль светскую, либеральную, деятельную, можно даже сказать — крочеанскую[221]. Вообще же в университетах власть и места на конкурсах делились между двумя главными группами: группой католиков и группой некатоликов. Группа некатоликов вмещала в себя всех, в том числе и немногих имевшихся профессоров марксистской складки.

Как же смогла установиться гегемония левых в культуре? Ведь она в конце концов постепенно установилась? И почему правящие христианские демократы не заняли оборону и не вознесли Ди-

---

[220] Примечания: 220

«Фельтринелли» — издательство, основанное в Милане в 1954 г. интеллектуалом-террористом Джанджакомо Фельтринелли, вывезшим из СССР рукопись «Доктора Живаго» (итал. публ.: 1957), в 1972 г. подорвавшимся на собственной мине.

[221] Примечания: 221

«Крочеанское» мышление для Эко означает «неотрешенное», живо связанное с реальностью.

его Фаббри[222] превыше Бертольта Брехта?

Объяснение не в том, что, как кое-кто утверждает ныне, правящая партия проявила широкую и безмятежную терпимость. Это частично справедливо, однако в пятидесятые годы, я помню, некоторым коллегам отказывались оформлять трудовую книжку на телевидении, говоря в лицо, что коммунистов не берут. Перечитаем прессу того времени и увидим, какие бушевали споры, сколько было нетерпимых и резких выпадов — ныне такое непредставимо. Однако справедлив и общий вывод. Да, действительно — правящая партия заняла твердую позицию: отдайте нам контроль над экономикой, над министерствами и ведомствами, а в культурную деятельность мы, так и быть, не станем совать свой нос.

Тем не менее этим объясняется не все. Лицеи не рекомендовали некоторых авторов, и даже, разумеется, их замалчивали. А молодые люди все-

[222] Примечания: 222

Диего Фаббри (1911—1980) — итальянский писатель-католик, сочинявший драмы на религиозные темы.

таки читали Грамши и Маритена[223]. По крайней мере, молодые люди католической ориентации точно читали Маритена; полагаю, что и Грамши с Гобетти. Почему это?

Потому что дух дышит где хочет. Католические философы 50-х и 60-х годов делились, если не считать редчайших исключений вроде христианского экзистенциализма, на неотомистов и на спиритуалистов джентилианского извода — примерно на этом все и оканчивалось, а внерелигиозная (светская) философия изучала меньше всего тексты Маркса, а больше всего — тексты логического неопозитивизма, экзистенциализма, Хайдеггера, Сартра и Ясперса, феноменологию, Витгенштейна, Дьюи, и эти же тексты читали католики. Понимаю, что мои обобщения грубоваты, потому что я узнал о главных светских философах от профессоров-католиков, а не только от

[223] Примечания: 223

Жак *Маритен* (1882—1973) — французский философ-католик, неотомист, автор книг «Различить, чтобы объединить, или Уровни познания» (*Distinguer pour unir; ou les degrés du savoir*; 1932) и «Интегральный гуманизм. Преходящие и духовные проблемы нового христианства» (*Humanisme intégral. Problémes temporels et spirituels d'une nouvelle chrétienté*, 1936. Рус. пер.: 1994). Филофия Маритена контрастирует и с индивидуалистским буржуазным мировидением, и с массифицирующим марксистским и полемична по отношению к любой тоталитарной идеологии.

светских мыслителей вроде Аббаньяно[224] (который, кстати, мыслил по-светски, но, безусловно, не по-марксистски и вообще не в духе левых), а главные тексты внерелигиозных мыслителей я прочитал в книжных сериях, издававшихся под редакцией католиков.

Светская культура утвердилась в борьбе с крочеанским идеализмом: это не было борьбой марксизма с христианством (многие марксисты даже оставались крочеанцами). Утвердившись, светская культура заняла главенствующее положение и притянула к себе и профессоров и студентов. Когда устанавливаются подобные гегемонии, декретами их не уничтожишь.

Христианские демократы просчитались из-за того, что они всегда слабо верили в силу идей. Они думали, что важнее контролировать телепрограммы, а авангардистские журналы не играют никакой роли. В результате через четверть века полного политического господства с полным контролем над носителем самой массовой информации — телевидением, христианские

---

[224] Примечания: 224

Никола *Аббаньяно* (1901—1990) — итальянский философ, ведущий представитель экзистенциализма в Италии, автор труда «Структура существования» (*La struttura dell ' esistenza*, 1939), где вводится концепция «позитивистского экзистенциализма» в полемике с Хайдеггером и Ясперсом.

демократы обнаружили у себя перед носом поколение 68-го года. Тогда христианские демократы избрали стратегию выжидания. Сесть на берегу реки и ждать, пока по ней проплывет труп врага. Ждать, пока годков через двадцать бунтари набушуются и причалят или к «Комунионе э Либерационе», или к Сильвио Берлускони. Точно, этим дело и кончилось.

Верно и то, что культура левой интеллигенции превратилась в гегемонную под воздействием оглушительного идейного шантажа («ты не думаешь как мы — значит, ты отстал; о, позорно заниматься искусством, не поклоняясь надстройке и базису!»). Это верно. Коммунистическая партия, в отличие от христианских демократов, не щадила сил и средств на культурную борьбу. Конечно, и при бесконечной промывке мозгов некоторым удалось отстоять свою линию мышления — это доказывают великолепные критические статьи Норберто Боббио, полемичные по отношению к «гегемонии». Все мы, когда читали в «Ринашита» или в «Контем-поранео» хвалы социалистическому реализму и обвинения в недостатке идейности в адрес даже «Метелло»

Пратолини или «Чувства» Висконти[225], относились к критике внимательно, но никто, кроме коммунистов с партбилетами (да и они тоже вряд ли), не принимал ее за чистую монету. Все образованные люди понимали, что Жданов — чугунная голова. Вдобавок, если моя реконструкция справедлива, пресловутая гегемония левизны медленно устанавливалась именно в тот исторический период (от Венгрии до Чехословакии), когда сталинизм, реалистический социализм и диамат себя вконец скомпрометировали, даже в глазах воинствующих социал-коммунистов. А следовательно, речь уже шла не о гегемонии марксистской мысли — или не только о ней. В серьезной степени речь шла о гегемонии критической мысли.

---

[225] Примечания: 225

Rinascita — основанный Пальмиро Тольятти в 1944 г. ежемесячный, впоследствии — еженедельный журнал Компартии Италии, выходивший до 1990 г. и прекративший свое существование после роспуска Компартии. В том же году была основана Партия итальянских коммунистов и «Ринашита» возобновила свой выход в качестве ее органа. *Il Contemporaneo* — политически-литературный журнал марксистского направления, выходил с 1958 по 1964 г. Сюжет романа итальянского писателя Васко Пратолини (1913—1991) «Метелло» (1955) разворачивается в рабочей среде и описывает ряд исторических событий от объединения Италии (вторая половина XIX в.) до 50-х гг. XX в. Фильм итальянского режиссера Лукино Висконти (1906—1976) «Чувство» (1954) посвящен истории любви знатной итальянки к австрийскому офицеру на фоне исторических событий Рисорджименто (объединения Италии).

Благодаря какой поруке люди, мыслившие в критическом плане (светском или религиозном), смогли внедриться в издательства, на телевидение, в газеты? Достаточное ли объяснение — то, что партия христианских демократов позволила некоторым представителям оппозиции работать на правительство с целью вселить раскол в лагерь левых, что, кстати, в общем-то удалось? Одни стали «подтягиваться» к другим — поправевшие к поправевшим, левые к левым колеблющиеся к левым, — в надежде на широкие возможности, которые открывала работа во влиятельных оппозиционных структурах или при правительстве? Так же как ныне колеблющиеся подтягиваются к правым, все по той же причине? Не думаю.

Во второй половине века «левая», критически ориентированная культура стала чувствительней к духу времени, разыграла несколько выигрышных комбинаций и подготовила самые квалифицированные кадры. Эти кадры пополнялись за счет роста снизу, а не «спуска» сверху. Рост был естественным, не происходило никаких торгов между партиями. В процессе принимали участие представители самых разных партий и групп — от коммунистов до республиканцев, от либералов до социалистов и даже продвинутые

католики.

Я понимаю, что Стораче злится, видя, что школьные учебники интерпретируют историю не в том свете, как ему хочется. Но тут я задаюсь вопросом: а почему Стораче не задействует собственных авторитетных писателей? Почему не объявляет, что отныне, да будет всем известно, гегемонию олицетворяют правые? Ведь любимых правыми классиков литературы сегодня, как мы видим, беспрестанно славят на страницах газет и журналов. Современную историю то и дело переписывают. В каталогах издательств кишмя кишат не только крупные писатели консервативного направления, но и самые несущественные книжонки, напитанные духом реакционного оккультизма, который так мил духовным наставникам Стораче.

Если б культурную гегемонию определяли по удельному весу, я бы пришел даже к выводу, что главенствующая культура сегодняшнего дня — мистическая, традиционалистская, неоспиритуальная, нью-эйдж, ревизионистская. По-моему, государственное телевидение уделяет больше внимания Папе, чем Джордано Бруно, больше занято Фатимой, чем Марцаботто, и преподоб-

ным Пием, нежели Розой Люксембург[226]. На страницах нашей печати тамплиеры своей численностью многократно превосходят численность партизан.

Так почему же, имея столько издательств, газет, культурных полос, еженедельников правого направления, Стораче до сих пор окружен неприятелями со всех сторон? Возможно ли, что по ликвидации ортодоксального марксизма самим ходом истории, последние марксисты все еще преобладают среди учителей средних школ?

Почему Берлускони (полностью разделяющий опасения Стораче), при безграничной медийной власти, которая у него в руках, поддается обаянию «гегемонов»-левых и каждый год печатает великолепно подготовленные издания «Коммунистического манифеста» и иные про-

[226] Примечания: 226

Фатима — местность в Португалии, где, согласно свидетельству трех пастухов, с 13 мая по 13 октября 1917 г. имело место неоднократное явление Богоматери. Ныне святилище в Фатиме — мировой центр паломничеств. *Марцаботто* — городок в Тоскано-Эмилианских Апеннинах, место массового убийства мирных граждан во время Второй мировой войны немецкими карательными отрядами под командованием майора В. Редера. *Преподобный Пий* из Пьетрельчина (Пио Форджоне, 1887—1968) — народный святой, живший в Кампанье, в провинции Беневенто. Монах-минорит, капуцин, в сентябре 1918 г. мистически обрел стигматы (раны, подобные Христовым) и с того времени стал почитаться народом как святой. Канонизован Папой Иоанном Павлом II 16 июня 2002 г.

токоммунистические тексты вроде «Города Солнца» Кампанеллы или «Новой Атлантиды» Фрэнсиса Бэкона? Уж не хочется ли ему произвести впечатление на представителей светской культуры, перед которыми он, несмотря ни на что, заискивает? Почему бы ему не сделать свой собственный сборник «Лживые листы»? Мы все эти листы прочтем, ища материал для нашей острой критики. Ведь культурную гегемонию завоевывают только книгами.

Было ли лучше, когда было хуже?[227]

Не хочу отбивать хлеб у сатириков, но и у меня тут подсобралось несколько сюжетов на прекрасные темы. Миланский папаша наорал на двенадцатилетнего сына — тот пришел почти в полночь, — и в ответ юноша от обиды повесился на чердаке; отца посадили в тюрьму за доведение до самоубийства. Нападающий «Фульгора» бил пенальти и застал врасплох вратаря «Сенектуса», репутация вратаря вдребезги — его считали неуязвимым. У вратаря инфаркт, он умирает, и федерация футбола вводит новое правило, согласно которому бить по воротам можно только после уведомления о намерениях, с указанием намеченной траектории мяча (похоже на скетч о дуэли у Петролини[228] — дуэлянт протестовал, что противник все время вертится и не дает себя достать). Профессор Гиппократи открыто говорит синьору Невезуччи, что у того рак простаты. Неве-

[227] Примечания: 227

Si stava meglio quando si stava peggio? L'Espresso, ноябрь 2003 г.

[228] Примечания: 228

Этторе *Петролини* (1886—1936) — известный в свое время римский актер комического варьете, комедиограф, изобретатель ряда смешных масок — «Фортунелло», «Нерона», «Гастона» и др.

зуччи возвращается домой и в состоянии аффекта убивает жену и семерых детей, затем бросается с балкона. Ввести государственный закон, чтобы врачи не говорили пациентам ничего, что может негативно подействовать на их чувства.

Все это парадоксальные казусы, ни в одном случае не принималось в соображение, что существуют ситуации конфликтные априори, в них свои правила игры, согласно которым щадить чувства другой стороны незаконно, законно же — критиковать, спорить, повышать голос, даже лягаться и говорить нечто весьма неприятное. Такая ситуация — политический диспут. Он *полемичен* в этимологическом значении термина[229]. Эти диспуты описываются военными и спортивными метафорами (занять оборону, вступить в схватку, атаковать правительство). А как же иначе?

Иначе бывает. Но «иначе» бывает при диктатурах и в неполноценных демократиях, там, где запрещена критика и где газеты, не пощадившие чувств высокого начальства, подвергаются закрытию. Неполноценная демократия не поджигает редакции газет, не ссылает редакторов.

---

[229] Примечания: 229
Полемос (πόλεμος) — война *(греч.)*.

Гораздо проще — неполноценная демократия пускает слух по поводу любой не слишком выдержанной критики, что она — на руку фанатикам. В стандартной диктатуре всякий раз закрывают оппозиционные газеты после покушения фанатиков на главу правительства (при этом ставится знак равенства между оппозиционностью и соучастием в преступлении). Супердиктатуры вообще сами организуют покушение фанатиков и после этого громят оппозицию.

Соблазн разыграть такие козыри нередко возникает в дни трагедий. Родственники чиновника, умершего от горя после увольнения, нередко убеждают себя и всех, что эта смерть на совести непосредственного начальства. Точно так, когда убили Биаджи, кто-то припомнил, что Кофферати нелицеприятно раскритиковал проект Биаджи. Стали говорить: видите, Кофферати разжег ненависть к Биаджи.[230]

Это было несправедливо. Кофферати критико-

[230] Примечания: 230

Экономист, специалист по трудовому законодательству Марко *Биаджи* (1950—2002) был убит террористами «Новых красных бригад» в Болонье. Правительство Берлускони лишило Марко Биаджи специальной службы охраны, которую он запрашивал, опасаясь угроз террористов. Серджо *Кофферати* (р. 1948) — итальянский политик левой ориентации, в течение многих лет — национальный секретарь профсоюза CGIL (*Confederazione Generale Italiana del Lavoro*, Генеральная итальянская конфедерация труда), с 2004 г. — мэр города Болоньи.

вал Биаджи, когда Биаджи был жив; Кофферати имел право высказывать несогласие. Хотя понятно, что после смерти все это смотрится иначе. Тоже по-человечески объяснимо. И все-таки настораживает, что по этой логике выходит — «не смей ругать меня, потому что, если потом со мной что случится, будешь ты виноват». Это попросту шантаж (и вдобавок, грубо говоря, как бы не накаркали…). Выходит, нельзя критиковать политического противника только из-за того, что, не приведи бог, какой-нибудь маньяк, параноидально перетолковав пункты ваших расхождений, на него потом кинется?

По этой и по другим причинам представляется столь угрожающей атмосфера, которая создалась вокруг одной недавней дрязги. «Унита» высмеяла Джулиано Феррару[231] за то, что тот ужинал с Берлускони. Кстати, факт сам по себе мало кого может удивить: думаю, они видятся не столь уж редко. Но Феррара отреагировал заявлением, что-де «Унита» науськивает на него вероятных террористов. Заявление Феррары имело есте-

[231] Примечания: 231

Джулиано Феррара (р. 1952) — итальянский журналист и политик, телеведущий. Некогда — член Итальянской компартии, затем был близок к социалистам, в 1994 г. — министр в первом правительстве Берлускони. Главный редактор «Фольо», газеты, принадлежащей семье Берлускони.

ственное развитие — кое-кто прокричал, что надо-де закрывать «Унита».

Думаю, люди, избирающие такие формы полемики, принимают на себя серьезную политическую ответственность, о которой, надеюсь, не станут писать будущие учебники истории… в смысле, что я надеюсь — их взбрыкивания не приведут ни к каким судьбоносным ужасным последствиям.

Ограничусь тем, что напомню: «Унита» в 1940–1960-е годы не была детсадовской стенгазетой. Гуарески изображал ее как орган кровожадных коммунистов-людоедов. «Унита» гвоздила, клеймила и бичевала правящую Христианско-демократическую партию, однако никто из власть имущих в ответ на пинки и побои не требовал закрыть газету. Так что же — было лучше, когда было хуже?

Макароны «Кунигунда»[232]

В принципе не противоречит конституции такое явление: политический блок, получивший большинство на выборах, рассаживает своих людей во все учреждения и организации, в том числе на телевидение. Это называется *spoils system*[233] и применяется во многих странах. Конечно, победители могли бы дать хороший пример *fair play*[234], если бы учли мнение меньшинства, которое эквивалентно почти половине избирателей. Но одно дело — приличное воспитание и демократическая корректность, совсем другое — бесцеремонное проявление силы, утвердившейся законным путем. Ладно. Множество лет все три канала государственного телевидения контролировались христианскими демократами, там мерили сантиметром женские юбки — не

---

[232] Примечания: 232

La pasta Cunegonda. La Repubblica, апрель 2002 г.

[233] Примечания: 233

Дележ добычи *(англ.)*, политическая практика, согласно которой выигравшие выборы политические партии размещают на ключевых должностях в государстве своих доверенных лиц.

[234] Примечания: 234

Честная игра, спортивное поведение *(англ.)*.

слишком ли высоко срезаны, и декольте — не слишком ли низко. Но страну все же они подмять не сумели, более того, при деспотичном ханжеском телевидении выросло поколение, самое бунтарское за весь век.

Единственное неудобство состоит в том, что наш предсовмина владеет еще и своими собственными каналами, и вместо *spoils system* в стране создается практически единовластный контроль над информацией. Такое положение необычно, оно непохоже на ситуацию в других демократических странах, не соответствует духу конституций, которые писались, когда подобные обстоятельства никак нельзя было себе представить. Это новое и, без всякого сомнения, скандальное положение требует нового ответа со стороны оппозиционно настроенного электората. Организуются «хороводы», организуются публичные шествия, но мы убедились, что и те и другие не решают проблему. То есть они решают часть проблем — возвращают ощущение единства этой нашей разбредшейся оппозиции. Но на следующей стадии (если единство действительно ощутится) потребуется дальнейшая работа. В частности, потому, что, технически выражаясь, правительству на «хороводы» начхать,

и «хороводы» не убедят проправительственный электорат, что он просчитался. Есть ли по-настоящему действенный протест? Как должна себя вести половина итальянцев — те, кто знает, что берлускониевское телевидение не для них? Таких итальянцев очень много, и несколько миллионов уже выразили свое несогласие, а другие в общем готовы это несогласие выразить, им только нужны место и способ. Отказаться смотреть телевидение, переключиться на радио? Это слишком большая жертва, в частности, потому что:

(i) вполне законно желание посмотреть вечерком хороший фильм, а кто ходит в кино, обычно никогда не разведывает, каковы политические взгляды директора кинотеатра;

(ii) полезно слышать мнение противника и видеть, как преподносит новости правящая партия;

(iii) наконец, если даже половина, голосовавшая за оппозицию, перестанет смотреть телевидение, от этого не изменится поведение правительства и не уменьшится проправительственный электорат.

Так какой элективной силой располагает Италия, несогласная с монополизацией телевидения? О, в ее руках серьезнейшая экономическая

пружина. Достаточно всем, кто не приемлет монополию телевидения, решить, что «Медиасет» должен быть наказан. Достаточно всем сразу отказаться приобретать бренды, рекламируемые «Медиасетом».

Трудновыполнимо? А что трудного? Держите под рукой бумагу и карандаш. Они прорекламировали рыбные палочки «Альдебаран»? С завтрашнего дня вы берете только палочки «Андромеда». Лекарство «Буб» с ацетилсалициловой кислотой? Требуйте в аптеке ацетилсалициловую кислоту (аспирин) без всякого «Буба». Еще и сэкономите.

Учтите, товаров наделали столько, что совершенно без затруднения, только проявив немножко внимания, можно перейти на стиральное средство «Улет» и на макароны «Радегунда» (чьей рекламы по берлускониевскому ТВ не крутят) вместо моющего средства «Отпад» и макарон «Кунигунда».

Думаю, что, если к этому решению придут даже всего-навсего несколько миллионов наших сограждан, через несколько месяцев фирмы-производители заметят падение продаж и поведут себя соответственно. Ежели ничего не делать, ничего и не получится. Надо немного напрячь-

ся, совсем нечувствительно. Не соглашаетесь с ползучим захватом информации? Проявляйте несогласие поактивнее.

Собирайте на улицах подписи тех, кто за эту кампанию. Кто готов подписаться — долой из кастрюль макароны «Кунигунда»! Подумаешь — усилие. Стоит, можно сказать, только руку протянуть. То есть, пардон, не протягивать. Правительство-фирма плевать хотело на знамена и на идеи, так мы его ущучим в самых нежных местах — по части денег. Если правительство-фирма отреагирует на этот вид воспитания, то и поддерживающий электорат увидит, что перед ним попросту фирма. Фирма, а не правительство. Вдобавок фирма, жизнеспособная лишь до определенной поры — покуда главный владелец продолжает обогащаться. Новой экономической реальности — новый вид политической реакции! Вот что я, господа, называю порядочной оппозицией.

Привесочек о дерьме [235]

После моей статьи о макаронах «Кунигунда»

---

[235] Примечания: 235
Postilla scatological. L'Espresso, июнь 2002 г.

возникло движение в поддержку и даже интернет-сайт, о котором, в свою очередь, написали газеты и журналы. После этого я получил бандероль на адрес газеты «Репубблика». Обратный адрес: Караманья, милое место в провинции Салуццо (в Пьемонте).

Открываю. Обнаруживаю первым делом — фотокопию из районной газеты с пересказом моем статьи, на полях приписано «Как аукнется… так и откликнется…» *(Chi l a fa… l ’ aspetti…).* Я оценил изящество писавшего: в несложное высказывание было введено целых шесть дополнительных точечек.

Подпись являла собой каракулю. В общем, анонимная посылка. Как аукнется? Я с опасением заглянул в пакет, предполагая увидеть там добрую дозу сибирской язвы. Но нет, там лежал экземпляр моей старой книги «Определение искусства», выходившей первым изданием в издательстве «Мурсия» в 1968 году и переизданной «Гардзанти» в 1978 году. На обложке было крупно написано «дерьмо» красным фломастером, надпись двукратно подчеркнута. Открыв книгу, я нашел, что начиная с первой страницы и вплоть до четвертой стороны обложки (следует указать, что в книге 308 страниц) присутствует надпись

«дерьмо», всякий раз выполненная красным фломастером и с подчеркиваньем. Но так как она нанесена только на нечетные страницы, дерьма не 308 единиц, а 154, вернее 156, ибо к страницам книжного блока следует приплюсовать еще два дерьма, на первой стороне обложки и на четвертой.

Делаю вывод, что этот господин (галантно примем за данность, что господин, а не дама) шел по такой логической цепочке. Я совершил нечто ему неугодное? Тогда он нанесет мне один из тех ударов, что валят наземь противника, «я так его пугну, что он не пикнет даже», выражаясь заодно с виконтом де Вальвером[236]. Вальвер был зациклен на носах. Мой собеседник — на противоположной носу части человеческого организма. Вальвер имел отвагу выступить с открытым забралом (носом) и с носом и остался (как всякий помнит — «в конце посылки»). Мой корреспондент, снаряжая свою посылку — «посылку», обратите внимание! — оказался способен

[236] Примечания: 236

Виконт де Вальвер спровоцировал на дуэль прославленного забияку и поэта Сирано де Бержерака, намекая на его длинный нос. Сирано сопровождал свои выпады импровизированными стихами и «убил в конце посылки» (Ростан Э. *Сирано де Бержерак*. I, IV. Пер. В. Соловьева).

лишь на «дерьмо». Камбронн[237] учит нас — дерьмо достаточно назвать один раз, сохранив при этом лицо (нос). Но корреспондент из своего инкогнито носа не высунул.

Сто пятьдесят шесть раз пролаять «дерьмо» в уединении провинциального сортира в Караманье — доблести мало, готовности пачкаться много.

Каков психотип и социальный портрет такой личности? Что до психики, психоанализа не требуется — разве что анализ кала. Что же до социального портрета — интересно, была у него моя книга дома, или он купил ее целевым назначением, или украл? Если у него была книга дома (может, нашел у сына или дочери) — это указывало бы на благопочитаемый социальный статус, то есть история стала бы еще непонятней. Мог ли украсть? Кража книг, мы помним, одна из форм классовой борьбы, но это методы крайне левых. Думаю, перед нами совсем не тот случай. Последний вариант — купил? Потратил деньгу вдобавок к почтовым расходам? Рассчитал, что

[237] Примечания: 237

В битве при Ватерлоо генерал Камбронн (1770—1842), командир Старой гвардии Наполеона, на предложение сдаться ответил коротким *«Mer de»*. На его памятнике высечена фраза попышнее: «Гвардия умирает, но не сдается».

покупкой не слишком способствует моему заработку (учитывая, сколь жалкий процент нам выплачивают за книги в мягкой обложке)? Но он, ха-ха, не учел, какой превосходный гонорар мне причитается за эту публикацию, которая сейчас перед вами.

Можно было бы думать, что отправитель — какой-то коллега. Он порицает мое направление мыслей. Но нет, коллега бы подписался. Иначе вся дикая возня — составление «маргиналий» к совсем не маленькому тексту — оказывается напрасна без атрибуции автора.

Что сказать? Навевает печаль не столько скудость выражения инакомыслия (видали мы и похуже), а бессильная, детская злость, выражаемая этим текстом. По беспомощности протеста можем судить о культурном уровне их (многочисленного) электората. Представляю себе, как мой неведомый корреспондент решает возбранить подобным же образом того судью, из-за которого мы вылетели в чемпионате 2002 года в матче против Южной Кореи. Как он, должно быть, скрежещет зубами, не находя ни венка сонетов, ни трактата по метафизике, ни монографии по ядерному синтезу, написанных этим футбольным арбитром.

Шедевр этого неведомого творца — даже не трэш-арт и даже не дерьм-арт: баночки с экскрементами входят в набор творческих новаций покойного Пьеро Мандзони[238], но у Мандзони баночки были запечатаны, предназначались для хранения. Неизвестный же наш герой желал, можно сказать, ощутить аромат своей деятельности. По Д'Аннунцио: «я вкушаю свой собственный дар».[239]

[238] Примечания: 238

Пьеро *Мандзони* (1933—1963) — итальянский художник, арт-новатор, мастер ранних инсталляций (1950-е годы), изобретатель живых скульптур и создатель линии «художественного дерьма», включавшей в себя разносортные запечатанные банки с остроумными надписями.

[239] Примечания: 239

Io ho quel che ho donato — фраза, избранная Д'Аннунцио в качестве личного девиза. Эти слова были вырезаны на всех его печатях, они присутствуют на почтовой бумаге и на титульных листах всех прижизненных изданий поэта. Эти слова выбиты и на фронтоне дома-музея Д'Аннунцио «Иль Витториале» в Гардоне-Ривьера на озере Гарда.

Хроники последнего периода империи[240]

Возможно, скоро забудется заявление нашего премьер-министра, сделанное в официальной международной обстановке, относительно его семейных проблем. Должен сказать, что пресса всех направлений повела себя тут очень деликатно, отметив и откомментировав слова Берлускони в первый день, но больше не возвращаясь к теме, дабы не растравлять его (наши?) раны. Я решил напомнить эту историю не от дурновкусия, а потому что указанный эпизод станут изучать в будущие эпохи на занятиях по истории коммуникации, а интересы науки для меня превыше частных.

Ну так вот, поскольку миновало уже две недели и все об этой истории, надеюсь, забыли, кратко напоминаю: принимая премьер-министра иностранного государства, наш предсовмина выпалил несколько сентенций, которые затрагивали предполагаемую (муссировавшуюся в разных слухах) сердечную склонность собствен-

---

[240] Примечания: 240

Le cronache del basso Impero. L'Espresso, октябрь 2002 г.

ной мадам к некоему господину, применив к своей супруге определение «эта несчастная». Наутро следующего дня, судя по реакции газет, распространились две различные интерпретации случившегося. Первый вариант: наш премьер, пребывая в раздражении, излил чрезвычайно личные чувства при всем честном народе. Второй вариант: будучи Великим Докой Коммуникации, председатель совета наших министров, узнав, что о его жене гуляет пикантная сплетня, решил разделаться с болтунами решительно и бесповоротно и превратил сюжет в публичный и развлекательный, лишив его привкуса запретности. Ясно, что в первой вышеизложенной интерпретации «эта несчастная» звучало оскорбительно для затронутой дамы, во второй же — оскорбительно, но для третьего лица в треугольнике (вроде «несчастной» дама оказалась бы, будь история подлинной, но она, как понимаете, не подлинная, в том числе по той причине, что сам муж над ней публично подшучивает).

Если бы первая интерпретация, которую хотелось бы исключить, оказалась справедливой, случай относился бы к компетенции скорее психиатров, нежели политологов. Поэтому изберем вторую интерпретацию как рабочий вариант.

Именно она, вторая, заслуживает стать предметом обсуждения не только на семинарах по теории коммуникации, но и на семинарах по истории.

Действительно, Великий Дока Коммуникации, похоже, не обратил внимания на очевидный принцип, что опровержение — вторая жизнь сообщения. И если бы только вторая! Я, например (может быть, оттого, что все последние месяцы куда-то уезжал и постоянно был в странах, где новости итальянской жизни — не главная сенсация), ни разу и слыхом не слыхивал об их пресловутом супружеском кризисе. Сплетня, надо полагать, была замкнута в кругах политиков и интеллигенции и некоторых гостей на яхтах, курсирующих вдоль Изумрудного берега. От силы тысяча, ну две тысячи человек были посвящены. А после публичного выступления на этот счет, в масштабах всего Европейского союза, эти сведения дошли до нескольких сот миллионов человек. С точки зрения Коммуникации, и если намерение было — убить сплетню, работа Великого Доки мне не кажется настолько уж образцовой.

Хорошо, поучим студентов никогда не поступать таким образом. Чтоб они не начинали

рекламу зубной пасты словами: «Плюнь в глаз тем, кто скажет, что от зубной пасты рак!» Сделаем вывод, что и на Берлускони бывает проруха. Сказывается возраст.

Но существенен для историографии и еще один аспект случившегося. Обычно политик старается отгородить свои личные проблемы от государственных. Клинтона захватили прямо-таки без штанов, но он все же отпирался и даже уговорил собственную жену выступить по телевидению с заявлением, что-де штаны — это ерунда. Что за фрукт был Муссолини — все мы знаем, но все же он не выносил на обсуждение перед толпой с балкона на пьяцце Венеция свои сложности с донной Ракеле[241], а если и заслал кучу народа погибать в русских степях, то сделал это, чтобы удовлетворить свою жажду славы, а не чтобы ублажить Кларетту Петаччи.[242]

Когда же наблюдалось в истории совсем уж полное слияние политической власти и личных семейных событий? А оно наблюдалось в Риме периода империи, где император был хозяином

---

[241] Примечания: 241

Ракеле Муссолини (Туиди, 1890—1979) — супруга Бенито Муссолини.

[242] Примечания: 242

Клара Петаччи (1912—1945) — официальная любовница Муссолини, расстрелянная вместе с ним.

в государстве и сенат ему был не указ, хватало поддержки преторианцев. Это в Риме император пинал сапогами мать, назначал своего коня сенатором, принуждал политиков, которым не нравились его стихи, резать себе вены.

То есть все это наблюдается, когда имеет место уже не конфликт интересов — а, напротив, вполне бесконфликтное отождествление интересов собственной жизни (и собственного бизнеса) с государством. Подобное отождествление интересов — предпосылка деспотизма, по меньшей мере в фантазиях тех, кто о деспотизме мечтает. Так воплощаются идеалы Рима периода упадка. С другой стороны, помните, как у Дюма, в начале эпохи абсолютизма, чтоб спасти подвески любовницы, Бекингем закрывает все порты и объявляет войну Франции? Ну вот, видите, чем заканчиваются истории с отождествлением интересов — собственных и государства.

III. Возврат к Большой игре

От Ватсона до Лоуренса Аравийского
Эту историю я уже слышал [243]

Ясно, что британский и американский генштабы не допускают утечек информации насчет того, что делается в Афганистане. Однако кто внимательно читает газеты… Вот что я вычитал в «Стампа» 20 сентября 2001 года. Вот что, оказывается, происходило до того, как театр военных действий переместился к Кандагару.

Один военный хирург английского боевого контингента, приписанный к элитному подразделению — к Пятому Нортумберлендскому стрелковому полку, — впоследствии перевелся в Королевский Беркширский полк и в его составе вступил в бой с кровожадными афганцами на северо-западе от Кандагара, примерно около Мундабада. Однако случилась одна накладка по части разведки. Англичане добыли информацию с данными о численности и вооружении неприятельских войск, но эти разведданные оказались занижены. Англичанам, вступившим в сражение, пришлось потерять убитыми около 40%

---

[243] Примечания: 243
Questa storia l ' ho gi à sentita. L'Espresso, декабрь 2001 г.

боесостава на горном перевале Хушк-и-Нахуд. Горные перевалы в этой стране ужасны, и, как нам стало известно из публикации, афганцы не берут пленных. Рассказчику-военврачу попала в плечо пуля, выпущенная из смертоносного, хотя и устаревшего, ружья «Джезайл». У него была перебита кость и затронута подключичная артерия; его спас от гибели преданный ординарец. Возвратившись выздоравливать в Лондон, врач увидел, что и в Англии все полнится отзвуками афганских событий, до такой степени, что, когда он пришел снимать квартиру, ему сказали: «Я вижу, вы жили в Афганистане». Догадливый господин пояснил: «Этот человек по типу — врач, но выправка у него военная. Значит, военный врач. Он только что приехал из тропиков — лицо у него смуглое, но это не природный оттенок его кожи, так как запястья у него гораздо белее. Лицо изможденное — очевидно, немало натерпелся и перенес болезнь. Был ранен в левую руку — держит ее неподвижно и немножко неестественно. Где же под тропиками военный врач-англичанин мог натерпеться лишений и получить рану? Конечно же в Афганистане».[244]

---

[244] Примечания: 244
Пер. Н. Треневой.

Беседа происходит на Бейкер-стрит, хирург — доктор Ватсон, а угадавший — Шерлок Холмс. Ватсон был ранен в битве при Майванде 27 июля 1880 года. В Лондоне газета «График» сообщила об этой битве 7 августа (в те времена информация доходила не сразу). А мы это узнали из первых главок «Этюда в багровых тонах».

Ватсон всю жизнь провел под впечатлением пережитого в Афганистане. В рассказе «Тайна Боскомской долины» он роняет фразу: «Мой опыт лагерной жизни в Афганистане имел по крайней мере то преимущество, что я стал закаленным и легким на подъем путешественником»[245]. Но когда в «Знаке четырех» Холмс предлагает ему кокаин (семипроцентный), Ватсон отказывается под предлогом, что его организм «еще не вполне оправился после афганской кампании, и я не хочу подвергать его лишней нагрузке». Затем он «покачивает больной ногой, из которой не так давно извлекли пулю, выпущенную из афганского ружья, и хотя рана не мешала ходить, нога к перемене погоды всякий раз ныла»[246]. В «Обряде дома Месгрейвов» Ватсон пишет: «Сумбурная

---

[245] Примечания: 245
Пер. М. Бессараб.

[246] Примечания: 246
Пер. М. Литвиновой.

работа в Афганистане, еще усилившая мое врожденное пристрастие к кочевой жизни, сделала меня более безалаберным, чем это позволительно для врача».[247]

Ватсону очень бы хотелось рассказать о своих военных впечатлениях, только его никто не слушает. Еле-еле в рассказе «Рейгетские сквайры» он затаскивает Холмса к своему сослуживцу полковнику Хэйтеру. В «Морском договоре» он тщетно пытается вывести из нервически-горячечного состояния неуравновешенного Перси Фелпса рассказами об Афганистане. В «Знаке четырех» пытается поведать о своем военном опыте мисс Морстен, «ободрить ее рассказами о своих приключениях в Афганистане, но, сказать по правде, меня самого так взволновала эта поездка и так разбирало любопытство, что мои истории были, пожалуй, несколько путаны. Мисс Морстен и по сей день утверждает, что я рассказал ей тогда занятный случай, как однажды глубокой ночью ко мне в палатку заглянул мушкет и я дуплетом уложил его из двуствольного тигренка»[248]. До чего же занудны бывшие воины, в особенности

---

[247] Примечания: 247
Пер. Д. Лифшиц.

[248] Примечания: 248
Пер. М. Литвиновой.

раненые.

В рассказе «Пустой дом», говоря о Мориарти, своем заклятом враге, Холмс вытаскивает досье «самого опасного человека в Лондоне, после Мориарти» — участника афганской кампании. Афганский плен и Пенджаб возникают отголосками в «Горбуне». Наконец, в «Картонной коробке» Холмс демонстрирует шедевр метода, который он сам ошибочно называет дедукцией (а это вовсе даже абдукция, как объяснил нам Пирс).[249]

Они сидят себе спокойнейшим образом в своей общей квартире, и вдруг почему-то Холмс изрекает: «Вы правы, Ватсон. Это совершенно нелепый способ решать споры». Ватсон поражается и не может понять, как это удалось Холмсу угадать его мысли. Холмс растолковывает: «Логически рассуждающий наблюдатель следит за внутренним ходом мыслей своего собеседника… когда я увидел, что вы отложили газету и задумались,

---

[249] Примечания: 249

Умберто Эко — куратор издания работ Пирса о методе детективного расследования вообще и Шерлока Холмса в частности в антологии «Знак трех» (*Il segno dei tre. Peirce, Holmes, Dupin* / A cura di U. Eco e T.A. Sebeok. Milano: Bompiani, 1983). Многие наблюдения Пирса о детективе были использованы У. Эко в «Имени Розы». Шерлокхолмсовский метод Пирс назвал «творческой абдукцией» (временное принятие условной закономерности для объяснения любопытного факта и последующая опытная проверка этой закономерности). Только любопытные факты, по Пирсу, нуждаются в объяснении.

я был рад возможности прочитать ваши мысли и под конец ворваться в них в доказательство того, что я не отстал от вас ни на шаг… Ваша рука потянулась к старой ране, а губы искривились в усмешке — я понял, что нелепость такого способа разрешения международных конфликтов стала вам ясна».[250]

Элементарно, дорогой Ватсон. И почему Тони Блэр не рассказал другу Бушу об этом сразу — ума, поверьте, не приложу.

Подготовиться, почитать [251]

«Хризантема и меч» Рут Бенедикт — одна из самых поразительных книг о Японии. Книга вышла в 1946 году, сразу после окончания войны. Но создавалась эта книга по материалам социологического исследования, заказанного писательнице правительственными разведслужбами США в 1944 году, когда война была еще в разгаре. Цель работы была четко очерченной; как поясняет сама Рут Бенедикт в предисловии к печатному

---

[250] Примечания: 250
Пер. В. Ашкенази.

[251] Примечания: 251
Documentarsi, prima. L'Espresso, апрель 2003 г.

варианту, американцы намеревались довести войну до победного конца, а потом (в случае если конец будет и если он будет победным) организовать долгую стабильную оккупацию в стране, которая американцам была, по сути, едва знакома. Они готовились управлять побежденной нацией, в военном смысле организованной, в техническом смысле оснащенной — и при всем этом не принадлежащей к традиционным обществам Запада. Требовалось ноу-хау: как понимать японцев, и как вести себя с ними, и можем ли мы предугадывать, что в неком конкретном случае станут делать японцы (а не что сделали бы мы на месте японцев). Не имея даже возможности поехать в страну, ограничиваясь только чтением антропологических работ, изучая японскую литературу и японское искусство и в особенности пользуясь консультациями живших в США натурализовавшихся японцев, Рут Бенедикт сумела создать великолепную фреску. Может, в чем-то она и недотянула, но безусловно смогла изложить в своем исследовании *sine ira et studio*[252], как рассуждали и как вели себя японцы той эпохи.

---

[252] Примечания: 252

Без гнева и пристрастия *(лат.).* Римский историк Тацит (ок. 58 — ок. 117 гг.) в «Анналах» (14—68 гг.) определяет этим выражением свое намерение избегать предвзятости (пер. А.С. Бобовича).

Согласно апокрифу, когда решали, куда бросать атомную бомбу, командование армии рассматривало вариант Киото. Ясно, что эти люди не прочитали Рут Бенедикт, а то бы знали, что уничтожать Киото — все равно что взрывать Ватикан с целью навести порядок в Риме. Но все-таки, честно говоря, в результате они Киото не тронули; это доказывает, что хоть кто-то там у них в командовании исследование Рут Бенедикт все-таки прочел. Я не говорю, что кидать бомбы на Хиросиму и Нагасаки было настоящим подарком японцам, но факт, что послевоенные отношения строились более-менее разумно, чему свидетель вся послевоенная история.

Я понимаю, что Америка Рузвельта и Трумэна — это не Америка Джорджа Буша. И все же хотелось бы понять, проводились ли перед вторжением в Ирак подобные исследования культурной антропологии. Да, я знаю — достаточно пойти в библиотеку Гарварда или прочитать замечательные работы, напечатанные в американских журналах, чтобы убедиться, что в Штатах нет недостатка в глубоких знатоках исламского мира. Мне хотелось бы понять другое: но Буш и его люди, знакомы ли они с работами по исламу?

Белый дом изумляется и гневается всякий раз,

как Саддам передергивает карты: сначала-де у него ракет не было, потом-де он от них избавился, потом-де он от них твердо намерен избавиться, потом-де, у него и есть-то только две или три. Ну вот и скажите мне, почему они удивляются? Они что, не читали «Тысячу и одну ночь» — инструкцию по пониманию Багдада и его халифов? Мне кажется абсолютно естественным сопрячь нарративную технику Саддама Хусейна с техникой Шехерезады. Удачно выдавая каждую ночь по новой сказке, она сумела сохранить голову на плечах два года и девять месяцев.

Имея дело с такой гениальной волокитой, приходится выбирать из двух решений. Первое: не слушать истории Шехерезады и отрезать ей голову с самого начала. Я писал эту статью, когда еще было неизвестно, изберет ли Буш именно такую тактику. Но я просил учитывать, что даже при подобном варианте — из-за резкого прерывания рассказа возникает тысяча и один риск какой-нибудь дополнительной оттяжки еще на тысячу (с довеском) ночей.

Второе решение — на все шехерезадские проволочки отвечать тем же самым. Есть надежда, что Кондолиза Райс читала арабские сказки, и тогда она может выбрать именно этот второй метод,

то есть на каждую оттяжку Саддама отвечать своей оттяжкой, при этом терроризировать его угрозами и смотреть, у кого у первого нервы не выдержат.

Думаю, недостаток антропологической культуры — в основе той ярости, которую вызывает у Буша сдержанная политика некоторых европейских государств. Буш не учитывает, что Европа с исламским миром имеет опыт пятнадцати веков как мирного сосуществования, так и вооруженного конфликта, так что успела обзавестись довольно-таки основательным ноу-хау. Франция, Германия и Россия могли бы стать для Буша новой Рут Бенедикт, выступить в роли экспертов, знающих об арабах значительно больше, нежели тот, кто получил болезненнейший удар от фундаменталистского терроризма и видит во всем только один аспект — обиду и боль. Только не говорите, что во время войны не до культурных антропологов. Рим, когда сшибался с германцами, обращался к сочинениям Тацита, чтоб понимать неприятелей. Во времена сшибки цивилизаций пристало не только лить пушки, но и финансировать науку — это приличествует руководителям страны, собиравшей у себя лучшие мозги по части физики как раз тогда, когда

Гитлер приказывал жечь этих лучших физиков в газовых печах.

Чтоб воевать, необходима культура [253]

Я говорил, что Бушу сильно не хватало собственной Рут Бенедикт, то есть специалиста, способного разъяснить ему ментальность народа, который он вознамерился победить и приучить к демократии. Чем жарче разгорается иракский конфликт, тем больше подтверждений этого тезиса.

Безмерное изумление британцев и американцев (признающих в данный момент, что они намечали блицвойну, а она перешла в затяжное и дорогое мероприятие): это как же так, почему целые дивизии, когда мы их атакуем, не сдаются? Почему их генералы не переметываются в наши штабы? И почему их граждане не восстают против своего тирана?

А они вот не сдаются, не переходят и не восстают. Вряд ли только по той причине, что боятся мести собственного правительства. Если так

---

[253] Примечания: 253

Per fare la guerra occorre cultura. «Эспрессо, апрель 2003 г.

рассуждать, Сопротивления в Европе не должно было быть, потому что немцы, когда ловили партизан, их вешали. Между тем, именно видя жестокость немцев, люди присоединялись к партизанам.

Нет, британцы с американцами не учитывают закономерность, которую История (иногда вполне заслуживающая имени «учитель жизни») то и дело демонстрирует: диктатуры порождают консенсус и на нем держатся. Итальянская интеллигенция довольно безуспешно пробовала не согласиться с теорией Ренцо Де Феличе, говорившего, что фашизм был не властью горсточки фанатиков над сорока миллионами диссидентов, а двадцатилетием, в которое власть пользовалась консенсусом населения. Консенсусом, основанным на вялости и равнодушии. Но — консенсусом.

Вторая закономерность, урок истории: при диктатуре, даже в очагах диссидентства, на фоне фронтальной сшибки с внешним врагом одерживает верх привязанность к собственной стране. Гитлер был беспощадным диктатором, не все немцы поддерживали нацизм, однако немецкие солдаты сражались до конца. Сталин был гнуснейшим деспотом, не все в СССР

были коммунистами, но немецким и итальянским оккупантам русские люди противостояли беззаветно и в конце концов побили их. Даже итальянцы, которые после 1943 года кидались на шею высаживавшимся союзникам и сражались в партизанских отрядах, во времена Эль-Аламейна[254] воевали очень достойно.

Так трудно ли догадаться, что нападение иностранного войска вызовет (ну хотя бы поначалу) сплочение в народе атакуемой страны? Для этого, повторяю, не надо просить совета у профессоров Гарвардского и Колумбийского университетов. В самом заштатном университете Запада достаточно было бы спросить двух-трех ассистентов кафедры истории и культурной антропологии — они без труда объяснили бы все эти несложности.

Не думаю, что войны обогащают культуру. Хотя иногда ухищрения разума (как выразился бы Гегель) неисповедимы: вот — древние римляне пошли войной на греков, чтоб их латинизировать, а завоеванные греки распространили

[254] Примечания: 254

Под Эль-Аламейном в Египте, в 100 км от Александрии, в конце октября — начале ноября 1942 г. танковая итало-немецкая армия под командованием генерала Эрвина Роммеля была наголову разбита англичанами генерала Монтгомери.

культуру среди своих победителей. Но, к сожалению, гораздо чаще война порождает возврат к варварству. Так вот, если она не производит новой культуры, тогда невредно было бы ей хотя бы учитывать прошлый культурный опыт.

Несомненно, за всеми деяниями Цезаря чувствуется культурная подкованность. И Наполеон, по крайней мере до периода Империи, действовал в Европе с учетом тех совершенно различных обстоятельств, которые имелись в многочисленных странах, куда он вводил свою революционную армию. Не сомневаюсь, что и Гарибальди в общем и целом представлял себе ослабленность войска Бурбонов и понимал, что может рассчитывать на поддержку определенных слоев сицилийской аристократии, хотя ни он, ни Кавур не ожидали, что Юг на их высадку отреагирует настолько крепким сопротивлением санфедистов[255] и настолько выраженным типом низового неприятия, как то, что проявилось потом в разгуле бандформирований.

---

[255] Примечания: 255

Санфедисты — в Италии XIX в. приверженцы власти Папы, противостоявшие карбонариям.

И у незадачливого Пизакане[256] в оное время получился большой прокол с его расчетами на прием и поддержку. А также если вспомнить Седьмой кавалерийский полк — незнание психологии индейцев стало причиной беды генерала Кастера[257]. Интересно было бы собрать (и конечно, уже собирали, просто я не знаком с материалами, не будучи специалистом в данной узкой области) историю тех войн, которые велись с пониманием специфики местной культуры, и отдельно — историю тех войн, в которых полководцы сами себе с самого начала вставляли палки в колеса по огорчительному невежеству.

Безусловно, иракский конфликт принадлежит ко второй категории. Ко второму типу войны. Войска союзников пошли на штурм, не утрудившись поговорить с профессорами, по вечному

---

[256] Примечания: 256

Карло *Пизакане* (1818—1857) — неаполитанский патриот, борец за объединение Италии. Уверенный, что для успеха революции определяющее значение имеет поддержка городских низов, 28 июня 1857 г. Пизакане высадился в бурге Сапри и стал вести агитацию среди крестьян. Но те не только остались равнодушны к агитации Пизакане, но даже через несколько дней напали на революционера. Тот, раненый, покончил с собой.

[257] Примечания: 257

Генерал Джордж Армстронг *Кастер* (1839—1876) был разбит в знаменитом сражении у Литтл-Бигхорна 25 июня 1876 г. индейцами тетон и шайенн, которыми командовали вожди Неистовый Конь и Сидящий Бык. В битве погибли сам генерал и два его сына.

дремучему недоверию американских правых к «яйцеголовым» или, как выражался Спиро Агню[258], *effete snobs*.

Ужасно жалко, что самая могущественная страна на свете тратит такие деньги на подготовку мудрецов, а потом абсолютно не слушает их.

Побеждает и неправый [259]

На войне становятся манихеями, от войны утрачивают ум, все это мы знаем. Но, следя за войной в Ираке, мы стали свидетелями таких немыслимых проявлений идиотизма, что, не будь объяснением коллективное одурение (война), оставалось бы сделать вывод, что налицо прямой саботаж.

Во-первых, начали говорить, что кто против войны — тот за Саддама. Как будто на консилиуме, решая, давать лекарство больному или не давать, одни врачи выступают «за больного», а

---

[258] Примечания: 258

Спиро Теодор *Агню* (1918—1996) — американский политик, вице-президент в администрации Ричарда Никсона. Был пойман на уклонении от уплаты налогов и мошенничестве при сборе добровольных пожертвований избирателей. Защищался агрессивно и обзывал критиковавших его журналистов «изнеженными снобами».

[259] Примечания: 259

Si puo vincere avendo torto. L'Espresso, апрель 2003 г.

другие «за болезнь».

Никто не спорит, что Саддам Хусейн жестокий диктатор. Решаем только — сгонять ли его с его места насилием? Не выплеснем ли при этом с водой ребенка?

Во-вторых, начали говорить, что кто против политики Буша, тот антиамериканец. А если кто против Берлускони — тот ненавистник Италии? Мне кажется, справедливее обратное.

Наконец, хотя и не у всех хватало наглости настаивать, но прозвучали и мнения, что организаторы маршей за мир потакают диктатурам и терроризму и — кто там разберет? — торговле живым товаром. Да уж, придется нам вытерпеть и эти мнения. Самые же причудливые умозаключения были высказаны, когда война в Ираке, по крайней мере в победных реляциях, была объявлена выигранной. «Вот видите? — заголосили триумфаторы на всех экранах. — Кто говорил о мире, тот был неправ!»

Это аргумент убойной силы… А что, войны выигрывают те, кто правы? Неужто Ганнибал разбил римское войско при Каннах не потому, что имел слонов (тогдашний эквивалент баллистических ракет), а потому, что был прав, перелезая через Альпы для завоевания нашего полуострова? Рим-

ляне потом разгромили его при Заме, и тоже не потому, что вооружились правильным тезисом «Карфаген должен быть разрушен». Может, гораздо разумнее было бы ничего не разрушать, а искать нормального равновесия сил в Средиземноморье? Разве правы были римляне, гоняя Ганнибала как зайца между Сирией и Вифинией, чтоб потом принудить к самоубийству? Кем это сказано, что они были правы?

И потом, как можно провозглашать: «Видите, они выиграли»? Кто сомневался, что Англия и Америка соединенными усилиями выиграют? Кто сомневался, что Ираку не достанет сил скинуть все это войско в море? В том, что дело пропащее, не сомневался даже Саддам, а подбадривал свой народ он в основном ради того, чтоб укрепить боевой дух. Проблема если и ставилась, то иначе: выиграют ли союзники за два месяца или за два дня. Учитывая, что каждый лишний день войны — это немереное число человеческих жизней, двадцать дней, безусловно, предпочтительнее, чем шестьдесят.

Каков мог бы быть победный довод телевизионных зоилов? О, если бы они могли сказать: «Видите, вы говорили, что война не устранит опасность терроризма, а она устранила!» Но нет,

телевизионные зоилы как раз этого не могут утверждать, у них нет оснований.

Те, кто критиковал идею вторжения, вдобавок к доводам о моральной и социальной сомнительности превентивной войны предупреждали еще, что конфликт в Ираке, скорее всего, усилит террористическую угрозу в мире, поскольку вселит в души множества мусульман, державшихся умеренной позиции, ненависть ко всему западному, и ими пополнятся ряды сторонников джихада. Так вот, на данный момент единственные ощутимые результаты войны — добровольческие бригады будущих камикадзе, подтягивающиеся из Египта, из Сирии, из Саудовской Аравии прямой дорогой — в багдадские траншеи. Тревожные провозвестия.

Допуская даже, что тот, кто полагал, что экспедиция обернет дела к худшему, ошибался, — все равно случившееся и случающееся ничего ровным счетом не доказывает, даже наоборот — похоже, что в регионе разгорается расовая и религиозная нетерпимость, справляться с которой — тяжкий труд, и это грозит расшатать ближневосточное равновесие.

В моей прошлой заметке, направленной в «Эспрессо», когда американцы еще не вошли в

Багдад и иракская армия не разбежалась во все стороны, говорилось, что армия не разбегается потому, что диктатуры порождают консенсус и что население сплачивается, по крайней мере на первых порах, перед лицом внешних угроз — иностранных оккупационных армий.

Теперь армия разбежалась и народ толпами (хотя сколько там их в толпах? кто считал?) выходит приветствовать западных воинов. Нашлись читатели, написавшие письма об этом: «Видите?» Я отвечаю им: «Видите — что?» Перед 8 сентября[260] фашизм мог рассчитывать на поддержку тех бедолаг, которых посылали сражаться под Эль-Аламейном и в русский поход. Когда же начался разгром, когда население ринулось сбрасывать статуи дуче с пьедесталов, все итальянцы оказались антифашистами. Прошло еще три месяца — часть граждан сплотилась вокруг ликторских пучков, начались расстрелы антифашистов-партизан.

Чтоб разрубить этот гордиев узел, в Италии ушло два года. А сколько уйдет в Ираке? Между группировками, желающими управлять страной

---

[260] Примечания: 260

8 сентября 1943 г. маршал Бадольо от имени итальянского правительства подписал перемирие с союзниками. Италия вышла из Второй мировой войны.

без всяких американцев, идут такие междоусобицы, что консенсус саддамовской власти приказал долго жить. Но в отличие от послевоенной Италии, в Ираке остались живы и недоверие, и нетерпимость к армии оккупантов-иностранцев.

Об этом нас предупреждали. А противное до сих пор не доказано.

Хроники Большой игры [261]

Одно из самых захватывающих чтений этого лета — «Большая игра» Питера Хопкёрка[262]. Ничего страшного, что там 624 страницы. Книга читается, ну, может быть, и не запоем, но по куску вечерами, точно как в старые времена — великие романы приключений. В книге невероятные персонажи, реально существовавшие, любопытные

---

[261] Примечания: 261

Cronache del Grande Gioco. L'Espresso, сентябрь 2004 г.

[262] Примечания: 262

Большая игра (The Great Game) — термин, предложенный английским разведчиком, исследователем и писателем Артуром Конолли (1807—1842, погиб, обезглавленный по приказанию бухарского эмира). Термин употреблялся британскими спецслужбами для описания взаимных интриг Британской и Российской империй в соперничестве за контроль над Центральной Азией. *Питер Хопкёрк* (р. 1930) — английский журналист и писатель, специальный корреспондент газеты *Times,* русский перевод его книги (Hopkirk P. *The Great Game: on Secret Service in High Asia.* Oxford, 1990) вышел под названием «Большая игра против России. Азиатский синдром».

и абсолютно нам не знакомые.

Реконструируя хитросплетение шпионских сетей, узнавая о ловушках, засадах, войнах и стычках между агентами и армиями России и Великобритании в тех горах, что разделяют Индию и Афганистан, а также на узбекской и черкесской территориях, мы видим все — и Кавказ, и Тибет, и китайский Туркестан. Если вам кажутся знакомыми те военные карты, которые в последнее время вы видите на первых полосах журналов и газет, не удивляйтесь. Очень похожие карты уже печатались в свое время. Поразительно, но Киплинг о Киме[263] ничего самостоятельно не придумал. Все, что он сделал, — ловко поприцеплял к сюжетам и историям, восходившим еще к наполеоновскому времени, захватывающие концовки (концовки ли?) из современных ему хроник начала XX века. Истории честолюбивых офицеров, джентльменов удачи, маскировавшихся армянскими купцами, переодевавшихся паломниками, пересекавших пустыни и покорявших вершины, куда ни разу до того не ступала

[263] Примечания: 263

В романе «Ким» (*Kim*, 1901) Д.Р. Киплинг разворачивает шпионские страсти на фоне Большой игры. Эти мотивы исследованы тем же Хопкёрком: Hopkirk P. *Quest for Kim: in Search of Kipling ' s Great Game.* Oxford, 1997.

нога европейца. Так русские прокладывали пути для намечаемой территориальной экспансии в Индию. Так англичане, рассчитывая сохранить границы колониальной империи, строили на своих границах буферные государства с эмирами, ханами и марионеточными правителями. Обманы, подкупы, отрезания голов, убийства в королевских покоях.

Что пуще всего удивляет, так это то, что в середине XIX века, когда, казалось бы, земля была картографирована целиком и полностью, европейцы почти ничего не ведали о географии тех краев, о проходимости перевалов, судоходности рек и всецело зависели от работы шпионов и странствующих географов, которые им рассказывали, сугубо приблизительно, то немногое, что удерживалось у них в памяти. Вдобавок обнаруживается, что монархи и султаны этих государств (Бухары, Самарканда, Хивы и Хитраля) хотя по самую макушку были впутаны в сложные игры России с Великобританией, однако об этих государствах сами не знали ничего или, вернее, знали очень немного. Порой султаны считали Англию с Россией пограничными племенами, так что один из царьков гордо спрашивал у посла Ее Величества королевы Виктории, есть ли у коро-

левы тоже двадцать пушек, как у него, или нету? На некоторых страницах встречаются описания жестоких боен — таких как убийство 16 тысяч англичан, военных и штатских, с женщинами, с детьми, в горах Афганистана, в районе, который англичане считали замиренным. Всё как всегда: тупой или тщеславный генерал опять решил обойтись без разведывания проходимости перевалов, взаимоотношений местных племен. Не стал учитывать тончайшее восточное искусство обведения вокруг пальца. Прискорбные последствия этого поныне перед нами.

Все эти эмиры выглядят коварными предателями (такими и были). Но думается: разве русские и английские тайные агенты не из того же были слеплены теста? Если кому они и предлагали дружбу, разве не только затем, чтобы околпачить?

Немедленно начинаешь думать: как полезно было бы Бушу и Путину прочитать эту книгу и уяснить, что на земном шаре имеются области, где даже самое серьезное и высокоорганизованное войско бессильно против туземцев, которые

знают местные тропки. Кто читал Фенольо[264], тот помнит: партизаны знали местность лучше, чем немцы. Кто-то скажет, что с тех пор времена переменились, и Большие игры не ведутся теперь, как тогда, на ощупь, и, чтоб узнать все до мелочей о далеких пространствах, достаточно поехать на войну с атласом «Де Агостини» под мышкой. Это — ложная мысль. Читая книгу, получаешь полнейшее представление о том, что мир, который мы считали изученным и рассуждали в связи с этим о «конце истории», содержит такие белые пятна взаимного неведения, которые удивляют своими размерами.

Иракским бандитам — похитителям западных журналистов — известно, что у английской королевы больше двадцати пушек. Но, судя по выдвигаемым требованиям, им плохо известно, что такое Европа. Они берут в заложники левого журналиста, чтоб шантажировать правое правительство. Они не понимают, что, если ущемлять гордость Франции, можно запросто получить на свою шею в качестве врага страну, до тех пор

[264] Примечания: 264

Беппе *Фенольо* (1922—1963) — итальянский писатель, автор знаменитого романа «Партизан Джонни» (*Il partigiano Johnny*, опубл. посм. в 1968), где описываются эпизоды Сопротивления (1945) в пьемонтском районе Ланге.

непричастную к конфликту. Они показывают по телевидению итальянских заложников с требованием, чтобы в Италии были проведены антивоенные демонстрации, и, значит, понятия не имеют, что эти демонстрации и так проводятся в Италии каждый день. Они захватывают двух пацифисток, ударив как раз по тем, кто сражается за вывод западных солдат. В общем, эти люди пытаются влиять на нашу с вами западную политику, совершенно не располагая ясными представлениями о внутренних несогласиях и противостояниях внутри Запада.

А мы сами? Попробуйте спросить, даже не говорю у вашего лифтера, попробуйте спросить у профессора университета (только не с кафедры арабистики), в чем разница между шиитами и суннитами, и увидите, что он подготовлен даже слабее, нежели тот бухарский эмир по вопросу британского вооружения. Не пытайтесь обсудить с ним, где сейчас бывший иракский имам. Вы нарветесь на совет позвонить в передачу «Ищем пропавших». Мир глобализован, но размеры в нем невежества такие жуткие, что мурашки бегут по коже. Берет ужас, до чего нам мало известно, и если сопоставить наши знания со сведениями из книги Хопкёрка, видно: мы еще на уровне ази-

атско-европейского незнакомства — в точности как во времена Большой игры.

Слова – камни
Война слов [265]

Что трагедия башен-близнецов прежде всего удар по символу, сказано сто раз. Если бы угнанные самолеты поразили, при том же самом количестве жертв — и даже при большем количестве, — два небоскреба в Оклахоме, такого шока бы не было. Символ, слово (само слово «Нью-Йорк») весит больше всего. Символы — это слова, которыми мы определяем (и даже вызываем к жизни) вещи мира.

Прежде всего, непонятно, применимо ли к данной ситуации слово «война». В нашем сознании война — это что-то из прошлого века. То, что случилось в Нью-Йорке, скорее походило на фильм-катастрофу. А «войну» большинство из нас воображает по старым фильмам, где английские офицеры в колониальных шлемах сражаются с непокорными афганцами, притаившимися в горах.

---

[265] Примечания: 265
Guerra di parole. L'Espresso, октябрь 2001 г.

Назвать 11 сентября войной? Или террористическим актом? Я слышал, что башни ВТЦ были застрахованы на многие миллиарды долларов, и в частности — на случай террористической атаки, но не были застрахованы от войны. И следовательно, термины, употребляемые Бушем, работают: один на выгоду страховых компаний, другой на выгоду пострадавшей стороны. Может, Буш еще и поэтому говорит через раз то «война», то «теракт». Он, может, и сам не решил, чью выгоду поощрить.

Далее. Если это война, можно ли называть ее «крестовым походом»? Буш обронил эти два слова, и начался сумасшедший дом. Буш — один из немногих людей на планете, кто не знает, что Крестовые походы представляли собой священную войну христиан (зачинщиков) против исламского мира и что поначалу мусульмане никого не трогали, но когда на них напали, они победили христиан и утопили всех, кого смогли переловить, в Средиземном море.

Буш открестился от своего ляпсуса и тут же заговорил о «бесконечной справедливости», что оказалось еще хуже. Поскольку слова имеют вес… я не требую, чтобы нашим миром управляли одни философы (результаты управления по Платону

оказались катастрофическими[266]), но все же думаю: надо бы ставить на руководящие должности господ, несколько лучше подкованных по истории и географии.

Возьмем и слово «арабский». Оно тоже заслуживает обсуждения. Сторонники ислама — не сплошь арабы (и многие арабы — не сторонники ислама, а вовсе даже, как выясняется, христиане). Не говоря уж о том, что огромное число сторонников ислама — не фундаменталисты и никакие не террористы. В западном мире много гастарбайтеров, которые не арабы и не сторонники ислама. Среди террористов есть белокожие и католики по вероисповеданию. Однако символы — это всё. Поэтому пассажиры в самолетах трясутся, если рядом садится индивид с загорелой кожей и при усах. В Америке линчевали одного какого-то в тюрбане (принятом за признак исламской веры), а он, вообразите, был не то поклонником Брахмы, Шивы и Вишну, не то сикхом (не арабом и не мусульманином). Хорошо было бы всем иногда

[266] Примечания: 266

Платон в поздних диалогах «Государство» и «Законы» пытался создать утопию, где правят философы, изгоняется поэзия, государство заменяет собой семью и т. д. Некоторые из этих идей он пытался воплотить на Сицилии, куда его пригласил сиракузский тиран Дионисий Младший, но вскоре Платон был оттуда изгнан, а Дионисий еще много лет тиранствовал, оставив в памяти потомков такие изобретения, как «Дионисиево ухо» для подслушивания разговоров заключенных.

перечитывать Сальгари.[267]

Список двусмысленных слов-символов на этом вовсе не кончается. Мы знаем, до чего опасны слова, произносимые бен Ладеном. Хотя это просто слова, от слов могут произойти новые жертвы.

Те, кто «понимает» бен Ладена [268]

Мы живем и впрямь в довольно мрачную эпоху. И не только из-за происходящих трагических событий. Но еще и потому, что дабы понять, в чем смысл вещей, необходима сугубая тонкость, а времена, сдается мне, отнюдь не тонкие.

Вокруг идет сабельная сеча, бен Ладен в своем последнем послании отказался уже и от дистинкции, которую сам проводил прежде: раньше он видел ужасный Запад Америки и Израиля — и отдельно другой Запад, не такой ужасный, о коем до времени не высказывался. Теперь он предпочитает рассуждать о бое против «христиан», против христиан всем скопом, в ряды которых,

---

[267] Примечания: 267

Эмилио *Сальгари* (1862—1911) — итальянский писатель, автор подростковых приключенческих романов, где действие происходит в Индии, Южной Америке, Юго-Восточной Азии, Австралии.

[268] Примечания: 268

Quelli che «capiscono» Bin Laden. L'Espresso, ноябрь 2001 г.

совершенно ясно, он зачисляет и евреев, и атеистов, и экс-советских материалистов, а может быть, до кучи также и жителей Китая.

Но в отношении словес не лучше обстоят дела и у нас. Стоит сказать, что бен Ладен порядочная шельма, как тут же тебе отвечают, значит, ты оправдываешь убийство невинных детей в Кабуле. Если же ты огорчаешься, что в Кабуле убивают детей, мигом ярлык — ты сторонник бен Ладена! В то время как единственный способ не лить воду на бенладенскую мельницу — это воздерживаться от каких бы то ни было черно-белых крайностей и заниматься только тем, что нам оставила в наследство европейская культура, отдельными и тонкими дистинкциями.

Неделю или две назад я прочитал результаты социологического опроса, где выходило, что солидное большинство тех, кто поддерживает левые партии, «понимает» мотивы бен Ладена. Что началось, описать невозможно! Газеты завопили, что-де те, кто ответил, будто «понимает», довольны разрушением Всемирного торгового центра.

Да не думаю я, что они довольны. Полагаю, что вопрос просто был сформулирован так, что люди запутывались в четырех различных понятиях, а именно «объяснять», «понимать», «оправдывать»

и «поддерживать».

Девушка Эрика зарезала брата и мать[269]. Можно *объяснить* ее поступок? Конечно можно. Пусть объяснят психологи и психиатры. Можно ли *понять* Эрику? Если психиатры мне скажут, что она была в состоянии аффекта, я пойму: в состоянии аффекта люди не соображают, что творят. Можно ли *оправдать* ее? Разумеется, нет. И суд не оправдает ее, а лишит ее возможности вредить. *Поддержать* матереубийцу, в смысле признать, что и мы совершили бы то же? Ну уж нет, надеюсь. Не все же мы такие дегенераты, как те, что шлют Эрике любовные письма. Помню недавнюю газетную полемику о молодых людях, которые в свое время примыкали к Республике Сало´. Можем мы исторически *объяснить*, с какой же стати они пожелали примкнуть к Сало´? Можем. Сто раз это объяснялось. Можем ли мы *понять* их? Естественно. Понятны и действия примыкавших по убеждению, и действия примыкавших от отчаяния, и даже действия примыкавших по расчету. Намерены мы *оправдать* (исторически)

---

[269] Примечания: 269

Эрика Де Нардо из Нови Лигуре (провинция Алессандрии, Пьемонт) вечером 21 февраля 2001 г. без всякой видимой причины, при пособничестве своего бойфренда Омара Мауро Фаваро, убила ножом свою мать и малолетнего брата. Эрика была приговорена к 16 годам заключения, Омар Фаваро — к 14 годам.

этот выбор? Нет, не намерены, по крайней мере — пока мы стоим на защите ценностей демократического мира. Мы можем понять этих людей, но не оправдываем их выбор. А *поддержать* их можем? Мне в 1945 году исполнялось тринадцать лет, и часто я спрашиваю себя: а если б исполнялось двадцать? Задним числом легко проявлять порядочность… Но, надеюсь, я бы все-таки не поддержал.

Можно *объяснить* ночь святого Варфоломея, убийство гугенотов? Объяснить-то можно. Во многих книгах объясняется, что там учудили эти католики и с какой стати. Можно *понять* причину их действий тем, что они зарабатывали себе рай? Зная психологию людей, живших пять сотен лет назад, можно, я полагаю, понять их. А *оправдать* это массовое убийство? С нашей современной точки зрения — как же оправдывать? И тем более мы не *поддерживаем* подобные действия. Всякий здравомыслящий человек считает их совершеннейшим свинством.

Вот до чего все просто. Можно *объяснить* поступок бен Ладена примерно теми словами, которыми объяснял он сам в первом послании? (Как отображение фрустрации мусульманского мира, накопленной после распада Оттоманской

империи, с частичным учетом политических и экономических интересов самого бен Ладена, сосредоточенных на саудовской нефти.) Да, можно. Можно ли *понять* его сторонников? Можно, учитывая недополученное ими образование, вышеописанную фрустрацию и многие другие факторы. Можно ли *оправдать* их? Разумеется, нет — нет им ни малейшего оправдания! Это было злодейство, и остается надеяться, что по возможности скоро бен Ладен будет лишен возможности совершать зло.

Заметим в скобках, что если не объяснять поступок бен Ладена и не понимать, по какой причине сотни и тысячи добровольцев едут к нему, например из Пакистана, — трудно организовывать противодействие. Организовывать противодействие — именно как раз и значит понимать, какие действия могут помочь обезвредить ту опасность, которую представляет собой в глазах мира бен Ладен. В общем, именно потому что нет от нас *оправдания* и именно потому что нет от нас *поддержки* мусульманскому фундаментализму, нужно *объяснять* его и пытаться *понимать* его пружины, его резоны, психологию и мотивации.

Как нам интерпретировать высказывание:

«могу представить себе позицию Усамы бен Ладена». Что эту позицию *объясняют, понимают, оправдывают* или намерены *поддержать?*

Пока мы не вернем себе душевное равновесие, способствующее тонким дистинкциям, мы будем такими же, как бен Ладен. А ему только этого и надо.

Фундаментализм, интегрализм, расизм [270]

В последние недели все говорят о мусульманском фундаментализме. И забывают, что есть на свете и фундаментализм христианский. В особенности — в Америке. Но, скажут, христианский фундаментализм дает себя знать по воскресеньям в телевизоре, а мусульманский фундаментализм свалил Торговый центр, поэтому именно он вызывает у нас обоснованное волнение.

И все же: они свалили Торговый центр по причине *фундаментализма?* Или по причине своего *интегрализма?* Или в качестве *террористов?* Или же, как существуют мусульмане-неарабы и арабы-немусульмане, существуют на нашей

---

[270] Примечания: 270
Fondamentalismo, integrismo, razzismo. L'Espresso октябрь 2001 г.

планете и фундаментализмы нетеррористского толка? И неинтегралистского извода?

Обычно понятия фундаментализма и интегрализма считаются связанными: это две формы нетерпимости. Из связи их рождается вывод, будто все фундаментализмы — интегралистские, а следовательно, нетерпимые, а следовательно, террористские. Но будь это даже и правильно, из этого не следовало бы вовсе, что все нетерпимцы — автоматически фундаменталисты и интегралисты. И даже не следовало бы, что все террористы — фундаменталисты. Мы знаем, что «Красные бригады»[271] фундаменталистами не были и ими не являются подпольщики-баски.

Как исторический термин, *фундаментализм* значит «обожание священных книг»[272]. Такова была суть протестантского фундаментализма в США в начале XX века. Протестантский

---

[271] Примечания: 271

«Красные бригады» (Brigate Rosse) возникли в Италии в 1969—1970 гг. как боевые отряды левых радикалов. На их счету взрывы на заводах, похищения чиновников, ограбления, поджоги автомобилей. С 1975 г. боевики перешли к убийствам. Ими был похищен и убит в 1978 г. премьер-министр Альдо Моро.

[272] Примечания: 272

Термин «фундаментализм» восходит к серии предпринятых некоторыми североамериканскими протестантами антимодернистских публикаций — «Основы. Свидетельства истины» (*The Fundamentals. A Testimony to the Truth*, 1910—1912), — в которых провозглашалась верность букве Священного Писания и вера в его безошибочность.

фундаментализм дожил до нашего времени и характеризуется тенденцией буквально истолковывать Библию, в особенности по части космологии. Отсюда — неприятие тех форм образования, которые угрожают подорвать веру в библейский текст, и ненависть к Дарвину. Также и в мусульманском фундаментализме основной принцип — обожествление буквы Корана.

Все ли фундаментализмы нетерпимы? Нет, не все. Можно вполне найти фундаменталистскую секту, адепты которой постоянно толкуют священные книги, но не проводят при этом никакой агитации или пропаганды, не понуждают никого разделять их идеалы и веру и биться за то, чтоб политическое общество строилось на этих идеалах.

Интегрализм — это другое. Это такое устройство государства, при котором в основе и политической жизни, и правоведения лежит религиозность. Фундаментализм обязательно консервативен, а интегрализм нередко бывает и прогрессивным, и революционным. Интегралистские католические движения свободны от фундаментализма: сражаясь за общество, насквозь пронизанное религиозностью, они не требуют буквального восприятия Священного

Писания и, в общем, не чураются богословия а-ля Тейяр де Шарден[273]. При этом есть формы интегралистского экстремизма, переходящие в теодеспотизм, они тяготеют и к фундаментализму. Таков, по-видимому, деспотизм талибов со всеми их исламскими школами. В каждом роде и подвиде интегрализма присутствуют элементы нетерпимости ко всем, кто не разделяет принципы и идеи интегралистов, но в фундаменталистских интегрализмах и теократических интегрализмах нетерпимость заполоняет все.

Теократический деспотизм *тоталитарен.* Однако не все тоталитарные режимы теократичны. Они устроены иначе: на место религии в них подставляется идеология. Примеры: германский нацизм или коммунизм в Советском Союзе.

А что *расизм?* Как ни странно, большая часть исламского интегрализма, при явной антизападной и антисемитской направленности, не может

---

[273] Примечания: 273

Пьер *Тейяр де Шарден* (1881—1955) — французский мыслитель-католик, священнослужитель. Будучи палеонтологом с мировой славой и первооткрывателем так называемого синантропа, «пекинского человека» — одного из недостающих звеньев в эволюции гоминидов, не мог не быть сторонником эволюционизма. За это Тейяр де Шарден в первое время воспринимался католической церковью как диссидент. Он полагал, что двигатель истории — духовность, что религия, обосновывающая мораль, должна, объединившись с наукой, обновить толкование своих принципов и стать религией действия.

быть названа расистской в том смысле, в каком был расистским германский нацизм. Исламский интегрализм ненавидит одну национальность (евреев) и ненавидит одно государство (США), но совершенно не провозглашает арабов избранной расой. Он допускает в себя любых новых адептов своей религии, и по этническому типу они могут быть кем угодно. Расизм германских нацистов был выраженно тоталитарным, но в нем не было фундаментализма (гитлеровцы возвеличивали вместо священной книги разнообразные писания арийской псевдонауки).

Теперь о *нетерпимости.* Можно ли ставить знак равенства между нетерпимостью и фундаментализмом, интегрализмом, расизмом, теократией и тоталитаризмом? Нет, знака равенства ставить нельзя. Известны формы нетерпимости без расизма (преследование еретиков и нетерпимость диктатур к диссидентам). Расизм бывает и вне нетерпимости («ничего не имею против негров, пусть негр работает и знает свое место, готов жить рядом с ними, но если моя дочь захочет замуж за черного, я буду сильно раздосадован»). Расизм совместно с нетерпимостью может встречаться в людях, которым чужды и теократия, и всякий фундаментализм, и всяческий инте-

грализм; именно это наблюдается в последнее время.

Фундаментализм, интегрализм, псевдонаучный расизм — теоретические позиции, для них нужна сильная доктрина. Нетерпимость и бытовой расизм распространяются без всяких доктрин. У них биологические корни — человек унаследовал это от животных, борющихся за территорию. Они основаны на эмоциональном подходе («не могу выносить людей, не похожих на меня»).

Конечно, этими немногими фразами я вряд ли распутаю хитросплетение сложных идей. Скорее — хуже запутаю их. Но ведь не я создал хитросплетение. А когда обсуждаешь сложные вещи, главное — понимать, до чего они сложны, и лишь после этого браться обсуждать.

Гражданские войны, сопротивление и терроризм [274]

На прошлой неделе в журнале «Эспрессо» Эуд-

---

[274] Примечания: 274

Guerra civile, resistenza e terrorismo. L'Espresso, октябрь 2004 г.

женио Скальфари[275] в конце своей колонки написал: «По поводу иракского сопротивления запрещено высказываться, иначе рискуешь прослыть фанатиком или кретином». Прочтут и скажут: Скальфари, как всегда, сгущает краски… Однако в тот же день в «Коррьере» Анджело Панебьянко[276] опубликовал дословно следующее: «Члены иракского “сопротивления”, как их именуют некоторые легкомысленные люди Запада…» Для прилетевшего с Марса наблюдателя ясно, что в то время, как в других странах отпиливают людям головы и подрывают поезда и гостиницы, в Италии люди занимаются игрой в слова.

Марсианин сказал бы на это, что слова — не такая уж важность и что он прочитал у Шекспира, что роза пахнет розой, хоть розой назови ее, хоть нет[277]. И тем не менее слово, употребленное вместо другого слова, может порядочно

---

[275] Примечания: 275

Скальфари публикует каждую четную неделю статью о современности и нравах на последней странице *LEspresso.* Эта колонка *(Il vetro sofflato)* перемежается (в нечетные недели) с колонкой У. Эко «Картонки Минервы», из которых частично составлен настоящий том.

[276] Примечания: 276

Анджело Панебьянко (р. 1948) — итальянский журналист и политолог, ведущий колонки в газете *Corriere della Sera,* заведующий департаментом Международных связей Болонского университета.

[277] Примечания: 277

Шекспир У. *Ромео и Джульетта.* Пер. Б. Пастернака.

навредить. Понятно: некоторые из тех, кто говорит о «сопротивлении» иракцев, желали бы оказать поддержку тому, что считают народной войной. Другие же, принадлежащие к противоположному лагерю, кажется, думают, что «члены сопротивления» — имя высокое, не для подобных головорезов, незачем осквернять святую память нашего собственного Сопротивления (с заглавной буквы). Примечательно, что значительная часть тех, кто считает скандальным делиться именем «сопротивления» с иракцами, — это именно те, кто давно стремится делегитимизировать наше собственное Сопротивление, утверждая, что партизаны были бандитами. Но минуточку: мне представляется, все забыли, что «сопротивление» — термин технический, к нему неприменимы критерии моральной оценки.

Вспомним, есть и термин «гражданская война» — это когда соотечественники, говорящие на одном языке, стреляют друг в друга. Гражданскими войнами были Вандея[278] и война в Испании, гражданской войной было наше Сопротивление (одни итальянцы воевали с другими итальянца-

[278] Примечания: 278

Вандея — департамент на западе Франции, оплот контрреволюционеров в эпоху Великой Французской революции, в нарицательном смысле — контрреволюционная борьба.

ми). У нас, кстати, имели место одновременно и гражданская война, и сопротивление, поскольку сопротивлением называется выступление части граждан страны против иностранной интервенции. Если б из чувства противоречия после высадки союзников в Сицилии и в порту Анцио[279] образовались ватаги итальянцев, чтоб атаковать из-за угла солдат союзников, пришлось бы дать им имя «Сопротивление», даже если мы в глубине души считаем высадившихся союзников «хорошими». И даже южноитальянский бандитизм был формой пробурбонского сопротивления, которое кончилось тем, что пьемонтские войска («хорошие») поубивали поголовно всех «плохих», и ныне этих «плохих» мы поминаем как разбойников[280]. Нацисты, со своей стороны, всегда называли «бандитами» партизан.

---

[279] Примечания: 279

Анцио — порт на побережье Лациума к югу от Рима, где 22 января 1944 г. произошла высадка союзников, членов антигитлеровской коалиции.

[280] Примечания: 280

Разбойничество — *зд.:* неоднозначное явление, особо проявившееся в южной части Италии после объединения страны в 1861 г. Бандитизм граничил с социальным протестом и часто переходил в повстанческие военные действия, в ходе которых батраки и крестьяне, науськиваемые своими прежними хозяевами — аристократами, сторонниками Бурбонов, присоединялись к бандитским шайкам и нападали на армию савойцев.

Лишь в редких случаях гражданская война достигает масштаба крупных полевых действий. Хотя в Испании это было. Обычно в гражданской войне участвуют бригады (иначе говоря — банды). Они налетают, разят и уносятся. Таковы их привычки. На фоне стычек и заварушек гуляют на полном раздолье приватные армии атаманов, полевых командиров, а также банды вообще без приписки, которым просто на руку неразбериха.

Так вот, иракская война имеет и характеристики *гражданской* (иракцы уничтожают иракцев), и все характеристики *сопротивления*, и плюс в ней наличествуют еще отдельные вкрапления *бандитизма.* Бандиты действуют против иностранцев, не важно, правы иностранцы или виноваты, не важно, призвали ли этих иностранцев на помощь сами иракцы (то есть часть иракцев, естественно). Если коренные жители противятся иностранной интервенции, значит, налицо сопротивление и никакие полемики с этим наименованием не имеют ни смысла, ни основания.

И наконец, существует на свете *терроризм* — совсем другая штука по своей природе, с другими целями, с другой стратегией. У нас в Италии наблюдался, и наблюдается по нынешний день,

феномен терроризма, однако он ни в какой степени не связан ни с сопротивлением, ни с гражданской войной. В Ираке терроризм накладывается на бандитизм, на сопротивление и на раздоры гражданской войны. В гражданских войнах и сопротивленческих движениях известен враг (в большинстве случаев) — каков он и где находится. А терроризм не имеет лица. Вернее, он может иметь лицо любого соседа по электричке. Поэтому на гражданские войны и на сопротивление имеется управа в виде фронтальных акций, репрессий, облав. А против терроризма эффективна только работа разведки. Гражданские войны и сопротивление подавляются на месте. Борьба с терроризмом может вестись совершенно на ином поле — там, где находятся укрытия террористов, где расположены их святыни.

Трагичность иракской истории в том, что там все на свете перемешано, и в том, что нередко сопротивленческая группа использует террористические техники, а террористы, цель которых — отнюдь не только выгнать из Ирака оккупантов, прикидываются сопротивлением. Это дополнительно усложняет картину. Но если мы откажемся соблюдать четкую терминологию, картина тем более усложнится.

Предположим (помните очаровательный фильм «Вооруженное ограбление»? Там все «плохие» были абсолютно неотразимы), что кто-нибудь откажется именовать «вооруженным ограблением» налет на банк и пожелает назвать его «квалифицированной кражей». Однако квалифицированные кражи — по ведомству полицейских в штатском, вокзальных, уличных и поездных патрулей, тех, кто обычно может перечесть по именам весь воровской «контингент» своего квартала. Вооруженные же ограбления — это работа для особых отделов полиции, которые используют дорогостоящую электронную аппаратуру, имеют в штате оперативников быстрого реагирования, готовы бороться с преступниками, абсолютно для них незнакомыми. Ошибка в термине в данном случае ведет к неправильному выбору средств, а значит, преступникам не будет дан адекватный отпор.

Верить, что против террористов можно бороться облавами, как принято бороться против участников сопротивления, — верх наивности. И не меньшая ошибка — думать, будто против налетчиков можно применить средства, рассчитанные на террористов. Поэтому следует уважать техническую специфику терминов и относиться

к терминам бережно, не впадая в панику и не приходя в раж.

Возврат в семидесятые годы[281]

Как-то даже неуютно размышлять (тем более писать) о возврате терроризма. Такое впечатление, будто слово в слово переписываешь статьи, посвященные той же самой теме и напечатанные тридцать лет назад. Убеждаешься, что и впрямь, — хоть я не согласен, что в стране за последние тридцать лет ничего не изменилось, — логика терроризма, странным образом, остается точь-в-точь тою же, какой была тогда. Разве что новая политическая обстановка требует от аналитика рассмотрения прежних факторов в несколько ином преломлении.

Говорят, террористические акты имеют целью дестабилизацию. Этот тезис расплывчат. Уточним: черному терроризму нужна одна дестабилизация, красному — иная, терроризму

---

[281] Примечания: 281
Ritorno agli anni Settanta. La Repubblica, март 2002 г.

«спецслужб-оборотней»[282] — третья. За недоказанностью противоположного примем как данность, что нападение на Марко Биаджи — дело рук если не «Красных бригад», то организации с аналогичными принципами и методами, и в этом смысле я намерен применять к убийцам термин «террористы». Каковы обычно бывают намерения террористов? Во-первых, поскольку террористическая организация, как правило, ставит себе целью довести страну до революции (утопия!), террористы пытаются воспрепятствовать налаживанию каких бы то ни было соглашений между оппозицией и правительством. Воспрепятствовать как соглашениям, которые были выработаны, например, во времена Альдо Моро путем кропотливой работы в парламенте, так и соглашениям, достигаемым ценой прямых конфронтаций, забастовок, прочих видов нажи-

[282] Примечания: 282

«*Спецслужбы-оборотни*», нарушая свой долг перед демократически избранными властями, перед гражданами своей страны, перед гражданским обществом, работают на отдельных политиков или на отдельные межнациональные проекты, в связке со спецслужбами других держав. В Италии говорилось о «спецслужбах-оборотнях» в связи с «планом Соло»: в 1964 г. генерал карабинеров Де Лоренцо готовил государственный переворот. Начиная с бомбы, подложенной террористами в 1969 г. в банк на площади Фонтана в Милане, вплоть до взрыва на вокзале в Болонье 2 августа 1980 г. — во всех этих трагедиях общественное мнение склонно было видеть попустительство «служб-оборотней».

ма, цель которых — вынудить правительство, чтобы оно согласилось пересмотреть государственные решения.

Во-вторых, террористы хотят довести власть до истеричных репрессий, чтобы действия властей стали выглядеть в глазах всех граждан нарушением демократии, непереносимым диктаторством и от возмущения произошло бы революционное брожение в обширном, по мнению террористов (обоснованно ли это их мнение?), базисе «пролетариев» или «люмпен-пролетариев», отчаявшихся и ожидающих только последнего толчка для настоящего революционного восстания.

Иногда надежды террористов сбываются. Самый свежий тому пример — взрыв Всемирного торгового центра. В мире, знал бен Ладен, существует много миллионов мусульман-фундаменталистов, ждущих только выразительного знака, что врага (Запад) можно поразить в самое сердце. После этого миллионы восстанут. Точно так и получилось. Фундаменталисты восстали в Пакистане, в Палестине, в других странах мира. Американские репрессии в Афганистане не сократили, а расширили зону мусульманского протеста. Однако чтобы расчет на эскалацию удался, необходимо, чтобы реально существовал

базис «отчаявшихся», имеющих бунтарский потенциал, то есть чтобы этот тезис являл собой компонент социальной структуры.

Проваленный план «Красных бригад» в Италии и аналогичных движений в Латинской Америке, я думаю, можно отнести на счет основной ошибки. Этой ошибкой было полагать, будто отчаявшийся, готовый к восстанию базис там есть. Что он охватывает не десятки, не сотни человеческих единиц, а миллионы. Бо́льшая часть латиноамериканских движений и вправду смогла спровоцировать свои правительства на яростные репрессии, но не случилось ответных восстаний масс, которые, по-видимому, были малочисленнее, чем рассчитывали террористы. В Италии и рабочие массы, и политические силы отреагировали на события уравновешенно, и хоть и раздаются критические отзывы в адрес некоторых действий превентивно-репрессивного характера, все же власти не ввели диктатуру, как того ждали «Красные бригады». Поэтому «Красные бригады» проиграли первый раунд (и время показало, что они, проиграв, совершенно отказались от своих проектов).

Поражение «Красных бригад» продемонстрировало, что ничего в нашем обществе они не

дестабилизировали. Но, кажется, недостаточно отрефлексирована еще одна мысль: «Красные бригады», наоборот, поспособствовали консолидации общества. Все политические силы в стране сплотились для защиты государства от терроризма. Тем самым оппозиция пришла к менее агрессивным формам существования, пришла к так называемому «консоциативизму»[283]. И следовательно, можно сказать, «Красные бригады» явились стабилизующим фактором, если хотите — консервативным.

Что это — результат дикого сбоя в расчетах? Или «Бригадами» манипулировали? Не столь уж важно. Когда проваливается террористический проект, не только отменяются революции, но и усиливается прямо обратное, консервативное движение и замирает эволюция общества.

Что поражает в недавних примерах терроризма, по крайней мере на первый взгляд, — это что обычно террористы наносят удары, желая предотвратить соглашение (яркий пример — Альдо Моро). А тут вдруг выходит, что они будто предотвращали несогласие: после устранения Марко Биаджи многие стали считать, что оп-

[283] Примечания: 283

Политическая ситуация, при которой парламентское большинство вовлекает представителей оппозиции в управление страной.

позиция должна умерить, ослабить и смягчить вызывающее поведение, а профсоюзы должны отменить общенациональную стачку.

Если рассуждать по наивной логике «кому на пользу?», то дорассуждаешься до мысли, что правительство само наняло убийцу, тот надел каску, сел на мотороллер и поехал стрелять в Марко Биаджи. Мало кто, конечно, в это поверит. Не поверят и самые отъявленные зоилы, обвиняющие правительство во всех грехах… Но верить ли, не верить — получается, что новых «Красных бригад» не существует, следовательно, не существует краснобригадного жупела.

На самом же деле современный новый терроризм, как это было и со старым, рассчитывает на поддержку миллионов человек из потенциального революционного базиса (а такого базиса сейчас в Италии не существует) и жаждет добиться раздробленности и растерянности в рядах мирных левых. Терроризм полагает, что это очень полезно для взбалтывания революционного (нереального!) брожения.

В Италии на момент убийства Биаджи протестное движение представляло собой «хороводы», устраивавшиеся, как известно, миролюбивыми и благонравными гражданами возраста

около пятидесяти лет и демократических взглядов. Налицо было сплочение оппозиционных партий, сплочение сил в профсоюзах: редкое, можно сказать — гармоничное, равновесие во взаимоотношениях правительства и оппозиции.

Генеральная забастовка — это не вооруженная революция. Это силовой прием, рассчитанный на то, чтобы укрепить переговорные позиции профсоюзов и ослабить позиции правительства. Значит, опять-таки, хотя казалось, что теракт помешал несогласию (сорвал генеральную забастовку), теракт на самом деле подвел политические силы к согласию (конечно, противоречивому и вымученному). В особенности теракт был нацелен на то, чтобы — в случае если профсоюзы прижмут правительство — предотвратить усиление настоящего противника терроризма: демократической, реформистской оппозиции.

Следовательно, и в этом случае, хотя терроризм и достиг своей минимум-цели (ослабил протест профсоюзов), он в историческом масштабе привел к тому же, к чему всякий терроризм воленс-ноленс обязательно приводит: к стабилизации, к сохранению статус-кво.

Если так, оппозиции и профсоюзам надлежит

всегда помнить: на террористский шантаж поддаваться нельзя. Демократическое противостояние обязано продолжаться в самых агрессивных допустимых законом формах (забастовки, манифестации и шествия) — ибо, сдаваясь, мы позволяем террористам достичь их цели-максимума.

Однако в равной же степени (да будет позволено мне дать совет правительству) нельзя реагировать на приманку, которую терроризм подсовывает власти: нельзя решаться на недопустимые репрессии. Антидемократичная реакция может иметь и тонкие формы. Сегодня не обязательно выводить на улицы танки. Когда по телевизору наши правители (кто умеренно, намеками, а кто — совершенно открыто) заявляют, будто террористов вооружали (тут же оговариваются — морально, морально вооружали!) те самые люди, кто в различных видах выдвигает словесные претензии к правительству; те люди, которые подписывают воззвания в пользу профсоюзной борьбы… Когда стараются навести подозрение на тех, кто возмущается, что Берлускони устроил в стране «конфликт интересов» и проводит в парламенте нечестные законы в свою пользу… Когда правители намекают, будто во-

оружают террористов те, кто дурно отзывается о нынешней итальянской власти, публично выступая за рубежом… Тогда все мы видим, что наши правители занимаются довольно-таки опасными политическими подтасовками.

Эти подтасовки выражаются в повторении слоганов: «доколе существуют террористы, любой, кто против правительства, — пособник террористов» и «выступать против правительства — потенциальное преступление». Такие слоганы нацелены на забвение любых демократических начал и шантаж немногочисленной оставшейся свободной прессы, шантаж оппозиции, шантаж диссидентов. От этого, конечно, далеко до роспуска парламента и до отмены свободы печати (я не принадлежу к тем, кто именует наш режим новаторски-фашистским). Но это нечто еще более скверное.

Это дорога морального шантажа с науськиванием масс на всех, кто не согласен с правительством, пусть даже только интеллектуально. Это путь уравнивания любой словесной резкости (естественной для бурной, однако законной полемики) с вооруженным насилием.

Если по этой дороге далеко пойти, от демократии ничего не останется. Появятся новые

формы цензуры, затыкания рта, новые формы самоустранения под страхом морального суда Линча. Вот перед этими-то самыми соблазнами все нынешние начальники должны «выстоять, выстоять, выстоять».[284]

А оппозиция должна при этом настаивать, настаивать и еще раз настаивать на своем, во всех возможных, допускаемых конституцией видах. Если же нет, действительно (и это, замечу, произойдет в первый раз!) террористы окажутся победителями и на том и на другом фронте.

[284] Примечания: 284

Из речи генерального прокурора Милана Франческо Саверио Борреллли 12 января 2002 г. Борреллли повторил в актуальном контексте (в день десятилетия эпохального процесса «Чистые руки») давний призыв к итальянским солдатам, защитникам Пиаве, ставший легендарным во времена Первой мировой войны.

Камикадзе и гашишины[285]

Не помню уж когда, но явно до 11 сентября, была такая модная интернет-хохма: кто ответит на вопрос, зачем японские камикадзе надевали шлем, если они все равно собирались врезаться в авианосец. Какая могла быть им разница? Зачем беречь голову? В чатах обсуждалось — надевали ли они и впрямь шлем. А может, ритуальную повязку на лоб? В любом случае здравым ответом могло быть, что без шлема невозможно управлять самолетом из-за оглушительного рева мотора. И что надо было сохранить свою жизнь до того самого смертельного пике. А вообще, я думаю, главная причина в том, что камикадзе принадлежали к людям, соблюдающим порядки и ритуалы, и если по инструкции полагалось иметь на голове шлем, то эти японцы, садясь за штурвал, его аккуратно надевали.

Шутки в сторону: в вопросах сквозило то недоумение, которое испытывает каждый из нас, узнав, что кто-то хладнокровно отказывается от собственной жизни, чтобы губить других людей.

---

[285] Примечания: 285
Kamikaze e assassini. L'Espresso, август 2005 г.

После 11 сентября все мы считаем (и справедливо) новых камикадзе порождением мусульманского мира. Вследствие этого многие ставят знак равенства между фундаментализмом и исламом. Министр Роберто Кальдероли[286] заявляет, что не видит «схватки цивилизаций», потому что «у тех — не цивилизация».

К тому же история повествует, что в эпоху Средневековья в одной из еретических сект ислама существовала традиция политических убийств, которые совершались людьми, жертвовавшими собой, — они понимали, что не вернутся. Чтобы подчинить этих людей чужой воле, их одурманивали гашишем, и отсюда рассказы о секте гашишинов — ассасинов. Конечно, западные информаторы начиная со времен Марко Поло как могли приукрашивали факты, но об аламутских ассасинах имеются и серьезные исследования, которые, может быть, самое время поперечитывать.

Однако как раз вот недавно я прочитал в интер-

---

[286] Примечания: 286

Роберто Кальдероли (р. 1956) — итальянский политик, представитель «Лиги Севера» и министр правительства Берлускони. Представ перед телекамерой в майке с оскорбительной карикатурой на Магомета, вызвал массовые беспорядки перед итальянским консульством в Бенгази (Ливия), приведшие к нескольким десяткам человеческих жертв. Имел место серьезный дипломатический кризис международных отношений Италии и Ливии.

нете обсуждение работы Роберта Пэйпа (Robert Pape, *Dying to Win: The Strategic Logic of Suicide Terrorism*), который, охватывая богатую статистику, приходит к двум основным выводам. Первый вывод — что терроризм самоубийц рождается только на оккупированных территориях и в качестве реакции на оккупацию (этот тезис кажется спорным, но Пэйп демонстрирует, что терроризм самоубийц замирает — на примере ливанского — сразу же после освобождения территорий). Второй тезис Пэйпа гласит, что терроризм самоубийц — это не только мусульманский феномен. Пэйп приводит в пример «тамильских тигров» Шри-Ланки[287] и двадцать семь террористов-самоубийц из Ливана[288], которые не исповедовали ислам, а были нерелигиозными людьми, в основном коммунистами или социалистами.

---

[287] Примечания: 287

Организация «Тигры освобождения Тамил-Илама» с 1983 г. борется (с помощью терактов, а иногда — вооруженных восстаний) за образование на северо-востоке Шри-Ланки независимого тамильского государства. Смертница из этой организации убила в 1991 г. главу парламентской оппозиции, бывшего премьер-министра Индии Раджива Ганди.

[288] Примечания: 288

13 апреля 1975 г. в квартале Бейрута Айн-Ремманех автобус с террористами-самоубийцами палестинского происхождения врезался в толпу христиан, присутствовавших при освящении церкви. Все 27 нападавших погибли. Этот драматический эпизод положил начало войне в Ливане.

Камикадзе бывают не только у мусульман и японцев. Итало-американские анархисты отправляли Гаэтано Бреши[289], посланного застрелить короля Умберто I, только в один конец. Бреши знал, что билета назад ему не купили. В первые века христианства существовали циркумцеллионы[290] — они нападали на дома и на путешественников, желая получить отпор, кару и мученичество. Позднее катары совершали ритуальные самоубийства *endura*[291]. Прибавим всякие современные нам секты (все сплошь из западного мира), о которых нередко приходится слышать кошмарные известия: целая община массовым порядком распростилась с жизнью… Хотелось бы, чтобы антропологи рассказали нам о прочих формах «атакующих» самоубийств в

---

[289] Примечания: 289

Гаэтано Бреши (1869—1901) — итальянский анархист, убивший 29 июля 1900 г. в Монце (возле Милана) короля Умберто I. Для проведения этой акции Бреши был перемещен в Италию из США, где он находился в политэмиграции. Бреши мстил монарху за расстрел рабочей демонстрации, имевший место за два года до покушения.

[290] Примечания: 290

Циркумцеллионы (донатисты) — радикальная христианская секта IV—V вв., распространенная преимущественно в северной Африке. Циркумцеллионы не признавали церковь, разрушали храмы, нападали на богатые виллы и ростовщиков, вели партизанские действия.

[291] Примечания: 291

Катары — религиозная секта XI—XIII вв., стремившаяся к уходу от мира, не признававшая брак; поощряла добровольную смерть путем

истощения сил (отказа от пищи). Это и называлось *endura* (окситанское слово, означающее «пост»).

незнакомых для нас этносах за многие столетия.

Подведем итоги: как исторические анналы, так и современные передачи новостей были и остаются переполнены рассказами о людях, которые по религиозным, идейным или иным причинам (конечно, на фоне особой психической конформации или под воздействием умелого промывания мозгов) готовы пожертвовать собственной жизнью, чтобы отобрать жизнь у других.

Следовательно, возникает вопрос: чем же должны заняться в первую очередь те службы, которым доверена наша с вами безопасность? Логикой исламского фундаментализма? Психологией атакующих самоубийств как явления? Людям ведь несвойственно жертвовать на алтари не что-нибудь — самих себя. Инстинкт самосохранения присущ всякому, будь он мусульманин, буддист, христианин, коммунист или идолопоклонник. Чтоб пересилить инстинкт, одной ненависти мало. Надо разобраться в механизмах психики… Я хочу сказать — чтоб завербоваться в камикадзе, недостаточно простого посещения мечети, где остервенелый имам ратует за священную войну. А вот если тяга к гибели пульсирует в недрах чьей-нибудь аномальной психики, значит, недостаточно закрывать мечети — людей-то

не позакрываешь.

Как же выявлять этих людей, какие проводить исследования и как организовывать надзор, чтобы они не превратились в угрозу для всех остальных граждан? Трудно сказать. Может, следует поставить этот вопрос одним из первых на повестке дня, посмотреть, не становится ли разрушительная самоотдача такой же эпидемией XXI века, как СПИД и ожирение, и не начинает ли она заражать собой другие группы населения — уже не только мусульманские.

IV. Возврат к Крестовым походам

Священные войны, страсть и разум[292]

Что наш премьер-министр в последние дни наговорил чего не надо про «превосходство западной культуры»[293], это вопрос десятый. И также десятый вопрос, что каждый способен ляпнуть нечто такое, что искренне считает справедливым, но при этом высказаться совершенно некстати. И вообще каждый может веровать во что-то несправедливое, неправильное. На свете очень много людей, которые верят в несправедливые, неправильные вещи, и к ним относится даже господин бен Ладен, пусть он еще богаче нашего с вами предсовмина и посещал лучший,

---

[292] Примечания: 292

Guerre sante, passione e ragione. La Repubblica, октябрь 2001 г.

[293] Примечания: 293

В сентябре 2001 г., во время визита итальянского премьера в Германию, Берлускони заявил перед журналистами, что западная цивилизация гарантирует соблюдение прав человека и религиозных свобод. В исламском мире, по словам Берлускони, об этом никто даже не задумывается. Более того, Берлускони сравнил «исламских террористов» с антиглобалистами. По его мнению, их объединяет стремление причинить максимальный ущерб западному миру. Г-и Верхофштадт, премьер-министр возглавлявшей ЕС Бельгии, отреагировал с гневом: «Мне даже не верится, что премьер-министр Италии мог произносить такого рода речи. Они вовсе не служат одной из главных задач сегодняшнего дня, сближению цивилизаций».

чем Берлускони, университет.

А вот что дело не десятое, а даже наоборот — первостепенное для политиков, религиозных лидеров, воспитателей, — это что некоторые неправильные слова, и даже целые пламенные писания, из которых эти слова заимствуются, становятся предметом обсуждения в обществе, занимают молодые умы, а может, и подводят молодых людей к эмоциональным поступкам.

Я беспокоюсь в основном о молодых, потому что старым голову не переделаешь.

Все религиозные войны, заливавшие кровью мир, порождались пылким заступничеством за какую-нибудь крайность, входившую в какую-нибудь упрощенную альтернативу. Мы против Них! Хорошие против плохих! Белые против черных! Если все-таки Запад захотел усвоить ценное из чужих культур — и не только со времен Просвещения по сегодня, но и в более древние времена, когда францисканец Роджер Бэкон предлагал изучать языки, «ибо многое можно перенять и у неверных», — это смогло произойти только благодаря тому, что Запад был готов отрефлексировать упрощенные альтернативы, усложнить и критически переформулировать их.

Естественно, Запад не всегда и не во все

вдавался и вдумывался. К западной культуре принадлежал и Гитлер, сжигавший книги, преследовавший дегенеративное искусство и уничтожавший представителей «низших» рас. К западной культуре принадлежал итальянский фашизм — в фашистской школе меня учили выкрикивать «Да сгинут подлые англичане». Я должен был клеймить народ, питающийся пять раз в день, — этих обжор, презираемых худощавыми подтянутыми итальянцами.

Но в западной культуре есть и ценнейшие древние основания — именно их мы должны демонстрировать молодым любых цветов кожи, если не хотим, чтобы обрушивались новые башни даже в те времена, когда эти люди еще будут жить, а вас и меня уже не будет на свете.

Однако следует делать это внимательно. Необходимо помнить, что «ценить» собственную древность — не значит «не ценить» тех людей, у которых древность совершенно иная, и не значит выстраивать на основании своих «ценных корней» тотальные представления о добре и зле.

Что касается корней… если бы меня спросили, желаю ли я прожить старость в захолустье в Монферрато, или среди дивных пейзажей национального парка Абруццо, или на сиен-

ских умопомрачительных холмах, я бы выбрал Монферрато. Это вовсе не значит, что я считаю прочие области Италии хуже, нежели мой родной Пьемонт.

Так вот, если бы в своем пресловутом высказывании (произнесенном для западных слушателей и опровергнутом перед арабскими) Берлускони оповестил мир, что ему желательней коротать век в Аркоре[294], нежели в Кабуле, и лечиться у миланского врача, а не у врача багдадского, я подписался бы под всеми его словами (за исключением Аркоре). И это даже если бы я слышал, что в Багдаде самый оснащенный госпиталь в мире. Оставаться в Милане — это для нас значит оставаться дома, дома стены лечат и укрепляются защитные системы организма.

Корни бывают обширнее, нежели область или даже страна. Если нельзя жить в Италии, для меня предпочтительнее жить в Лиможе, чем в Москве. Как, скажут мне, разве Москва не красивейший на свете город? Красивейший, но, живя в Лиможе, я хотя бы понимал бы по-французски.

В общем, каждый отождествляет себя с куль-

[294] Примечания: 294

Аркоре — городок в Ломбардии, где расположена официальная резиденция Сильвио Берлускони, в итальянских газетах описывается как берлускониевская «вотчина».

турой, в которой вырос. Иногда бывает и полная смена кожи, но это бывает редко. Лоуренс Аравийский даже одевался в то, что носили арабы, но в конце жизни он все-таки вернулся восвояси.

Теперь о сравнении цивилизаций: в этом и дело. Запад, пусть ради экономической экспансии, но все-таки интересовался другими культурами. Интерес Запада к не-Западу бывал и поспешен, и презрителен. На бытовом уровне греки называли «варварами» (то есть заиками) тех, кто не умел говорить на их языке (то есть, по их мнению, вообще не умел говорить). Однако самые продвинутые греки, такие как стоики (может быть, потому, что некоторые были родом из Финикии), быстро догадались, что варвары, хоть и издают чуждые грекам звуки, но думают примерно то же самое. Марко Поло с огромным уважением описывал обычаи и нравы китайцев. Отцы средневекового христианского богословия заказывали переводы из арабских философов, врачей и астрологов. Европейцы Возрождения даже перегибали палку, восстанавливая утерянную восточную премудрость от халдеев до египтян. Монтескье пытался понять, какими глазами перс смотрит на французов. Современные антропологи провели первичные исследования реляций

салезиан[295], обращавших туземцев бороро в христианскую веру, но в то же время пытавшихся понять, как живут эти туземцы и как они мыслят. Может, сказывалась историческая память — что миссионеры несколькими столетиями прежде не вдумались в цивилизацию американских индейцев и стали причиной их истребления.

Кстати об антропологах. Припомним общеизвестное: с середины XIX века и по сей день культурная антропология развивалась под знаком бесконечных угрызений совести: западные люди комплексовали по отношению к Другим, в особенности если эти Другие изначально бывали восприняты как дикари, как общество без истории, как примитивные люди. При первой встрече Запад с ними не миндальничал. Их «открывали», пытались обратить в христианство, выжимали из них любую пользу, многих обращали в рабство, в частности — при пособничестве

[295] Примечания: 295

Салезиане — религиозный орден, получивший имя по святому Франциску Сальскому, епископу, доктору католической церкви (XVI—XVII вв.). Монашеский орден был основан доном Джованни Боско (1815—1888), возведенным в ранг святых 1 апреля 1934 г. Дон Боско посвятил свою жизнь воспитанию проблемной молодежи, давал молодым людям образование и помогал им найти работу. Миссионерство сделалось одним из основных занятий ордена, и ныне орден присутствует в 128 странах мира (всего более 3500 миссионерских обителей).

арабов, потому что хотя рабовладельческие суда приводились в Нью-Орлеанский порт лощеными господами французского происхождения, но в Африке негров загоняли в трюмы этих кораблей мусульмане-перекупщики.

Культурная антропология (сумевшая развиться и процвести исключительно благодаря колониальной экспансии) замаливала грехи колониализма, доказывая, что культуры Других — это именно культуры с настоящими верованиями, ритуалами, привычками, логично отражающими контекст, в котором они вызревали, культуры органичные, то есть основанные на четкой внутренней логике. Задача культурного антрополога — продемонстрировать, что имеются на свете виды логики, не совпадающие с логикой Запада, и показать, что следует воспринимать эти виды логики серьезно, не презирать и не подавлять их.

Это не значит, что антропологи, интерпретируя логику Других, соглашались жить по их образу и подобию. Наоборот, за исключением редких случаев, окончив многолетнюю работу в заморских странах, антропологи возвращались доживать славную старость в Девоншире или в Пикардии. Однако, читая их книги, кто-нибудь мог подумать, будто культурная антропология находится

на позициях релятивизма и утверждает: одна культура равна другой. По-моему, это был бы неправильный вывод.

Самое большее, что говорили антропологи, это: пока Другие живут в своей собственной среде, следует уважать их образ жизни.

А подлинный урок, извлекаемый из культурной антропологии, таков: дабы сравнить, выше ли одна культура другой, необходимо иметь критерии.

Одно дело — описывать культуру, другое — определять критерии сличения. Описывать культуру в общем и целом можно достаточно объективно: в описываемой культуре люди ведут себя так-то, веруют во многочисленных духов или в одного бога, пронизывающего собой всю природу, объединяются в родственные кланы по таким-то правилам, считают, что красота — это когда нос проколот многими кольцами (последний признак характерен для молодежи современного Запада), считают нечистым мясо свиньи, делают обрезание, разводят собак, собачатина — праздничная еда.

Антропологи знают, что объективность — непростая штука. В прошлом году я был в государствах, где живут туземцы-догоны, и спросил

там мальчишку, кто он — мусульманин? Парень отвечал мне по-французски: «Нет, анимист». Поверьте мне, что анимист не может называть себя анимистом, если только он не окончил парижский университет «Эколь дез От Этюд» *(Ecole des Hautes Etudes)*, так что этот милейший отрок говорил о собственной культуре словами, позаимствованными у антропологов-туристов.

Африканские антропологи рассказывали мне, что, когда приезжает европейский антрополог, догоны, совершенно переставшие дичиться, рассказывают ему то самое, что написал о них много лет назад известный антрополог Гриоль[296] — которому, в свою очередь, по крайней мере по мнению моих образованных африканских друзей, местные информаторы наговорили довольно много бессвязных вещей, а он потом слепил их в очаровательную систему сомнительной аутентичности. Как бы то ни было, за вычетом всевозможных путаниц, можно иметь достаточно приемлемое *описание* одной культуры в другой культуре. А вот *критерии* суждения — совершен-

[296] Примечания: 296

Марсель *Гриоль* (1898—1956) — французский антрополог, много лет проживший среди племени догонов в Западной Африке. Современные антропологи не уверены в аутентичности изложенной им мифологии космического яйца и таинственных вибраций.

но иное дело. *Критерии* зависят от наших корней, от наших предпочтений, от наших привычек, страстей, системы ценностей. Приведем пример. Считаем ли мы, что удлинение среднестатистического срока жизни в стране от сорока до восьмидесяти лет есть плюс? Я лично именно так и считаю, однако некоторые мистики могли бы на это ответить, что если сравнить какого-нибудь олуха, пробездельничавшего до восьмидесяти, со святым Луиджи Гонзага[297], деятельно прожившего двадцать три года, получится, что именно второму выпала более полная жизнь. Но все же допустим, что удлинение среднестатистической жизни — ценность. Если так, западная медицина и западная наука безусловно превосходят многие знахарские практики.

Мы верим, что развитие техники, завоевание новых рынков, быстрота перевозок — плюс? Да, очень многие так думают. Тогда они имеют право считать наивысшим наше технологическое общество. Однако именно в западной цивилизации существует иное мнение: а именно, что первостепенное качество жизни — это существование в

[297] Примечания: 297

Луиджи Гонзага (1568—1591) — юноша из знатной итальянской семьи, вступивший в орден иезуитов и умерший от чумы, которой заразился, ухаживая за больными.

гармонии с неповрежденной природой. Стремясь к такому существованию, многие люди готовы отказаться от самолетов, автомобилей, холодильников, плести корзинки и передвигаться пешком от деревни к деревне, лишь бы не участвовать в усугублении озоновой дыры. Так что вы видите: чтобы определить одну культуру «выше другой», не только требуется описать ее (как антропологи) — нужно еще избрать четкую шкалу приоритетов, и другого пути, я уверен, не существует.

В эти дни я слышал много слов в защиту разных культур, всякий раз на основании достаточно спорных критериев. Позавчера я прочитал в крупной газете письмо читателя, задававшего саркастический вопрос: с чего бы это Нобелевские премии всегда дают представителям Запада и никогда не дают представителям Востока? Не говоря о том, что автор — противоестественный невежда, не слыхавший, сколько Нобелевских премий по литературе получены чернокожими писателями, а также мусульманами, и не ведающий, что Нобелевской премией по физике в 1979

году был награжден пакистанец Абдус Салам[298], можно в общем принять как данность, что научные премии естественно попадают к тем, кто работает в западной науке. Никто и никогда не подвергал сомнению, что наука и технология на Западе развиты и находятся на передовом уровне. Передовом относительно чего? Относительно науки и технологии.

Насколько всеохватен критерий технического развития? У Пакистана есть атомная бомба, у Италии — нет. Значит, мы по отношению к Пакистану низшая раса? Значит, лучше жить в Исламабаде, нежели в Аркоре?

Сторонники диалога призывают нас уважать мир ислама, напоминая, что ислам дал миру Авиценну (Ибн Сину) — кстати, Авиценна из Бухары, что совсем недалеко от Афганистана — и Аверроэса (Ибн Рушда). Очень жалко, что в ста случаях из ста упоминают этих двоих. Можно подумать, что других не было. Можно подумать, что не было Аль-Кинди, Авемпаса (Ибн Баджи), Авицеброна (Ибн Гебироля), Ибн Туфайла или великого исто-

---

[298] Примечания: 298

Абдус Салам (р. 1926) — с 1954 г. работал в Англии, является также директором Международного центра теоретической физики в Триесте (Италия). В 1979 г. вместе с Шелдоном Глэшоу и Стивеном Вайнбергом получил Нобелевскую премию за построение теории, объединившей электромагнетизм и слабые взаимодействия.

рика XIV века Ибн Хальдуна, которого Запад чтит как основоположника социальных наук. Арабы в Испании были крупнейшими исследователями географии, астрономии, математики и медицины в те времена, когда христиане находились далеко позади. Все это правда. Но все это — не аргументы. Если так рассуждать, получается, что Винчи, благородный городок в Тоскане, превосходит Нью-Йорк, потому что, когда в Винчи родился Леонардо, в заокеанском Манхэттене четверо индейцев, сидя у своего костра, еще 150 лет дожидались, когда же явятся голландские моряки, чтобы купить у них полуостров за двадцать четыре доллара. Я не хочу никого обидеть, но все же центр мира в Нью-Йорке, а не в Винчи.

Излишне припоминать, что арабы в Испании были толерантны к христианам и евреям, в то время как наши соплеменники то и дело разоряли гетто. Излишне поминать, что Саладин, когда отвоевал Иерусалим, вел себя с христианами гораздо приличнее, нежели христиане с сарацинами, когда Иерусалим завоевывали. Все это правда, но сегодня в исламском мире правят фундаменталистские теократические режимы, они христиан по голове не гладят, бен Ладен с Нью-Йорком не проявил никакого добросер-

дечия. Бактриана была перекрестком великих цивилизаций, но сегодня талибы расстреливают будд из пушек. А французы в 1572 году устроили Варфоломееву ночь, но сегодня никто не может сказать, будто французы — варвары.

Перестанем выдергивать факты из истории, тем более что она — обоюдоострый меч. Турки сажали людей на кол (ничего хорошего), но православные византийцы выкалывали глаза опасным родственникам, а христиане-католики сожгли Джордано Бруно живьем на костре. Сарацинские пираты злодействовали неописуемо, но корсары ее величества британской королевы имели королевский патент с позволением вырезать и выжигать испанские колонии на Карибских островах. Бен Ладен и Саддам Хусейн — враги западной цивилизации, но и в лоне западной цивилизации родились и выросли Гитлер и Сталин; Сталин был до того жесток, что его жестокость называют восточной, хотя учился он в семинарии, а потом изучал Маркса.

Нет, нельзя сравнивать явления истории. Будем сравнивать явления современности. Так вот современная западная культура (свободная и плюралистичная — два ее неотъемлемых ценнейших качества), надо отдать ей должное, давно

заметила, что один и тот же человек имеет тенденцию использовать две разных мерки — и даже совершенно разнокалиберных — по отношению к двум разным сферам жизни. Скажем, считая положительным удлинение среднего срока жизни, а отрицательным — загрязнение среды (выше об этом недавно говорилось), мы превосходно понимаем, что, может быть, для того, чтоб построить серьезные лаборатории, где будут изучаться методы продления среднего срока, потребуется такая система коммуникаций и энергоснабжения, которая неизбежно приведет к загрязнению среды. Западная культура воспитала в себе умение свободно обнажать свои внутренние противоречия. Может, их не удается решить, но заявляется об их существовании. В конце концов, вся полемика за и против глобализации (если не говорить в этом контексте об экстремистах в «черных комбинезонах») сводится к следующему: как сделать так, чтобы глобализация была положительной, как обойти риски и несправедливости, сопряженные с глобализацией, как продлить жизни миллионов африканцев, погибающих от СПИДа (а заодно и нашу с вами), но не допустить такой всепланетной экономики, которая уморит голодом тех, кто лечится от СПИДа, а попутно накормит загрязнен-

ной пищей тех, которые ни сном ни духом, — то есть именно нас?

Но вот как раз постоянно пересматривая параметры, Запад дает нам понять, до какой же степени все с параметрами неоднозначно. Справедливо и цивилизованно хранить банковскую тайну? Многие скажут, что конечно да. Ну а если эта тайна позволяет террористам депонировать свои капиталы в лондонском Сити? Так что же, охрана так называемой *privacy* — это плюс или минус?

Мы постоянно подвергаем пересмотру любые параметры. Западный мир делает это так отважно, что позволяет своим гражданам отвергать технологии и становиться буддистами или уходить жить в общины, где не используют резиновые шины — даже для конных повозок. Школа должна учить обсуждению и анализу параметров, на которых основываются все наши страстные высказывания.

Проблема в том, что культурная антропология еще не решила, что следует делать, когда член некоей культуры, принципы которой мы, быть может, уже научились уважать, в один прекрасный день неожиданно поселяется у нас в доме. Расизм западных граждан проявляется не по

отношению к тем анимистам, которые живут в государстве Мали (лишь бы они жили у себя, как говорит «Лига Севера»), а к тем, которые переселяются жить в западный мир. И добро еще если они просто исповедуют анимизм, просто молятся, обернувшись к Мекке. Но когда они хотят ходить в низко повязанном платке, хотят делать инфибуляцию[299] своим девочкам и если (как в некоторых западных сектах) не дают переливать кровь своим заболевшим детям? Если последний людоед Новой Гвинеи захочет переселиться к нам и жарить себе на обед не менее чем по одному упитанному подростку каждое воскресенье?

Насчет людоеда мы все дружно согласимся, что место ему на тюремных нарах. Вопрос легкорешаем и потому, что людоедов — не миллиард. Что до девиц, которые ходят в школу в мусульманском платке, не вижу трагедии. Пусть ходят, если им так нравится. Насчет инфибуляции дискуссия пока открыта. Я слышал даже, что предлагали делать инфибуляцию в поликлиниках, в гигиенических условиях. Но, например, как отвечать на многочисленные требования, чтоб мусульманских женщин фотографировали на паспорт

---

[299] Примечания: 299
Зашивание влагалища с целью обеспечения целомудрия.

в парандже?

У нас есть законы, единые для всех, законами определены критерии установления личности членов общества. Думаю, что от них отступать никому не дозволено. Когда я ходил смотреть мечеть, я же снимал ботинки. Пусть и они уважают законы и обычаи принимающей страны.

Как решить вопрос с фотографиями в чадре? Думаю, это классический пример ситуации, когда можно поторговаться. В сущности, фото на паспортах обычно имеют мало сходства и служат для того, для чего служат. Можно, наверное, ввести магнитные отпечатки пальцев и потребовать за оказание этой паспортной услуги дополнительную плату. Если потом эти женщины станут посещать наши школы, они узнают, что обладают правами, о которых понятия не имели. Точно так же многие западные люди, посещая медресе, приняли свободное решение перейти в магометанскую веру.

Размышление о параметрах позволит нам также прийти к выводу, что мы не готовы терпеть все и что кое-что для нас совсем невыносимо.

Запад выделил фонды и энергию, дабы изучать обычаи и привычки Других. Но никто не дал реальной возможности Другим изучать привычки

и обычаи Запада, если не считать школ, которые устраивались белыми в колониях, и возможностей для самых богатых Других заканчивать английские и французские университеты. Потом эти богатые Другие ехали к себе домой и организовывали фундаменталистские движения, потому что комплексовали перед соотечественниками, которые не смогли обучиться в тех университетах… История не нова, за освобождение Индии сражались интеллигенты, получившие образование в Англии.

В древние времена арабские и китайские путешественники кое-что узнавали о тех странах, куда уходит при наступлении ночи солнце. Но мы не знаем, что они знали о нас. Много ли антропологов — африканцев и китайцев, побывав и отучившись на Западе, рассказывали о нем не только своим согражданам, но даже и нам с вами, я имею в виду — рассказывали, какими они нас увидели?

Уже несколько лет существует организация «Транскультура», которая борется за «альтернативную антропологию». Эта организация позволила африканским ученым, никогда не бывавшим на Западе, приехать, изучить и описать французскую провинцию и болонское общество.

Могу вас заверить, что когда мы — европейцы — прочитали и узнали, что самыми поразившими их чертами нашей жизни являются выведение собак на прогулку и загорание у моря без одежды, — ну, доложу вам, это означало, что наблюдение наконец заработало «с обоих концов», и это привело к очень интересным дискуссиям.

В данный период, в преддверии завершающей конференции (Брюссель, ноябрь 2001 г.), трое китайцев (философ, антрополог и художник) как раз заканчивают «путешествие Марко Поло в обратную сторону». Они не только пишут путевой журнал, но и снимают все увиденное на видеопленку. Не знаю, что уж там их наблюдения смогут объяснить их сородичам-китайцам, но нам они явно смогут объяснить немало характерных особенностей нашей собственной жизни.

Представьте себе, что мусульманские фундаменталисты получают приглашение на стажировку по теме христианского фундаментализма (на этот раз католики ни при чем, речь идет об американских протестантах, которые фанатичнее аятоллы, — о тех, которые намерены изгнать из государственных школ любое упоминание о Дарвине). Ну вот, я думаю, что антропологическое исследование чужого фундаментализма

может быть полезно, чтобы лучше понять суть своего собственного. Пускай они приедут, изучат имеющуюся у нас концепцию «священной войны» (могу порекомендовать им интересные сочинения, даже и недавние). Может, тогда они покритичнее посмотрят на теорию священной войны, которую исповедуют сами.

В сущности, мы, люди Запада, раздумывали об ограниченности нашего типа мышления именно при описании *la pens é e sauvage*[300].

Одна из ценностей, о которых в западном обществе много говорится, — это приятие несходств. Теоретически мы все согласны, политкорректно говорим на людях, что кто-то гей, но дома, похихикивая, отзываемся о нем — «известен как голубой». Как же укоренить в сознании настоящее приятие несходств? *L ’ Acad é mie Universelle*

[300] Примечания: 300

«Дикарская мысль» (*La pen s é e sauvage*, 1962) — произведение французского философа-структуралиста и антрополога Клода Леви-Стросса (1908—2009), плод многолетних трудов в области общественных наук, написанный по материалам полевых исследований среди индейцев Амазонки. Исходя из ритуалов и социальных моделей поведения примитивных народов, ученый исследует ритуалы и порядки развитых цивилизаций.

des Cultures[301] создала интернет-сайт, где размещаются материалы на разные темы — «расовые отличия», «религиозные отличия», «разные обычаи» и так далее — для воспитателей в разных странах, которые будут преподавать ученикам науку приятия людей, некоторыми чертами непохожих на них. Прежде всего предлагается не морочить голову детям, не убеждать их, что все люди одинаковые. Дети превосходно видят, что кое-какие соседи по дому или товарищи по школе на них совершенно не похожи. У тех кожа другого оттенка, глаза не такого, как у них, разреза, волосы курчавее (или глаже), едят они непонятные вещи и не готовятся к первому причастию. Недостаточно заверить детей, что все мы — Божии чада, потому что и звери — Божии чада, но коза же не сидит за учительским столом и не преподает в школе арифметику.

Поэтому следует говорить детям, что человеческие существа совершенно различны, объяснять

---

[301] Примечания: 301

«Универсальная академия культур» — организация, созданная в 1992 г. в Париже группой известных интеллектуалов по инициативе Эли Визеля (р. 1928) — румынского писателя, лауреата Нобелевской премии мира. Один из пропагандируемых организацией принципов строительства общества будущего — это *m é tissage,* «смешивание» цивилизаций. «Академия» реагирует на проявления нетерпимости, на случаи гендерной дискриминации, расизм и антисемитизм, занимается борьбой с бедностью и неграмотностью.

им, к чему сводятся эти различия, чтоб потом доказать, что различия могут содержать большое богатство. Учитель в итальянском городе должен помогать ученикам понять, почему другие дети молятся другим богам и поют песни, которых не передавали по телевизору и которых нет на дисках в киоске. Естественно, в том же духе должен работать китайский воспитатель с китайскими детьми, проживающими неподалеку от христианской общины. Следующий шаг — находить нечто общее между нашей и их музыкой, рассказывать, что их Бог тоже заповедал законы добрые и вечные.

Тут же возникнет возражение: «Мы-то, допустим, станем выполнять эту программу во Флоренции, но станут ли они выполнять ее же в Кабуле?»

О, подобное возражение — самое далекое, что может быть от ценностей западной цивилизации. Мы плюралистское общество, поэтому позволяем, чтобы в нашей стране возводились мечети, и не отказываем мусульманам в мечетях лишь на тех основаниях, что в Кабуле сажают в тюрьму христиан-пропагандистов. Если бы мы отказали, мы бы сами стали талибами. Параметр несхожести безусловно — один из самых сильных и наименее

эластичных, и зрелость культуры выражается в способности действительно принимать инакое. Инакого не приемлют варвары (живущие порой в нашей с вами стране и в нашей с вами культуре). Что, в сущности, ими предлагается? Поехать на остров, где сохранились людоеды, и скушать парочку людоедов, чтоб остальным неповадно стало жрать человечину?

Будем надеяться, что, позволяя строить у нас мечети, мы доживем до того, что они позволят строить христианские церкви на своих землях или хотя бы перестанут бомбить своих будд. Тем мы исповедуем нашу веру в избранные нами параметры.

Велика сумятица на земле. Происходят странные вещи. Изначально защитой ценностей Запада занимались правые; левые же по традиции находились на происламских позициях. Однако существует и у правых интегралистский католицизм, активно интересущийся третьим миром и поддерживающий арабов.

Принято думать, что защита ценностей науки, технического развития и современной западной культуры характерна для светских прогрессистских движений. Но обратим внимание и на то, сколь важную идейную роль играла техника и

технология при всех коммунистических режимах. «Манифест коммунистической партии» 1848 года открывается восторгами по поводу буржуазного развития. Маркс не говорит, что следует повернуть вспять или обратиться к азиатскому способу производства. Он говорит только, что ценности и успехи буржуазного общества будут впоследствии экспроприированы пролетариями.

Наоборот, именно реакционная мысль (в самом благородном смысле термина), начиная с Французской революции, которую она отринула, всегда сопротивляется светской идеологии прогресса и зовет назад к исконным ценностям. Лишь немногочисленные неонацисты находят эти исконные ценности в мифах древнего Запада и приуготовляют заклание мусульман в Стоунхендже. Наиболее же серьезные адепты Предания (многие из которых — электорат неофашистской партии) черпают образы или из ритуалов и мифов первобытных народов, или из буддизма, или как раз таки именно из ислама, как из вечноживотного кладезя альтернативной духовности. Именно реакционеры напоминают нам, что Запад — не над всеми, что западная мысль иссушена идейностью прогресса и спасительно для Запада было бы устремиться в поисках истины к

суфийским мистикам и к пляшущим дервишам. Это не я говорю, это они всегда говорили.

Достаточно в книжном магазине порыться на оккультных полках.

Так что и среди правых нет единства по вопросу Запада и Востока. Доказательство великого смятения. Да и без того ясно, что непонятица в обществе великая, что никто сегодня не знает, на чьей же он, в сущности, стороне.

Но именно в такие времена нужно стремиться к аналитичности, к критичности, анализировать и собственные предрассудки, и чужие. Надеюсь, что об этом заговорят в наших школах, не только на пресс-конференциях.

Торг в полиэтническом обществе[302]

Основной принцип, которым определяются (или должны определяться) человеческие взаимоотношения, таков: желаешь избежать конфликтов и недоразумений или чьих-то нереалистичных претензий — торгуйся. Образец такого торга — восточный базар. Продавец просит десять, ты хотел бы заплатить не больше трех, говоришь, три. Продавец спускает цену до девяти, ты набавляешь до четырех, он готов на восемь, ты отваживаешься на пять, он спускает до семи. Наконец стороны договорились — шесть. У тебя ощущение победы, потому что ты набавил только три, а он понизил на целых четыре. Но торговец доволен еще больше тебя, потому что цена товара была пять. Тем не менее в общем итоге, если только ему действительно хотелось продать, а тебе купить, вы радуетесь оба.

Принцип торга главенствует не только в рыночной экономике. Он лежит в основе профсоюзной борьбы и — когда обстановка не напряженная — в основе международных отношений. Этот

---

[302] Примечания: 302

Negoziare in una societ à multietnica. La Repubblica, июль 2004 г.

же принцип — в основе многих процессов распространения культуры. Он необходим при переводе; переводя, мы неизбежно утрачиваем что-то из оригинального текста, но изыскиваем какие-то способы компенсации. Он необходим даже и при обычном обмене информацией, ты и я имеем право придавать любым терминам какие угодно значения, но если требуется прийти к удовлетворительной коммуникации, приходится договариваться о платформе общепринятых смыслов.

Одни называют дождем такую погоду, когда льет как из ведра, для других дождь — даже если едва накрапывает, но когда решается общий вопрос — идти ли на пляж или нет, — можно договориться об общем понятии «дождя», дождь — это то, когда идти на пляж не имеет смысла. Принцип торга применяется и при интерпретации текста (поэтического текста, старинного документа), ибо, как бы мы его ни истолковывали, сам по себе текст гласит то, что гласит, и это твердый неотменяемый факт. Если вода льет с неба, она льет, а если действие романа Мандзони начинается на озере Комо, оно не может начинаться на озере Гарда — это будет уже другой роман.

Если бы и впрямь, как утверждают некоторые,

на свете не было бы фактов, а только одни интерпретации, торговаться было бы бессмысленно, потому что не было бы критерия, позволяющего сравнить интерпретации и увидеть, моя интерпретация лучше или твоя. Интерпретации поддаются сравнению и обсуждению именно благодаря тому, что они приложимы к фактам. Я вычитал в газете, что один плохо информированный священник занес меня в список Учителей Зла, потому что я утверждаю, будто не существует фактов, а только интерпретации. Я спокойно отнесся к попаданию в Учители Зла (люцифериански я был бы и не прочь, но, возрастая годами и мудростью, убеждаюсь все решительнее, что я всего лишь Негодный Ученик), но я, безусловно, во всех своих писаниях всегда утверждал совершенно противоположное тому, что приписал мне этот служитель церкви. Именно таким образом интерпретации постоянно разбиваются о твердые факты, а факты, которые порой плохо поддаются интерпретации, тверды и непреложны, несостоятельные интерпретации о них разбиваются.

Прошу прощения, что сделал далекое отступление (мне оно кажется полезным), — возвращаюсь к идее торга в обществе. Торгуемся мы вот о чем.

Если бы каждый держался исключительно своей интерпретации фактов, диспут не кончился бы никогда. Необходима торговля, чтобы свести дивергентные интерпретации к точке конвергенции, пускай даже частичной, а оттуда выходить навстречу факту: факт ведь непреложен, неопровержим, и разделаться с фактом не так уж просто, как мы знаем по опыту.

Весь этот разговор (который подводит к принципу, что с неотвратимым нужно разумно торговаться) возник, когда в одном миланском лицее по просьбе родителей-эмигрантов решили учредить класс для учеников-мусульман.

Это забавная история, потому что при разумном подходе ничего бы не стоило отправить половину мусульман в один класс, половину в другой, тем самым способствуя их культурной интеграции с товарищами — носителями другой культуры и давая местным подросткам возможность узнать много для себя нового. Именно этого всем бы нам и хотелось, живи мы в лучшем из возможных миров. Тем не менее судьба распорядилась таким образом, что мир, в котором мы живем, — не самый лучший, хотя некоторые богословы и философы объясняют, что сам Господь не умел вообразить что-нибудь поприличнее и теперь

мы имеем то, что у него получилось.

Я обычно на сто процентов согласен с тем, что пишет мой друг Клаудио Магрис[303] (ладно, чтоб не смущать себя и его, скажу — на девяносто девять и девять десятых процента), но хотел бы высказать кое-какие претензии к его статье, опубликованной в прошлый понедельник в «Коррьере делла сера». Напоминая, что решение школьной администрации было определено тем фактом, что родители подростков выставили ультиматум: или будь по-нашему, или мы не пошлем детей в школу, — Магрис комментирует: «Это требование устроить гетто можно еще представить себе в устах расиста, одуревшего от ненависти к мусульманам. Представить себе как оскорбление всему на свете, и в первую очередь исламу. В устах же мусульман оно звучит как низкая карикатура на ислам. С какой стати может быть неприятно, скандально, отвратительно для мусульманского отрока иметь одноклассников — католиков, вальденсов, евреев или вообще молодых людей не крещеных и не обрезанных?

[303] Примечания: 303

Клаудио Магрис (р. 1939) — итальянский журналист и писатель, германист, выстроивший культурные мосты между Италией и Центральной Европой. Прославился эссе-дневником «Дунай» (1986) о культуре стран бывшей империи Габсбургов.

Плюрализм — соль жизни, демократии и культуры — не являет собой серию миров, замкнутых друг в друге, не знающих друг о друге. Он состоит во встрече миров, в диалоге миров, в сравнении миров с мирами».

Я, конечно, всецело готов подписаться под этими высказываниями, в частности, вот уже несколько лет я участвую в работе сайта, созданного моими друзьями и сотрудниками и рассчитанного на педагогов любых наций и стран. Сайт посвящен проблемам взаимопонимания и приятия инакости. Этот сайт можно найти через *Acad é mie Universelle des Cultures.* Ясно, что для взаимопонимания и приятия нужно вместе жить. Это следовало бы объяснить тем родителям, которые потребовали для собственных детей создания гетто. Но я не знаю специфическую картину и не могу сказать, до какой степени эти люди убеждаемы. Хотя повторяю, что под словами Магриса в общем и целом готов подписаться.

За исключением одного пункта очерка. Я не согласен с утверждением, что запрос исламских родителей «неприемлем» и что не стоит обращать на него внимание, а следует бросить в корзину. Реагировать ли на запрос, принципиально оскорбительный для наших *убеждений?*

Наши *убеждения* адресуются всегда к *Идеалу* (а этот идеал, поскольку пока что еще не осуществился, обычно обретается в будущем времени и подлежит нескончаемым обсуждениям и интерпретациям). Совсем в ином измерении находится *Факт*, который, как и положено факту, обсуждению не подлежит. Пред лицом такого факта, как извержение вулкана или как сход лавины, мы не интерпретируем, мы *действуем*, и все.

Факт, который в этот раз дается нам в своей непреложности, — это что группа родителей (все они, кажется, египтяне) заявила школьному завучу, что или им сделают отдельный класс, или дети в школу ходить не будут. Не знаю, какие у них альтернативные планы. Пошлют они детей в Египет? Лишат их вообще образования? Устроят частную мусульманскую школу? Исключим первый вариант (хотя он доставил бы удовольствие «Лиге Севера»: вышвыривать щенков на историческую родину! — читай: «давить, пока не выросли»). Второй вариант нежелателен, поскольку он лишил бы молодых иммигрантов их права на полное образование (пусть даже по вине родителей, а не государства). Значит, третье решение? Втройне нежелательно. Во-первых, оно ведет к сегрегации, во-вторых, молодые лишают-

ся возможности усвоить культуру принимающей страны, и, в-третьих, высока вероятность их изоляции и фундаментализации. К тому же речь ведь идет не о детском саде, где достаточно было бы преподавать добровольцам из родителей. Речь идет о лицее. А там науки трудные. Разве что впору будет учреждать частные исламские лицеи, приравненные в правах к государственным школам, и это вполне реально, ведь у нас много частных католических лицеев, но лично мне не очень бы хотелось, чтобы это действительно произошло: новая форма сегрегации, разъединения…

Если такова действительность и таковы альтернативы, то, получается, вполне разумно решение администрации лицея в Милане. Разумно и основано на рациональном торге. Учитывая, что, ответив родителям «нет», перспектива была не иметь этих учеников в своей школе, и скорее всего — ни в какой школе, запрос был удовлетворен «через не хочу», удовлетворен как наименьшее зло, в надежде, что через некоторое время все утрясется. Да, эти подростки-мусульмане теперь не учатся в одном классе с другими (для них это, кстати, большая потеря), но все-таки они учатся! И получают то же самое образование, которое

дается итальянским подросткам. Они изучают наш язык и нашу историю. Поскольку это не младенцы, а ученики лицея, никто им не мешает рассуждать своей головой и даже встречаться по своему выбору с итальянскими сверстниками (китайскими, филиппинскими). Нигде не сказано, что они стопроцентно солидарны с позицией своих родителей.

Кроме того, учитывая, что это лицей, где преподают кучу наук и кучу предметов, если их преподаватели действительно на высоте, они расскажут всем ученикам (и католикам и мусульманам), что хотя в Италии заведены свои обычаи, свои ритуалы и большинство жителей имеет определенные религиозные убеждения, но всем было бы интересно прочесть некоторые части Корана, например следующие:

> *Скажите! Мы уверовали во Всевышнего, в то, что ниспослано нам, а также в то, что было ниспослано Аврааму, Исмаилу, Исааку, Якубу и потомству. А также в то, что ниспослал [Всевышний Аллах] Моисею, Иисусу и то, что было ниспослано пророкам от Господа их. Для нас все пророки одинаковы [как пророки и по-*

сланники Творца]. И мы Ему [Всевышнему Творцу] покорны.

62. Воистину, уверовавшим, а также иудеям, христианам и сабеям – всем тем, кто уверовал в Господа и в Судный день, кто творил добро, уготовано воздаяние от Господа, им нечего страшиться, и не изведают они горя.

113. Говорят иудеи: «Христиане не на истинном пути». А христиане говорят: «Не на истинном пути иудеи», и при этом они ссылаются на Писание. Таким же образом повторяют их слова те, которые не знают [истины]. Аллах в День воскресения рассудит их в том, в чем они расходились[304].

Каким будет внутренний мир этих молодых людей после пяти лет обучения «в собственном соку», но все же наряду с этим, подспудно, и в атмосфере окружающей культуры — мы не знаем по той простой причине, что грядущее в лоне Аллаха. Я думаю, что в результате их внутренний мир все-таки будет богаче, нежели если бы

---

[304] Примечания: 304
Коран, 2:136.

они провели эти годы в частной школе, дважды отъединенной от мира. Все мы надеемся, что все получится отлично. Однако давно известно, что отличное — враг хорошего, а следовательно, при торге надо ориентироваться на наименее плохое. Кто знает, сколько подобных торгов нам придется устраивать в будущем, дабы избежать пролития крови в полиэтническом мире.

Принимать наименее худое, надеясь, что это не войдет в постоянную привычку, — не значит, что следует оставить усилия и бросить борьбу за достижение отличного. В частности потому, что отличное, не относясь к категории Фактов, а относясь к категории Идеалов, поддается множественным интерпретациям.

Трансляция из Иерусалима[305]

14 июля, утро. Студия! Алло! Как слышимость? У меня прекрасная, о'кей. Доброе утро. Прямой эфир из Иерусалима, я нахожусь на горе Сион прямо у ворот города. На заре была проведена разведка боем. Отсюда, где я нахожусь, просматриваются крепостные стены, как видите — в плане это квадрат. На востоке возвышение, где в древности находился Храм, теперь там Надскальный купол (мечеть Омара). На северо-западе Иродовы ворота, за чертой города — Масличная гора, на юго-западе башня Давида. Стены не только очень крепки, но и расположены таким образом, что на востоке под стеной — отвесный спуск к долине Кедрон, на западе — другая долина. Таким образом, союзники могут выбирать направление атаки из двух возможных: или с юго-запада, или с севера. Сейчас, когда солнце начинает всходить, я четко различаю большие деревянные башни, баллисты и катапульты, они перемещаются через крепостной ров и вплотную приближаются

---

[305] Примечания: 305

La presa di Gerusalemme. Cronaca in diretta. La Repubblica, июль 1999 г. Юбилейный номер (900 лет завоевания Иерусалима).

к стенам. Вы, конечно, помните, как остро стоит вопрос штурмовой техники. Город был окружен уже 7 июня. 12 июня, пойдя на поводу у одного неуравновешенного затворника, предсказывавшего блицпобеду, союзники приняли решение провести разведку боем. Попытка провалилась, и, кстати, выявилось, союзническая армия не располагает необходимым снаряжением для взятия стен. Надо полагать, командованию это было известно, но в этой войне играют роль, кроме пользы дела, и привходящие факторы. Рыцари и командиры знают, что войны выигрываются и паузами, и переговорами с противником. И в особенности — оттяжками.

Но у нашей армии имеется громоздкий арьергард. Это огромная толпа паломников, оборванцев, охваченных мистическим восторгом, мечтающих разграбить город. Это те самые, которые, проходя по долинам Рейна и Дуная, громили и жгли еврейские гетто. Неудобный контингент, он с трудом поддается организации. Думаю, что решение атаковать 12 июня было принято под нажимом этой массы экзальтированных ополченцев.

Вслед за чем наступил приблизительно месяц бездеятельности. Настоящей бездеятельности,

ибо Ифтихар ад-Давла, управляющий Иерусалимом, дал приказ отравить окологородские колодцы (город же имеет превосходные внутренние водохранилища), и христиане, в особенности латники в тяжелом вооружении, не в силах выносить адскую жару, пили гнилую воду. Пригодная вода оставалась на юге от города, но колодцы были слишком близко от городских стен. В довершение всех трудностей, возникли перебои с подвозом древесины, а древесина требовалась для постройки осадных машин. Холмы вокруг города лишены растительности, и за деревом приходилось организовывать дальние экспедиции. Что касается рабочих инструментов… Только в середине июня в порт Яффа прибыли две генуэзские галеры и четыре английских грузовых судна с канатами, гвоздями и крепежной снастью для нужд полевой инженерии. И только теперь мы наконец в состоянии атаковать противника по всем правилам войны на высоком техническом уровне.

Вот, я как раз сейчас гляжу, как подвигают к стене три трехэтажные башни. На них стоят вооруженные воины, у каждой башни имеется навесной мост, который можно накинуть на стену крепости. Проблема в том, как подойти к

этой стене крепости, то есть — как преодолеть ров. Без прикрытия, под огнем! Нелегкая задача! Несомненно, это приведет к потерям в наших рядах. Что поделать, на войне как на войне. Будем болеть за них всем сердцем.

Сколько наших ребят занято в операции? Вы не поверите! Но мне не удалось это установить! Союзнические войска христиан сформированы из многих армий, военачальники не всегда срабатываются друг с другом, я не исключаю, что некоторые цифровые данные откорректированы по соображениям престижности. Вдобавок имеется пилигримское ополчение. Я слышал, что суммарный боесостав оценивается в пятьдесят тысяч единиц. Мое личное мнение — оценка завышена. Я получил из альтернативного источника сведения, что в операции участвуют двенадцать тысяч пеших и тысяча триста конных бойцов. Самый скептичный из информаторов сообщил мне, что речь идет о тысяче конников и пяти тысячах ратников. Со стороны мавров регулярная армия насчитывает несколько тысяч арабов и суданцев, но следует принять в расчет и население города, настроенное на самооборону. Вдобавок Ифтихару пришла в голову гениальная мысль. Он выселил из города всех христиан, и

теперь их приходится кормить при наших походных кухнях. Так он освободился не только от лишних ртов, но и от пятой колонны. Он позволил остаться в городе евреям, может быть — за большие деньги или же сознавая, что наши святоносцы-паломники разорвут евреев на куски.

Нашим слушателям многократно говорилось, что экспедицию снаряжали, дабы освободить Святую землю из рук неверных и допустить в Иерусалим христиан для служения мессы. Поэтому слушатели, вероятно, удивятся, узнав, что в Иерусалиме христиане проживали безбедно, свободно молились в своих церквах. С другой стороны, вы можете припомнить, что недавно армия союзников оккупировала Вифлеем по просьбе проживающей в городе христианской общины — а это значит, что христианская община в городе проживала.

И действительно, мы шаг за шагом открываем для себя, что христианство в государстве у сарацин исповедовалось свободно и (худо-бедно) признавалось властями. Мы осаждаем город неверных, дабы дать христианам возможность туда войти, однако обнаруживается, что их как раз из-за этого оттуда выгоняют.

Это не единственный парадоксальный аспект

войны, которая в сознании одних — проведение в жизнь установки «Святые места — христианам», в глазах других — возможность совершить налет, а для третьих неизвестно, чем она является по сути. Каким-то жестоким праздником…

Мне тут сообщают, что ситуация интереснее на северо-западе, напротив Иродовых ворот. Так что я начинаю перемещаться вокруг крепости, чтобы попасть на обратную сторону. Ухожу из зоны приема. До скорого возобновления сигнала.

14 июля, вечер. Студия, как слышимость? Приступаю. Переход к воротам Ирода занял несколько часов: я держался далеко от стен, потому что со стен на меня все время летели камни. Пришлось переходить через огненные реки. Огонь на фоне ночи… Восхитительно и ужасно. Мавры владеют византийской техникой «греческого огня», постоянно запускают со своих башен огненные шары. Вот и сейчас мне лучше поменять место трансляции. Я вижу атаку мавров на наши боевые машины. Одна из наших передвижных башен подбита, от нее поднимается облако дыма. Наши пытаются спастись, спрыгивают на землю, но их косят вражеские стрелы. Верхняя половина башни рухнула на землю, из нее вылетают снопы искр, но, к счастью, она повалилась на мавров,

которые бежали назад в крепость. От этих искр загораются створки ворот… Горят ворота Иерусалима… Ну почему же наши не идут с тараном? Тут мне подсказывают, что наши боевые машины уничтожены «греческим огнем». Ничего не поделаешь. Отбой, продолжим репортаж завтра с места событий.

15 июля, утро. Слышимость плохая… Нет, о'кей, все в порядке, слышимость нормальная. Судя по сообщениям, наши боевые машины были отремонтированы. Мы снова в наступлении. Камни градом летят с наших передвижных башен на стены мавританского города. Наши тараны штурмуют ров. Старая система выстраивания клина «черепахой» хороша, но не безупречна, многие наши достойные воины пали под ударами, их место в рядах занимают новые, от вида наших машин Иерусалим содрогается до основания…

С моей новой площадки наблюдения прекрасно виден Готфрид Бульонский[306] на верхушке горы, он собирается в решающую атаку. Вот первые христиане забираются на зубцы стен, мне подсказывают, что впереди — Литольд и Жиль-

[306] Примечания: 306

Готфрид Бульонский (1060—1100) — один из предводителей Первого крестового похода, первый правитель Иерусалимского королевства (с 1099).

бер из Турне, Готфрид со своими людьми лезут за теми, мавры падают под их ударами, некоторые спрыгивают со стен и разбиваются о землю. Иродовы ворота рухнули, нет, кажется, не так, их отворили изнутри вскарабкавшиеся солдаты. Христианское воинство, кто конный, кто пеший, в боевом пылу врывается в город!

Мне говорят, что у ворот Сиона битва еще бушует… Минуточку, вот последние новости, кажется, провансальцы Раймонда из Сен-Жиля[307] вышибли Сионские ворота. Ребята Раймонда овладели башней Давида и захватили Ифтихара со всем гарнизоном, сохранив ему жизнь в обмен на огромный выкуп. Его без промедления отвезли в Аскалон, который до сих пор в руках сарацин. Враг разгромлен, победа! Исторический момент. Нет, даже чудо! Сейчас ровно три часа. Это время страстей нашего Господа! Сверхъестественное совпадение! Пытаюсь смешаться с радостной толпой, с входящей в завоеванный город армией, могу вас заверить, что это нелегкое дело, опасное дело, очень важно не попасть под лошадь… Вы меня слышите? Я вас не слышу, но репортаж из Иерусалима продолжается.

---

[307] Примечания: 307

Раймонд из Сен-Жиля (1041/2–1105) — граф Тулузский, один из руководителей Первого крестового похода.

Ну вот и я в кругу стен Иерусалима. Приходится переступать через множество темнокожих трупов, а ведь после прорыва, мне кажется, сопротивление нашему войску никто не оказывал… Беру интервью у сержанта, идущего, по-моему, в сторону христианского лагеря, — он покрыт кровью, он несет охапку драгоценных отрезов. «Сопротивление? — переспрашивает сержант. — Какое там сопротивление! Как мы вошли, эти канальи задали стрекача! Засели в Надскальной мечети. Но великий Танкред из Альтавиллы[308] захватил их до того, как они сумели навредить. Танкред поднял свой штандарт над мечетью. Значит, принял беглых под свое покровительство». Я спрашиваю сержанта, откуда могло взяться такое множество трупов. «Что за вопрос? Здесь завоевывают город, и это город нехристей. В подобных ситуациях ликвидируют и молодых и старых, мужчин, женщин и детей. Правило такое, ясно?» — «А те, оберегаемые Танкредом?» Он делает непроницаемое лицо: «Знаете, у господ свои причуды».

Мне трудно двигаться вперед, наперерез бегут

---

[308] Примечания: 308

Танкред из Альтавиллы (1061—1112) — участник Крестового похода, глава южноиталийских норманнов, завоевал княжества Антиохию и Галилею.

мавры обоего пола и всех возрастов, преследуемые нашими солдатами… Простите, прерывается голос. Я не в силах рассказать, что я вижу… солдаты христианской коалиции режут людей, убивают всех, о господи, они разбивают детей о стены домов… Разбивают им головы. Бесчинствуют не только вооруженные, те, кто — можно предположить — не избыли еще боевую ярость… Пилигримы тоже зверствуют над ранеными. Минуточку, прошу прощения у слушателей. Вот мне передали новости из синагоги. Там, мы знаем, укрывались спрятавшиеся в городе евреи. Синагога вся в огне. Еврейская община Иерусалима уничтожена пожаром. Вижу — пожилой монах в слезах. «Да, они были иудеи, нечестивые, нехристи, но зачем жечь их нынче, если их все равно ждет адский огонь? О, наши братья христиане сделались обезумевшими тварями, не подчиняются никому, даже и собственным командирам».

Алло? Как меня слышите? Совсем не слышите? Ничего удивительного, это вокруг трещат в огне дома, все падает, рушится, вопят люди, которых рубят на куски мечами и кинжалами. Господи милостивый, больше я говорить не в состоянии, извините, возобновим передачу завтра, на сегодня этот мой репортаж, прошу прощения,

заканчивается.

16 июля. Студия? Трудно подобрать слова. Иногда стыдишься своего ремесла репортера. Танкред гарантировал жизнь укрывавшимся в городской мечети маврам, но какая-то группа головорезов (говорят, что они были фламандцы) не соблюла распоряжения Танкреда, и в мечети тоже произошла бойня. Кое-кто из кавалеров даже обвинил в предательстве Раймонда из Сен-Жиля за то, что Раймонд сохранил жизнь Ифтихару. Тут все будто бы помешались. Видимо, кровь ударила в голову. Я говорил с Раймондом из Агилеры:[309] «Вокруг мечети кровавые лужи по колено. Танкред вне себя, он полагает себя обесчещенным, поскольку не сумел сдержать слово. Думаю, ни одного живого мавра, ни одного живого еврея не осталось сейчас в Иерусалиме».

Я спрашиваю: по его подсчетам, сколько тут могло быть жертв? Раймонд предполагает: семьдесят тысяч. Думаю, это преувеличение, вполне извинительное при подобном волнении. Насколько я смог разобраться, после изгнания христиан в городе осталось несколько тысяч во-

[309] Примечания: 309

Раймонд из Агилеры — монах, участник Первого крестового похода, с торжеством описывавший истребление неверных.

енных и пятьдесят тысяч мирных жителей. Ходят слухи, что кое-кому удалось спастись через бреши в стене. В общем, я думаю, что за эти два дня было убито сорок тысяч человек. Может, когда-нибудь оспорят нашу с вами оценку, скажут, что в два дня почти что нереально устроить кровавую бойню таких неохватных масштабов. Но вокруг я вижу нагромождение трупов, и зловоние под солнцем делается непереносимым.

Монах, с которым я разговаривал утром, дал мне понять, что эта резня равнозначна поражению. Если целью военного похода было учредить в этих краях христианское царство, следовало бы заручиться пониманием и поддержкой живущих на Святой земле мусульман и мирным отношением близлежащих государств. После случившегося злодейства стена ненависти выросла между маврами и христианами. Ненависть эта проживет теперь долго. Множество лет, а может быть, и веков. Завоевание Иерусалима — не конец. Это только начало длиннейшей войны.

Постойте, два слова перед отбоем. Только что мне сказали, что вчера, во время бесчеловечной бойни, Танкред из Альтавиллы, Роберт Фландрский, Гастон Беарнский, Раймонд из Сен-Жиля, Роберт Нормандский и прочие командиры боль-

шой процессией отправились благочестиво возлагать оружие на Гроб Господень и поклониться Господню Гробу, тем самым слагая с себя и обеты. Торжественную речь произнес Готфрид Бульонский. Кажется, это была очень трогательная церемония, и все будто сделались добрее и чище.

Прошу прощения, что не сумел дать прямой репортаж и осветить этот сюжет. Просто в такой мясорубке трудно было отыскать путь к нужной точке. Передача из освобожденного Иерусалима подошла к концу. Я прощаюсь с вами и передаю эфир студии.

Мисс, фундаменталисты и прокаженные[310]

Когда этот номер «Эспрессо» поступит в продажу, наверное, большинство читателей уже забудет о событиях в Нигерии, где погибло более двухсот человек из-за конкурса «Мисс Мира». Этой цифры, думается, достаточно, чтоб не оставить тему без внимания.

А может, ситуация в Нигерии еще ухудшится, даже после перенесения конкурса «Мисс Мира» в Лондон, поскольку всем абсолютно ясно, что прибытие всех этих Мисс в Нигерию было только предлогом, чтобы высвободились страсти и обрели жизнь подрывные планы совершенно иного масштаба. Действительно, невозможно понять, почему в порядке протеста против конкурса красоты следует убивать христиан и сжигать христианские церкви: не епископы же, в самом деле, отвечали за эту инициативу. Но если напряженность еще больше усилится, имеет смысл проследить, какой же предлог послужил поводом для столь кошмарной фундаменталистской

---

[310] Примечания: 310
Miss, fondamentalisti e lebbrosi. L'Espresso, декабрь 2002 г.

реакции.

Нобелевский лауреат Воле Шойинка[311], отсидевший, среди разного прочего, тюремный срок за защиту основных свобод в своем не слишком благополучном отечестве, написал об этом статью, и она перепечатана в итальянской «Репубблика». Наряду с некоторыми объяснениями, проливающими необходимый свет на нигерийскую ситуацию, Шойинка заявил (даю краткий пересказ), что не испытывает никаких симпатий по отношению к конкурсам «Мисс», ни к национальным, ни к планетарным, но на фоне озверения мусульман-фундаменталистов считает, что обязан защищать право на внимание к телу и красоте тела. Думаю, будь лично я нигерийцем, я бы чувствовал то же самое. Но поскольку я не нигериец, я хотел бы подойти к этому делу с точки зрения жителя Европы.

Совершенно необъяснимо, с какой стати ханжеское неприятие конкурса девушек в бикини должно привести к убийству двухсот человек, вдобавок не имеющих отношения к конкурсу.

---

[311] Примечания: 311

Воле Шойинка (р. 1934) — нигерийский писатель и драматург, лауреат Нобелевской премии по литературе (1986). Обучался и работал в Лондоне. В творчестве сочетает элементы родной культуры йоруба с европейским авангардным экспериментаторством.

Естественно, что при такой формулировке все встанут на защиту девушек. Однако я придерживаюсь мнения, что решение организаторов конкурса «Мисс Мира» насчет проведения мероприятия в Нигерии было огромной гнусностью. Не столько потому, что можно было предугадать, какую это вызовет реакцию, сколько потому, что устраивать ярмарку тщеславия (кстати, стоившую таких денег, что на них можно было бы прокормить целое племя и не один месяц) в такой отсталой стране, как Нигерия, где дети мрут с голоду, а неверных жен побивают камнями, все равно что рекламировать порнографические фильмы в богадельне для слепых или продавать помаду в лепрозории под плакатами с изображением Наоми Кэмпбелл.

И пусть не говорят нам, что конкурс красоты — это тоже способ влияния на дремучие умы. В подобных целях подобные средства должны употребляться гомеопатическими дозами, а не превращаться в провокацию и скандал.

Эта история — бестактность, но бестактность, рассчитанная на явно рекламные цели и с жутким цинизмом, — прямо касается каждого из нас и именно в текущий период, поскольку связана с клубком тех проблем, которые принято имено-

вать глобализацией. Я из тех, кто считает, что в каждой десятке явлений глобализации по меньшей мере пять могут быть благотворны, но если уж брать отрицательную сторону глобализации, то она — именно в насильственном навязывании слаборазвитым странам западных стереотипов с целью подвести их к западной модели потребления и привить им потребительские ожидания выше уровня их национальных возможностей. Откровенно говоря, свинство — показывать нигерийцам Мисс в бикини, приглашая покупать эти бикини, сшитые голодными детьми в Гонконге. Свинство — навязывать бикини той прослойке нигерийцев, которые сами не голодны, как те дети и как большинство остальных жителей Нигерии, тем, кто нажил деньги, обирая этих остальных голодных жителей и помогая Западу эксплуатировать их и держать в доколониальной бедности.

Так что я был бы только доволен, если бы самые заядлые антиглобалисты доехали до этой Нигерии (белые комбинезоны в равной пропорции с жуткими *black block*[312]). Белые комбинезоны

[312] Примечания: 312

Ударные боевые группы в черных масках, обычно сформированные из молодых анархистов, участники протестных митингов и манифестаций.

должны были бы мирно, но энергично надавать пинков организаторам конкурса, раздеть их, как тех девиц, до подштанников, обмазать медом, обвалять в страусовых перьях (или какое там у них пух-перо всего доступнее), и пусть бы дефилировали в таком виде по улицам и площадям Нигерии. А черным «блэк-блокам» надлежало бы встретиться грудь в грудь с нигерийскими фундаменталистами: ведь те продались западному колониализму и жиреют за счет своего недоразвитого государства. Пусть бы «черные маски» высвободили всю свою драчливость, чтобы обезвредить фундаменталистов и не допустить их к карающим акциям. Мы бы имели возможность рукоплескать (в кои-то веки) бравым воителям за мир. Если уж ты такой герой, имей, пожалуйста, храбрость избирать себе соперников пострашнее.

А как же конкурсы «Мисс»? А Мисс, под воздействием пропаганды самого мирного крыла антиглобалистов, могли бы (в кои-то веки), крутя своими сексапильными задами (в одежде), пройтись по нигерийским деревням, бесплатно раздавая тушенку и бруски мыла, антибиотики и консервированное молоко. У которой получилось бы красивее — та и стала бы победительницей.

Что же делать с преадамитами?[313]

Восемнадцать лет назад, при основании этой рубрики, я предупреждал, что не обязательно буду заниматься актуальными событиями. И что если мне приведется перечитывать «Илиаду», я смогу поделиться с читателями своими раздумьями о великой эпопее. Ну вот — в то время как нашу планету сотрясают ураганы разных войн, я нашел в букинистическом каталоге томик, за которым охотился много лет и который считал ненаходимым. Ненаходимым, потому что, как вы сейчас узнаете, эту книгу занесли в список приговоренных к сожжению на костре и туда же собирались занести автора, и, как вы можете вообразить, и типограф, и сочинитель быстро позаботились о том, чтоб уничтожить все имевшиеся в наличии экземпляры. Я купил эту книгу за довольно смешные деньги, не потому что антиквар не понимал степень редкости этого экземпляра, а потому что книжонка сама по себе маленькая, некрасивая, скучно изданная и никто (за исключением самых узких специалистов)

---

[313] Примечания: 313

Che facciamo dei pre-adamiti?. L'Espresso, апрель 2003 г.

не мечтает приютить ее на своем стеллаже. Это сборник. Он выпущен в 1655 году. В сборнике опубликованы два трактата: «Преадамиты» и «Теологическая система, основанная на гипотезе о преадамитах», принадлежащие перу протестанта Исаака де ла Пейрера. Что такого поразительного утверждал автор, чтобы заслужить под страхом смерти приговор — обращение в католицизм и подчинение решению Папы?

В ту эпоху написано много исследовательских работ о «материнском» праязыке, лежащем в основе любой цивилизации. Обычно этим праязыком считали еврейский, на котором говорил Адам. Но в то же время, примерно через полтора века после открытия Америки, стали доходить все более обильные известия о далеких, живших в Новом Свете племенах. Не будем забывать и о путевых заметках исследователей и мореплавателей, которых становилось все больше, и они заплывали все дальше, в разные диковинные страны вплоть до Китая.

И вот в вольнодумных кругах начала распространяться гипотеза, приписываемая Эпикуру

(в послании к Геродоту[314]) и воспроизведенная Лукрецием, которая гласила, что имена вещей не были розданы единожды и навсегда в избранном языке, назначенном от сотворения мира, а формировались в зависимости от тех различных восприятий, которые разные человеческие племена применяли к явлениям бытия. Так несходные племена положили начало, разными способами и в разное время, несходным семьям языков (и культур).

Исаак де ла Пейрер, кальвинист, в своей книге, интерпретируя (замечу — довольно спорно) некоторые стихи Библии в поисках каких-либо правоверных подпорок для своей совершенно не правоверной теории, пришел к идее полигенеза народов и рас. Де ла Пейрер видел, что библейская хронология, насчитывавшая только шесть тысяч лет от основания мира, чересчур куца в сравне-

[314] Примечания: 314

Диоген Лаэртский в работе «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов» приводит послание Эпикура к его ученику Геродоту: «Следует полагать, что природу нашу многому и разнообразному научили понуждающие обстоятельства, а разум потом совершенствовал полученное от природы и дополнял его новыми открытиями… Оттого и названия вещам были сперва даны отнюдь не по соглашению: сама человеческая природа у каждого народа, испытывая особые чувства и получая особые впечатления, особым образом испускала воздух под влиянием каждого из этих чувств и впечатлений, по-разному в зависимости от разных мест, где обитали народы» (x, 75. Пер. М.Л. Гаспарова).

нии с хронологиями халдеев, ацтеков, инков и китайцев, в особенности там, где дело касалось сотворения мира. Выходило, что люди существовали во времена до Адама. Но если это так, люди (которых наш автор отождествлял с язычниками, допуская, однако, что на месте язычников могли быть и иные расы) не запятнаны первородным грехом, поскольку и грех и потоп касаются исключительно Адама и Адамовых потомков на еврейской земле.

Эта гипотеза, добавлю, появлялась уже и у мусульман, которые вывели ее из Корана. В x веке Аль-Махдиси[315] намекал на то, что люди обитали на земле в предшествовавшие Адаму времена.

Понятно, какою ересью предстало это предположение. Теория Пейрера поставила под вопрос Всемирный потоп. Ведь Библия гласит, что в Ковчеге спаслись одни только родственники Ноя, а все другие племена Господь обрек на смерть. Новые же этнологические выводы гласили, что и другие племена сохранили свою культуру на земле. Хуже — из этих идей явствовало, что даже

[315] Примечания: 315

Аль-Махдиси (Мухаммад ибн Ахмад Шамсуддин Аль-Мукадцаси) — арабский географ x в., автор важного труда о разделении мира по регионам.

и страсти Христовы уже не в центре истории человечества. Лишь над малою частью людского рода тяготеет первородный грех, а следовательно, лишь малой части нужно спасаться, взыскуя Искупления. Короче, шесть тысяч лет священной истории Пейрер переформатировал в малозаметный средиземноморский эпизод. Костер — вот что полагалось за эту книгу.

Заметьте, что эту теорию де ла Пейрера кто-нибудь мог бы истолковать и в ключе расизма, в том духе, что эти самые преадамиты являются высшими существами по отношению к еврейской расе. Но сам Пейрер придерживался обратного взгляда: он жаждал экуменической открытости и был исполнен сильнейшего интереса к еврейской традиции. Он просто делал важную антиэтноцентрическую работу, пытаясь продемонстрировать, что мир и цивилизация, кроме одних только «нас», включает еще и «тех» и у этих «тех» могла быть и более длительная история, нежели история иудео-христиан.

Случайное и небольшое мое открытие начинает казаться не таким уж случайным и ну хотя бы чуть-чуть более судьбоносным именно в данное время, когда нам застит глаза благородная ярость и мы рвемся в крестовый поход против тех, кто

(как нам кажется) имеет более короткую историю, нежели наша, и менее благороден, чем мы.

Что до теорий — де ла Пейрер ошибся почти во всем, но благодаря поразительной открытости в отношении к разным человеческим цивилизациям его неприметная, порицаемая, гонимая книжонка дает нам чрезвычайно много материала для размышлений.

V. «Полное собрание» и то, что в него не поместилось

Корни Европы[316]

Этим летом газеты оживленно обсуждали вопрос: должна ли присутствовать в Европейской конституции фраза о «христианских корнях» нашего континента. Сторонники этой формулы ссылаются на обстоятельство (бесспорное), что Европа складывалась как оплот христианской культуры еще до распада Римской империи, безусловно до Константинова эдикта[317], и что если мир Востока невозможно представить себе вне религии буддизма, в той же степени невозможно представить себе Европу без церкви, без разных христианнейших королей, без богословия схоластов и без святых (примеров подвига и образцов для поведения). Противники формулы ссылаются на то, что современные демократии основаны на светских принципах. На что сторонники отвечают: светские принципы — недавнее европейское

---

[316] Примечания: 316

Le radici dell ' Europa. L'Espresso, сентябрь 2003 г.

[317] Примечания: 317

Константинов (или Миланский) *эдикт* в 313 г. даровал христианам свободу вероисповедания на всей территории Римской империи и даже определенные преимущества. На этом окончательно прекратились гонения христиан.

завоевание, наследие Французской революции. А корни-то, корни уходят в монашество, во францисканство. Противники призывают задуматься о том, чем станет Европа завтра, когда она неотвратимо преобразуется в полиэтническое единство. Программная отсылка к христианским корням помешает ассимиляции новых членов, в свете этой формулировки прочие традиции и веры (которые вполне могут стать и многочисленными, и мощными) будут оттеснены на роль миноритарных культур и культов, не равноправных, а едва терпимых.

Как видно, это не просто религиозная война, а политический проект, антропологическая концепция и необходимость принять решение, определится ли физиономия европейских народов исходя из их прошлого или же исходя из их будущего.

Разберемся же в прошлом. Развивалась ли Европа исключительно на христианских основах? Я думаю не только о тех сокровищах, которые европейская культура присваивала в течение многих столетий, черпая из индийской математики, из арабской медицины, собирая драгоценные крупицы при всех соприкосновениях с самыми далекими землями Востока, причем еще

до путешествия Марко Поло — еще во времена Александра Великого. Все культуры дают почву побегам иных, как далеких, так и близких культур, самое важное — как эти побеги прививаются. Мы, конечно, позаимствовали понятие нуля у индийцев или у арабов, хотя самое важное — как мы его использовали: именно в Европе было в первый раз заявлено, что природа основана на законах математики. Но главное — ни в коем случае нельзя забывать о греческом и римском фундаменте.

Европа построила на греко-римском фундаменте и юриспруденцию, и философию. Греко-римской стихией вскормлены и европейские народные верования. Христианство впитало в себя, не обинуясь, языческие ритуалы и мифы и элементы многобожия. Они до сих пор живучи в народном богомольстве. В Европе Возрождения изобиловали не только Венеры и Аполлоны и был новооткрыт не один только мир классики с его развалинами и манускриптами. Средневековое богословие строилось на теориях Аристотеля, передававшихся учеными арабами. Еще когда Платон в основной своей части и был неизвестен, был уже великолепно известен неоплатонизм, повлиявший на мышление отцов христианской

церкви. Без неоплатонической традиции нет Августина, величайшего христианского мыслителя.

Сама идея империи, за которую в течение тысячелетия европейские страны сражались, во-первых, друг против друга и, во-вторых, против церкви, — эта идея перенята от Рима. Христианская Европа приняла римскую латынь и для церковного служения, и для изложения философских теорий, и для формулировки законов, и для университетских дискуссий.

С другой стороны, невозможно представить себе христианство без иудейского единобожия. Тот текст, на котором вся европейская культура основывается, тот первый текст, который был прежде других отпечатан первопечатником, тот текст, переводя который Лютер практически создал немецкий язык, текст — краеугольный камень протестантского мира, — это Библия.

Европа, обитель христианства, росла и крепла под пение псалмов, под цитирование пророков, под раздумья об Иове и Аврааме. Иудейский монотеизм оказался удивительным клеем, он скрепил два единобожия — христианское и мусульманское — и дал развиться диалогу между ними.

Да и это не все. Греческая культура, по крайней

мере после Пифагора, не была бы самой собой, не впитай она в себя наследие Египта. Искусство египтян, мастерство халдеев — источники Возрождения, самого яркого художественного стиля Европы. Творческая фантазия европейцев со времени обнаружения первых обелисков и до Шампольона подпитывалась сказкой о Нефертити, тайнами пирамид, проклятиями фараонов и скарабеями.

Мне кажется совсем не лишней в рождающейся европейской Хартии отсылка к греческо-римским корням и к иудео-христианским корням нашей культуры. Желательно приписать уточнение: как раз во имя этих упомянутых корней, подобно тому как Рим распахнул свой пантеон для богов какого бы то ни было вида и вознес на высшие троны чернокожих (не забывайте, что и святой Августин был африканцем), — объединенная Европа распахнута для всех новейших веяний, этнических и культурных, причем культурная открытость как раз таки и становится самой характерной ее чертой.

Распятие, инструкция для пользователя[318]

Несколько лет назад и, в частности, в этой самой газете, раздумывая о той миграционной волне, которая меняет лицо нашего континента (о массовой миграции, конечно, отнюдь не об отдельных эпизодах), я писал, что через тридцать лет Европа станет совсем разноцветным континентом, со всеми из разноцветья вытекающими последствиями, изменениями, подвижками, стычками и компромиссами. И добавлял, что переход безболезненным быть не обещает. Полемика по вопросу «убирать ли распятия из школьных классов» — это именно одна из стычек на пути небезболезненного перехода. И тот же характер носит полемика во Франции о мусульманских платках в школах.

Он небезболезнен, процесс, не из-за политических и не из-за законных или, допустим, религиозных затруднений. Хуже то, что в этом процессе проявляют себя импульсы страстности, а страстями ведь управлять нельзя, да и спорить

---

[318] Примечания: 318

Il crocefisso, gli usi e i costumi. La Repubblica, октябрь 2003 г.

о страстях нелепо. Ситуация с этим распятием в школах — точно такая: она порождает сходные реакции (хотя и с обратным знаком) у людей, исповедующих противоположные взгляды, как у верующих, так и у атеистов.

Вот что. О страстях не спорят. Это как внушать сходящему с ума и покинутому любовнику, который на грани самоубийства, что жизнь полна и что есть на свете множество заслуживающих любви женщин, а ветреная подруга, если в ней как следует разобраться, ничего особенного собою не представляла. Бессмысленная трата слов. Ему нужна из всех женщин на свете только она, и уговоры ничего не изменят.

Точно так же ничего не изменят и юридические доводы. До сих пор у нас в стране не отменены королевские декреты, предписывавшие вешать распятие в классах. Но в тех декретах предписывалось вешать и портрет короля. Что же, нам теперь развешивать во всех школах Италии изображение Виктора-Эммануила III (Умберто никогда формально не короновали)? А любые новые декреты, уже республиканские, где предписывалось бы убрать распятия в школах в силу светскости нашего государства, привели бы к оскорблению народных чувств.

Во Французской Республике запрещено употребление религиозной символики в государственных школах. Нельзя вешать распятия, нельзя и надевать в школу шаль, если, конечно, относиться к шали как к религиозному символу. Французская позиция рационально приемлема и юридически безупречна. Она исходит из того, что современная Французская Республика родилась из антицерковной революции. В отличие от Андорры. Андоррой совместно управляют французский президент и епископ Урхельский. В Италии же неслучайно даже Тольятти убеждал своих сторонников проголосовать за Седьмую статью конституции.

Французская школа неукоснительно светская. И тем не менее в республиканской Франции вызрели многие мощные течения современного католицизма (течения правые и левые, Шарль Пеги и Леон Блуа, Маритен и Мунье, священники-рабочие). Фатима находится в Португалии, но Лурд-то во Франции! От вывода религиозных символов из французских школ французская религиозность не захирела.

В итальянских университетах распятия не вешают. Но студенты по-прежнему вступают (и в немалом количестве) в «Комунионе э либера-

ционе».

И обратный пример: по меньшей мере два поколения итальянцев провели школьные годы в помещениях, где красовалось распятие между портретом короля и портретом дуче, и эти итальянцы стали кто атеистами, кто участниками Сопротивления, кто (большинство) сторонниками Республики. Можно прийти к заключению, что размещение священных символов в школах не влияет на духовную эволюцию учащихся.

Можно прийти и к заключению, что демонстрация священных символов не прямо соотносится с религиозностью. Нет, принципиальная связь, конечно, есть: распятие в школьных классах намекает на то, что мы страна христианской и католической традиции, а следовательно — объяснимо, что церковные круги противятся снятию распятия. Но эта принципиальная связь контрастирует с сигналами, я бы сказал, социального характера. В истории европейской культуры известны случаи, когда распятие демонстрируют совсем не с благочестивыми целями, и это началось не вчера. Распятия, усыпанные драгоценными камнями, сияли на открытой груди куртизанок и блудниц. Все помнят рассказ о кар-

динале Ламбертини[319], который, узрев распятие в роскошном декольте прекрасной дамы, заметил: сладко было бы умереть на такой Голгофе. Цепочки с крестиками болтаются на шее у девиц, ходящих с открытыми пупками и в мини-юбках. Культура масс воспринимает символику креста более чем вольно, однако никто и никогда не создает из-за этого проблем. В городах кресты торчат где угодно, не только на колокольнях. Они уже давно сделались для нас просто частью городского пейзажа. Полагаю, что не из-за антицерковных чувств на шоссейных дорогах заменяют перекрестки кольцевыми развязками!

Обращаю внимание также, что полумесяц (мусульманский знак) присутствует на знаменах Алжира, Ливии и Мальдив, Малайзии, Мавритании, Пакистана, Сингапура, Турции и Туниса (а ведь даже говорят о возможном вступлении Турции в Европу, поскольку она-де формально светское государство, даром что на ее флаге изображен религиозный символ). Кресты присутствуют на знаменах светских государств, таких как Швеция, Норвегия, Швейцария, Новая Зеландия, Мальта, Исландия, Греция, Финляндия,

[319] Примечания: 319

Кардинал Проспер *Ламбертини* (1675—1758) — Римский Папа (1740—1758) под именем Бенедикта XIV.

Дания, Австралия, Великобритания, и прочие. Многие итальянские города, в том числе где левые управляют горсоветом, имеют в городском гербе крест. Никто не возражает против этого. Все это были бы бесспорные основания, дабы позволить и по-прежнему распятиям оставаться в школах, но, как мы видим, все эти мысли не имеют касательства к истинной религиозности. Жутко говорить такое перед верующими. Однако крест в наше время уже давно стал художественным, всеобъемлющим символом.

Естественно, можно было бы для компромисса повесить в школьных классах простой и голый крест, какие бывают в приемных у архиепископов; этим можно было бы избежать чересчур явных отсылок к специфической религии, но понимаю, что в сегодняшние времена подобный шаг будет истолкован как удар по позициям католиков.

Суть проблемы, по-моему, не здесь. Предлагаю снова вспомнить об импульсах страстности. В нашем мире существуют ритуалы и виды поведения, символизирующие либо принадлежность к вере, либо же бунт против всех вер. Религиозные условности все мы обязаны уважать. Всякая неверующая посетительница, заходя в христи-

анскую церковь, прикрывает плечи и руки, в противном случае она пойдет не в церковь, а в музей. Я, один из самых несуеверных людей на свете, обожаю проходить под лестницами[320], но иные мои друзья, и неверующие, и вообще антиклерикалы, верят в тысячу предрассудков, боже упаси рассыпать в их присутствии соль на стол! Это, думаю, забота их психолога (или персонального экзорциста). Но если я приглашаю друзей на ужин и вдруг почему-то за столом нас оказывается тринадцать, я срочно зазываю четырнадцатого или усаживаю одиннадцать за основной стол и двоих за дополнительный. Мне самому смешно, но — уважаю чувствительность, привычки и даже предрассудки окружающих.

Досадливые, гневные высказывания, звучащие в последние времена нередко — и даже из уст агностиков, — свидетельствуют о том, что крест — часть культурной антропологии и его символичность неизбывно впечатана в коллективное воображаемое. На это следовало бы обратить

---

[320] Примечания: 320
Европейская дурная примета.

внимание Аделю Смиту[321]: если мусульманин желает переселиться в Италию, не поступаясь своими религиозными принципами, более того — именно в целях защиты этих своих принципов, ему бы следовало усвоить привычки и обычаи принимающей страны.

Приезжая в мусульманское государство, лично я пью алкоголь только в гостиницах для европейцев и не разгуливаю по улице перед мечетью, отхлебывая виски из горла. Если кардинала приглашают с лекцией в мусульманскую школу, он соглашается выступать в зале, где развешаны на стенах суры Корана.

Единая Европа, где все больше неевропейцев, должна основываться на взаимной терпимости. Пользуюсь случаем поспорить с моей приятельницей Элизабеттой Рази, которая недавно на страницах «Коррьере делла сера» заметила, что «терпимость» стала уже походить на расистское слово. Напомню, что Локк в свое время издал послание о терпимости и что небольшой трактат

[321] Примечания: 321

Адель Смит (христианское имя Эмилио, р. 1960) — полуитальянец-полуегиптянин. Перешел в мусульманскую веру, приглашал Папу Иоанна Павла II перейти в нее же, требовал убрать распятия из итальянских школ. Неоднократно попадал под арест за хулиганство.

о терпимости принадлежит перу Вольтера.[322]

Возможно, дело в том, что ныне слово «терпеть» уже употребляется в уничижительном смысле (я буду терпеть тебя, хоть и считаю тебя низшим существом, терпеть со своей высоты), однако концепция терпимости имеет свою историю, свое философское достоинство и ориентирует на взаимопонимание поверх различий.

В школах будущего не надо затушевывать различия, а всю педагогику надлежит бросить на то, чтобы эти различия обосновывать. Сколько уж говорят о том, как отлично было бы преподавать в учебных заведениях историю религий параллельно с законом божиим (но не во время альтернативных уроков для некатоликов) — хотя бы час в неделю, так чтобы даже и ученикам-католикам стало ясно, о чем говорится в Коране или о чем там думают буддисты, и чтобы все они вместе — евреи, мусульмане, буддисты и католики — лучше понимали, откуда берется и что утверждает собою Библия.

Призываю, таким образом, Аделя Смита и

---

[322] Примечания: 322

Имеются в виду «Письма о веротерпимости» (*Epistola de Tolerantia*, 1685—1689)

Локка и сочинение Вольтера «О веротерпимости» (*Trait é sur la Tol é rance*, 1763).

нетерпимых фундаменталистов: понимайте и принимайте обыкновения и нравы принимающей страны. Призываю принимающие страны: пусть ваши нравы и обыкновения не превращаются в навязывание ваших вер.

При всем при том еще всех призываю выгородить и предоставить людям необходимейшие «теневые зоны» — уютные, бесконфликтные, куда не заглядывают прожектора разума.

О душе зародышей[323]

Вот идут споры об опытах над эмбрионами. Высказываются несходные мнения. Никто почему-то не вспоминает об одной давней тяжбе, в которой участвовали главные мыслители христианского богословия. Дискуссия эта старинная — все пошло от рассуждений Оригена, думавшего, будто Господь начал с того, что сотворил души людей, а к телу перешел после этого. Его немедленно оспорили, указывая, что во Второй Книге Бытия говорится: «И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душею живою»[324]. Значит, Библия гласит, что первым делом создается Богом тело, а затем инсуфлируется душа. Но эта теория уперлась в проблему передачи первородного греха. Поэтому Тертуллиан выдвинул идею, что душа родителей «переводится» от родителей к их чадам, местопребывая в семени. Идею моментально объявили ересью, поскольку

---

[323] Примечания: 323
Sull ' anima degli embrioni. L'Espresso, сентябрь 2000 и март 2005 г.

[324] Примечания: 324
Бытие, 2:7.

выходило, будто душа материальна.

Кто оказался этим смущен, так это святой Августин, вынужденный иметь дело с пелагианами[325], опровергавшими возможность передачи первородного греха по наследству. Поэтому, с одной стороны, Августин поддерживал креационистскую теорию (против идеи материального «перевода» греха), а с другой — признавал возможным «перевод» греха не материальным, а духовным путем. Однако всеми комментаторами отмечается, что подобная позиция — сильно вымученная. А вот святой Фома Аквинский занял решительно креационистскую позицию и, защищая ее, сумел решить вопрос первородного греха изумительно изящно. Он провозгласил, что первородный грех переводится с семенем, как инфекция (*Summa Teologica*, I—II, 81, 1), но перевод греха — это совершенно не то, что перевод разумной души. Душа создается Господом, душа

[325] Примечания: 325

Пелагиане — последователи Пелагия из Бретани (ок. 360—427 гг.), преуменьшали значение важнейших основ христианства — воплощения и воскресения. Были отринуты церковью на Карфагенском синоде в 418 г. за утверждение, будто спасение человеческой души возможно и без участия Божией благодати и что люди свободны от первородного греха — грех тяготеет только над Адамом. Святой же Августин, современник Пелагия, утверждал, наоборот, что безвиновен один Господь, что люди могут достигать благодати только с помощью Господа, и утверждал, будто душа наследуется (переводится) от отца к сыну.

не может зависеть от телесной материи.

Вспомним, кстати, что, по мнению Фомы, растения имеют растительную душу, в животных впитывается душа чувствительная, а как доходит до человеческих существ, то прежние две функции (растительная и чувствительная) впитываются душой разумной, и как раз таки разумная душа придает человеку ум (а также, замечу в скобках, делает из человека личность, поскольку личностью является, согласно старинной традиции, индивидуальная субстанция в рациональном естестве).

Представление Фомы о зародыше — чисто биологическое. Фома считает, что Господь вводит разумную душу, лишь когда зародыш поэтапно впитает в себя сначала растительную душу, а вслед за этим душу чувствительную. Только на этом этапе, и в уже сформированное тело, врождается разумная душа (*Summa*, I, 90). У эмбриона есть только душа чувствительная (*Summa*, I, 76, 2 и I, 118, 2). В «Сумме против язычников» (*Summa contra gentiles*, II, 89) повторяется, что есть особый порядок, особая постепенность в порождении «по причине тех многих промежуточных форм, которые принимает плод по очереди, со времени образования и до принятия окончательного

вида».

На какой стадии формирования плода совершается вдухновение той интеллективной души, с которой плод — уже полноправная человеческая личность? Традиционная доктрина очень осторожно высказывается на эту тему. Пьетро Карамелло в своем комментарии к академическому изданию трудов Фомы, признавая, что томистское учение утверждает, будто душу всылают в оплодотворенную яйцеклетку «уже тогда, когда яйцеклетка снабжена удовлетворительной организацией», добавляет, что «согласно современным авторам» начало органической жизни наличествует уже в оплодотворенной яйцеклетке. Но комментарий этот очень опасливый, потому что началом органической жизни могут считаться и растительная, и чувствительная душа.

Наконец, в «Прибавлении к *Summa Theologica*» (80, 4) сказано, что зародышам не будет плотского воскресения, если в них не вдухновлена разумная душа. То есть после Страшного суда, когда тела мертвых восстанут, дабы и наша плоть вошла в Царствие Небесное, и когда, согласно св. Августину, оживут в полноте красоты и взрослости не только те, кто мертворожден, но и (приобретя

совершенный, прекрасный облик) уроды, страхолюды, увечные, безрукие и безглазые, — в этом воскресении плоти зародыши участвовать не будут. В них не была вдухновлена душа разумная, и поэтому они — не существа человеческого рода.

Конечно, церковь, хоть и медлительно и подспудно, все же сменила в течение своей истории так много концепций, что прекрасно могла бы переменить и точку зрения на «личность» эмбрионов. Но, что характерно, тут все уперлось в твердое «нельзя» начальства — да не какого-нибудь, а самого главного начальника, столпа католического богословия.

Это подводит к любопытным выводам. Мы знаем, что католическая церковь долго бойкотировала теорию эволюции, видя в ней не опровержение библейского рассказа о семи днях творения, а отрицание главного прыжка, чудесного перескока от дочеловеческих форм жизни к человеку. Она видела в теории эволюции нивелирование различия между обезьяной, низкою тварью, и человеком, в которого вдухновлена душа разумная. Так вот, сегодня баталия (несомненно неофундаменталистская) в пользу предполагаемой защиты жизни, провозглашение эмбриона человеком на основании того, что он человеком

способен стать, похоже, приводит самых рьяных воителей на те же позиции, которые защищали в старину материалисты-эволюционисты: что нет изменения качества (описанного святым Фомой) в ходе всей эволюции между животными и людьми, что жизнь имеет одно и то же качество всегда. И как недавно написал Джованни Сартори[326] в «Коррьере делла сера», хорошо бы понять, не путаем ли мы защиту живой жизни с защитой человеческой жизни, ибо в стремлении оборонить любую жизнь любой ценой можно объявлять убийцами не только тех, кто изливает семя всуе, без умысла продолжить род, но и тех, кто ест куриц и прихлопывает комаров, не говоря уж о покушении на жизнь овощей. Вывод: нынешняя неофундаменталистская ориентация католицизма не только оказывается по существу протестантской (это было бы наименьшее зло), но и сужает взгляды христиан, принуждая их становиться на позиции материалистические и в то же время пантеистические чуть ли не вплоть до восточного панпсихизма, гуру которого не снимают со рта тряпицу, повязанную, дабы при вдохе и выдохе не причинялось зла каким-ни-

[326] Примечания: 326
Джованни Сартори (р. 1924) — итальянский политолог.

будь микроорганизмам.

Я не намерен высказываться по такому деликатному вопросу. Я только описываю исторически-культурный парадокс, интересную чехарду мнений. Видимо, католики подпали под обаяние проповедников нью-эйджа.

Случайность и Промысел[327]

Казалось, они ушли в далекое прошлое. Или, казалось, за ними надо ехать в «библейский пояс» США[328] — в самые дремучие штаты, коснеющие в дикарском фундаментализме, в штаты, которые только Буш воспринимает серьезно, да и то в последние месяцы перед выборами… Однако же нет — вот они. Снова покушения на теорию Дарвина. Дошло до выкриков о необходимости убирать Дарвина из программы общеобразовательной школы. Нашей школы, обратите внимание — из программы итальянской католической школы.

Я так напираю на «католичность», потому что христианский фундаментализм обычно бытует в *протестантских* средах и характеризуется стремлением буквально толковать Писание. Но чтобы толковать Писание буквально, необходимо, чтобы верующие толковали Писание свободно. А

---

[327] Примечания: 327

Il caso e il disegno intelligente. L'Espresso, ноябрь 2005 г.

[328] Примечания: 328

«Библейский пояс» (Bible Belt) — термин, использованный впервые в 1920-е гг. американским журналистом, эссеистом, критиком и лингвистом Генри Луисом Менкеном (1880—1956) для общего наименования южных и среднезападных штатов, где среди населения преобладают протестанты-фундаменталисты.

свободно они толкуют Писание в протестантстве. У католиков не бывает фундаментализма. Потому-то и имела место религиозная война реформаторов с контрреформаторами. Потому что у католиков толкование Писания — это прерогатива и забота церковников.

Так вот о толковании церковниками Писания. Уже у отцов церкви и даже раньше — у Филона Александрийского развилась гибкая герменевтика, та, что оформилась окончательно у святого Августина. Августин принял за данность, что Библия говорит переносными смыслами (то есть метафорами и аллегориями), а следовательно, вполне возможно, Библия говорит переносными смыслами, что семь дней творения — это на самом деле семь тысячелетий. И после Августина в христианской церкви закрепился в виде нормы именно этот подход к толкованию.

Если считать, что «семь дней творения» сказано в поэтическом смысле, а реальный смысл сказанного приходится угадывать, Книга Бытия нисколько не противоречит Дарвину. Сначала Большой взрыв — фонтан света, потом принимают форму планеты и на Земле совершаются большие геологические сдвиги (суша отделяется от моря), потом появляются растения, плоды,

семена, в водах кишат живые существа (жизнь зачинается в воде), взмывают в воздух птицы, затем прибегают на своих лапах млекопитающие (не прояснена генеалогическая ситуация с гадами, но вряд ли стоит столь многого ждать от Книги Бытия).

Только в конце и в кульминации этого процесса (следовательно, после крупных антропоморфных обезьян) появляется человек. Человек, что немаловажно, создан не из ничего, а из грязи — то есть из уже имеющейся материи. Самый выраженный эволюционизм, какой только можно представить. Описанный очень высокопарно, но тем не менее.

За что цеплялось католическое богословие, чтобы отмежевываться от материалистического эволюционизма? Не только за то, что все-де было творением Божиим (это само собой ясно), но и за тезис, что в эволюционном развитии на некоей ступени лестницы имел место великий прыжок. Господь вживил в смертное существо бессмертную разумную душу. Именно вокруг этого момента идет спор сторонников материальности со сторонниками духовности.

В США сейчас вовсю развернулась кампания с целью ввести креационистскую доктрину

в программу общеобразовательной школы, а дарвиновское учение обозвать «гипотезой» (помнится, Галилей тем и спасся: сказал, что его теория — гипотеза, а не открытие). Интересно в этой американской кампании вот что. Чтобы она не выглядела борьбой религиозной доктрины против научной теории, у них там принято говорить не столько о Сотворении, сколько о «Промысле». То есть, иными словами, «мы не навязываем вам неправдоподобную картинку — бородатого антропоморфного Иегову. Мы хотим только, чтобы вы думали, что если эволюционное развитие и имело место, оно совершалось не произвольно, а согласно определенному проекту, а проект явно был кем-то замышлен».

То есть идея Промысла допускает, если угодно, даже Бога-пантеиста на месте трансцендентного Господа.

Но вот что интересно: пропагандисты этой теории не учитывают, что Промысел не исключает случайного процесса, дарвинистского, идущего путем проб и ошибок. Процесса, при котором сохраняются те особи, что делают меньше ошибок и лучше приспосабливаются к среде в ходе борьбы за выживание.

Возьмем самое благородное из всех вообрази-

мых проявлений Промысла — то есть художественное творчество. Микеланджело рассказывает нам в своем знаменитом сонете, что ваятель перед куском мрамора не знает, какая статуя будет извлечена оттуда, что скульптор идет по пути проб, отсекая лишнее, высвобождает статую из пустой породы. Что за статуя там внутри — Моисей ли, Раб ли, — художник узнает только в конце работы, состоявшей из интуитивных попыток.

Вот так же, как чернила, карандаш
Таят стиль низкий, средний и высокий,
А мрамор – образ мощный иль убогий,
Под стать тому, что может гений наш…[329]

Промысел, следовательно, являет себя через комбинацию то принятий, то отторжений вариантов, подсовываемых Случаем.

Естественно, хочется понять, что же первичнее — Промысел, который склоняет нас принять один вариант, отторгнуть другой, или Случай, который приуготавливает нам и первый, и второй, и сотый вариант для нашего приятия или отторжения, тем самым утвердившись в качестве единствен-

---

[329] Примечания: 329
Микеланджело Буонарроти, сонет 50; перевод А.М. Эфроса.

ного Разума, и тогда Случай тождествен Богу.

Вопрос непростой. В этом очерке мы его не решим. Но, может быть, полезно будет всем понять, что и с философской, и с богословской точки зрения этот вопрос замысловатее, нежели его хотят представить, навязывая нам, фундаменталисты.

Руки прочь от Моего Сына![330]

Ну да, да, да. Понимая, что от вопросов не укроюсь, я пошел в кино и посмотрел эти «Страсти Христовы» Мела Гибсона. И даже заблаговременно: еще до выхода фильма в Италии. Я посмотрел его за границей (где он хотя бы, надо отдать им должное, запрещен детям до шестнадцати). На каком языке смотреть — не имеет значения, все равно там все говорят по-арамейски, за исключением римлян, которые визжат «И!»[331] в смысле «Пошел отсюда на хрен!».

Должен сразу заявить, что фильм, технически виртуозный, совсем не содержит того, в чем его обыкновенно обвиняют, — ни антисемитизма, ни воинствующего христианства, пронизанного жестокой мистикой, ни чего бы то ни было подобного, — а являет собой зубодробительный и кровавый боевик, состряпанный для выколачивания денег из публики путем показа насилия и пыток. «Криминальное чтиво» в сравнении с

---

[330] Примечания: 330
Gi ù le mani dal mio Figlio! L'Espresso, апрель 2004 г.

[331] Примечания: 331
I — иди *(лат.).*

этим — мультфильм для детсада. А в гибсоновских «Страстях» от детсадовских мультфильмов есть только специфическое отношение к смерти и увечьям: точно как Тома и Джерри можно раскатывать асфальтоукладчиком, превращать в компакт-диски, скидывать с небоскребов, раскалачивать на тысячу кусков, давить дверями, так и в «Страстях» льются гектолитры крови, явно подвозившиеся на съемочную площадку цистернами; чтобы ее набрать столько, обзванивали вампиров со всей Трансильвании.

В фильме нет религиозности. Иисус без лишних затей выводится в том облике, который описывают детям перед первым причастием: то есть очень хороший, и все. Отношения с Отцом, правда, у Иисуса истерические и нисколько не божественные. Такие отношения могли бы иметь место между Чарли Мэнсоном и Сатаной. Сатана, впрочем, своим чередом время от времени показывается в фильме — он кривенький, косенький и педерастический, а от немереной груды кровяных шариков его тошнит, как и меня, и вас. Хуже всего финальная сцена воскресения, более близкая к анатомическому пособию, нежели к «Сумме теологии».

От дивного евангельского недоговаривания

в этом фильме не осталось ничего. Здесь все представлено выпукло и зрелищно, все то, о чем Писание не говорит, оставляя верующим пространство для молчаливого раздумья о наивысшем самоотречении в истории человечества. Там, где в Евангелии сдержанно сказано, что Христа бичевали (по три слова у Матфея, Марка и Иоанна и ни одного слова у Луки), Гибсон сначала закатывает Иисусу порку прутьями, потом — ремнем с металлическими бляшками, потом всыпает еще батогами, покуда Христос не отделан ровно так, как публике нравится — в рубленое мясо, в непрожаренный гамбургер.

Ненависть Гибсона к Назареянину, видимо, не имеет пределов, и бог знает какие детские травмы режиссер выместил на все более кровоточащем Спасителе. Видимо, консультанты не позволили ему подключить электроток к половым органам и вкатить Иисусу бензиновую клизму. Хотя это был бы шанс еще лучше довести публику до дрожи перед таинством Искупления.

Антисемитизм? Ну, наверное, когда планировали этот сплэттер по модели обычных вестернов, учитывали: зрителю требуется идентификация с хорошими против плохих, поэтому плохие должны быть до того уж плохи, что хуже просто

не бывает. Священники Храма типичные гады, но еще паскуднее римляне, похожие на Черного Питера, когда он пристегивает с хихиканием Микки-Мауса к креслу для пыток.

Гибсон, наверное, пораскинул мозгами и пришел к выводу, что, если выставить (вслед за Астериксом) главными плохишами древних римлян, будет скандал на Капитолии и ничего особенно страшного, а вот с евреями надо обращаться аккуратно, зацепи их только — полыхнет по всему миру, мало не покажется. С другой стороны, особой аккуратности никак нельзя ожидать от сплэттера. Спасибо Гибсону и на том, что, спохватившись, он показал троих евреев и троих древних римлян поприличнее прочих, способных испытывать сомнение (они обращают взгляды на публику с немым вопросом: «никак переборщили?»), но это их задумчивое выражение только усиливает в зрителе чувство, что абсолютно все в этом фильме непереносимо. Если, конечно, зритель не сблевал еще до этого при виде жижи, текущей из подреберья.

Гибсон с лету схватил идею, что Иисус пострадал перед смертью. И развернул ее подобно Эдгару По. Тот работал по принципу: если описывать смерть, пусть это будет смерть хорошенькой

женщины. У Мела Гибсона нечто сходное: если уж мучить и пытать, возьмемся пытать Сына Божия. Гибсон выжал из сюжета сто процентов возможностей, и могу сказать, что когда Христос наконец испускает дух и перестает терзать (или радовать) нас и разражается буря-ураган, трус земли, с разрыванием покровов Храма, зритель испытывает хорошее чувство — потому что пусть в метеорологической форме, но наконец проявляет себя духновение той надмирности, которая во всем остальном фильме совершенно преступно отсутствует.

Вседержитель дает слышать свой голос. Те из публики, в ком жив здравый смысл (а также, надеюсь, те, в ком имеется вера), четко чувствуют, что Отца Небесного очень сильно достал режиссер Мел Гибсон.

Привесочек

Эта моя «Картонка Минервы» вызвала на интернет-сайте «Эспрессо» много разговоров. Как и можно было предвидеть, некоторые были «за», а некоторые «против». Но среди множества тех, которые были против (выведя за скобки тех, кто прямо называет меня приспешником жидовского

лобби), большая часть пеняет на то, что я иронизирую над страстями Христа (исторического), а не над «Страстями» Гибсона.

Прихожу к выводу, что для этих оппонентов не существует различия между Христом фильма и Христом Евангелия. Они не отдают себе отчета, что смотрели в фильме на актера, загримированного Христом, а не на живого Иисуса. Отождествлять репрезентацию с репрезентуемым — одна из современных форм идолопочитания. Как бы то ни было, я в восторге от лучшей записи на сайте: «Эх, Умберто, обломал кайф, рассказал, чем кончается».

Те, кто больше не верит в Бога, верят во все подряд[332]
Верят в Нулевой год [333]

Конец 2000 года нашей эры приблизился, и во всех газетах, а также у всех на устах — разговор о том, что третье тысячелетие наступит через секунду после удара часов в полночь 31 декабря 2000 года.

Ничто не способно сравниться по летучести с газетной и журнальной информацией, и, возможно, читатели газет уже позабыли ожесточенную прошлогоднюю полемику. Громадная коммерческая махина, охватывавшая и агентства путешествий, и рестораны, и производителей шипучих вин, решила, что 31 декабря 1999 года кончалось второе тысячелетие и в 2000 году наступало третье. Тщетно порывались математики воззвать к здравому смыслу, убеждая все общество, что если счет начинается с единицы, числа

---

[332] Примечания: 332

Это высказывание приписывают Честертону, но Американское Честертоновское общество утверждает, что фраза — синтез нескольких высказываний.

[333] Примечания: 333

Credere all ' Anno Zero. L'Espresso, декабрь 2000 г.

с нулями замыкают (а не открывают) каждую десятку, каждую сотню и каждую тысячу. Армандо Торно[334] на страницах «Коррьере делла сера» только что воспроизвел всю историю с начала, но и ему пришлось признать, что очарование двух нулей уже не в первый раз торжествует над логикой и день рождения XX века праздновался в 1900 году вопреки здравому смыслу и арифметике.

Ну бог с ним, сила двойного нуля одержала победу над здравым смыслом, и естественно, что потребительское общество этим воспользовалось и что наши современники подняли бокалы за третье тысячелетие в последний день 1999 года, а в отношении 2001 года испытывают лишь несильное возбуждение, как перед приходом любого другого новогодия.

Так уж устроены люди. Но я тем не менее помню, что в прошлом году, стоило мне заявить в «Эспрессо», что мы еще не распочинаем новое тысячелетие, как в редакцию полетели письма, содержавшие хитроумнейшие расчеты, имевшие целью продемонстрировать, что тысячелетие должно было начаться год назад, с притянутым за

[334] Примечания: 334

Армандо Торно (p. 1954) — критик, эссеист, заведующий культурным отделом в газете *Il Sole 24 Ore*.

уши Дионисием Малым[335] и с предположением (абсурдным), будто в каком-то их альтернативном календаре существует нулевой год (из чего следует единственный вывод, а именно — что через двенадцать месяцев после рождения Иисуса Христа ему должно было исполниться ноль лет).

Интересно, что среди писавших были не только легковеры, будущие участники передачи «Большой Брат», фанатики новогодних кексов[336] и тихоокеанские лемминги. Там были лучшие ученые, философы, лингвисты, герменевтики, афористы, языковеды — специалисты по романским языкам, энтомологи и археологи. Как могло произойти, что такие образованные люди всею душой своей желали, чтобы миллениум начался в году 2000-м? Если им так хотелось отпраздновать двойное новогодие, почему они не отправлялись на острова Южных морей или на Алеуты?

Чтоб разобраться в этом, припоминаю, как я

---

[335] Примечания: 335

Дионисий Малый — канонист ранней христианской церкви. Около 500 г. прибыл из Византии в Рим. Составитель «Сборника церковных правил» и трудов по хронологии: от него ведет свое начало нынешнее летоисчисление от Рождества Христова, которое он датировал 754 годом от основания Рима, допустив, по исчислениям позднейших хронологов, неточность в четыре года; якобы в действительности год рождения Иисуса — 750-й от основания Рима.

[336] Примечания: 336

Имеются в виду *panettoni,* миланские новогодние куличи с цукатами.

был маленький и погружался в грезы над Сальгари и другой приключенческой романтикой, пытаясь вообразить, какими же будут чудеса 2000 года. Сердце так и екало: увижу ли двухтысячный год? После должных подсчетов я приходил к выводу, что в двухтысячном году мне исполнится шестьдесят восемь лет. Не успеть мне, горестно размышлял я тогда. Дожить до таких годов… Но потом я припоминал, что встречался с людьми и семидесятилетними (а также слыхивал, что земную жизнь проходят до половины к тридцати пяти годам), и из этих предпосылок получалось, что, если повезет, могу и успеть. Признаюсь, что в прошлом году, приблизительно осенью, я стал бояться, что автокатастрофа, инфаркт или убийство, умышленное или непредумышленное, остановит за несколько недель до финиша мое победное шествие к рубежу третьего тысячелетия.

Я продолжал осторожно тревожиться до двадцати трех часов сорока пяти минут 31 декабря 1999-го, а потом замер спиною к стеночке, стараясь даже не высовываться в окно, за которым зловеще трещали фейерверки, и терпеливо дождался фатального мига. Лишь после него я перевел дух и лихо предался возлияниям, потому что теперь уже, умри я прямо на месте, все равно

успеть-то я точно успел!

Вот вам и отмычка тайны. В силу ряда нумерологических причин, по крайней мере для пожилого контингента, преодолеть 2000 год означало выиграть партию против смерти. Этим-то объясняется, с какой стати всем понадобилось по возможности придвинуть финиш. Невинная хитрость (и, полагаю, бессознательная), но для победы над смертью люди готовы и на такое, и на большее: в фильме Бергмана «Седьмая печать» люди играют со смертью в шахматы.

Верят в алхимию [337]

Ну что вот раздражает в нью-эйдже? Не столько вера, будто на жизнь воздействует положение звезд. В это множество умных людей верило. И не столько вера, будто Стоунхендж — нечто сверхъестественное, магическое и астральное. Притом что лично мне кажется довольно банальной идея, возникшая во времена, когда людям уже были известны солнечные часы, — идея расставить крупные валуны по линиям восхода и захода солнца. Только всякий раз я задумываюсь: до чего

---

[337] Примечания: 337
Credere all ' alchimia. L'Espresso, март 2001 г.

же они лучше наблюдали за солнцем, чем за ним наблюдаем мы. Да, они наблюдали лучше.

Нет, в нью-эйдже раздражает синкретизм. Синкретизм (в дикорастущем виде) — это не когда верят во что-то, а когда верят сразу во все, причем в такое все, части которого взаимопротиворечат.

Опасность синкретизма постоянна. Читаю в «Коррьере делла сера» от 23 февраля две статьи Чезаре Медайля, напечатанные на одной и той же странице. Заметим в скобках, что каждая статья, взятая сама по себе, вполне корректна. В первой рецензируется книга Майкла Уайта «Ньютон», опубликованная в издательстве «Рицколи». Книга сильно клонится к сенсационности, в ней преподнесены в виде крупной новости хорошо изученные наукой данные, перепутаны названия знаменитых трудов и создано впечатление, что Корнелий Агриппа и Иоганн Валентин Андреаэ[338] творили на английском языке, а также доверительно пересказана легенда, будто Фома Аквинский баловался алхимией. Из книги

[338] Примечания: 338

Корнелий Генрих *Агриппа* Неттесхеймский (1486—1535) — немецкий философ, алхимик, писавший оккультистские трактаты (напр. «Об оккультной философии», 1509—1533). *Иоганн Валентин Андреаэ* (1586—1654) — немецкий богослов, которому приписывается авторство аллегорического романа «Алхимическая свадьба Христиана Розенкрейца» (1616), одной из основополагающих книг розенкрейцеров. Оба писали на латыни.

явствует, что отец современной науки Ньютон не только питал интересы, которые мы ныне называли бы эзотерическими, но и к своим великим физико-математическим открытиям пришел ровно потому, что верил: миром заправляют оккультные силы. Это именно и доказывается.

Рядом напечатана другая колонка, в которой Медайль пишет о новой волне интереса к алхимической литературе и цитирует для примера несколько названий издательского каталога «Эдициони Медитерранее». Эта серия существует уже много лет и адресована тем, кто и сегодня верит в алхимию (в частности, предлагается перечитывать ни больше ни меньше как Фульканелли[339]). Иногда в этой серии появляются и книги серьезных ученых, но вообще синкретизм работает так: сваливая в единую кучу дурацкую и серьезную литературу, добиваются эффекта, при котором серьезные книги придают авторитетность несерьезным.

Какие же выводы делает читатель, видя соседство двух колонок в «Коррьере делла сера»? Он

---

[339] Примечания: 339

Фульканелли — вымышленный персонаж, автор томов «Загадки соборов» (*Le Myst è re des Cath é drales*, 1926) и «Укрывища философов» (*Les Demeures Philosophales*, 1931). Персонаж на грани пародии, ставший героем высмеивающего его комикса, выпускаемого в США компанией *DC Comics.*

делает синкретические выводы. Он начинает думать, что если оккультизм повлиял на научную работу Ньютона и если оккультизму посвящается столько книг, значит, оккультизм важен и нужен. Вот в такой логический замкнутый круг попадает простодушный читатель.

Америку открыли потому что полагали, будто плавание на запад приведет в Индию. Полезные открытия могут вдохновляться ложными предпосылками и совершаться по счастливому недоразумению. Однако тот факт, что Колумб добрался до Америки, не доказывает, будто дорога на Восток короче всего через Запад. Наоборот, открытие Колумба убедило всех, что до Индии ближе двигаться в обратную сторону. Португальские путешественники исследовали Африку, потому что мечтали отыскать в Эфиопии сказочное царство всемогущего пресвитера Иоанна. Этим царством считали Абиссинию. Именно благодаря путешественникам мы узнали, что в Эфиопии не было царства всемогущего пресвитера, и даже совсем наоборот: там было царство до такой степени хлипкое, что его без труда завоевал маршал Бадолью. То же самое получилось с

мифом об Австральной Земле *(Terra Australe)*[340]: веря в эту красивую сказку, открыли Австралию и в то же самое время убедились, что не существует такой земли, которая была бы насажена как колпачок на южный полюс нашей планеты.

Не всегда два утверждения равно соответствуют действительности. Занимаясь алхимией, Ньютон как раз таки доказал нам, что алхимики ошибались. Это не отменяет того очарования, которым окутана алхимия и в моих глазах, и в глазах Чезаре Медайля, и в глазах многих других коллег. Я очаровываюсь и Фантомасом с Микки-Маусом, и Мандрагором[341], притом что хорошо понимаю: все они — фикция.

---

[340] Примечания: 340

«…среди вод так называемого Тихого (португальцы считают его тихим!) океана безусловно лежит Австральная, то есть «южная», Неисследованная Земля. Мы имеем данные только о близких к ней островах, крайне скудные данные о линии ее берегов, но имеем в то же время полную уверенность, что она преизбыточествует богатствами… первым высадился на эту Австральную землю француз, господин Гоннвиль, за шестнадцать лет до экспедиции Магеллана» (Эко У. *Остров Накануне.* Гл. 17).

[341] Примечания: 341

Маг Мандрагор (с 1934) — персонаж комиксов американского художника Ли Фолка.

Верят отцу Аморту [342]

Около двух лет назад я уже писал в «Картонках Минервы» о Гарри Поттере; это было после выхода третьего тома, когда англосаксонский мир сотрясался дебатами, допустимы ли в воспитательном процессе магия и колдовство и не примут ли наши дети за чистую монету весь этот оккультный вздор. Теперь же, когда после выхода фильма мода на Поттера охватила воистину весь земной шар, мне случилось наблюдать по телевизору спор колдуна Отельмы[343], счастливейшего из смертных с тех пор, как вошла в телевизионный обиход эта мощная пропаганда в пользу таких господ, как он (кстати говоря, он был разряжен столь колдунским образом, что, наверное, даже Эд Вуд постыдился бы вылезать в таком виде в фильме ужасов), с главным на-

---

[342] Примечания: 342

Credere a padre Amorth. L'Espresso, декабрь 2001 г.

[343] Примечания: 343

«Божественный» *Отельма* — итальянский маг, регулярно выступающий в телешоу.

чальником экзорцистов, отцом Амортом[344], с точки зрения которого история Гарри Поттера — дьявольщина.

Соль рассказа в следующем. В то время как большинство присутствующих говорило, что и черная магия, и белая магия — бред собачий (но это не значит, что не заслуживают серьезного отношения те люди, кто в магию верует), отец экзорцист с превеликой серьезностью отзывался обо всех видах магии — черной, белой, в крапинку и в полосочку, — именуя их исчадиями Зла.

Если этим пахнет в воздухе, прихожу к выводу, что невредно сломать несколько копий в защиту пресловутого Поттера. Сюжеты книг о нем, конечно, построены на историях колдунов и волшебников, и неудивительно, что они так

[344] Примечания: 344

Отец Габриэле *Аморт* (р. 1925) выполнял обязанности «изгоняющего дьявола» при Папе Иоанне Павле II и продолжает выполнять их при Папе Бенедикте XVI. Из высказываний отца Аморта в интервью Ватиканскому радио: «Конечно, дьявол существует, и он может завладеть душой не только одного отдельного человека, но даже группы людей или целого народа. Я убежден, что нацисты все были одержимы дьяволом». Является президентом Международной ассоциации экзорцистов. Его отзыв о книгах Дж. Роулинг: «За Гарри Поттером прячется знак короля тьмы, дьявола». Обвиняя Роулинг, чьи книги содержат многочисленные позитивные отзывы о магии, «сатанинском искусстве», отец Аморт добавил, что в книге предпринята попытка ложного разграничения черной и белой магии, в то время как на самом деле такого разграничения «не существует, ибо магия — это всегда обращение к дьяволу». Отец Аморт совершил обряд изгнания дьявола более 30 тыс. раз за свою карьеру.

нравятся детям — дети спокон веку обожают рассказы о феях, карликах, людоедах и некромантах. Однако же никто не возникал с обличениями Белоснежки, не звал ее порождением Сатаны. Сказки о Поттере получили успех, потому что их сочинительница (по хитроумному расчету или по дивному наитию) сумела пересказать наново некоторые традиционные ситуации, восходящие к древним архетипам. Гарри Поттер — сын хороших волшебников, супругов, убитых силами Зла. Но сперва Гарри этого не знает. Он живет под лестницей, бедный сирота, у злых тетушки и дяди. Потом ему рассказывают о его происхождении, он чувствует призвание колдовать и отправляется в частную школу для юных волшебников, где происходят многие приключения. Вот первая классическая схема. Юное беззащитное создание, прошедшее через многие обиды, узнает, что является отпрыском благородных кровей и ему уготовано светлое будущее. Мы имеем в одном лице Гадкого утенка и Золушку, Оливера Твиста и Реми из французского романа «Без семьи». Колледж Хогвартс, где обучают всевозможному ведьмачеству, скопирован с настоящих английских колледжей, где все обожают англосаксонские виды спорта, как обожают квиддич

читатели-англичане (поскольку им интуитивно ясны все его правила) и читатели-иностранцы (потому что им эти правила нипочем не понять).

Другая архетипическая ситуация восходит к «Мальчишкам с улицы Пала» или к «Запискам Джан Буррaски»[345] — в общем, к рассказам о том, как подростки оказываются вместе в каком-то пансионе и объединяются против придурковатых (а порою очень вредных) учителей. Добавьте, что подростки у Роулинг летают на метлах: вот Мэри Поппинс и Питер Пэн. Хогвартс неотличим от тех таинственных замков, о которых мы читали в книжках «Юношеской библиотечки» издательства «Салани» (ныне публикующего в Италии серию книг о Гарри Поттере) — в романах, где мальчики в коротких штанишках и девочки с золотыми волосами развенчивали коварные планы бесчестного и хитрого противника, обманщика дяди, банды мерзавцев и находили запрятанный клад, потерянную грамоту, замурованное подземелье.

Несмотря на то что в «Гарри Поттере» произносятся страшные формулы и показываются

[345] Примечания: 345

«Записки Джан Буррaски» — роман для юношества, публиковавшийся итальянским автором Вамбой (Луиджи Бертелли, 1858—1920) периодическими выпусками с 1907 г., в отдельном томе — в 1920 г.

жуткие чудовища (не забываем, что детская аудитория взращена на уродах Рамбальди[346] и на японских мультфильмах), герои цикла Роулинг все же борются за доброе и вечное, как Тройка бойскаутов[347], и прислушиваются к разумным воспитателям, доходя до приторности (применительно к своему времени) сахарно-компотной повести Де Амичиса «Сердце».

Неужели мы вправду думаем вслед за колдуном Отельма и отцом Амортом, будто, начитавшись историй о волшебниках, дети, когда вырастут, продолжат во все это верить? Каждый в детстве побаивался людоедов и вурдалаков, но, повзрослев, ожидает больше неприятностей от озоновой дыры, нежели от колдовского яблочка. Многие в детстве верили, будто детей находят в капусте, что не помешало нам, возмужав, освоить более эффективную и более приятную методику воспроизводства.

Так что проблема не в детях — дети предрасположены верить всем Котам и Лисам, а потом

---

[346] Примечания: 346

Карло *Рамбальди* (р. 1925) — итальянский специалист по спецэффектам, создатель Кинг-Конга (1976), многочисленных персонажей Спилберга, знаменитого «Инопланетянина».

[347] Примечания: 347

«Тройка бойскаутов» (1858) — книга американского писателя Джона Таунсенда Троубриджа (1827—1916).

научаются беречься совершенно других, не таких сказочных мошенников. Проблема во взрослых людях. В тех, которые, будучи детьми, не зачитывались сказками про волшебников. В тех, которые по телевизору советуют зрителям гадать на кофейной гуще, узнавать будущее по картам, служить черные мессы, излечиваться гипнозом. Беда в наперсточниках, спиритах, экстрасенсах, собеседниках эманации, открывателях тайны Тутанхамона. Наслушавшись этих магов, того и гляди доверишься Коту с Лисою.

Верят в экстрасенсов [348]

Если вы недовольны своими заработками и хотели бы поменять профессию, подумайте, не стать ли ясновидящим. Это одна из наиболее доходных специальностей, а также, могу заверить, и самых легких. Достаточно обладать минимальным обаянием, минимальной гибкостью и довольно большой бессовестностью. Но даже и без особого обаяния, подсказывает статистика, многие достигают успеха в экстрасенсорном бизнесе.

---

[348] Примечания: 348
Credere ai sensitivi. L'Espresso, январь 2002 г.

Попробуйте поставить опыт. Подойдите к любому человеку, первому попавшемуся (лучше, конечно, если этот человек расположен оценивать ваши паранормальные способности). Глядя неотступно ему в глаза, проговорите: «Чувствую, что кто-то постоянно о вас думает, человек, с которым вы много лет не виделись, но когда-то вы его очень сильно любили и страдали, потому что любовь была безответной. Вот теперь этот человек наконец понял, что ошибался в отношении вас. Он теперь к вам относится иначе, но понимает, что его время ушло». Ну что, как вы считаете, есть ли хоть один человек на свете, который в прошлом не пережил бы невезения в любви? Дело в шляпе. Он ваш. Он вам немедленно поможет, выложив все подробности про ту давно любимую особу, которую вы так проницательно вычитали в его голове.

Можно еще говорить и так: «Кое-кто вас не ценит по достоинствам и говорит о вас гадости, но у него это от зависти». Маловероятно, чтоб испытуемый сказал в ответ, что он — любимец всех на свете и совершенно не представляет, кто бы мог о нем дурно отзываться. Скорее произойдет вот что: он немедленно назовет имя завистника и потрясется вашими дарованиями экстрасенсор-

ного проницания.

Кроме того, всегда можно углядеть в ауре испытуемых тени покойных близких. Обратитесь к немолодому человеку и скажите, что рядом с ним явственно проглядывает силуэт кого-то пожилого, умершего от какой-то болезни сердца. У любого человека на земле было как минимум двое родителей, два дедушки и две бабушки и, если вам подфартит, еще какая-нибудь тетка или же дядя, крестная или крестный. При почтенном возрасте подопытного высока вероятность, что эти симпатичные ему люди уже переправились на тот свет, и из шести подразумеваемых родственников, думается, хотя бы одному привелось умереть от сердечной недостаточности. Если уж получится полный прокол, говорите, что, наверное, это силуэт родственника кого-то другого из собравшихся. Можете быть уверены, что среди слушателей окажется хотя бы один с реакцией: мол, да-да-да, это его папа или его мама, — после чего вы спасены, можете смело расписывать, какая аура исходит от этой присущей тени, рассказывать о любви, которую тень испытывает к говорившему или к говорившей, а слушатели, будьте уверены, уже тепленькие и готовы заглотать любое ваше словоплетение.

Внимательным читателям по их собственным наблюдениям известна техника, избираемая популярными личностями, которые выступают по телевизору. Ничего нет проще, чем убедить потерявшую ребенка мать, или оплакивающего родителей человека, или вдовца, или вдову, что любимое существо не исчезло в никуда, а посылает некие сигналы с того света и общение с ним возможно. Повторяю, ремесло экстрасенса незамысловато — на экстрасенса работают боль, печаль и доверчивость людская.

Исключая, конечно, случаи, если вы нарветесь на сотрудника CICAP (*Comitato Italiano per il Controllo delle Affermazioni sul Paranormale* — Итальянский комитет по проверке сигналов о паранормальных явлениях»), о каковой организации рассказано на сайте *www.cicap.org* и в выпускаемом Комитетом журнале «Шиенца э Паранормале». Сотрудники Комитета отслеживают феномены, которые принято полагать паранормальными, — от полтергейстов до левитации, от парапсихологии до кругов на пшеничных полях, от НЛО до рабдомантов, чующих клады и воду, интересуются привидениями, провидениями, гнутием вилок силой взгляда, гаданьем по картам, охватывают все известные случаи плача

мадонн и появления стигматов на статуях святых угодников. Сотрудники комитета показывают, в чем и где фокус, научно объясняют то, что кажется чудотворным, и часто проводят эксперименты, чтобы доказать: при некоторой ловкости рук каждый может запросто сделаться магом.

Лучшие ищейки CICAP — это Массимо Полидоро и Луиджи Гарласкелли, составившие антологию, где собраны результаты работы многих членов Комитета «Охотники за оккультным. Десять лет расследования паранормальных случаев» (*Investigatori dell ' occulto. Dieci anni di indagine sul para-normale.* Roma, Awerbi). Рекомендую эту книгу всем, кроме тех, кто рыдает, обнаружив, что Деда Мороза просто выдумали. Остальные повеселятся.

Хотя веселого, наверное, мало. Тот факт, что CICAP должен вечно быть начеку, как раз доказывает, до чего распространено легковерие в нашем обществе, и даже если антология «против оккультизма» выйдет несколькими тысячами экземпляров, перевесят ли они Розмари Алтеа[349],

[349] Примечания: 349

Розмари Алтеа — американская провидица, издавшая несколько вполне кассовых книг, переведенных на несколько языков. Специалисты из CICAP публично призывали ее подвергнуться проверке (за очень крупный гонорар), но ясновидящая уклоняется от любых контактов с ними.

которая спекулирует на чужой боли перед многими миллионами зрителей? Как внушить руководству, что подобные телепередачи вредоносны? Нам ответят — зато какая аудитория!

Верят в тамплиеров [350]

Сначала вы основываете монашеско-рыцарский орден, и он делается супермогущественным в военном и экономическом смысле. Затем находите короля, который желает избавиться от этого могущественного явления, настоящего государства в государстве. Находите подходящих инквизиторов, способных припутать к делу разрозненные сведения и составить из них жуткую мозаику, сделав выводы относительно заговоров, неописуемых преступлений, невероятных ересей, коррупции и обвинив подследственных в гомосексуализме. Вы арестуете и пытаете подозреваемых. Кто повинился во всех грехах, спасет себе жизнь, кто утверждает, что якобы невинен, — угодит на плаху. Первыми подтвердят состряпанную инквизиторами теорию именно жертвы, и именно невиновные. Наконец, отбе-

---

[350] Примечания: 350
Credere ai Templari. L'Espresso, декабрь 2004 г.

рите у ордена все его немереные богатства. По этому рецепту был организован процесс, инспирированный против рыцарей-храмовников (тамплиеров) королем Филиппом Красивым.

Начинается история тамплиерского мифа. Вообразите, какой резонанс получил в обществе этот процесс и насколько многие (не исключая даже и Данте) не только поразились несправедливостью, но и увлеклись предполагаемой тайной ученостью рыцарей, а также оказались под сильным впечатлением, видя, сколь многочисленные храмовники не были отправлены на костер, а после процесса и ликвидации ордена как будто испарились, исчезли в никуда. Нормальному скептическому объяснению (напугались, попрятались, переехали жить по-новому в другое место и предпочитали помалкивать) можно противопоставить оккультную и романтическую интерпретацию пропажи рыцарей: ушли в подполье и продолжали скрытно работать семь столетий. Так что они и сейчас среди нас.

Нет ничего легче, чем купить книгу о тамплиерах. Единственное огорчение, что на девяносто процентов (да нет, на девяносто девять) содержание этих книжек — наглая липа. Ни один сюжет не вызывал такой ажитации у дилетантов всех

времен и народов. Что ни день, отрождаются новые тамплиерские общества, постоянно орудующие на задворках истории, гностические секты, сатанинские братства, спириты, пифагорейцы, розенкрейцеры, иллюминаты, масоны, Приораты Сиона. Иногда их бредовость просто прет в глаза каждому, вроде случая со «Священной кровью и священным Граалем» Бэйджента, Ли и Линкольна, книги до того бестолковой и беспардонной, что читатель чувствует себя вправе наслаждаться этой писаниной как смешнейшим образчиком фантаистории. То же самое происходит при чтении «Кода да Винчи», в котором украдено и переписано все, что можно было только найти в предшествовавшей литературе. Но осторожнее — прочитав этот бред, тысячи читателей едут паломничать на место действия очередной псевдоисторической фальшивки, в Ренн-ле-Шато.

Единственный способ узнать, серьезна ли книга о тамплиерах, — заглянуть в конец: оканчивается ли действие в 1314 году, когда сожгли последнего гроссмейстера. Среди останавливающихся на этой дате исследований назову вышедший в 1991 году в «Эйнауди» труд Питера Партнера «Тамплиеры». Недавно в «Мулино» переиздали книгу «Тамплиеры» Барбары Фрэйл

— исследовательницы, которая посвятила изучению тамплиеров многие годы. В книге меньше двухсот страниц, это чтение краткое и живое. Книга снабжена богатейшей библиографией (к тому же серьезной). Барбара Фрэйл нисколько не сетует на последующую трансформацию тамплиерского мифа, напротив — она видит в храмовной легенде какие-то забавные романные повороты, о чем и сказано на заключительных двух страницах книги. Там Барбара Фрэйл предугадывает, какие новые и серьезные исследования могут быть выполнены в целях прояснения некоторых до сих пор темных аспектов «истинной» истории тамплиеров. Например: была ли связь между тамплиерами и культом Грааля? Это не исключается, учитывая, что их современник Вольфрам фон Эшенбах намекал на что-то в подобном роде. Хотя я мог бы и возразить, что поэты, как нас учит Гораций, имеют право присочинять[351] и историк будущего тысячелетия, который найдет наши фильмы, где утверждается, что Индиана Джонс обнаружил Ковчег Завета, не должен делать из этого веселого рассказа далеко идущие исторические выводы.

---

[351] Примечания: 351

«Знаю: все смеют поэт с живописцем — и все им возможно» (Гораций. *Наука поэзии.* С. 9. Пер. М. Дмитриева).

К слову о том, что в древнем тамплиерском сюжете не все еще до конца прояснено — Барбара Фрэйл упоминает кое-какие документы, недавно найденные в архивах Ватикана, которые дают возможность пересмотреть роль католической церкви в храмовном процессе. И тем не менее, к неудовольствию тех, кто и в наше время приписывает на визитных карточках «тамплиер», исследовательница напоминает, что Папа Климент V, отдав приказ упразднить орден, добавил еще и условие, что незаконны какие бы то ни было попытки его восстановить в каком бы то ни было виде без папского прямого согласия, и даже пригрозил отлучением от церкви любому, кто стал бы использовать имя и символику тамплиеров. С другой стороны, в 1780 году те же самые аргументы использовал Жозеф де Местр, рассчитывая побороть неохрамовников своей эпохи. Орден храмовников-тамплиеров в свое время был на свете, он признавался и церковью, и некоторыми европейскими государствами, он был официально разогнан в начале XIV века. Тогда-то он и кончился. С того самого времени, поскольку копирайт не принадлежит никому, любой человек имеет право основывать наново этот орден, как все на свете свободно могут провозглашать

себя верховными жрецами Осириса и Изиды. Египетскому правительству плевать на это.

Верят Дэну Брауну [352]

Каждый день мне попадается какой-нибудь новый комментарий к «Коду да Винчи» Дэна Брауна. Речь идет о том, что есть на итальянском языке. Я не собираюсь составлять библиографию всего того, что выпускается по этому вопросу в мире. А среди книг, вышедших в Италии, — Хосе Антонио Уллате Фабо «Против “Кода да Винчи”» («Сперлинг и Купфер»), Барт Эрман «Правда о “Коде да Винчи”» («Мондадори»), Даррелл Л. Бокк «“Код да Винчи”. Правда и ложь» («Армения»), Андреа Торниелли «Исследования о Воскресении» («Джорнале»), «Тайны “Кода”» («Сперлинг и Купфер»), и, конечно, я перечислил не все. С другой стороны, если вас интересует обновленная и упорядоченная информация по этому вопросу, вы можете зайти на сайт «Опус Деи». Даже если вы неверующие. Там у них все списки очень аккуратные. Коль уж на то пошло, хотелось бы разобраться (и разберемся), отчего католическая

---

[352] Примечания: 352
Credere a Dan Brown. L’Espresso, август 2005 г.

церковь так носится с этим Дэном Брауном и так старается его ниспровергнуть. Но если уж и католическая церковь утверждает, что все содержащиеся в романе сведения — фальшивки, можете верить без колебаний.

Кое-что я должен все же уточнить. «Код да Винчи» — роман и в качестве такового имеет право содержать любые домыслы. Вдобавок он занимательно написан и читается единым духом. Не предосудительно, что в начале книги автор пробует нас убедить, будто все рассказанное — историческая правда. Что с того? Искушенному читателю знакомы нарративные подъезды к сюжетному рассказу, они есть часть функциональной игры. Беда-то совершенно в ином: у этого романа все читатели — неискушенные. Они действительно верят автору и его заявлениям. Так в балагане толпа кидает огрызки в марионетку-злодея.

Продемонстрировать, сколько исторической неправды в «Коде да Винчи», нетрудно. Хватило бы коротенькой статьи. И такие статьи появлялись — к слову сказать, сделанные превосходно. Хватило бы всего-то двух пунктов. Первый — что вся история с Иисусом, как он женат на Магдалине, как отправляется во Францию, основывает

династию Меровингов и Приорат Сиона, — вся эта муть печаталась много десятилетий в книжонках и книжатах по оккультным наукам от Жерара де Седа (о Ренн-ле-Шато)[353] до «Священного Грааля» Бэйджента, Ли и Линкольна. Что этот материал замешен на бреде и белиберде, известно с давних времен. Похоже, что Бэйджент, Ли и Линкольн хотели подать в суд (или подавали) на Дэна Брауна как на плагиатора. Какой же плагиат может быть при пересказе истинных фактов? Если я пишу биографию Наполеона и рассказываю истинные факты истории, я не могу потом обвинять в плагиате автора другой биографии Наполеона, пускай даже романизированной, за то, что он рассказал те же самые истинные факты истории. Шум о плагиате поднимается, лишь когда украдено нечто личное, оригинальное (плод фантазии или наглое вранье — называйте как предпочитаете).

Второй пункт — пояснить, что книга Брауна кишит историческими ляпсусами: например, он выискивает новости об Иисусе (якобы утаенные церковной цензурой) в рукописях Мертвого моря, а нам известно, что эти рукописи совершенно

[353] Примечания: 353

Sède G. de. *L ' or de Rennes* (1967) — в этой книге сельский священник случайно натыкается на реликвии тамплиеров.

не говорят об Иисусе, а говорят о разных еврейских делах, или о ессеях. Браун не смог отличить кумранские рукописи (Мертвого моря) от папирусов Наг-Хаммади.

Интересно, что большинство книжек, посвященных обличению Дэна Брауна, и даже наилучшие из них, как, например, последняя, великолепно документированная, выпущенная только что издательством «Мондадори» книга «Расследование по следам “Кода да Винчи”» Мари-Франс Этшегуан и Фредерика Ленуара, чтобы разогнать эти две простые мысли на объем тома, обстоятельнейшим образом пересказывают все то, что украл Дэн Браун, в подробностях и со вкусом. В результате упомянутые глупости с каким-то извращенным упорством повторяются и перепеваются, по идее для того, чтобы развенчать идиотства и подделки, а по сути — тем самым способствуя распространению оккультного материала. Таким образом (принимая интересную гипотезу, которую реально предлагал недавно кто-то, а именно — что «Код да Винчи» есть сатанинский заговор), в любом существующем опровержении воспроизводится текст, вызвавший протест, так что обвинение служит ему рупором. Если это заговор, то он оказался успе-

шен в наивысшей степени, спорить нечего.

Почему даже в таком порицаемом виде этот «Код да Винчи» самовоспроизводится? Потому что от публики исходит ненасытный спрос на тайны (а также на заговоры), и стоит ей только намекнуть на возможность соприкоснуться с чем-то таинственным, заговорщическим, то, невзирая на предупреждение, что речь идет лишь о глупой выдумке грязных лгунов, публика толпами берет все цитируемое на веру.

Думаю, этим-то и озабочена церковь. Вера в Код (и в другого Иисуса) — показатель упадка христианства. Когда люди перестают верить в Бога, говорил Честертон, они не то чтобы не верят в ничто — совершенно напротив, они начинают верить во все. Даже в добросовестность СМИ.

Я, конечно, описал только мои личные чувства. И все же не могу забыть кадр телепрограммы, когда молодой олух на площади Святого Петра (огромная толпа ждала сообщения о кончине Папы), с мобильным телефоном и с улыбкой от уха до уха, махал «чао-чао» в телекамеру. Зачем он торчал на площади, в то время как многие по-настоящему верующие люди остались дома и отдались молитве? В ожидании медиатических чудес он, конечно, был полностью готов к при-

ятию вести, что Иисус женился на Магдалине и вместе с Жаном Кокто[354] мистически и династически вступил в родство с Приоратом Сиона.

Верят в Предание [355]

Что такое на самом деле черные дыры, многим читателям неизвестно, да и я, признаться, воображал себе эти дыры примерно в виде рыбы из мультфильма «Желтая подводная лодка», которая жрет все, что видит, и под конец сжирает себя. Но чтоб уяснить смысл сообщения, ставшего предметом этого очерка, больше понимать и не нужно, хватит немногого: очерк толкует о самой противоречивой и увлекательной проблеме современной астрофизики.

Ну так вот, из газет стало известно, что знаменитый ученый Стивен Хокинг, прославленный, я думаю, не столько своими открытиями, сколько

---

[354] Примечания: 354

Жан Кокто (1889—1963) — французский писатель, драматург, поэт, художник, кинематографист. В книге Бэйджента, Ли и Линкольна (см. выше) Кокто внесен в вымышленный список великих магистров тамплиеров. Там же разбирается фреска Кокто «Магическое распятие» в церкви Богоматери Французской в Лондоне, как образец мистически-оккультной живописи.

[355] Примечания: 355

Credere nella Tradizione. L'Espresso, июль 2004 г.

силой духа и самоотверженностью, ибо сумел всю жизнь работать наперекор жуткой болезни, — другого бы эта болезнь превратила просто в овощ, — повел себя весьма примечательно. Он, оказывается, в 1970-е годы допустил научную ошибку в теории черных дыр и теперь обращается к научному обществу, предлагая коррекцию собственного открытия.

Для работника науки подобное поведение не так уж экстраординарно, гораздо экстраординарнее всемирная слава Хокинга, и тем не менее, мне кажется, этот эпизод должен сделаться примером для молодых во всех научных школах, кроме фундаменталистских и религиозных, и дать нам материал к размышлению о принципах современной науки.

СМИ нередко ополчаются на науку, облекая ее высшей ответственностью за ту люциферианскую гордыню, что движет человечеством на его марше к самоуничтожению. Обличая, явно путают науку и технологию. Между тем наука не несет ответственности за атомное оружие, за озоновую дыру, таяние ледников и прочие кошмары. Наука, коли на то пошло, как раз предупреждает нас о рисках, когда мы, применяя ее же принципы, даем свободу безответственным тех-

нологиям. Но, слушая и читая злопыхательства в адрес прогресса (так называемого духа Просвещения), поучительно видеть, как часто ставят знак равенства между духом науки и некоторыми идеалистическими философиями XIX века, согласно которым История движется всегда в хорошую сторону, к ликующему осуществлению самой себя, к триумфу Духовности, тем самым влекомая к Высшим Целям. Скольким из нас привелось (говорю о своем поколении) питать сомнение при чтении учебника философии, насквозь пропитанного идеализмом и представлявшего каждого нового мыслителя как более мудрого, лучше понимающего, более близкого к высшей истине, нежели его предшественники (полно, разве Аристотель был умнее Платона?).

Против этой-то трактовки Истории восставал Леопарди, именно над ней он издевался строкой *magnifiche sorti e progressive*.[356]

В последнее время, однако, намечается обратное движение в замену этим «прогрессивным» идеологиям, переживающим кризис. В великой

[356] Примечания: 356

В стихотворении *La ginestra* (1936) итальянский поэт Джакомо Леопарди (1798—1837) отзывается с сарказмом о «великом и судьбоносном прогрессе»; это одна из самых часто повторяемых цитат из итальянской поэзии.

моде кокетничанье с Преданием — теперь не принято считать, что мы в ходе развития Истории все ближе подходили к Истине, а принято думать наоборот: все то, что стоило познать, уже якобы познали древние цивилизации, которые теперь вымерли, и единственно обращаясь к истокам, к извечному и исконному достоянию, мы имеем шанс примириться с самими собой и своими судьбами.

Самые беспардонные радетели традиционности вообще именуют высшей мудростью лишь то, что было известно древним цивилизациям (о которых о самих ничегошеньки не известно). Получается, что истинно только то, что знавали жители Атлантиды, поглотившейся морем, и что знавали гиперборейцы (исконные арийцы), жившие на постоянно подогревавшемся полярном наколпачии земного шара; а также то, что ведали мудрецы утраченных Индий, и другие милые тонкости, которые, будучи недоказуемыми, дают возможность псевдофилософам и бумагомарателям постоянно пережевывать одну и ту же герметическую жвачку, развлекая досужих плебеев и их малообразованных гуру.

С другой стороны, и нынешняя наука совершенно не спешит придать последнему открытию

наивысочайшую ценность. Наоборот, она зиждется на принципе «подверженности ошибкам» — *fallibility*, — присутствовавшем уже у Пирса и накрепко усвоенном Поппером и многими другими учеными. В силу этого принципа наука всегда корректирует себя, опровергает выдвигавшиеся гипотезы, применяет метод проб и ошибок, признает свои просчеты и относится к провальному эксперименту не как к провалу, а как к эксперименту. Она знает: удостовериться в том, что какой-то из путей тупиковый, — продуктивно, так как после этого отыскивают новый путь.

Много веков назад тем же принципом одушевлялись «академики проверок», члены *Accademia del*

Cimento[357], под девизом «Испытывать вновь и вновь» рассматривавшие все сущее в свете рациональности и опыта.

Этот способ мышления противостоит, как уже я упомянул в начале очерка, фундаментализму и любой буквальной интерпретации святых тек-

---

[357] Примечания: 357

Accademia del Cimento основана в 1657 г. князем Леопольдо Медичи и великим герцогом Фердинандо II Медичи во Флоренции. Это первое научное общество в Европе. Целью общества было распространение и применение Галилеева экспериментального метода к натуральной философии, девиз *Provando e riprovando* («Испытывать вновь и вновь») относился к занятиям термометрией, барометрией и пневматикой.

стов (святые тексты тоже подлежат неустанной переинтерпретации). Он спасает от всякой догматичной зацикленности на идеях. Это лучшая «философия» (любомудрие, в бытовом и сократовском смысле слова). Этому и следовало бы обучать в школах.

Верят в Гермеса Трисмегиста [358]

До сих пор все желавшие изучать «Герметический свод» *(Corpus Hermeticus)* по академическому изданию с параллельным текстом оригинала, а не по бульварным брошюркам из книжных лавок со специализацией на эзотерике, обращались к классическому изданию *Belles Lettres,* подготовленному Ноком и Фестюжьером (1945—1954). До его появления главным научным изданием была редакция Скотта (Oxford, 1924) на английском языке.

Очень радует, что сегодня «Свод» напечатан в издательстве «Бомпиани» в серии под научной редакцией Джованни Реале. Конволют во многом воспроизводит том из *Belles Lettres,* но туда добавлено новое, чего не было в распоряжении Нока и

---

[358] Примечания: 358
Credere nel Trismegisto. L'Espresso, май 2005 г.

Фестюжьера, а именно — некоторые герметические тексты из кодексов Наг-Хаммади в научной редакции Иларии Рамелли, с параллельными коптскими текстами на другой странице, если кому очень уж сильно захочется сличать.

Хотя стоимость тома в 1500 страниц только 35 евро, ненужный снобизм — советовать всем и каждому этот неподъемный кирпич для чтения в постели. Книга серьезная и содержит незаменимый и ценнейший научный материал, конечно. Однако тем читателям, которым хотелось только вдохнуть аромат знаменитой эзотерики, я посоветовал бы купить книжку, содержащую только один трактат — «Божественный Пимандр» — трактат не больше сотни страниц, издательство «Марсилио», 1987 г.

У «Герметического свода» интересная история. Его авторство приписывали мифическому Гермесу Трисмегисту (Триждывеличайшему), сыну египетского бога Тота. Греки звали его Гермесом, а римляне Меркурием, он основоположник письменности и языка, магии, астрономии, астрологии, алхимии. Впоследствии отождествлялся даже и с Моисеем.

На самом же деле входящие в «Свод» трактаты принадлежат многим разным авторам, жившим

в ареале греческой культуры и вскормленным египетской духовностью, а также испытавшим влияние платонизма. Все авторы работали в период между II и III веками н. э. Что авторов много и все они разные, видно по расхождениям между текстами. Что авторами были философы-эллинисты, а не египетские жрецы, ясно из того, что в трактатах нет отсылок к теургии и вообще нет связи с египетскими культами. Тексты «Герметического свода» были способны сильно воздействовать на умы, жаждущие новой духовности, по причине того, что, как отмечает Нок в своем предисловии, они наподобие мозаики смонтированы из древних идей, которые замаскированы краткими аллюзиями вне классической логики и без всякой заботы о ясности. Как видим (это случается и с современными философами), невразумительное буркотание создает свободу для безграничных интерпретаций.

Эти небольшие трактаты (кроме одного, «Асклепий», который много веков в латинском переводе то и дело возникал в библиографиях) долго оставались забытыми, покуда полную их рукопись не завезли во Флоренцию в 1460 году — в расцвет ренессансного гуманизма, как раз когда появлялся интерес к старобытной дохристианской

мудрости.

Восхищенный новым открытием, Козимо Медичи поручил перевод этих текстов Марсилио Фичино[359], который присвоил своду трактатов название «Пимандр», по первому произведению, и охарактеризовал его пред всем миром как собственноручное творение Трисмегиста, кладезь ветхого знания, откуда черпали и Платон, и даже провозвестники христианских Откровений.

С этого начался грандиозный успех этих текстов и были заложены основы их громадного авторитета в культуре. Как писала Фрэнсис Йейтс в знаменитой работе о Джордано Бруно[360], этой крупнейшей исторической ошибке суждено было привести к невиданным результатам.

Однако в 1614 году женевский филолог Исаак Казобон опубликовал сокрушительные доказательства того, что «Герметический свод» был написан в поздний эллинистический период. После Казобона ни один серьезный специалист

---

[359] Примечания: 359

Марсилио Фичино (1433—1499) — глава и основатель флорентийской академии, ученый и богослов, переводчик и комментатор Платона, неоплатоников и так называемого «Герметического свода».

[360] Примечания: 360

Йейтс Ф.А. *Джордано Бруно и герметическая традиция* (Yates F.A. *Giordano*
Br u th He rm ti Trditi Рус пер 2000)

в этом не сомневался. При этом совершенно поражает нас тот факт, что передатировка, доказанная Казобоном, осталась достоянием узких специалистов. Авторитет «Герметического свода» не ослабел и не пошатнулся. Это видно по какой угодно оккультной литературе, по всем каббалистическим, мистическим и «герметическим» публикациям, появлявшимся впоследствии. Не исключая работ вполне грамотных авторов — наших современников. Все они, в том числе и современные люди, относятся к «Своду» как к прямому порождению ну если не божественного Трисмегиста, то явно уж — древнеисторической ведунской мудрости, на которой пристало клясться, как на Евангелии.

История «Свода» мне вспомнилась около месяца назад, когда вышла книга «Заговор» Уилла Эйснера (W. Eisner. *The Plot.* New York, Norton). Эйснер, один из гениев современного комикса (умерший как раз во время первой верстки книги), рассказывает в тексте и картинках историю создания исторической подделки «Протоколы сионских мудрецов». В его рассказе меня больше всего заинтересовала не часть, где показано, как фабриковали эту антисемитскую фальшивку, а часть, где видно, что происходило позднее, когда

в 1921 году было доказано, опубликовано и повсеместно провозглашено, что эти «Протоколы» — фальшивка. Именно с той поры расширилось обращение текстов, они распространились на иные страны и их начали воспринимать все серьезнее и серьезнее.

Это знак, что Гермеса ли возьмем, или сионских мудрецов — разница между истинным и ложным не занимает тех, кем руководят предрассудки и желание или потребность причаститься тайны, преждевременно заглянуть за кулисы то ли рая, то ли преисподней.

Верят в Третью тайну [361]

Прочитав опубликованное наконец, несколько дней назад, документальное свидетельство

---

[361] Примечания: 361

Credere nel Terzo Segreto. L'Espresso, июль 2000 г.

сестры Лусии о Третьей тайне Фатимы[362], я чувствовал себя привычно и уютно. Текст, который добрейшая монахиня сочиняла отнюдь не в период, когда она была неграмотной девчонкой, а в 1944 году, уже прожив полжизни в монастыре, утыкан четко узнаваемыми цитатами из Апокалипсиса от Иоанна. Так, Лусии виделся ангел при огненном мече, будто воспламеняющий весь мир. В Апокалипсисе есть ангелы, воспламеняющие мир, например тот, что со второй трубой, в стихе 9:8. Да, я понимаю, что этот ангел без огненного меча, но дайте мне продолжить, увидите, откуда берется огненный меч. Не говоря уж о том, что архангелы с огненными мечами встречаются в иконографии сплошь и рядом.

Затем Лусия узрела божественный свет в зеркале. Здесь подтекст не из Апокалипсиса, а из Первого послания Павла к коринфянам: дела небесные мы видим сначала в зеркале, гадатель-

---

[362] Примечания: 362

Сестра Лусия (в миру — Лусия душ Сантуш, 1907—2005) — хранительница тайн Фатимской Богоматери. Она была свидетельницей многочисленных явлений Девы Марии в городке Фатиме, расположенном неподалеку от Лиссабона, в период между маем и октябрем 1917 г. Вместе с десятилетней девочкой эти чудесные явления наблюдали тогда ее сестра Жасинта и брат Франсишку, которые умерли, соответственно, в 1919 и 1920 гг. Из трех подростков лишь Лусия утверждала, что говорила с Богоматерью, которая открыла ей три тайны, которые впоследствии получили название «трех секретов Фатимы».

но *(per speculum in aenigmate),* а после — «лицом к лицу». В придачу епископ — в белой одежде. Этот епископ привиделся ей в одиночестве, в то время как в Апокалипсисе рабов Бога нашего, пришедших от великой скорби, великое множество (в стихах 6:11, 7:9 и 7:14), но не будем крохоборствовать.

Дальше привиделись епископы и священнослужители, всходившие на крутую гору: Апокалипсис, 6:12, где и цари земные, и вельможи, и богатые, и тысяченачальники, и сильные скрываются в пещеры и в ущелья гор. Затем святой отец прибывает в полуразрушенный великий город и встречает на своем пути души трупов. Город взят из Апокалипсиса, из стиха 11:8, вместе с трупами. Этот город падет в Апокалипсисе, 11:13, и снова падет, на этот раз под именем Вавилона, в стихе 18:19. Рассказ Лусии содержит новые повороты. Епископа и многих бывших с ним верных убивают солдаты стрелами и огнестрельным оружием. По части огнестрельного оружия это личная инновация Лусии, а вот мучения от жалящей саранчи, подобной коням, приготовленным на войну, и в броне, как бы в броне железной, — это Апокалипсис, 9:7, когда пятый Ангел вострубил.

Доходим до двух ангелов, которые разбрызгива-

ют кровь из хрустальной лейки (по-португальски — *regador*). Проливающих кровь ангелов в Апокалипсисе сколько угодно: в 8:5 ангел применяет для этого кадильницу, в стихе 14:20 кровь течет из точила даже до узд конских, в 16:3 выливается из чаши.

Так при чем же здесь лейка? А при том, что мне помнится — Фатима расположена недалеко от Астурии, где во времена Средневековья бытовала традиция изумительных мозарабских миниатюр на темы Апокалипсиса. На них множество ангелов, разбрызгивающих кровь из непонятных сосудов, выглядит это так, будто они спрыскивают мир кровью из лейки. Дополнительным доказательством, что именно из этой иконографии пришли к Лусии многие образы, служит и огненный меч. На мозарабских астурийских миниатюрах трубы в руках ангелов кажутся алыми клинками.

Кстати, достаточно любопытные мысли приходят, если не удовлетворяться газетными пересказами, а прочесть богословское толкова-

ние кардинала Ратцингера[363]. Этот честный человек пытается разъяснить массам, что индивидуальное видение — это не символ веры, а аллегория — не пророчество, аллегории не подлежат буквальному восприятию. Ратцингер прямо указывает на совпадения между рассказами Лусии и текстом Апокалипсиса.

Мало того, Ратцингер подчеркивает, что рассказ о видениях — это обычно слепок личности говорящего и что видение передает культурный мир провидца, соответствует его возможностям описывания и толкования, поэтому образы в видениях соразмерны образу рассказывающего.

Если перекодировать лексику Ратцингера на предельно нецерковную (хотя уж и Ратцингер озаглавил один из параграфов своей работы «Антропологические структуры»), выйдет: поскольку не существует юнгианских архетипов, всякий провидец видит то, что ему подсказывает полученное образование.

---

[363] Примечания: 363

Йозеф *Ратцингер* (р. 1927) — немецкий кардинал, с апреля 2005 г. — Папа Римский Бенедикт XVI. Ratzinger J. *Commento teologico, in Congregazione per la dottrina della Fede, Il messaggio di Fatima.* Editrice Vaticana, 2000. P. 32—44.

Позиция церкви по вопросу гражданского брака и что говорит на эту тему кардинал Руини [364]

В восьмой главе романа Мандзони «Обрученные» Тонио и Джервазо, вошедшие в дом священника под предлогом какой-то расписки, вдруг расступаются, и из-за них пред паническим взором дона Аббондио возникают обрученные Ренцо и Лючия. Кюре не дожидается, когда Ренцо произнесет задуманное: «Господин священник, в присутствии этих вот свидетелей заявляю, что это моя жена», — Аббондио хватает светильник, сдергивает со стола скатерть и набрасывает на голову Лючии, которая уже приготовилась проговорить заветную формулу, — он накручивает ей ткань на лицо и почти душит, в то же время вопя истошным голосом: «На помощь! Измена! Предательство! Помогите!»

Этими безумными жестами (хотя по существу единственно правильными) Аббондио достигал необходимой цели: препятствовал браку Ренцо и Лючии. Но с какой стати молодые люди задумали

---

[364] Примечания: 364
Pacs e il cardinal Ruini. L'Espresso, сентябрь 2005 г.

такую ловушку? В шестой главе показано, как хитрый план приходит в голову матери невесты, Аньезе: «Послушайте. Нужны только два шустрых свидетеля, таких, чтобы и впрямь хотели помочь. Идите к священнику. Но помните, вся штука в том, чтоб захватить его врасплох и чтобы он не успел утечь. Жених быстро должен сказать. «Господин священник, вот моя жена», а невеста: «Господин священник, вот мой муж». Говорите громче, чтобы слышали и священник, и свидетели, — как они услышат, значит, сочетание браком состоялось, и до того крепко, как если бы вас повенчал сам Папа. Если вы сказали те слова, то кюре пусть себе вопит, визжит и бранится и хоть черта на помощь зовет, вы уже будете муж и жена».

Мандзони тут же сообщает от себя, что Аньезе полностью права и что подобным образом не так уж редко действовали многочисленные парочки, которых по той или иной причине отказывались венчать. Мандзони не вдается в объяснения, потому что думает, что у всех читателей живы в памяти правила катехизиса и все знают, что уполномоченный совершать конфирмацию может быть только епископом, уполномоченный совершать соборование должен обязательно

быть священником, уполномоченный совершать крещение может быть кем угодно, кроме крещаемого, а вот уполномоченными лицами, которым единственным дозволено осуществлять обряд венчания, являются сами венчаемые. Когда они с искренними намерениями провозглашают, что объединяются навсегда, — с этой минуты они обвенчаны. Священник, капитан корабля или мэр города выступают только регистраторами совершившегося акта.

Интересно задуматься над этим пунктом Закона Божия, в его свете совершенно по-новому выглядят гражданские браки. Я знаю, что, говоря «гражданский брак», обычно имеют в виду как гетеросексуальные, так и гомосексуальные союзы. Против гомосексуальных католическая церковь сильно возражает, и она никогда не признает гомосексуальный брак, даже если его заключили в церкви. Но вот что касается двух гетеросексуалов, если они объявили миру в какой-то форме о своем намерении сожительствовать до самой смерти (или до развода), то приходится признать, что с точки зрения Закона Божия они повенчаны, от этого никуда не денешься.

Мне скажут: брак, признанный церковью, есть брак, в церкви же и заключенный, а гражданский

брак не признается. Но сейчас уже не времена епископа из Прато[365], ни один священник не выгонит из храма пару, бракосочетавшуюся в мэрии, с криками: «Прелюбодеи!»

Загвоздка в том, что при разговоре о гражданском браке не вполне понятно, о чем именно идет речь, о гомо– или гетеросоюзах, и гомофобия достигает такого накала, что до правил катехизиса никому уже нет дела.

Кстати, учитывая, что прошло немало времени и канкан уже утих, я хотел бы подвести итоги памятной истории с Руини (это когда кардинала освистали в Сиене).[366]

Первое. Кто угодно имеет право критиковать высказывания церковнослужителя.

Второе. Церковнослужитель имеет право как угодно высказываться по вопросам богословия и морали, даже если его суждения противоречат законам государства.

Третье. До тех пор, покуда воззвания церков-

---

[365] Примечания: 365

В 1958 г. епископ Прато назвал зарегистрированный в мэрии брак «бесстыдным сожительством» и был осужден за диффамацию. Скандал попал в газеты многих стран.

[366] Примечания: 366

Во время вручения кардиналу Камилло Руини, известному своими строгими взглядами на брак, ежегодной премии «Либерал-2005» в Сиене его освистала группа левацкой молодежи.

нослужителя не приходят в противоречие с законами государства и не затрагивают животрепещущих политических проблем (то есть не имеют отношения к утверждению новых законов, к референдумам или выборам), а затрагивают моральные вопросы: порицают добрачную половую жизнь или провозглашают воскресную мессу обязательной, — тем, кто не согласен с этими воззваниями, полагается молчать в тряпочку, поскольку к ним это не имеет никакого отношения.

Четвертое. Если только воззвания церковнослужителя затрагивают государственный закон или текущий политический процесс, волей-неволей церковнослужитель превращается в политическую фигуру и идет на риск — подвергнуться политическому освистанию.

Пятое. Тут нам не 68-й год, и в любом случае невоспитанно и нецивильно вмешиваться в свободное собрание и проникать в частное владение. Предпочтительнее поступать так, как принято у англосаксов. Протестующие собираются у входа в помещение, где будет выступать опротестовываемый, с транспарантами и лозунгами, тем выказывая свое несогласие, но не мешая входить посетителям. К слову сказать,

кто митингует в помещении собрания, обычно попадает в толпу людей, которые на стороне опротестовываемого, и толку от такого протеста ноль. Если же оставаться наружи, митингующие завлекают прохожих, агитируют зевак и пользы от подобного митинга гораздо больше.

В каком смысле релятивизм?[367]

Может быть, виной всему не столько неотесанность СМИ, сколько вообще специфика нашего времени (наши современники, высказываясь, думают больше всего о том, как их покажут в средствах информации), — однако явно создается впечатление, что в последнее время некоторые дискуссии, даже среди людей, предположительно хоть какой-то философский ликбез прошедших, разворачиваются под перестук дубинок, без малейшего изящества и с использованием тонких научных терминов в качестве булыжников.

Характерный пример — споры, бушующие в Италии между так называемыми *teocons*[368], обвиняющими светских мыслителей в «релятивизме», и представителями светской мысли,

---

[367] Примечания: 367

Relativismo? L'Espresso, июль 2005 г.

[368] Примечания: 368

Теокон — неологизм, пришедший из США, обозначающий, применительно к итальянской действительности, членов религиозных объединений или союзов: «Комунионе э либерационе», «Опус Деи», «Легионеры Христа». Применяется также к тем журналистам и общественным деятелям (Дж. Феррара, Ориана Фаллачи), которые избирают для себя религиозные ценности в качестве символов прозападной, антиисламской, консервативной мысли.

которые клеймят своих противников за «фундаментализм».

Что имеют в виду те, кто говорит о «релятивизме» в философии? Что наши понятия о мире не обнимают всей сложности мира, а являют собой всякий раз только частную проекцию, в которой только крупица правды? Это философы-католики утверждали и в прежние времена, и в нынешние.

Или что наши представления не поддаются оценке в терминах «правды», а могут быть оценены лишь в терминах соответствия историко-культурной ситуации? Эту позицию занял — в своем варианте «прагматизма» — такой философ, как Рорти.

Или что все нам известное отображает прежде всего способ, которым субъект познает действительность? Старый, бесконечно милый Кант.

Или что любая высказанная мысль истинна исключительно внутри заданной парадигмы? Это называется холизм.[369]

Что этические ценности относительны и соответствуют конкретным культурам? Это начали понимать еще в XVII веке.

---

[369] Примечания: 369

Холизм — философское учение об устройстве мира, согласно которому целое всегда больше суммы своих частей.

Что не существует фактов, существуют только интерпретации? Это сказал Ницше.

Может быть, хотят нам напомнить, что если Бога нет, значит, все дозволено? Это нигилизм Достоевского.

Или подразумевается теория относительности? Умоляю, оставим, хватит.

Надо же все-таки понимать, что релятивисты по Канту — это не релятивисты по Достоевскому (потому что Кант верил в Бога и верил в долг). Что релятивизм кантианцев имеет крайне мало общего с релятивизмом культурной антропологии, поскольку кантианству присуще неверие в факт, а антропологи не сомневаются в факте. И что холизм школы Куайна неотторжим от здравого эмпиризма, который верит в стимулы, получаемые нами от среды; ну и так далее.

В общем, похоже, что термин «релятивизм» приложим к самым разным формам современной мысли, часто контрастирующим между собой. Иногда релятивистами называют тех мыслителей, чья система глубоко реалистична. Тогда «релятивизм» произносят с той же полемической интонацией, с которой иезуиты в XIX веке обличали «кантианскую отраву».

Но если релятивизм — это и то, и другое, и тре-

тье, получается — есть только две философии, к которым обвинение в релятивизме никак не липнет. Это радикальный неотомизм, во-первых, и учение Ленина о познании, изложенное в «Материализме и эмпириокритицизме» — во-вторых.

Экзотическая парочка.

VI. Защита расы

Итальянцы – антисемиты?[370]

Когда осквернили еврейское кладбище в Риме, в газетах стали иронизировать насчет высказывания сенатора Казини: «В Италии антисемитизм менее распространен, чем в других странах»[371]. Я все же думаю, что следует разграничивать два вида антисемитизма: интеллектуальный и плебейский.

Плебейский антисемитизм — ровесник диаспоры. Плебеи интуитивно сторонились тех, кто говорил на непонятном языке, совершал непривычные ритуалы, плебеи недолюбливали народ, чья культура была культурой Книги. Евреи читали и писали, занимались медициной, коммерцией и финансами, а плебеи испытывали комплексы по отношению к этим «интеллектуалам». Народный антисемитизм в России имеет

---

[370] Примечания: 370

Gli italiani sono antisemiti? L'Espresso, июль 2002 г.

[371] Примечания: 371

Пьер Фердинандо Казини (р. 1955) — итальянский политик, председатель палаты депутатов в 2001—2006 гг. Выступая в июне 2002 г. на Конгрессе итальянских еврейских общин в Риме, заявил, что антисемитизм несвойственен итальянской культуре, а отдельные критические замечания в адрес политики государства Израиль не могут расцениваться как антисемитские.

именно такие корни.

Конечно же сыграла свою роль и христианская пропаганда против «распявших Христа». Однако даже в Средневековье между интеллектуалами-христианами и интеллектуалами-евреями существовали отношения (межличностные) обоюдной заинтересованности и уважения. Не говоря уж о том, как эти отношения расцвели во времена Ренессанса.

А толпа обездоленных, отправлявшихся в Крестовые походы, а по дороге предававших огню и мечу еврейские гетто, руководствовалась не словами вероучения, а инстинктом грабежа.

Интеллигентский антисемитизм, примета последних двух столетий, родился с Новым временем. В 1797 году аббат Баррюэль издал свои *M é moires pour servir à l ' histoire du jacobinisme,* доказывая, что Французская революция — плод заговора тамплиеров и масонов. Вскоре после этого некий капитан Симонини, итальянец, подсказал ему, что за кулисами заговора орудовали главным образом коварные иудеи. После чего все на свете активно заговорили о «еврейском интернационале», а иезуиты воспользовались этой формулой, чтобы наброситься ни карбонариев.

В течение всего XIX века эта полемика звучала

повсюду в Европе, но самую плодородную почву антисемитизм нашел во Франции, где еврейские финансисты составляли наиболее ненавидимый обществом контингент. Эти настроения, конечно, подпитывались католическим легитимизмом, однако именно в светских кругах благодаря интригам, выплетавшимся спецслужбами, они окончательно оформлялись: фальшивые «Протоколы сионских мудрецов» сделались очень популярны в России во времена царизма, а затем были взяты на вооружение Гитлером.

«Протоколы» состряпаны из материалов романа-фельетона, их несостоятельность ясна из самой их структуры, ибо невероятно, чтобы злодеи так подробно расписывали и растолковывали свои злодейские планы. Сионские мудрецы пробалтываются даже о том, что намерены покровительствовать спорту и наглядным средствам коммуникации с целью оглупления рабочего класса (в этом месте «Протоколы» кажутся более берлусконианскими, нежели еврейскими). Здесь, при всей топорности, перед нами антисемитизм уже не плебейский, а интеллектуальный.

Можно согласиться с депутатом Казини и признать, что стихийный антисемитизм в Италии был всегда слабее, чем в других государствах Ев-

ропы, в силу социоисторических причин и даже в силу демографических оснований, и простые люди в Италии противились введенным Муссолини расовым законам и помогали евреям. Но в Италии процвел ученый иезуитский антисемитизм (вспомним хотя бы романы отца Брешани[372]) вместе с антисемитизмом буржуазным, откуда и взялись те знаменитейшие ученые и писатели, которые сотрудничали в позорном журнале «Защита расы» и готовили издание «Протоколов сионских мудрецов», вышедшее в 1937 году с предисловием Юлиуса Эволы.

Эвола написал в предисловии, что «Протоколы» имеют «ценность духовного стимула» и «особенно — в сей судьбоносный момент западной истории, когда “Протоколы” уже не удастся замалчивать и когда пренебрежение к “Протоколам” или их забвение явит собою прямой удар по фронту тех, кто стоит за духовность, за традиционность, за истинную цивилизацию». Еврейский интернационал, по представлениям Эволы, — это

[372] Примечания: 372

Антонио *Брешани* (1798—1862) стал пресвитером иезуитского ордена в возрасте двадцати трех лет. С 1850 г. был членом общества литераторов, сформировавшегося вокруг религиозного журнала *Civilt à Cattolica.* Его романы, среди которых «Вечный жид» и «Веронский еврей», повлияли на формирование непродуманно-недоверчивого отношения итальянской религиозной общественности к еврейской культуре и к еврейскому населению.

первопричина всяческих извращений Запада:

…либерализма, индивидуализма, эгалитаризма, свободомыслия, антирелигиозного просветительства с разнообразными довесками, вплоть до массовых беспорядков и даже до коммунизма… Еврей полагает своим долгом разрушать любые сохранившиеся проявления настоящего порядка и дифференцированной цивилизованности… Евреем является Фрейд, протаскивающий теорию сведения духовной жизни к инстинктам и к бессознательным импульсам. Еврей Эйнштейн, введший в моду «релятивизм»… Евреи и Шёнберг и Малер, главные представители декадентской музыки. Еврей и Тцара, изобретатель дадаизма, крайнего предела падения так называемого авангардистского искусства… Это действует раса, это действует инстинкт… Наступает час, когда повсюду восстают против этого живые силы, поскольку лик судьбы, которой предстояло подчиняться, вдруг просветлел.. Приближается время боя… пускай крепнут силы, сжатые в единый железный кулак, неодолимый, неотразимый.

Италия внесла солидную лепту в формирование антисемитизма интеллектуального. А в последнее время ряд событий наводит и на мысль

о вспышке нового типа антисемитизма — народного, как если бы древнее пламя юдофобной ненависти нашло подпитку в смежных формах расизма, в расизме грубого неокельтского пошиба. Характерно, что теории у них одинаковые. Достаточно зайти на любой расистский сайт в интернете или прослушать антисионистскую пропаганду арабских стран, и станет видно, что никто ничего лучшего не придумал — все кому не лень пережевывают те же «Сионские протоколы».

Заговор[373]

Самое интересное в «Протоколах сионских мудрецов» даже не то, как они создавались, а то, как они воспринимались. Как была состряпана эта фальшивка, продукт стараний тайной полиции, да не одной, а по крайней мере трех стран, этот центон из разрозненных текстов, ныне широко известно — и Уилл Эйснер все это рассказывает со вкусом, с учетом самых наиновейших публикаций. Лично я в одной своей статье[374] указал дополнительные источники, на которые ученые не отреагировали: а я, со своей стороны, убежден, что предположительная еврейская программа захвата мира срисована, и подчас *буквально* срисована, с иезуитского плана, описанного Эженом Сю сначала в «Вечном жиде», потом в «Тайнах одного народа», до такой степени, что складывается впечатление, будто и сам Морис

[373] Примечания: 373

Il complotto. Вступление к книге: Eisner W. *The Plot. The Secret Story of the Protocols of the Elders of Zion.* New York: Norton, 2005.

[374] Примечания: 374

«Вымышленные протоколы» (*Protocolli jittizi*), в кн.: «Шесть прогулок в литературных лесах» (*Sei passeggiate nei boschi narrativi.* Рус. пер.: СПб: Симпозиум, 2003).

Жоли (историю которого Эйснер рассказывает) этим руководствовался. Но дальше — больше. Историки «Протоколов», такие как Норман Кон (Conn N. *Warrant for Genocide.* London: Eyre and Spottiswoode, 1967), восстановили связь с прототипическим произведением Германа Гёдше, который в своем романе «Биарриц», написанном в 1868 году и напечатанном под псевдонимом «Сэр Джон Ретклифф» *(Retcliff),* рассказывает, как на кладбище в Праге представители двенадцати колен Израилевых собираются и замышляют владычество над миром. Через несколько лет после того этот анекдот рассказан в качестве действительного исторического факта в русской книжонке «Евреи — властители мира». «Контемпорэн» в 1881 г. перепечатывает этот текст в переводе, заверяя, будто он взят из серьезного источника и является свидетельством британского дипломата сэра Джона Ридклиффа *(Readcliff).* В 1896 году Франсуа Бурнан снова толкует о Великом Раввине (на этот раз уже его самого зовут *John Readclif)* в своей книге «Иудеи, наши современники». Но вот чего никто не заметил — это что Гёдше списал свой сюжет из романа Дюма «Жозеф Бальзамо» (1849), где описывается встреча Калиостро с заговорщиками-масонами

для устройства аферы с ожерельем королевы, а посредством этого скандала — для подготовки Великой французской революции.

«Протоколы» — лоскутное одеяло из кусков романов, этим обусловлена дикая нелогичность текста. Только в романе-фельетоне или в опере отрицательные герои сами о себе докладывают: «Нам свойственны неудержимыя честолюбия, жгучия жадности, безпощадныя мести, злобныя ненависти».

Что к «Протоколам» поначалу отнеслись серьезно — это может объясняться обстоятельствами их появления: якобы они явились скандальным открытием, и якобы — из заслуживающих доверия источников. Но что совершенно невероятно — что эта фальшивка восстает из пепла после всех развенчаний, после всех доказательств, что речь идет о подделке, о наглом обмане, о полной липе.

Именно в этом-то «роман о “Протоколах”» столь неподражаемо романтичен. Существует странная закономерность. С самого первого дезавуирования в «Таймс» в 1921 году, каждый раз, как только какой-нибудь авторитетный источник демонстрирует поддельность «Протоколов», — их немедленно переиздают в качестве истинных. И

сегодня в интернете та же песня. Это как если бы после Коперника, Галилея и Кеплера в школьных учебниках продолжали писать, что Солнце обращается вокруг Земли.

Чем же объясняется эта борьба против очевидного, извращенное очарование, исходящее от этого творения? Ответ мы находим у Несты Уэбстер, антисемитской писательницы, всю жизнь обличавшей пресловутый еврейский заговор. Уэбстер в своей книге «Тайные общества и подрывные движения» (Webster N.H. *Secret Societies and Subversive Movements.* London: Boswell, 1924. P. 408—409) выказывает довольно высокую степень информированности и передает всю подлинную историю в тех же фактах, которые составляют собой и книгу Эйснера. Однако вот как заканчивает Уэбстер свое рассуждение:

> *Единственное мнение, которое я рискую высказать, таково: подлинные или поддельные, эти «Протоколы» представляют собой план всемирной революции и, учитывая их пророческий характер и их ошеломительные совпадения с программами иных тайных обществ былых времен, они являются творением рук*

либо какого-то общества, либо кого-то замечательно информированного о традициях тайных обществ, способного воспроизвести в точности их идеи и самый стиль.

Сногсшибательная логика: «Поскольку в моей книге написано то, что я вычитала в “Протоколах”, “Протоколы” ее подтверждают», после чего добавляется: «Поскольку “Протоколы” подтверждают мою книгу, написанную на основании “Протоколов”, следовательно, “Протоколы” подлинны». И наконец: «“Протоколы” могут быть поддельны, но они рассказывают в точности то самое, что евреями замышляется, и поэтому их приличествует полагать подлинными». Иными словами: не «Протоколы» разжигают антисемитизм, а насущная необходимость установить личность врага заставляет уверовать в «Протоколы». Поэтому я думаю, что независимо от отважной (и все же от нее хочется не смеяться, а плакать) книги Уилла Эйснера эта история еще не кончена. Имеет смысл продолжать послеживать за нею, по возможности изгоняя Великое Вранье и ненависть, этим Враньем порождаемую.

У меня у самого есть друзья...[375]

Бывший замминистра Стефани, когда началась полемика по поводу его ссоры с немцами, привел в доказательство своего хорошего отношения к германскому народу то обстоятельство, что у него у самого первая жена была немкой. Ну и что же из этого? — скажу я. Если бы речь шла о теперешней, куда ни шло, но если немкой была бывшая жена (от нее, видимо, Стефани ушел, или она его бросила — тогда тем более...) — это как раз знак, что у него с немцами как-то не клеится. Аргумент насчет жены тем более слаб, что, если правильно помню, у Селина[376] была жена еврейка, у Муссолини долгое время любовница еврейка, что не помешало ни одному ни другому быть антисемитами.

В Америке есть выражение «У меня у самого

---

[375] Примечания: 375

Alcuni dei miei migliori amici. L'Espresso, август 2003 г.

[376] Примечания: 376

Луи Фердинанд *Селин* (1895—1961) — французский писатель, автор романа «Путешествие на край ночи» (*Voyage au bout de la nuit*, 1932) и памфлета «Безделицы для погрома», явно сочувствовал антисемитским теориям истории. По его мнению, евреи финансировали все революции, евреями были первые большевики, список имен которых Селин опубликовал, сопроводив их настоящими фамилиями.

есть друзья…» *(Some of my best friends…).* Когда кто-то, высказываясь по еврейскому вопросу, начинает с этой фразы, ждите продолжения: «у меня у самого есть друзья евреи, но…» или «но тем не менее…» и антисемитской концовки. В 1970-е годы в Нью-Йорке ставили одну комедию на тему антисемитизма, с этим именно названием — *Some of my best friends*. Эта формула сделалась до такой степени общим местом, что я начал однажды выступление против расизма словами: «У меня у самого есть друзья антисемиты…»

Some of my best friends — образец того, что в классической риторике называлось *concessio,* или уступкой: похвалив противника или продемонстрировав согласие с каким-то его высказыванием, переходить к разгромной части. Если бы я начал свое выступление словами «У меня у самого есть друзья сицилийцы», было бы ясно, что я замышляю попасть в шорт-лист литературной премии имени Умберто Босси «Италия без южан».

К слову заметим, что пусть не очень уж часто, но работает и обратное: не могу припомнить, есть

ли у меня близкие друзья в Термоли-Имерезе[377], в Канберре или в Дар-эс-Саламе (но если нет, это по чистой случайности), так вот, если бы я начинал выступление словами: «Вообще-то у меня нет ни одного знакомого в Канберре», — стоило бы ожидать бурных похвал австралийской столице.

Совсем иная политическая стратегия избирается теми, кто, предположим, начинает с неоспоримой статистики: большинство американцев настроены категорически против Буша, а большинство израильтян против Шарона, — после чего переходит к критике обеих администраций. Это просчет, единичного примера недостаточно. Не слишком убедительно цитировать одного только Амоса Оза (Израиль) или одну только Сьюзен Зонтаг (США). В риторике это именуется *exem-plum* и обладает психологической силой, однако не силой доказательной. То есть цитирование единичного, будь этой единицей Зонтаг или прочие друзья, которые есть «у меня у самого», никак не может служить доказательством для общих выводов.

Что у меня украли в Амстердаме кошелек, ни-

[377] Примечания: 377

Такого топонима, воспринимающегося как имя самой заштатной местности из всех вообразимых, не существует в природе. Зато есть очень провинциальные Термоли и Термини-Имерезе.

как не дает мне полномочия обобщать, что все голландцы карманники (такие выводы типичны для расистов). Хотя еще хуже, если обобщают прямо сразу (все шотландцы жадины, от всех корейцев воняет), так и быть, признавая со смехом, что — парадоксально — все реально знакомые нам шотландцы всегда угощали нас за свой счет в баре, а все корейцы, каких мы видели в жизни, благоухали дорогими одеколонами.

Жонглирование обобщениями опасно, что доказывается парадоксом Эпименида Критского, который заявлял во всеуслышание, что все критяне лжецы. Естественно, из уст критянина, лжеца по определению, могла исходить только ложь — выходило, что ложно утверждение, будто все критяне лжецы, а следовательно, выходило, что критяне правдивы, а следовательно, Эпименид говорил правду, однако по этой логике оказывалось, что правда — утверждение, что все критяне лжецы. И так далее до бесконечности. В ловушку попался даже святой Павел, утверждавший, что явно все критяне лжецы (потому что в этом сознался один его знакомый критянин?).[378]

---

[378] Примечания: 378

Из Послания к Титу, 1:12: «*Критяне всегда лжецы*, злые звери, утробы ленивые».

Мы разобрали несколько милых задач из семинаров по логике и риторике. Однако осталось чувство, что если кто-то начинает свою речь с «уступки», жди беды. А вообще интересно было бы в эти нынешние времена проанализировать разные виды «уступок», звучащих на политическом ристалище, как то: хвалы прокуратуре, комплименты гастарбайтерам, восхищение великой арабской культурой, глубочайшее почтение к президенту республики, и так далее и так далее. И как вслед за медоточивыми зачинами вываливается огромная куча, думаю, вы поняли, чего.

У нее у самой есть друзья[379]

В начале 1960-х годов нас с несколькими коллегами пригласили в Испанию на какую-то конференцию. Мы принялись отказываться, будучи прекраснодушными демократами: нас отвращала идея ехать в страну, где господствовала диктатура. Но испанские друзья объяснили, что если мы приедем, это создаст возможность разговора, причем достаточно свободного, поскольку иностранцам-то закон не писан, тем самым наше появление расширит границы диссидентства испанцев, которые против франкистской диктатуры. С тех пор мы ездили в Испанию при любой возможности, и я помню, что Институт итальянской культуры под руководством Фердинандо Карузо превратился в настоящий оазис свободных дискуссий и разговоров.

Тогда я уяснил, что необходимо разграничивать две вещи: политику правительства (и даже положения конституции) каждой страны и культурные процессы, происходящие в ней. Поэтому я всегда ездил на культурные мероприятия в стра-

---

[379] Примечания: 379

Alcuni dei suoi migliori amici. L'Espresso, январь 2003 г.

ны, политическая ситуация в которых мне была очень неблизка. Недавно меня пригласили в Иран молодые и очень открытые научные работники, которые там у себя выступают за развитие современной культуры, и я дал согласие ехать в Иран. Я только попросил отложить поездку до той поры, покуда ситуация на Ближнем Востоке не примет ясных очертаний, поскольку мне показалось неудобным летать, лавируя между ракетами и снарядами.

Если б я был американцем, я конечно же не голосовал бы за Буша, но это не удерживает меня от постоянных и сердечных отношений с разными университетами США.

Только что я получил свежий номер «Транслейтора» — британского ежемесячника, посвященного проблемам перевода, где и я не раз печатался. У журнала авторитетнейшая международная редколлегия, возглавляемая Моной Бейкер, научным редактором монографического труда «Энциклопедия исследований по переводу» (*Encyclopedia of Translation Studies.* Routledge, 1998). Так вот, в начале свежего номера «Транслейтора» напечатана передовица Моны Бейкер, где сказано, что многие академические институты, будучи не согласны с политикой Шарона,

организовали сбор подписей под петициями за бойкотирование израильских институтов и университетов и этот сбор подписей ведется также многими интернет-сайтами под девизами «Бойкот израильских научно-исследовательских институтов» *(Call for European boycott of research of Israel scientific institutions)* и «Бойкот научных и культурных связей с Израилем» *(Call for European boycott of research and cultural links with Israel);* по этому случаю Мона Бейкер потребовала от Мириам Шлезингер и Гидеона Тури (знаменитых израильских ученых) выйти из состава редколлегии *Translation Studies Abstracts.*

Мона Бейкер оповещает (к моему счастью) всех читателей, что она приняла это решение, не спросив мнения консультантов и сотрудников журнала, и признает, что те самые ученые, которых она выгнала, выражали в разных ситуациях резкое несогласие с политикой Шарона. И прибавляет, что этот бойкот — не *ad personam*[380], а против институций. От чего становится только хуже, ибо эти слова означают, что независимо от убеждений и поведения человека его принадлежность (рискну употребить это слово) к той или

[380] Примечания: 380
Против личностей *(лат.).*

иной расе определяет отношение к нему.

Совершенно ясно, до чего может довести принцип подобного рода: те из итальянцев, которые считают поведение Буша разжиганием войны, должны по идее заняться пресечением любых контактов между итальянскими и американскими НИИ; те иностранные ученые, которые воспринимают Берлускони как типа, подстраивающего государство под интересы своей личной власти, должны были бы порвать всякие сношения с Флорентийской академией; те, кто осуждает арабский терроризм, должны по этой логике выслать всех студентов-арабов из европейских вузов, не пытаясь разобраться, симпатизируют ли те фундаменталистам или осуждают их.

В ходе столетий, на фоне кошмарных проявлений нетерпимости и политических зверств выстояла и выжила всепланетная республика ученых, стремящаяся к взаимопониманию между людьми всех на свете стран. Срыв этого международного сотрудничества будет трагедией. Что Мона Бейкер не смогла додуматься до этого — мне досадно, учитывая, в частности, что знаток теории перевода по определению занимается диалогами различных культур. Не может быть обвинена целая страна, даже если

вызывает нарекания ее правительство. Нельзя обвинять страну, не учитывая всех различий, противоречий и несогласий между отдельными представителями ее населения.

Только что, завершая очерк, я услышал, что какой-то Комитет надзора и контроля в Израиле отменил телевизионную пресс-конференцию Шарона, рассмотрев ее как замаскированную предвыборную агитацию. По этому факту видно, до чего диалектически взаиморазлично поведение разных инстанций: не пойму, как этого могут не замечать те, кто, вероятно, считает несправедливостью эмбарго Ирака. Разумеется, эмбарго бьет и по тем, кто страдает от саддамовской диктатуры! Ни в одной области Земли все овцы не черны. Считать, что все мазаны одним миром, — именно это называется расизмом.

VII. Ну хоть повеселимся, что ли

Дар поствидения[381]

Поклонники паранормального (те самые, которым не упускают случая вставить шпильку неумолимые скептики из комитета CICAP, развенчивая мистику и всякие чудеса) ужасно любят предвидения. Но почему-то никто не интересуется поствидением. А я уверен, что поствидение — суперинтересная вещь. И знайте, что я обладаю поствидческим даром. До нынешнего дня я ревниво оберегал свой секрет, поскольку опасался иронической реакции и злобных выпадов. Теперь же, укрепившись духом после обнародования Третьей тайны Фатимы, я готовлюсь явить миру все заботливо утаивавшееся в глуби сердца.

Иногда мне случается впадать в транс и явственно видеть, почти с эйдетической четкостью деталей, эпизоды, имевшие место в эпохи, когда меня еще не было на свете. Но я вижу их не в тумане и не вынужден их описывать иносказательно и путано, как Нострадамус, чьи так называемые пророчества приложимы ко множеству любых событий. Нет, я вижу прошлое до того

---

[381] Примечания: 381
Il dono della postmonizione. L'Espresso, июнь 2000 г.

детально, что никакой двусмысленности в моих словах не бывает.

Вот вам примеры. Вижу крупный и процветающий город на берегах Малой Азии. Город осажден великой армией, которую ведет светлокудрый долгогривый герой, вижу деревянную лошадь в этом городе. Из брюха лошади выходят воины и уничтожают жителей. Спасаются только двое — один повлечется по волнам странствовать, другой высаживается на авзонский берег, основывает страну.

Вижу орды бородачей с волосами, умащенными салом, бородачи врываются в самый могущественный на свете город, их предводитель бросает меч на весы и восклицает: «Горе побежденным!»

Вижу генуэзца, чьи волосы короче, чем волосы виденных мной прежде, — он долго плывет на одной из трех каравелл, покуда юнга не прокричит: «Земля!» — и то, что он полагает Индиями, не окажется совершенно новым и неизведанным дотоле континентом.

Я вижу: некто при недлинных волосах наблюдает за Луной в изобретенную им самим трубу и возглашает, что Земля обращается около Солнца, за что его терзают и судят, и дело кончается для

него позорно, но он бормочет: «И все-таки она вертится».

Вижу стриженого с чубом, родившегося на малом острове, который с победоносными армиями проходит вдоль и поперек Европу от Альп до египетских пирамид, от Манзанареса до Рейна, а потом умирает, брошенный всеми, на острове еще меньшем, нежели тот, на котором он был рожден.

Вижу еще более коротко стриженного, тоже с чубом и с усами щеткой, — он развязывает мировую войну, организует чудовищный геноцид и глотает яд в подземном бункере.

Вижу совершенно лысого, который завоевывает власть маршем на столицу, молотит на току, общеловывает детей, покуда труп его не вывесят на площади с попугайским названием.

Что мне думать обо всех моих поствидениях? Клянусь честью, все сбылись до одного. Я осмелел и решился попытать свои силы и в предвидениях. В этом деле, ясно, больше риска, но я буду действовать с осторожностью. Ну-с. Я вижу, что через сто лет на президента Соединенных Штатов состоится покушение. Что циклон налетит на Карибские острова. Упадет самолет крупной авиакомпании. Кто-то низкого происхождения

крупно выиграет в лотерею. Итальянский политик перейдет из правого лагеря в левый или из левого в правый. Другой итальянский политик захочет спасти страну от коммунистов. Ведущий телешоу спросит у Саманты из Пьяченцы, как звали по имени актрису Монро (что-то неуловимо связывает последнее мое пророчество с предпоследним).

Как выбирают президента[382]

Сначала о хорошем. Как уже известно из вышедшего на прошлой неделе номера «Эспрессо», достаточно зайти на сайт *www.poste.it* и можно зарегистрироваться в сервис-окне, благодаря чему становится возможным отправлять из компьютера письма и телеграммы, почтовые работники напечатают их на бумаге и отнесут по домашнему адресу абонента (цена услуги приблизительно 1 евро). Благодаря этой новой системе письма не трясутся в почтовых вагонах и не валяются на станциях. Хочется сказать (ушам своим не веря) спасибо государственной почтовой службе (в кои-то веки).

Ну а теперь о грустном. Недавние выборы в США — пример того, как механизм проверки бюллетеней работает хуже, чем наша государственная почта. И тем не менее я заявляю: идеальный механизм выборов описан. Его предложил великий Айзек Азимов в рассказе «Выборы» (1955). Там описано, как в недостижимо далеком будущем, в 2008 году, избиратели осознают тот факт, что

---

[382] Примечания: 382

Come eleggere il presidente. L'Espresso, ноябрь 2000 г.

выбор президента в США обычно проходит между двумя кандидатами настолько похожими, что симпатии избирателей распределяются «фифти-фифти». Кроме этого, при компьютерном опросе общества есть возможность учитывать бесконечное количество переменных и приближаться к почти математически идеальному результату. Чтобы принять математически идеальное решение, задействован громадный калькулятор «Мультивак» (длиной в половину мили и высотой в хорошее трехэтажное здание: в прогнозировании размеров компьютеров научная фантастика не сумела предвидеть, до чего дойдет прогресс). Компьютер должен проникать в почти неуловимые нюансы симпатий и вкусов избирателей.

Но поскольку в рассказе справедливо говорится, что в развитой цивилизованной стране все избиратели находятся приблизительно на одном культурном уровне, «Мультивак» может ограничиться выяснением мнения одного-единственного избирателя. Поэтому каждый год, при проведении выборов, случайным методом попадают на один какой-нибудь штат, а в нем берут случайным методом одного какого-нибудь избирателя. На основании его запросов и

чаяний и избирают президента США. Поэтому каждые очередные выборы именуются в честь гражданина-электора: голосование Маккомбера, голосование Мюллера и так далее.

Азимов красочно передает, какое волнение царит в семье того, кто оказался избирателем (однако и радость: ведь их родственнику выпадают известность, хорошие рекламные контракты, карьера, в общем, как всем героям передачи «Большой Брат»). Как изумленно слушает малышка-внучка рассказы дедушки: в его времена голосовали всем народом! Внучка диву дается, как можно было предоставлять судьбу демократии на милость миллионов и миллионов электоров, гораздо менее надежных, чем «Мультивак»…

А ведь уже Руссо исключал построение соборной демократии в любой стране, кроме очень маленькой, где все знают друг друга и где существует возможность без труда собираться всем вместе. Что же до демократии представительской, при которой народ избирает своих представителей периодически, раз в четыре или же раз в пять лет, — этот вид демократии вступил в кризисный период. В массовом обществе, где все подвластно электронным коммуникациям, мнения нивелируются до такой степени, что

программы кандидатов становятся практически одинаковыми. Кандидатов выдвигает не народ, а партийная номенклатура, народу предлагают выбрать (самое большее) между двумя лицами (избранными келейно и похожими как две капли воды). Все это очень похоже на выборы в СССР. С той разницей, что советская номенклатура назначала только одного кандидата. Если бы советская власть выставляла на голосование не одного, а двух кандидатов, СССР преобразовался бы в американскую демократию.

Да, да, я знаю — разница есть. Хоть в демократии ритуал выборов пуст и бессмыслен, но все-таки за правителями есть какой-никакой надзор, газеты и журналы, группы давления, общественное мнение… Но все эти надзоры вполне могли бы ужиться и с системой, которую изобрел Айзек Азимов.

Вот славная игра[383]

В наше время, если бы новый Гумберт Гумберт сбежал с Лолитой, мы могли бы проследить за всеми их перемещениями. Спутниковая противоугонка указала бы, где находится Гумбертова машина. Благодаря кредиткам сделалось бы известно, в каких мотелях он останавливался и сколько номеров оплатил. Телекамеры секретной съемки запечатлели бы в супермаркете, как он берет порножурнал или газету, а по газете можно было бы судить о его политических симпатиях. Если герой покупает в отделе игрушек куклу Барби, можно сделать вывод, что он женихается с несовершеннолетней. Как только он зайдет на сайт для педофилов, наши догадки станут уверенностью. Даже ежели Гумберт Гумберт не успел пока совершить ничего предосудительного, мы сделаем вывод, что наклонности его странны и опасны и самое правильное было бы — его арестовать. То, что Барби он покупает для племянницы, то, что сексуальные фантазии индивида не обязательно приводят его на тро-

---

[383] Примечания: 383
Ecco un bel gioco. L'Espresso, январь 2001 г.

пу преступления, — это никому не интересно. Лучше посадить невиновного, чем оставить на свободе подрывной элемент.

Фурио Коломбо в романе *Privacy* («Рицколи») добавляет очень небольшую дозу научной фантастики в сюжет. У Коломбо показан специальный аппарат, который позволяет мониторить не только поведение человека, но и его мыслительный процесс. Выстраивается целая идеология «упреждения». «1984» Оруэлла в сравнении с этим — детская сказочка.

Читая книгу, задаешь себе вопрос: а точно ли мы еще далеки от описываемых картин? Я бы хотел предложить занятную игру, которая есть нечто среднее между нашей сегодняшней реальной жизнью и перспективами, угадываемыми у Коломбо.

Игра называется *Fratelli d ' Italia*[384] (но ее формат поддается адаптации для других стран) и являет собой усовершенствованную модификацию игры «Большой Брат». Вместо того чтоб демонстрировать публике частную жизнь немногочисленных людей, загнанных в искусственное пространство, супермаркетовские телекамеры

[384] Примечания: 384

Первые слова итальянского гимна «Братья по Италии». Они могут быть комически увязаны и сказанием передачи «Большой Брат».

развешиваются по всему городу, на улицах и в общественных местах (а может, еще и в частных квартирах). Теперь наблюдателям доступно отслеживать час за часом и минута за минутой поступки и действия любого жителя страны. Как он идет по улице, делает покупки, живет половой жизнью, работает и ругается с водителем-дурилой, зацепившим его машину. Смотреть на это — неподражаемое удовольствие. Действительность интереснее вымысла. Вуайеристские чувства и склонность к сплетне, живущие у каждого в душе, услаждаются — ну просто лучше некуда.

Не стану скрывать, что могут возникнуть небольшие проблемы. Кому будет отведена роль наблюдателя, кому — роль наблюдаемого? Вначале наблюдали бы те, кому время девать некуда. А те, кому время дорого, работали бы и составляли собой категорию поднадзорных. Но не исключено, что впоследствии кто-то из них остался бы дома и начал глядеть на других. Так как мониторятся и квартиры, шестьдесят миллионов наблюдателей могли бы глядеть в реальном времени на пятьдесят девять миллионов девятьсот девяносто девять тысяч других граждан, на выражение их лиц…

Можно предположить, что поскольку быть наблюдаемыми престижно, большинство людей займется какой-то красивой деятельностью, чтобы их не снимали нечесаными на диване. Все забегают как сумасшедшие. Кто же будет смотреть? А каждый заведет себе походный мини-экран, чтоб, показывая себя, в то же время смотреть, что там делают другие. Шестьдесят миллионов будут судорожно показывать себя, в то же время наблюдая, как другие в тех же судорогах показывают себя, и все куда-то мчатся, на ходу спотыкаясь, с глазами, прикованными к походным миниатюрным дисплеям.

VIII. Сумерки начала тысячелетия

Сон[385]

Когда говорят «сплю и вижу» или «ему и не снилось», обычно имеется в виду, что сны — пространство, где сбываются желания. Однако сон может быть и кошмарным, в нем может сбыться нечто совершенно нежеланное. И кроме того, он может содержать пророчество и требовать для расшифровки квалифицированного толкователя. Пусть толкователь пояснит, что провозвещал сей сон и какие неприятности пророчил.

Мой сон был послан мне именно для толкования. Ограничусь тем, что перескажу его, не пытаясь заранее понять, что в нем созвучно моим чаяниям, а что — отражение моих страхов.

Мне приснилось, что после всепланетного отключения электричества люди в диком надрыве, ища виновных, бросаются друг на друга. Имеет место глобальная война. Без дураков. Не такая мелочевка, как инциденты 1939—1945 гг. Не пренебрежимая цифра в 55 миллионов убитых. Настоящая полноценная война, с использованием мощной современной техники. Большие

---

[385] Примечания: 385
Un sogno. L'Espresso, декабрь 2003 г.

участки планеты превращены в постъядерные пустыни. Не меньше половины населения мира пало от руки врагов, от руки своих, от голода, эпидемий и прочих причин. В общем, порядочная война, проведенная компетентными ответственными генералами, по всем правилам, в ногу со временем. Естественно (во сне мы эгоисты), мне привиделось, будто я сам вполне цел, все мои близкие целы и мы с друзьями будем жить в таком уголке планеты (и даже в нашем собственном доме, в привычном месте и климате), где все не так уж безнадежно. У нас не будет больше телевизоров и интернета, поскольку телефонные сети в масштабах целой планеты единым махом скапутились. Будет иметься кое-какая радиосвязь благодаря дряхленьким детекторным аппаратам. Электроснабжение исчезнет, но, кое-как подлатав солнечные панели, удастся собирать, особенно в загородной местности, немного электричества и освещать жилье час-другой, поскольку большая часть собранной энергии пойдет на черный рынок, где за счет ее продажи удастся выручить средства на покупку керосина для ламп. Бензин покупать мы не станем, поскольку никаких машин не останется, а если и сохранится где-то автомобиль, все равно на нем невозможно бу-

дет ездить по причине отсутствия асфальтовых покрытий. Передвижение будет осуществляться конной тягой на телегах, бричках и возах.

При неярком керосиновом свете, у камина, где покряхтывают сучья, с трудом собранные в окрестных лесах, долгими вечерами я буду собирать своих внуков, которым в отсутствие телевизора ничего не останется, как сидеть при мне. Я притащу с чердака ящик старых книг и начну рассказы о том, каким был мир до войны.

Попозже вечером, прильнув к радио, вслушиваясь, мы сумеем разобрать далекие голоса, и они нас упредят, что и нашему блаженному краю угрожают опасности. Но сообщение так прерывисто, что надежнее голубиная почта. Как весело отцеплять от крылатого гонца сообщение, привязанное к лапке! Оказывается, у тети опять болит поясница, но за исключением этого, она поживает неплохо. На другом голубе прибыла гектографированная газета.

Может, нам повезет и мы узнаем, что в ближней деревне непостижимо как, но восстановилась сельская школа. Я пойду туда и предложу свои услуги по преподаванию грамматики или истории. Лучше не географии, поскольку весь земной шар на тот момент настолько переустроится,

что география, которой обучен я, превратится во что-то вроде древней мифологии. Если же школы близко не будет, я соберу ребятишек (внуков и друзей внуков), организую занятия дома. Сначала палочки с крючочками. Ставим руку. Точность движений понадобится и для письма, и для всех тех рукоделий, которым им предстоит обучиться. Постепенно мы доучимся — я имею в виду старших — и до занятий по философии.

Может быть, случайно в прицерковном дворе где-то поблизости сохранится детское футбольное поле. Играть можно и тряпичным мячом. Поискав по подвалам, вытащим на свет настольный футбол. Старый плотник сколотит пинг-понговые столы. Наши дети обнаружат, что настольный теннис не менее, а даже более увлекателен, нежели видеоигра.

В рационе станет преобладать зелень, если почва не заражена. Особенно вкусна окажется отварная крапива — не хуже щавеля. Самые плодливые на свете твари — кролики дадут необходимое мясо. По воскресеньям на столе будет курица. Малышке грудку, мальчишке ножку, папе крылышко, маме бочок, бабушке — ее любимое: шею, голову и гузку, которые в курах, выкормленных на дворе, а не на птицефабрике,

самые лакомые.

Обнаружится, до чего приятны долгие пешие прогулки. Как тепла и непродуваема вышедшая из моды куртка. Шерстяные рукавицы… в этих рукавицах можно скатывать и швырять снежки…

У старого сельского врача хранится загашник — полный короб аспирина и хинина. Без гипербарических камер, ультразвука и компьютерной томографии человеческая жизнь вернется к среднему возрасту шестьдесят лет. И это будет еще неплохим показателем в сравнении с продолжительностью жизни в среднем на планете.

На холмах начнут восстанавливать ветряные мельницы. Старики, следя за медленным обращением крыльев, припомнят и расскажут старую повесть о Дон Кихоте. Молодые найдут эту повесть очаровательной. Все начнут учиться играть на музыкальных инструментах. Инструменты окажутся в дефиците, но при наличии ножика и тростника можно наделать дудочек, сорганизовать целые оркестры, чтобы они вечерами в воскресенье играли плясовую музыку во дворе. Может, и какой-нибудь гармонист порадует нас, исполняя «Мильявакка».[386]

---

[386] Примечания: 386

«Мильявакка» — мазурка, сочиненная слепым бродячим музыкантом Аугусто Мильявакка во второй половине XIX в.

В барах и остериях возродятся партии в карты под шипучку и молодое вино. Посмешит завсегдатаев деревенский дурачок, оставив карьеру в политике. Молодежь в кризисном возрасте, ища смысла жизни, станет нанюхиваться успокоительного чаю, покрыв голову полотенцем, и старшие будут скандализованы.

В горах и долах разведутся издавна жившие там твари: барсуки, ласки, лисицы, неисчислимые зайцы. Мы станем изредка ходить на охоту (защитникам животных придется смириться), чтобы разнообразить наше белковое питание, с древними дробовиками (у кого они сохранились), а большей частью — с луками и стрелами, с тонкими сербатанами.[387]

Ночью в долинах будет далеко слышаться лай собак, хорошо кормленных, ухоженных; внезапно обнаружится, что они — превосходная замена электронных систем сигнализации. Никто не будет от них избавляться, бросать на скоростных магистралях, как потому, что собаки станут капиталовложением, так и потому, что не станет магистралей. Да и существуй эти магистрали, кто там поедет? Зачем торопиться в те края, о

---

[387] Примечания: 387

Сербатан — трубка для выдувания стрел.

которых сказано *hic sunt leones?*[388]

Люди снова полюбят чтение, потому что книги, кроме пожара и наводнения, ничего не страшатся. Книги будут выискивать в старых подвалах, в разрушающихся публичных библиотеках, их начнут брать почитать, дарить на праздники, пожирать страницу за страницей зимними вечерами, и не только зимними, продолжать листать и при отправлении нужды, присев на корточки в саду под деревом.

Получая по детекторному радио неспокойные сообщения, но надеясь все же уцелеть, мы по утрам будем восхвалять небеса за то, что еще живы, что над нами сияет солнце. Самые экзальтированные из нас, наверное, скажут, что, невзирая ни на что, у нас — возрождение золотого века.

Учитывая, что эти возрожденные невинные радости были оплачены тремя с половиной миллиардами убитых, уничтожением пирамид и Святого Петра, Лувра и Биг-Бена (а о Нью-Йорке советую даже не вспоминать — там теперь только Бронкс) и что вместо сигарет придется курить со-

---

[388] Примечания: 388

«Здесь львы» *(лат.)* — пометка на средневековых картах, указывающая на опасность неизведанных земель.

лому, поскольку, конечно, избавиться от курения я не сумею, — я пробудился ото сна неспокойный, и, по чести говоря, надеюсь, что этот мой сон окажется совсем не в руку, нисколько не в руку.

Но я все же нашел ведуна, знатока провозвестий, умеющего читать грядущее по внутренностям животных и полету птиц. Он сказал, что мой сон — не предвестие страшных неурядиц, а указание, как избежать катастрофы, уменьшая наши расходы, и воздерживаясь от собственной воинственности, и не слишком бесясь из-за чужой, и возвращаясь время от времени к старинным ритуалам и забытым видам занятий. Ведь и без всякой ядерной войны можно раз в неделю выключить компьютер и телевизор и вместо чартерного рейса на Мальдивы сесть у огня и рассказать своим детям историю. Было бы желание.

Но, добавил мой толкователь снов, именно это-то как раз и есть сон — что кому-то хватит смелости остановить мгновенье. А следовательно, добавил мудрый вещун (мудрый, конечно, но раздражительный, как все пророки, которых никто не слушает), идите-ка вы все к дьяволу с вашими катастрофами — чего заслуживаете, то и получите.

На плечах великанов[389]

Яозаглавил свое выступление частью цитаты «мы карлики на плечах великанов». Это изречение описывает ситуацию вековечного конфликта «отцов и детей», который, как мы увидим по ходу дела, есть важнейшая на свете вещь и прямо касается каждого из нас с вами.

Можно не ходить к психоаналитику — всякий знает, что каждый сын хочет убить своего отца. Я привожу оба термина в мужском роде, поскольку они в мужском роде употреблены в научных книгах. Не думайте, будто я не знаю, сколь пышна многовековая традиция убийства мамаш, от Агриппины до недавнего преступления в Нови-Лигуре.

Но я должен добавить один важный момент. В пандан к отцеубийству и в мифологии, и в психологии имеет место детоубийство. Эдип, бедняга, не виноватый ни в чем, укокошил Лая, а Сатурн, наоборот, поедал своих детей. Что касается Медеи, в ее честь тоже не будут называть

---

[389] Примечания: 389

Sulle spalle dei giganti. Выступление на вечере «Миланезиана: Литература — Музыка — Кино», июль 2001 г.

детсады. Фиест — некорректный пример, потому что, уплетая бигмак из собственного потомства, он был не в курсе дела. Но уж точно не меньше, чем было наследников византийских императоров, успешно ослепивших папаш, было и константинопольских султанов, избавлявшихся от чересчур спешливых отпрысков: они просто велели приканчивать все свои порождения от первого брака.

Конфликт отцов и детей проявляется и в менее чудовищных формах, хотя не менее драматичных. Протест может выражаться в глумлении. Хам не спустил старому Ною минутной расслабленности — как будто тот не заслужил совсем немножечко вина после всей той воды. На что, мы помним, Ной отреагировал достаточно жестко, заслав непочтительного сынка в развивающуюся страну в супердлительную командировку. Несколько тысяч лет эндемического голода и рабства за недолгое подтрунивание над захмелевшим отцом — уж точно, если разобраться, подобный срок дан не по совести, с большим перебором.

Даже если воспринимать согласие Авраама принести в жертву Исаака как высшую подчиненность Божией воле, я сказал бы, что Авраам

распоряжался сыном как своей собственностью (и собирался зарезать свое детище, чтоб заработать благосклонность Иеговы: скажите, соответствует ли это нашим с вами моральным представлениям?). Добро еще что Иегова просто устроил Аврааму розыгрыш — но Авраам-то делал все на полном серьезе. Исаак вообще постоянно вляпывался в какие-то истории. Смотрите, что произошло после того, как отцом стал он сам. Иаков не убил его в конечном счете, но выцыганил у него право первородства путем подлога, с издевкой над его слабовидением. Такая подлость, думаю, и гаже, и нахальнее порядочного отцеубийства.

Все претензии древних и новых *(des anciens et des modernes)*[390] обычно взаимны. Начиная со знаменитого спора XVII века, к которому восходит эта формула. Да, верно, Перро, а за ним Фонтенель утверждали, будто творения современных писателей более продвинуты, чем произведения предшественников, и, следовательно, новинки

[390] Примечания: 390

«Древними» и «новыми» именовались сторонники и противники классицизма во Франции середины XVII в. От лица классицистов выступал поэт Никола Буало (1636—1711), рупором «новаторов» служил поэт и автор известных сказок Шарль Перро (1628—1703).

лучше, чем старье (после чего *po è tes galants*[391] и *esprits curieux*[392] особенно усердно работали в новых жанрах — опера, рассказ, роман). Но спор-то сперва возник из ядовитой критики Буало в адрес новых, из недовольства всех тех литераторов, кто ратовал за подражание старинным авторам. Да и впоследствии споры сильно подогревались язвительными филиппиками «древних». Любым новаторам всегда и везде противостоят *laudatores temporis acti.* Нередко преклонение перед новизной и резкое отторжение прошлого как раз и рождаются как ответ на всеохватный консерватизм.

В мои времена существовали «Новейшие поэты»[393], но нам преподавали в школе, что за две тысячи лет до этих в Древнем Риме тоже была

---

[391] Примечания: 391
Галантные поэты *(фр.).*

[392] Примечания: 392
Любознательные умы *(фр.).*

[393] Примечания: 393
«Новейшими» назвали себя в конце 1950-х гг. литераторы, вскоре сформировавшие «Группу 63»: Дино Кампана, Эдоардо Сангвинети и сам У. Эко.

школа *poetae novi*[394]. Во времена Катулла термин *modernus* еще не употреблялся и слово *novi* было самоопределением поэтов, черпавших вдохновение в лирике греков, в противовес традиции латинян. Овидий в «Науке любви» писал:

Пусть другие поют старину, я счастлив родиться

Ныне, и мне по душе время, в котором живу!

Не потому, что земля щедрей на ленивое злато,

Не потому, что моря пурпуром пышным дарят,

Не потому, что мраморы гор поддаются железу,

Не потому, что из волн крепкий возвысился мол, –

А потому, что народ обходительным стал и негрубым,

---

[394] Примечания: 394

Новые поэты *(лат.).* Га й Валерий Катулл (87—54 гг. до н. э.) и его друзья создавали римскую лирику по образцу греческой, привнося в нее новые для своих сограждан темы личного чувства, мелочей жизни и используя мелические (песенные) размеры Алкея и Сафо. Не слишком одобрявший их Цицерон называл кружок Катулла «неотериками», от *греч.* νεότερος — «более новый» или «новейший».

И потому, что ему ведом уход за собой (iii, 120 слл.)[395].

О том, что новые страшно раздражали апологетов ушедшего времени, нам говорит Гораций, использовавший в значении «современный» наречие «недавно»:

Я негодую, когда не за то порицают, что грубо

Сложено иль некрасиво оно, а за то, что – недавно,

Требуют чести, награды для древних, а не снисхожденья

(Послания, ii, 1,75 слл.)[396].

То же самое отношение проявляют сегодня некоторые рецензенты, ругая молодых романистов за то, что те пишут не так, как писали в «их время».

Термин *modernus* появился, как раз когда оканчивалась эпоха, которую мы называем Античностью, то есть около v века н. э., когда во всей Европе установились действительно тем-

---

[395] Примечания: 395
Пер. М.Л. Гаспарова.

[396] Примечания: 396
Пер. М.Л. Гаспарова.

ные времена, предшествовавшие Каролингскому возрождению. Эти времена из всех возможных кажутся наименее «модерновыми». Но я должен сообщить вам (парадокс, но факт): в эти-то темные века, после того как воспоминания о былом величии потускнели, после того как от прежнего мира остались только обломки, уродливые, обгорелые, тихо наметилось обновление, которого сами новаторы не заметили. На самом же деле именно тогда начали складываться новые европейские языки — думаю, самое новаторское, самое культурно-потрясающее явление за две тысячи лет. Параллельно этому и классическая латынь начала превращаться в средневековую. Появились у деятелей культуры и первые признаки гордости за собственное новаторство.

Первое проявление гордости — осознание, что переделанная латынь уже не та, что существовала в античности. После распада империи римлян древний континент переживал упадок земледельческой культуры, по разрушении римских городов, дорог и акведуков Европа зарастала деревьями, и поэты, иллюстраторы и монахи жили в древесном мире как в «сумрачном лесу», полном страхолюдных чудищ. Григорий Турский в 580 году жаловался на конец литературы. Не помню

уж какой Папа сомневался, действительны ли крещения, совершаемые на территории Галлии, потому что там крестят во имя *Patris et Filiae* (Отца и Дочери) и Святаго Духа, до такой степени священнослужители перевирают латынь. И вот на фоне этого забвения всяких правил, в период между VII и x веками, развилась так называемая *estetica hisperica*, то есть стиль, который утвердился от Испании до Британских островов, охватив Галлию.

Классическая латинская традиция описала (и заклеймила) этот стиль как «азианский» (а позднее как «африканский») в противоположность выдержанному «аттическому». В азианском стиле вызывало протест то, что классическая риторика именовала «дурным пафосом». Дабы показать, до чего отцам церкви в V веке претил этот дурной пафос, приведу отрывок из Первого послания св. Иеронима против Иовиниана:

> *Сколько теперь писателей-варваров, сколько речей замутнено огрехами стиля, который столь невнятен, что непонятно ни кто говорит, ни о чем говорится! Все или чересчур раздуто, или же плоско, как заболевшая змея; все свернуто*

нераспутываемыми узлами, и хочется повторить следом за Плавтом: «Никто того не разберет, кроме Сивиллы». К чему все эти глагольные ведьмачества?

Все те приемы, которые с точки зрения классической традиции были «огрехами», гисперийская поэтика назвала достоинствами. Фраза гисперийского текста уже не подчиняется традиционному синтаксису. Высказывание не соответствует традиционной риторике. Законы ритма и метра нарушены. Составляются вереницы синонимов совершенно барочной витиеватости. Цепочки аллитераций, которые в классическом мире немедленно были бы запрещены и сочтены какофонией, воспринимаются теперь как новая музыка, и Альдхельм из Мальмсбери[397] радуется, составив фразу, где каждое слово начинается с одной и той же согласной: *«Primitus pantorum procerum praetorumque pio potissimum paternoque praesertim privilegio panegyricum poemataque passim*

[397] Примечания: 397

Альдхельм из Мальмсбери (640—709) — английский поэт, вероятно, из королевской династии Уэссекса, аббат монастыря в Мальмсбери, писал стихи на древнеанглийском, загадки и прозу на латыни.

prosatori sub polo promulgantes…»[398]

Лексика обогащается за счет невообразимых гибридов, в нее врываются еврейские слова и эллинизмы, тексты строятся как ребусы. Если в классической эстетике идеалом почиталась ясность, эстетика гисперийская ставит на место идеала темноту. Классическая эстетика обожала пропорции, а гисперийская боготворит перекошенность, усложненность, пышные эпитеты и перифразы, все гигантское, все уродское, безграничное, сверхразмерное и несусветное. Для описания морской воды используются прилагательные *astriferus* и *glaucicomus*[399], и ценятся неологизмы — *pectoreus, placoreus, sonoreus, alboreus, propriferus, flammiger, gaudifluus…*[400]

Те же лексические эксперименты расхваливал

---

[398] Примечания: 398

«Первым пробую петь, пускай поэтический подвиг, под покровительством Папы, провозгласится! Поэзию плавлю, прозой пронзаю, и панегирик пусть поразит поднебесье! *(лат.)*

[399] Примечания: 399

Звездоносный *(лат.)* и зеленовласый (*греч.*, вошло в латынь).

[400] Примечания: 400

Сердцевещий, кротковещий, звуковещий, беловидный, собственноносный, пламяносный, восторгоструйный *(лат.)*.

в VII веке Вергилий Грамматик[401] в своих «Эпитомах» и «Эпистолах». Этот безумный словоплет из городка Бигорр, расположенного неподалеку от Тулузы, цитирует куски Цицерона и Вергилия (настоящего), которые Цицерон с Вергилием даже не думали писать. Затем мы узнаем или догадываемся, что автор фальшивых цитат просто входил в кружок риторов, которые выбрали себе каждый по одному из знаменитых имен, некогда принадлежавших латинским классикам, и под этими ложными именами они писали на такой латыни, которая классической явно не была, да еще и похвалялись своими проделками.

Вергилий из Бигорра выдумал новый лингвистический мир, который будто вышел из фантазии и из-под пера Эдоардо Сангвинети[402], хотя по хронологии могло быть только наоборот. Этот Вергилий говорит, что латинский язык существу-

---

[401] Примечания: 401

Вергилий Марон Грамматик, он же Вергилий Тулузский (годы и место жизни в точности неизвестны — наиболее вероятны VII в. и область на юге Франции или севере Испании). Среди «авторов», которых цитирует Вергилий, значатся как реальные Вергилий и его комментатор Элий Донат, так и не совпадающие с древними Варрон, Катон, Вергилий, три Вулкана, Эней, Ориген и носители таких замечательных имен, как Суффоний, Гальбунгус и даже Балапсидий.

[402] Примечания: 402

Эдоардо Сангвинети (1930—2010) — итальянский писатель, поэт, критик и переводчик, активно экспериментировавший с метром, лексикой и строфикой.

ет в двенадцати подвидах и в каждом из них огонь называется по-другому: *ignis, quoquin-habin, ardon, calax, spiridon, rusin, fragon, fumaton, ustrax, vitius, siluleus, aeneon*[403]*(Epitomae,* I, 4). Бой именуется *praelium,* поскольку бои происходят на морской глади, а море зовется *praelum,* по причине его огромности — оно «первенствует», иначе говоря, «прелатствует» во всем чудесном *(Epitomae,* IV, 10). В то же время поэт подвергает пересмотру самые основные правила латинского языка. Он рассказывает, что риторы Гальбунг и Теренций четырнадцать дней и четырнадцать ночей проспорили о звательном падеже местоимения «я» и что проблема эта является наиважнейшей, поскольку надо знать, как обращаться, говоря в высоком штиле, к самому себе («О я, хвалимо ль деяние мое?» — *O egone, recte fed?).*

Но перейдем к вульгарной латыни. Приблизительно к концу v века нашей эры народы говорили уже не на латыни, а на галло-романском, испано-романском, итало-романском или романобалканском наречиях. Это были устные языки, без письменности. Но еще до появления

[403] Примечания: 403

Огнин, зарин, варин, кипятин, жарин, трескотин, палин, дымон, алин, оживин, кремнии и еще — энеон, от Энея бога в пламени живуща (Эко У. *Имя ро зы.* День 4).

Страсбургских клятв и Капуанской хартии[404] существовал яркий символ лингвистического новаторства — Вавилонская башня. Пред лицом умножения языков в Европе многие цитировали эту библейскую историю, используя символ Вавилонской башни как знак проклятия и беды. Многие, но не все — были и такие, кто в рождении вульгарных языков видел рост, современность и прогресс.

Когда в VII веке ирландские грамматики взялись за описание преимуществ гэльской грамматики перед латинской (в произведении «Наставление поэтам»), они использовали для зачина именно-таки Вавилонскую башню. Как в Вавилонской башне употреблялось девять материалов: глина и вода, шерсть и кровь, дерево и известь, деготь, лен и земляная смола[405], так для создания гэльского языка были использованы девять грамматических категорий: имя, местоимение, глагол, наречие, причастие, союз,

[404] Примечания: 404

Страсбургские клятвы — союзнический договор между западнофранкским королем Карлом II Лысым и его братом восточнофранкским королем Людовиком II Немецким 14 февраля 842 г. Текст содержит древнейший памятник французского (старофранцузского) языка. Капуанская хартия — сохранившаяся запись показаний свидетелей на суде (960), первый образчик итальянского (протоитальянского) языка.

[405] Примечания: 405

Бытие, 11:1–9.

предлог, междометие. Параллель, опередившая свой век. Вообще же, следует заметить по этому поводу, человечеству пришлось дожидаться Гегеля, чтобы наконец утвердилась в умах авторитетная и положительная трактовка сказки о Вавилонском столпотворении.[406]

Ирландские грамматики считали, что гэльский язык являет собой первый и единственный пример того, как удается преодолеть «смешение языков». Создатели гэльской грамматики действовали методом, который хочется назвать *cut and paste.* Они брали все лучшее, что находили в каждом существующем языке. А для вещей, которым не было до тех пор приискано никакого имени, они придумывали имена сами, при этом серьезно заботясь о сохранении родства между формой слова и идеей понятия.

Совершенно иначе понимая свое достоинство и долг, несколько столетий спустя Данте Алигьери объявил, что это он — новатор, изобретатель нового вольгаре. Устроив смотр скопищу итальянских диалектов, разбирая каждое наречие

---

[406] Примечания: 406

Притча о Вавилонской башне приводится у Гегеля (Гегель Г.В.Ф. *Эстетика.* М.: Искусство, 1971. Т. III. С. 33). Символической архитектуре Вавилонской башни Гегель противопоставляет архитектуру классическую, основанную на развитии двух «целесообразных» форм: формы дома и формы храма.

дотошно, как лингвист, но в то же время и высокомерно, даже можно сказать, презрительно, как поэт, который ни секунды не сомневался, что является высочайшим из всех на свете творцов, — Данте приходит к выводу, что следует стремиться к речи блистательной *(illustre,* блестящей и все освещающей), осевой *(cardinale,* в смысле — главной), придворной *(aulica,* достойной пребывания в королевском дворце, хоть королевского дворца у итальянцев и нет) и правильной (*cunale,* употребимой в качестве языка правительств, языка закона, языка мудрости).

Трактат «О народном красноречии» *(De Vulgari Eloquentia)* содержит свод правил единственного и истинного народного красноречия, того поэтического языка, которым Данте гордится, почитая себя его основателем, и который он противопоставляет множеству разнородных языков, считая новоявленным единством, отражением первоначальной близости вещей и чем-то сходным с той формой речи, которой говорил Адам. Блистательное красноречие, за которым Данте охотится, как за «чуемой пантерой», представляет собой реконструкцию эдемского языка, исцеление от вавилонской травмы. Именно этот отважный замах на роль восстановителя совершенного языка

определяет позицию Данте. Вместо того чтобы негодовать из-за множественности языков, Данте делает упор на их почти животную силу, на их способность обновляться и переменяться во времени. Имея дело с таким эластичным, пригодным для творчества материалом, Данте замахивается на создание совершенного и естественного современного языка и не стремится восстановить утраченные модели прошлого, как-то: первородный еврейский язык, «какой издали уста первого говорящего». Данте выдвигает самого себя на роль новоявленного (и более совершенного) Адама. В сравнении с Дантовой гордыней бледнеет позднейшее высказывание Рембо: *il faut ê tre absolument moderne*[407]. В борьбе отцов и детей текст, начатый словами «Земную жизнь пройдя до половины», отцеубийственнее, нежели текст книги, названной «Одно лето в аду».

По-моему, первое упоминание термина *modernus* во всей истории «борьбы поколений» встречается не в области литературы, а в области философии. Если раннее Средневековье считало

[407] Примечания: 407

«Надо быть абсолютно во всем современным. Никаких псалмов: завоеванного не отдавать». Пер. М.П. Кудинова. Из книги «Одно лето в аду» (*Une saison en enfer*, 1873), единственного изданного автором произведения французского поэта Артюра Рембо (1854—1891).

своими философскими истоками тексты позднего неоплатонизма, то есть Августина, и те произведения Аристотеля, которые входят в «Старую логику»[408], то к началу XII века в сферу схоластической культуры постепенно попали другие работы Аристотеля («Аналитики» первая и вторая, «Топика» и «Софистические опровержения» с «Софистическими доказательствами»), которые получили название «Новой логики» *(Logica nova).* Тут-то и совершился переход от исключительно метафизического и богословского дискурса к разбору множественных тонкостей и нюансов, изучаемых сегодня логикой как то самое живое, что унаследовали мы от средневековой мысли. Тут-то и родилась та новая мысль, которая не без гордости принялась именовать себя *Logica Modernorum*.[409]

Какою новизной отличалась *Logica Modernorum* по отношению к богословской мысли предшествовавших веков, мы можем понять из следующей картины. Католическая церковь ка-

[408] Примечания: 408

«Старая логика» *(Logica vetus)* — под этим названием объединялись труды Аристотеля по логике (*Praedicamenta* и др.), которые ранее стали известны в Европе благодаря переводам Боэция.

[409] Примечания: 409

Европейская логика с XII в. по наше время.

нонизовала Ансельма Кентерберийского, Фому Аквинского и Бонавентуру, но ни одного из поборников современной логики. Притом никто из современных логиков вовсе не был еретиком. Но просто, в отличие от богословов предыдущих столетий, эти-то занимались иным. Ныне мы сказали бы: они занимались организацией мышления. И они тем самым более или менее сознательно убивали своих отцов, в точности как философия гуманизма взялась впоследствии убивать их самих, современных, однако устаревших. Убить не убила, но сумела засушить и запереть в пыльных университетских книгохранилищах, где сегодняшние ученые лишь только начинают их заново открывать для себя.

По перечисленным мною случаям, как бы то ни было, видно, что всякая новация и всякое оспаривание отцов происходит через обращение к некоему пращуру, предположительно — лучшему, нежели прямой отец, которого стараются уничтожить. Пращур же восхваляется как противоположность отцу и как идеал для подражания. Древнеримские «новые поэты» восставали против латинской традиции и восхваляли традицию греческую. Гисперийские поэты и Вергилий Грамматик лепили свои лингвистические гибриды,

заимствуя этимологию от кельтов, визиготов, эллинистической греческой словесности, евреев. Ирландские грамматики, изобретая язык, задирали нос даже перед латынью: ведь их язык представлял собой коллаж из более древних наречий. Данте нуждался в очень сильном предке, поэтому уцепился за Вергилия (настоящего Вергилия Марона). *Logica Modernorum* стала такой современной благодаря тому, что ей повезло раскопать позабытого Аристотеля.

Распространенное общее место в представлениях Средневековья — что прежние люди были красивее потомков и превосходили их ростом. Это совершенно противоречит реальным наблюдениям. Достаточно пойти взглянуть, какой длины была раскладушка Наполеона. Можно искать причину распространенного заблуждения в том, что потомки представляют себе внешность древних людей по статуям. А статуи-портреты обычно «укрупнялись» по сравнению с портретируемыми на многие и многие сантиметры. Еще одно объяснение «известной» низкорослости потомков — в условиях их жизни. После распада империи римлян люди Европы регулярно недоедали. Крестоносцы и рыцари Грааля, как их показывают в кинобоевиках, ненатурально

откормлены. Вообще же, хотя и Александр Македонский был коротыш, но все-таки вероятно, что Верцингеторикс превосходил ростом короля Артура.

Есть противоположное по смыслу общее место, излюбленное и Библией, и литераторами поздней античности, и всеми, кто творил впоследствии. Это идея *puer senilis*[410], идея юноши со всеми достоинствами молодого, но и со всеми добродетелями пожилого человека. Может ошибочно показаться, будто восхищение высокорослостью древних людей — это установка консерваторов, а идеализирование «старческого мальчика», *senilis in iuvene prudentia,* идеализирование, идущее еще от Апулея[411], — это новаторское устремление. Неправильно! На самом деле восхищение древними составляет часть общей тенденции новаторов искать обоснования своему новаторству в старой традиции, которою якобы пренебрегли отцы.

За несколькими исключениями, среди которых

---

[410] Примечания: 410

Староподобного юноши *(лат).*

[411] Примечания: 411

«Мы нашли в сыне отцовскую справедливость, в юноше мудрость старца, в легате внушительного консула, одним словом — все твои добродетели в таком точном повторении, что. клянусь богом, скорее в юноше, чем в тебе заслуживали бы восхищения эти достоинства, если бы не ты сам передал их ему» (Апулей. *Флорида. 9.* Пер. СП. Маркиша).

приводившийся мною выше пример Данте, в Средневековье считалось, что истину следует утверждать лишь постольку, поскольку она уже была заявлена кем-то авторитетным и прежде нашего жившим. До того доходило, что если не удавалось подыскать авторитетных провозвестников для идеи, предшественников изобретали на ходу, потому что у авторитета, как говорил Алан Лилльский в XII веке, нос из воску — его можно повернуть в любую сторону.

Разберем поподробнее эту ситуацию, потому что когда кончилось Средневековье и когда появился Декарт, стало принято считать, что философ — это тот, кто до состояния *tabula rasa* стирает все предыдущее знание и — повторим выражение Маритена — предстает «дебютантом абсолюта», *un debutant dans l ' absolu*. В нашу эпоху любой мыслитель (не говоря уж о поэтах, писателях, художниках), чтобы его воспринимали серьезно, должен во что бы то ни стало продемонстрировать, что отличается от своих непосредственных предшественников, а даже если это не так — стремится создать такую видимость. Ну вот, а схоласты занимались совершенно обратным делом. Совершая самые жуткие отцеубийства, они делали вид, будто повторяют

в точности то же, что говаривали их отцы.

Фома Аквинский был для своей эпохи яростным революционером, он перевернул всю философию христианства, но, если бы ему на это указали (а кстати, пробовали), он был готов к ответу, что лишь повторяет то же, что за восемь с половиной до него столетий высказывал святой Августин. В словах Фомы Аквинского не было ни обмана, ни лицемерия. Просто всякий философ Средневековья был убежден, что следует только тихонько, понемножку, нечувствительно подправлять, выравнивать, совершенствовать мысли собственных предшественников и что как раз благодаря сужденьям отцов их идеи приобретают кристальную ясность. Тогда-то вошел в употребление афоризм, который я вывел в заголовок этого текста — высказывание о карликах и великанах.

> *Dicebat Bernardus Carnotensis nos esse quasi nanos gigantium humeris insidentes, ut possimus plura eis et remotiora videre, non utique propri visus acumine, aut eminentia corporis, sed quia in altum subvehimur et extollimur magnitudine gigantes.*
>
> *(Бернард Шартрский сказал, что все мы*

– карлики на плечах великанов, благодаря чему можем видеть дальше, нежели те, и не благодаря росту, не благодаря остроте зренья, а потому что, став на их плечи, становимся выше, чем те.)

Кого интересует вся история этого афоризма, тому рекомендую обратиться к работе Эдуара Жоно *(Nani Gigantum Humeris Insidentes)*. Но другая книжка об этом же афоризме гораздо забавнее и безумнее: я имею в виду *On the Shoulders of Giants,* написанную в 1965 году одним из самых крупных современных социологов Робертом Мертоном. Мертон вычитал примечательную модификацию этого афоризма у Ньютона, в письме Ньютона Гуку 1675 года: *«If I have seen further it is by standing on ye sholders of Giants»*[412]. Мертон стал доискиваться первоисточника цитаты и забирался все дальше в глубь времени, выстраивая цепочки заимствований, добавляя в каждое новое издание сноски и примечания, пока не издал их отдельной книгой, затем ее же он напечатал на итальянском языке (*Sulle spalle dei giganti.* Bologna: Mulino, 1991) и любезно попросил меня написать

[412] Примечания: 412

Если я мог видеть дальше, то потому, что стоял на плечах великанов *(англ).*

предисловие, а потом перевел все это обратно на английский в качестве «постительянского» издания (1993).

Первым, кто приписал высказывание о карликах и великанах Бернарду Шартрскому, был Иоанн Солсберийский (*Металогикон,* III, 4). Наверное, Бернард все же не первым придумал эту фразу. Мы встречаем нечто в подобном духе за шесть столетий до Бернарда, у Присциана. Передаточной инстанцией от Присциана к Бернарду мог выступить Вильгельм Коншский, который говорил о великанах и карликах в своих «Глоссах к Присциану» за тридцать шесть лет до Иоанна Солсберийского. Но нас сейчас интересует другое. Нас интересует тот факт, что после Иоанна Солсберийского этот афоризм стал гулять, как говорится, сам по себе. В 1160 году он промелькнул в одном тексте Лаонской школы, в 1185 году — у датского историка Свена Аггесена, у Герарда из Камбре, у Рауля из Лоншана, у Эгидия из Корбея, у Герарда из Оверни, а в XIV веке — у Александра Рика, придворного лекаря арагонских королей, а также еще через два века — в произведениях медика Амбруаза Парэ и у одного ученого XVII столетия, Даниэля Сеннерта, и лишь после этого попал к Ньютону.

Языковед Туллио Грегори нашел тот же самый афоризм у Гассенди (*Scetticismo ed empirismo. Studio su Gassendi,* Bari, Laterza, 1961), однако следовало бы добавить как минимум Ортегу-и-Гассета, который в своей работе «Вокруг Галилея» (*Entorno a Galileo. Obras completas,* V. Madrid, 1947. P. 45), говоря о смене поколений, использует ту же метафору: «Представим себе поколения не в горизонтальном срезе, а вертикально — скажем, в виде живой пирамиды из акробатов, когда одни стоят на плечах у других. Как правило, те, кто образует ее вершину, чувствуют свое превосходство над другими. Вместе с тем им нельзя забывать, что они — пленники тех, кто стоит внизу».[413]

С другой стороны, в недавно вышедшей «Энтропии» Джереми Рифкина я нашел цитату из Макса Глакмана[414]: «Наука — это любая дисциплина, в которой даже дурак нового поколения может превысить уровень, достигнутый гениями предыдущего поколения». Между этим высказыванием и фразой, приписываемой Бернарду, расстояние в восемь столетий, и с фразой произошли изме-

[413] Примечания: 413

Пер. А.Б. Матвеева.

[414] Примечания: 414

Макс Глакман (1911—1975) — английский антрополог и социолог, основатель Манчестерской школы.

нения. Описание взаимоотношений «отцов и детей» в философской и в богословской науках здесь трансформируется в формулу, описывающую прогресс в развитии естественных наук.

В Средневековье, едва войдя в употребление, эта фраза сразу же обрела популярность потому, что позволяла разрешить во внешне нереволюционной форме конфликт между поколениями. Да, предшественники — безусловно великаны, да, мы безусловно малы в сравнении с ними, но пусть мы малы, благодаря тому, что мы стоим на плечах великанов (то есть пользуемся плодами их учености), мы можем видеть дальше, чем они. Какова была первичная идея этого афоризма? Выразить смирение или гордость? Выразить ту мысль, что мы знаем (даже пусть и лучше) только то, чему предшественники нас научили, или что мы знаем (даже пусть благодаря исключительно предшественникам) больше, нежели знали они?

Поскольку одна из повторяющихся тем средневековой культуры — постепенное старение мира, можно было бы истолковать этот афоризм Бернарда в таком смысле, что, поелику *mundus senescit*[415], мы, потомки, старее наших пред-

[415] Примечания: 415
Мир стареет *(лат.).*

шественников, однако благодаря их заветам успеваем понять и сделать то, что предкам не удавалось ни сделать, ни понять. Бернард Шартрский применил это знаменитое высказывание в ходе одного грамматического спора, когда обсуждалось понятие знания и подражания стилю древних, но при этом, как сообщает тот же Иоанн Солсберийский, Бернард бранил своих современников, которые рабски подражали древним, и говорил, что вместо того, чтобы писать так же, как предшественники, надлежит просто учиться у предшественников писать хорошо, настолько хорошо, чтобы впоследствии вдохновить еще кого-нибудь не хуже, чем древние вдохновили нас.

То есть, хоть и не современными словами, но говорится: самостоятельнее! Смелее! Именно так и я трактую этот афоризм.

Текстуально говорится: «Мы видим дальше, нежели видели древние». Это метафора пространственная, она подразумевает продвижение к горизонту, и тут необходимо подчеркнуть еще кое-что. Дело в том, что восприятие истории как поступательного движения — от сотворения мира до воскрешения из мертвых и до пришествия Христа торжествующего — является изобретением отцов церкви. Поэтому, нравится ли это вам,

нет ли, но без христианства (в багаже которого — иудейское мессианство) ни Гегель, ни Маркс не смогли бы философствовать о том прогрессе, который Леопарди скептически определил как *magnifiche sorti e progressive.*

Дата появления фразы о карликах — XII век. Меньше столетия протекло с тех пор, как затихли споры по вопросу, из-за которого волновался весь христианский мир со времен первых чтений Апокалипсиса до ужасавшего народ тысячного года. Эти страхи были сильно преувеличены в том, что касается массовых движений. Но их отголоски явственно слышатся в литературе милленаризма и во многих еретических идеях и течениях, более или менее законспирированных. Милленаризм (невротическое ожидание конца времен) в эпоху появления высказывания о карликах составлял собой тему бурных обсуждений во множестве еретических движений, однако из группы тем, обсуждавшихся в традиционной церкви, милленаризм быстро испарился. Второе пришествие, конечно, ожидалось, но церковь начала описывать это Второе пришествие как некую идеальную заключительную точку развития истории, так что момент Второго пришествия окрасился положительными тонами. Карлики на

плечах великанов сделались символами продвижения к светлому будущему.

С появления в средневековых писаниях этого высказывания о карликах начинается история современного мира. Новизна этой истории и этого мира обусловлена именно тем, что заново обретаются ориентиры, отринутые отцами. Разберем для примера интересную ситуацию, в которой жили известные философы итальянского гуманизма — Пико делла Мирандола, Марсилио Фичино. Оба они, как рассказывали нам учителя в школе, — главные герои великой битвы против средневековой косности; приблизительно в тот же период в эстетику был введен термин «готика», то есть нечто темное, мутное, неровное, средневековое. Казалось бы, наступала эпоха сугубой ясности и четкого рационализма. Но чем же были заняты упомянутые здесь выше Пико и Фичино? А заняты они тем, что изучают Платона, предпочитая его Аристотелю, и открывают для себя и для мира *Corpus Hermeticum* и документы халдейских мудрецов. Они возводят храм нового знания на такой ветхой мудрости, которая уходит в глубь времен, давнее даже самого Иисуса Христа. Так что не стоит соглашаться с теми, кто расписывает гуманизм и Возрождение револю-

ционными красками. Их новаторская стратегия зиждется на одном из самых реакционных передергиваний, какие только имели место в истории познания (если под реакционностью в философии понимать возврат к вневременному Преданию). Тут мы имеем дело с такими отцеубийцами, которые, ликвидируя отцов, карабкаются на дедовские плечи и с их мощных плеч обретают ренессансную возможность увидеть человека как центр и средоточие мироздания.

Думаю, лишь после результатов, достигнутых наукой в XVII веке, западная культура получила право заявить сама себе в первый раз, что она перевернула мир кверху тормашками, взаправду совершила революцию в познании. И все же отправная точка этой новой науки — гипотеза Коперника — восходила все к тем же платонизму и пифагорейству. Иезуиты во времена барокко задались целью построить современный мир, альтернативный по отношению к коперниканскому: ища альтернатив, они открывали древнейшую письменность и изучали цивилизации далекого Востока. Исаак де ла Пейрер, отъявленный еретик, доказывал с бумагами в руках (ниспровергая библейскую хронологию), что мир был начат задолго до появления Адама,

в морях, омывающих Китай, и что воплощение Духа Святого является всего лишь только второстепенным эпизодом в истории нашего земного шара. Вико[416] видел всю историю человеческого рода как продвижение от древних великанов к эпохе, когда наконец удастся начать рассуждать чистым разумом. Французское просветительство мыслило себя как радикально современное движение, в доказательство чего убило (прямо-таки взаправду убило, на гильотине) своего отца — избрав в качестве козла отпущения Людовика Капета. Но даже и французские просветители (достаточно почитать хоть немного «Энциклопедию») то и дело обращались к великанам прошлого. В «Энциклопедии» много гравюр с изображением станков — в честь развивающейся мануфактурной промышленности, — но бок о бок с этими материалами есть и статьи «ревизионистские» (в смысле — где история человеческого общества пересматривается глазами активнейших карликов).

Великие коперникианские революции XIX столетия получили импульс от предшественников-

[416] Примечания: 416

Джамбаттиста *Вико* (1668—1744) — итальянский философ, профессор риторики университета в Неаполе (с 1699). Основатель философии истории и психологии народов.

великанов. Канта разбудил от догматического сна Дэвид Юм. Романтики выдумали «Бурю и натиск» под впечатлением средневековых руин и туманов. Гегель окончательно утвердил примат нового над старым, представив Историю как движение к совершенству без осечек и сожалений, и пересмотрел всю историю человеческой мысли. Маркс выработал свой материализм, взяв себе за отправную точку (в дипломной работе) греческих философов-атомистов. Дарвин аннулировал библейских пращуров и назначил «великанами» крупных антропоморфных обезьян, на чьи плечи и приземлились, оказывается, первые люди, сойдя со своих деревьев, после чего сразу столкнулись, еще не избыв ни изумления, ни свирепости, с такой необычной задачей, как необходимость управляться с хватучим противопоставленным большим пальцем руки.

Со второй половины XIX века зарождаются новаторские стили в искусстве, которые почти целиком сводятся к новому употреблению старых приемов. Именно в этом новизна прерафаэлитов и декадентов. Новая близость к некоторым далеким отцам приводит к бунту против отцов непосредственных, развращенных чересчур легкой жизнью, наступившей после изобрете-

ния механического ткацкого стана. Кардуччи был глашатаем современности, он создал гимн Сатане, однако то и дело продолжал обращаться за подсказками и идеалами к мифическому прошлому коммунной Италии.

Авангардисты начала XX века — казалось бы, самый чистый случай отцеубийства во имя модерна, под широковещательные заявления, что отныне все свободны от раскланивания перед прошлым. Это победа гоночного автомобиля над Никой Самофракийской. Это убийство лунного света[417]. Это культ войны как единственной гигиены мира. Это кубистское расчленение форм. Это марш абстрактного искусства к белому холсту, замена музыки шумом или молчанием или замена гармонической тональности — «серией»; в моду входят офисные опен-спейсы с низкими стенками, которые не возвышаются над пространством, а поглощают его, в моду входят дома в форме стелы — параллелепипеда. Минималистское искусство торжествует. Торжествует и

[417] Примечания: 417

В «Футуристическом манифесте» 1909 г. итальянского поэта Филиппо Томазо Маринетти (1876—1944) сказано, что гоночный автомобиль, «несущийся как шрапнель», прекраснее Ники Самофракийской. Убийство лунного света провозглашается во «Втором футуристическом манифесте» 1909 г.: «Прикончим лунный свет!» *(Uccidiamo il chiaro di luna!).*

такая литература, которая формируется путем деструкции нарративного потока и нарративного времени во имя коллажа и белого листа.

Однако после того, как ниспровергнуты великаны-кумиры и обнулено все наследие прапращуров, опять-таки начинает проклевываться в карликах почтение к высшим авторитетам. Пример подобного почтения — не столько Маринетти, который, замаливая грехи за убийство лунного света, вступил в Академию Италии (каковая Итальянская академия к лунному-то свету донельзя благоволила!), сколько Пикассо, который, чтоб получше разделать человеческое лицо, вдумчиво изучал классические и возрожденческие каноны, в итоге возвратившись к образам древних минотавров. Дюшан пририсовал усы Джоконде, но ему потребовалась Джоконда, чтобы было кому приделать усы. Магритт, дабы провозгласить, что рисуемое им — это не трубка, вынужден был нарисовать с тщательнейшей реалистичностью — именно трубку. Наконец, великое отцезаклание, совершенное над историческим телом романа, отцезаклание Джойса, совершилось в форме перепева гомеровского сюжета. Новейший Джойсов Улисс плывет, сидя на плечах минувшего, привязавшись к корабельной

мачте мифа и литературы.

Вот мы с вами и подплыли к самому заветному: к постмодернизму. О постмодернизме говорят все, всегда и применительно ко всему. Однако все же, наверное, есть нечто общее в культурных операциях, называемых постмодернистскими. Я имею в виду, что постмодернизм — это реакция, вполне возможно бесознательная, на ницшеанское «Второе несвоевременное рассуждение» об истории, где объявляется «ущербным» «развитие исторического чувства». Если это историческое чувство, столь ненавистное для Фридриха Ницше, не сумели выгнать из своего сознания даже революционеры и авангардисты, что ж — придется нам всем смириться с тягостными влияниями и всегда учитывать прошлое в общем плане, но посильно стремиться отойти от него на максимальное расстояние, допускаемое иронией.

Мы подошли к последнему, недавнему этапу поколенческого бунта: к 1968 году. Это яркий пример протеста «новой» молодежи против общества взрослых, против всех, кому нельзя доверять, кто старше тридцати лет. Оставим в стороне американских хиппи, вдохновлявшихся заветами старого доброго Маркузе, и вспомним, какие лозунги выкрикивали демонстранты в

Италии: *Viva Marx! Viva Lenin! Viva Mao Tze Tung!* Это как раз показывает, до чего были необходимы пращуры-великаны тем, кто протестовал против предательства отцов (то есть парламентских левых). Становится культовой даже фигура новоявленного *puer senilis,* Че Гевары — он умер молодым, но после смерти сделался иконой мудрости, и это юноша со всеми достоинствами старика.

Однако с 68-го по сегодняшний день все на свете переменилось… До какой степени — можно понять, вникнув в явление, которое у многих в сознании невнимательно помечено ярлыком «нового 68-го»: я говорю об антиглобалистах. Часто в печати особо подчеркивается молодежный окрас антиглобального движения. Но это движение отнюдь не только молодежное. В нем участвуют и семидесятилетние священнослужители. 1968 год — это да, он был проявлением поколенческого протеста, к которому периодически причаливали нетипичные взрослые, неизвестно с какой стати переодевавшиеся из пиджачной пары в свитера и отказывавшиеся от одеколонов во имя вольного, бунтарского потения. Но в 68-м году один из первых лозунгов движения звучал примерно так: не доверяться никому на свете из тех, кто

старше тридцати. А антиглобализм вообще не знал таких лозунгов, антиглобализм не молодежен, его родоначальники — почтенные взрослые люди, к примеру — Бове, и часто они — носители опыта прежних революций. Это не выражение генерационного конфликта, не спор традиции и новаторства, а если бы в антиглобализме этот спор и присутствовал, то (с вынужденной приблизительностью) пришлось бы провозгласить, что глобалисты с технократами — это как раз в данном споре новаторы, а борцы-демонстранты — это оберегатели прошлого, ностальгики, луддисты.

Все, что происходило в последние десять лет, от Сиэтла до Генуи, несомненно представляет собой новейшую форму политической конфронтации, но (важно!) эта конфронтация простроена, в принципе, по касательной и ко всем поколениям, и ко всем идеологиям. Этот конфликт представляет собой сшибку разных мировоззрений, разных взглядов на будущее мира, хочется даже сказать — разных властей, первая из которых сильна, потому что владеет средствами производства, но сильна и вторая, потому что она изобретает новые средства коммуникации. На поле боя (в битве

«белых комбинезонов»[418] против глобалистов) молодые и пожилые присутствуют примерно в одинаковом количестве на обоих фронтах. Сорокалетние яппи новой экономики идут стеной против сорокалетних из «социальных центров», и те и другие — бок о бок со старшими товарищами.

Дело в том, что в тридцатилетие, протекшее с 68-го года до эпохи протестов против саммитов «Большой восьмерки», замкнулся круг, наметившийся очень и очень давно. Поясню эту мысль. Во все прошлые времена для того, чтобы выстраивалась диалектика отцов и детей, требовалось наличие такой сильной отцовской модели, для которой провокационное новаторство детей оказалось бы совершенно неприемлемым, невзирая ни на какие апелляции к выводимым из забвения примерам великанов. И действительно, неприемлемыми оказались латинские «новые поэты», *quia nuper*[419], как говаривал Гораций. Неприемлемым для замшелых университетских латинистов был новообразующийся вольгаре.

---

[418] Примечания: 418

«Белые комбинезоны» — молодежная итальянская организация антиглобалистов (создана в 1997 г.).

[419] Примечания: 419

Потому что недавние *(лат.).*

Фома и Бонавентура протаскивали новые идеи, уповая на то, что никто этого не заметит, — однако их враги из нищенствующих орденов, руководившие Парижским университетом, великолепно все поняли и попытались запретить преподавание Бонавентуры и Фомы. И так далее, и так далее. Вплоть до автомобиля, воспетого Маринетти, который превозносил автомобиль превыше Ники Самофракийской, лишь только бы насолить благонамеренным обывателям, которые воспринимали машину как уродское нагромождение скрежещущего металла.

Модели вкусов сменяют друг друга в порядке борьбы между поколениями. Отцы должны были обожать худосочных Венер Кранаха, чтобы им показались оскорблением толстомясые Венеры Рубенса; отцам должен нравиться Альма-Тадема, чтобы они с негодованием спросили у детей, какой смысл в каракулях Миро или в африканском искусстве; отцы должны были грезить о Грете Гарбо, чтобы потом потребовать от детей отчета, что же хорошего те находят в кривляке Брижит Бардо.

Но в наш с вами сегодняшний период, благодаря появлению не существовавших прежде носителей информации и благодаря коренному

обновлению музейного дела (в музеи хлынули такие посетители, которые в прежние времена и ногой туда не ступали), образовалось одновременное и синкретичное культурное предложение: актуализировались все вкусы, можно сказать даже — все ценности. Когда Меган Гейл кувыркается под куполами среди волют музея Гуггенхайма в Бильбао, сексуальный призыв и в то же время призыв искусства вызывают вожделение и у отцов, и у детей: музей становится объектом сексуального желания, как Меган Гейл, а Меган Гейл — объектом культуры, как музей Гуггенхайма, и оба объекта амальгамируются в киноленте, объединяя гастрономическую аппетитность рекламного призыва с эстетической дерзостью: в прежние времена такой ролик мог предназначаться лишь ограниченному числу эстетов. Чередуя новые символы со старыми, окутанными флером ностальгии, телевидение навязывает всем поколениям такие образцы, как Че Гевара и мать Тереза из Калькутты, как принцесса Диана и святой отец Пий, а вместе с ними и Рита Хейворт, Брижит Бардо, Джулия Робертс, донельзя мужественный Джон Уэйн, секс-символ 40-х, и милый Дастин Хоффман, секс-символ 60-х. Снова популярен тщедушный Фред Астэр

(знаменитость 30-х годов), танцевавший в пятидесятые вместе с квадратным Джином Келли; на телеэкранах мелькают то пышные дамские туалеты в стиле фильма «Роберта», то бесполые силуэты, введенные в моду несравненной Коко Шанель. Кого природа не наградила такой медальностью и утонченностью, как Ричарда Гира, тот может похвалиться изящной страстностью (и это Аль Пачино) или пролетарским грубоватым обаянием (например, Роберт де Ниро). Кому не досталась супермощная «мазерати», тот получает удовольствие от суперфункциональной и изящной «мини-моррис».

Сегодня массам не навязывается однотипный вкус. Искусство рекламы, шаря в запасниках прошлого, способно использовать даже для краткосрочного ролика, предназначенного жить всего одну неделю, все наследие авангардного искусства и в то же время новооткрыть иконографию XIX века. В интернетных ролевых играх задействуется эстетика детской сказки в сочетании с изломанной геометрией Эшера[420]. На телеэкранах расцветают все цветы: роскошное тело Мэрилин Монро и чахоточные супермодели,

[420] Примечания: 420

Морис Корнелис Эшер (1898—1972) — голландский мастер парадоксальных пространственных построений.

экзотическая сексуальность Наоми Кэмпбелл и нордическое совершенство Клаудии Шиффер; очаровательная чечетка из фильма «Кордебалет» сменяется ледяными футуристическими кадрами из «Бегущего по лезвию бритвы», тут же возникает андрогинная Джоди Фостер, свежеумытая Камерон Диас, мощный Рэмбо, транссексуалка Платинетт, чудный Джордж Клуни (мечта любого на свете отца — сын стал хорошим врачом!) и неокиборги (рожа намазана металлической краской и серо-буро-малиновые патлы).

При такой оргиастической толерантности, в таком абсолютном и неограниченном многобожии сохраняется ли хоть какая-то линия водораздела, хоть какая-то мембрана между миром отцов и миром детей? Граница, которая необходима и детям, — чтоб они могли совершить, как положено, отцеубийство в ознаменование бунта и почтения, и отцам — чтобы им порядочно отработать традиционный комплекс Сатурна?

Трудно ответить. Мы в начале очередного витка развития общества. Но если поразмыслить о таких новшествах, как портативный компьютер, во-первых, и интернет, во-вторых… Первый компьютер в семью, как правило, приносил отец. Хотя бы по причине его высокой стоимости. Дети

не отвергали отцовское приношение, а завладевали им, легко превосходя отца в навыках управления. Ни отцы, ни дети не воспринимали компьютер как символ конфликта и бунта или как предмет, внедряемый назло. Компьютер не отдалил одно поколение от другого, напротив, он сблизил поколения. Никто не пеняет детям на то, что они странствуют по интернету. Никто не ссорится с родителями из-за этого.

Нельзя сказать, что нам дается мало новаций. Но большинство этих новаций чисто технологичны. Они вырабатываются транснациональными корпорациями (которыми обычно руководят пожилые люди) и маркетируются так, чтобы разжигать аппетиты людей молодых. В последнее время распространены рассуждения о новом языке молодежи, языке мобильных телефонов и электронной почты; но я могу процитировать научные работы десятилетней давности, в которых те самые лица, которые потом разработали и внедрили эти новые информационные средства, и те пожилые социологи и семиологи, которые их консультировали, предсказали в точности, как будет создаваться новый электронный язык, какие формулы он будет использовать. Билл Гейтс поначалу принадлежал к поколению молодых,

но сейчас это вполне зрелый господин, который предписывает молодежи тот язык, на котором молодежь должна говорить. Да и когда он был молод, он не выдумал ничего революционного — только внедрил перспективную коммерческую программу, адресованную в равной мере и детям и отцам.

Принято думать, что многие молодые люди, не дозрев до фазы выхода из лона семьи, удаляются от общества и ищут альтернативного бытия в наркотиках. Но дорогу в наркотический рай — ее тоже проложили те, кто сейчас отцы, даже, вернее, отцы отцов (вспомним курильщиков опия в сочинениях XIX века). Новые поколения наркоманов получают путевку в жизнь от вполне взрослого «интернационала наркодилеров».

На это можно было бы сказать: не в том дело, что отсутствует замещение моделей, — просто замещение проходит ускоренным порядком. Но я отвечу: это возражение мало что может изменить. Если поначалу какая-нибудь молодежная фишка (кроссовки «Найк», серьга в ухе) и оскорбляет эстетический вкус поколения отцов, она столь незамедлительно внедряется в сознание благодаря информационной бомбардировке, что почти сразу же становится приемлемой и при-

нятой даже пожилыми членами общества — с тем риском даже, что молодые станут фыркать пожилым в ответ: это давно не котируется!

И как угнаться за передачей этой эстафеты? В масштабах всей планеты формируется общий результат — всеохватный политеизм, синкретичное одновременное присутствие любых ценностей.

Принадлежит ли нью-эйдж какому-то определенному поколению? Нью-эйдж — это компот из всей эзотерики, скопившейся за тысячи лет. Можно предположить, что речь идет о переоткрытии спасаемого от забытья материала. Как водится, вытаскивали его на свет божий из тьмы веков бунтующие молодые. Но сразу же, как только они его вытащили, вся куча образов, звуков и представлений, характерная для нью-эйджа, оказалась растиражирована через бесчисленные фирмы звукозаписи, издательства, киностудии, их филиалы, их дочерние фирмы, через религиозные кружки, и занимались этим гомерическим тиражированием вовсе не молодые, а прожженные старые циники из массмедийного бизнеса. Старичье повсюду: если юноше придет в голову двинуть на Восток за духовными ценностями, там он окажется в полурабстве у дряхлого гуру

со многими любовницами и многими «кадиллаками».

То, что нам кажется крайними знаками молодежного стиля: булавка в языке и фиолетовые волосы — ныне уже не оперение немногих избранных, а общераспространенная модель. Ее навязали всем и каждому центры мировой моды, управляемые геронтократами. Недолго осталось ждать, СМИ через некоторое время навяжут эту моду и родителям. Если, конечно, вдруг и старые и малые спонтанно не передумают втыкать в язык булавки, сообразив, что с булавками неудобно лизать мороженое.

Зачем же, коли так, отцам отныне пожирать потомство, зачем потомству убивать отцов? О, возникает риск для всех, без наималейшей чьей бы то ни было вины, что непрерывные инновации, бесконфликтно принимаемые всеми, приведут одних карликов на плечи к другим карликам.

Ладно. Нечего причитать. Будь сейчас традиционная эпоха, меня не пригласили бы читать заключительный доклад на «Миланезиане». Самое большее — посадили бы как почетного пенсионера в президиум. Я начал выступать с заключительными речами на подобных праздниках,

когда мне было тридцать лет. Но, к сожалению, даже будь организаторами этой «Миланезианы» двадцатилетние, все равно они позвали бы Салмана Рушди и Терренса Малика.

Ладно. Мы вступили в новую эру. Закат идеологий. Стушевываются традиционные различия между левыми и правыми, прогрессистами и консерваторами, окончательно утратили остроту любые конфликты поколений. Однако с точки зрения биологии: хорошо ли, что восстание детей — лишь формальное повторение бунтарского поведения, обкатанного в прошлом отцами? Правильно ли, что отцы не пожирают детей, а добровольно отдаривают им ненужные самим и никому не нужные, раскрашенные в яркие цвета жизненные пространства? Когда кризис распространяется на самый принцип отцеубийства, *mala tempora currunt*[421].

В то же время, как известно, наихудшие диагносты любых времен — сами современники. Мои гиганты объяснили мне, что в переходные эпохи исчезают ориентиры и представление о будущем, не удается разглядеть хитро скрытое Основание и разгадать все сюрпризы цайтгайста. Может,

---

[421] Примечания: 421
Наступают дурные времена *(лат.)*.

здоровые идеалы отцеубийства возвратятся к нам в несколько ином виде и у новых поколений все наладится: клонированные дети яростно забунтуют и против юридических отцов, и против доноров спермы.

Верю: из потемок уже бредут незнакомые гиганты, готовые плотно сесть нам с вами, карликам, на плечи.

О плюсах и минусах смерти[422]

Вероятно, этот философский сюжет родился из размышления о начале — об архэ[423], как мы помним по досократикам, но в равной степени вероятно, что размышление это возникло из констатации, что все вещи имеют, кроме начала, еще и конец.

С другой стороны, самый известный силлогизм на свете — это: «Все люди смертны, Сократ человек, следовательно, Сократ смертен». Что смертен и Сократ — это вывод, находимый посредством логики, но вот что все на свете люди смертны — это посылка до того непреложная, что ее не подвергает сомнению никто. В ходе людской истории было много истин, сперва сомнения не вызывавших (что Солнце обращается вокруг Земли, что бывает самозарождение жизни, что существует философский камень). Однако все

---

[422] Примечания: 422

Sugli inconvenienti e i vantaggi della morte. Заключительный очерк сборника «Смерть и бессмертие» *(La mort et l ’ i mmo rtalit é)* под редакцией Фредерика Ленуара и Жана-Филиппа де Тоннака. (Paris: Bayard, 2004).

[423] Примечания: 423

Ἀρχή — начало *(греч.).* Этим словом первые философы обозначали начало и источник всех вещей, которого они доискивались.

эти истины были пересмотрены, и их перестали считать несомненными. Но истину о смертности всех на свете людей никто не трогал. Самое большее — сделали исключение для одного, который, может быть, воскрес. Но и чтоб воскреснуть, он должен был прежде умереть.

Поэтому всякий, кто философствует, принимает смерть как нормальную развязку для всех людей, и не стоило дожидаться Хайдеггера, чтобы понять, что всякий (как минимум всякий, кто думает) живет для смерти. Я сказал «всякий, кто думает» — то есть тот, кто думает-философствует, потому что я знаю многих людей, даже интеллигентных, которые, стоит упомянуть при них смерть (чужую), трижды перекрестятся, трижды поплюют и сделают пальцами рога. Философы же — нет, им известно, что смерть плевками не ликвидируешь, и они проводят жизнь во многих работах, ожидая своего часа. Безмятежно дожидается конца и тот, кто верует в загробную жизнь, и тот, кто думает, будто в определенный момент, согласно учению Эпикура, настанет смерть, но нам не следует волноваться — нас-то уже при этом не будет.

Безусловно, любой человек, не исключая и философов, предпочел бы прийти к финалу не

страдая, потому что боль отвратительна живой натуре. Кто-то хотел бы внезапно переступить через черту, не зная о ней, другие предпочли бы медленное осознанное приближение к крайнему пределу.

Третьи мечтали бы сами определить срок — когда. Но все это психологические тонкости. Основная проблема — неминуемость смерти и необходимость понять, как же приготовиться к ней. Подготовок существует много. Я предпочитаю из всех них одну которую сам разработал. Поэтому процитирую себя сам и повторю куски из текста, написанного мной несколько лет назад, как бы шутливо, но на самом деле с полнейшей серьезностью:

Безмятежныйуход[424]

Малооригинальное утверждение: одна из главных проблем для человека – проблема встречи со смертью. По-видимому, этот вопрос острее для неверующих (им предстоит принять то Ничто, которое

[424] Примечания: 424

Come prepararsi serenamente alla morte. L'Espresso. Впоследствии в сб.: «Картонки Минервы».

ждет за порогом), но статистика утверждает, что и многих верующих людей этот переход изрядно беспокоит, хотя они и полагают, что после смерти есть следующая жизнь. Тем не менее для них жизнь по сю сторону порога настолько приятна, что расставаться с нею не хочется. Они готовятся, конечно, присоединиться к сонму ангелов, но как-то с этим не торопятся. Разумеется, вопрос стоит о том, как уяснить перспективу смерти или даже только попросту уяснить, что все люди так или иначе смертны. Это нетрудно, пока это касается Сократа, но нелегко, когда начинает касаться нас. Самым трудным моментом будет тот, когда мы четко поймем, что вот сейчас мы еще существуем, а через миг – перестанем существовать.

Вдумчивый юноша (назовем его Критоном) поставил передо мной вопрос в такой форме: «Учитель, как лучше всего подойти к смерти?» Я отвечал, что лучший способ подойти к смерти – уверить себя в том, что вокруг одни дураки.

Критон был удивлен, и я дал ему разъ-

яснения. Видишь ли, сказал я Критону, невозможно принять перспективу разлуки с жизнью, даже если ты верующий. Все равно, если тебе кажется, будто в то время, пока ты тут переходишь в мир иной, повсюду красавицы и красавцы отплясывают в дискотеках, высокоумные ученые проникают в нераскрытые тайны творения, неподкупные мужи совершенствуют государственную власть, органы прессы и телевидения детально отражают значительные факты, промышленники стараются, чтобы их фабрики и заводы не портили окружающую среду, работают над внедрением в природу питьевых ручейков, лесистых холмов, над расчищением неба и пополнением озона, с тем чтобы пенящиеся облака снова начали испускать на дубравы свои благовонные росы, – думать о том, что столько всего хорошего происходит, а тебе почему-то предстоит сматываться, – думать об этом совершенно невыносимо.

Однако можно и повернуть это дело иначе, и когда станет ясно, что пора проходить на посадку, имеет смысл убе-

дить себя, что из шести миллиардов человеческих особей ровно шесть миллиардов – бестолочи, и все отплясывающие в дискотеках – козлы, и все ученые, лезущие в тайны мироздания, – дуболомы, и все политики, которые предлагают путь к спасению от болезней человечества, – придурки, а те, кто марает сотни и сотни страниц бумаги, пересказывая никому не интересные сплетни, – это зловредные идиоты, так же как и гады фабриканты, отравляющие атмосферу. Разве не радость, не счастье, не чистое удовлетворение – двинуть подальше из этого заповедника слабоумных?

Критон тогда вопросил: «Учитель, когда же мне начинать все это думать?» Я ответил, что не в самом юношеском возрасте, потому что в двадцать или тридцать лет думать, что все остальные олухи, способен только такой олух, которому никогда не суждено поумнеть. Поначалу полагается думать, что все прочие значительно умнее, а потом надо эволюционировать и годам к сорока проникаться сомнением, а к пятидесяти–

шестидесяти вырабатывать тотальный скепсис и бодро достигать уверенности приблизительно к столетнему юбилею, приуготавливаясь подвести черту, когда прозвучит финальный свисток.

Увериться, что все, кто нас окружает (как уже сказано, шесть миллиардов особей), – исключительные дурни, – это достижимо лишь путем тонкой, профессиональной работы, недоступной первому попавшемуся Кебету с дыркой и колечком в мочке уха (или в ноздре). Увериться в этом можно только путем упорной работы. Не торопите время. К результату следует подвигаться постепенно, по мере продвижения к дате ухода. Даже только всего лишь за день до кончины каждому надлежит думать, что есть на свете один кто-то, кто составляет исключение, кого мы любим, кого мы искренне уважаем и ценим и кто не абсолютный идиот. Главная хитрость состоит в том, чтобы понять за одну минуту до смерти (не раньше), что и этот единственный – фуфло. И тогда можно спокойно уходить.

Итак, высокое искусство состоит в умении познавать науки, изучать обычаи, день за днем анализировать прессу: панегирики творческих работников, апофегмы политиков, философемы апокалиптических критиков, афоризмы харизматических лидеров. Надо интересоваться теориями, предложениями, апелляциями, появлениями, проявлениями. Только тогда в конце концов выработается неколебимая уверенность: все на свете – остолопы. Вот, вы готовы к рандеву со смертью.

До самого края надо бороться с этой невыносимою явью. До последней минуты следует надеяться и верить, что хотя бы кто-то произносит осмысленные вещи, что хоть какая-то книга не настолько глупа, как все другие, что хоть один президент государства на нашей планете одушевляется благом. Это столь естественно, человечно, присуще человеческому характеру: не допускать, будто все без исключения на этом свете полоумны. Ведь если так, не имело смысла жить. Та к вот, перед финалом

мы именно как раз и поймем, что жить не стоило, и убедимся, что есть прямой резон (и это даже очень желательно) умереть поскорее. Критон отвечал мне на это: «Учитель, я вас послушал и решил, что полоумнее всех остальных как раз вы». – «Видишь, – парировал я. – Ты начинаешь усваивать мой метод».

В этом отрывке отображена глубокая истина, а именно — что подготовка к смерти состоит в постепенном усвоении принципа *vanitas vanitatum*, по Екклезиасту. Все тщета. *Vanitas vanitatum et omnia vanitas*[425].

И все же (и тут я приступаю к первой части моей аргументации), невзирая на подобный подход, философам тоже свойственны горькие мысли об абсурдности смерти. Красота роста и созревания состоит в ощущении, что жизнь — чудесное накопление знаний. Если ты не идиот, не страдаешь хронической амнезией, по мере вырастания ты учишься. Человечество называет результат этого обучения опытом. За их опытность старейшин считали самыми мудрыми во всех племенах. Их

---

[425] Примечания: 425
Суета сует… все суета *(лат.)*. Екклезиаст, 1:2.

задачей было передавать собственные знания детям и внукам. Восхитительно чувствовать, что каждый день ты узнаешь новое, что ошибки, тобою совершенные, сделали тебя мудрее, что в то время, как тело ослабевает, голова твоя все крепнет и усиливается, она — библиотека, которая пополняется каждый день новыми книгами.

Я из тех, кто не плачет по молодости, хотя рад, что прожил ее, но не хотел бы пережить ее заново, поскольку ныне я ощущаю себя богаче. Мысль, что, когда придет смерть, все это богатство утратится, — причина и страданий и страхов. И даже мысль, что мои потомки в один прекрасный день познают столько же, сколько я, и даже больше, не утешает меня. Мне думается: какая растрата, десятки годов потрачены на строительство уникального опыта, и все это предстоит выкинуть. Сжечь Александрийскую библиотеку. Взорвать Лувр. Затопить в пучине бурного моря дивнейшую, богатейшую и полную знаний Атлантиду.

Спасаться от этих нерадостных мыслей можно только работая. Пиша, рисуя, возводя города. Ты умираешь, но большая часть накопленного тобой не теряется, ты оставляешь в бутылке рукопись. Рафаэль скончался, но его живописная манера до сих пор используется художниками, и именно

благодаря тому, что жил Рафаэль, сумели выстроить свои новые миры искусства Мане и Пикассо. Не хочется, чтобы эта моя теория обросла аристократическими или расистскими коннотациями. Не то чтобы победа над смертью была доступна только писателям, мыслителям и художникам. Самый простой человек может передать свой опыт в наследство детям, рассказами ли, записками или собственным деятельным примером. Мы все высказываемся, рассказываем о своей жизни, порой изводим других, навязывая им свои далекие воспоминания как раз во имя того, чтобы сохранялась память.

И тем не менее, при том, что многое поддается рассказыванию и записыванию, будь я Платоном, Монтенем и Эйнштейном, говори я бесконечно и пиши неустанно, мне вовеки не передать весь прожитый жизненный опыт — ни то чувство, которое мною овладевало в часы любви, ни волнение при виде заката. И Канту не удалось полностью передать все, что он понял, созерцая звездное небо над головой.

Вот она, настоящая абсурдность смерти, и даже философу думать об этом ужасно грустно. Каждый из нас отдает без остатка свою жизнь, восстанавливая опыты, уже освоенные другими и

утрачивающиеся по мере смерти других. Думаю, все это имеет отношение к кривой энтропии. Как бы то ни было, ничего не поделаешь. Философу приходится согласиться, что в смерти имеется вот такая вот абсурдность.

Что можно противопоставить этой абсурдности? Завоевание бессмертия, отвечают нам. Не мое дело — спорить, осуществимо ли бессмертие на практике, даже в каком-то удаленном будущем, и удастся ли в этом будущем жить по сто пятьдесят и больше лет. Если старость — просто болезнь, можно проводить профилактику, беречь здоровье. Пусть об этом думают доктора. Я же ограничусь тем, что воображу случай жизни очень долгой и бесконечной и на основании этого попробую пофилософствовать не только о минусах, но и о некоторых плюсах смерти.

Если бы я долженствовал, если б я мог совершать выбор и мне бы гарантировали, что я не проведу последние годы в старческом помрачении ума и немощах тела, я бы сказал, что предпочту прожить сто, даже, может быть, сто двадцать лет, что это лучше, чем семьдесят пять (по данному вопросу философы имеют то же мнение, что и широкие массы). Но именно воображая себя стодвадцатилетним, я ярко вижу

не только абсурдность смерти, но и абсурдность бессмертия.

Первый вопрос таков. Будут ли Мафусаиловы веки дарованы мне как единственному счастливчику, или этот подарок сделают всем? Если только мне одному — значит, придется наблюдать, как исчезают один за другим любимые люди, мои дети, мои внуки. Если у этих внуков будут собственные дети и внуки, я, конечно, смогу любить их и утешать при кончине родителей. Но какою же болью и тоской по ушедшим окрасится эта моя бесконечная старость. До чего это будет кошмарно. И до чего я буду чувствовать себя виноватым, что пережил их.

Если при том моя мудрость будет расти, при убеждении (по процитированной выше формуле), что кругом дураки, как смогу я переносить свое умное бытие в окружении идиотов? Если я буду единственным, кто помнит, в окружении беспамятных, как вынесу интеллектуальное и моральное одиночество?

Может также случиться еще худшее, вполне вероятное: рост моего личного опыта окажется медленнее, чем развитие коллективного интеллекта, и я буду жить со своим скромным, выходящим из моды умишком в коллективе

молодых, интеллектуально гибких существ.

Еще страшнее вообразить, что свобода от смерти, бесконечная жизнь будут дарованы всем. Мир переполнится столетними дедами (а то и тысячелетними), отбирающими жизненное пространство у новых поколений, и все вокруг предадутся ожесточенной борьбе за блага, борьбе за жизнь. О, до чего моим потомкам будет хотеться, чтобы я наконец смотал удочки!

Остается, конечно, возможность освоить другие планеты, но это значит, что либо пошлют в ссылку меня с ровесниками, выгнав на незнакомые пространства Галактики и обрекая на неутолимую ностальгию, либо улетят от нас все юные, оставив Землю старейшинам, невыносимым маразматикам, бесконечно пережевывающим набившие оскомину воспоминания.

Кто гарантирует, что мне не опостылеют даже те вещи, которые в первые сто лет жизни удивляли меня, радовали, казались открытием? Будет ли счастьем тысячное перечитывание «Илиады» или неизмеримое по счету прослушивание «Хорошо темперированного клавира»? Смогу ли я терпеть рассветы, розы, цветущие луга, медовый

аромат? *Perdrix, perdrix, toujours perdrix*…[426]

Начинаю подозревать, что грусть, охватывающая меня при мысли, что смерть лишит меня богатого опыта, — та же грусть, что охватывает при мысли, что при достаточно долгом владении этот богатый опыт, поблеклый и, быть может, заплесневелый, начнет меня тяготить.

Наверное, правильней продолжать в отведенный мне срок закладывать в бутылки записки тем, кто придет и будет жить после нас, а самому спокойно дожидаться той дамы, которую Франциск в свое время называл в лицо Сестрицей Смертью.

[426] Примечания: 426

Всегда куропатка *(фр.).* Выражение употребляется в смысле «одно и то же, пусть хорошее, надоедает». Восходит к анекдоту о короле, который приказал кормить попрекавшего его распутством исповедника одними куропатками (его любимым блюдом), чтобы на жалобу его «вечно куропатки» отвечать: так и мне прискучила одна-единственная любовница. Анекдот приобрел популярность в изложении английского писателя Хорэса Уолпола (1717—1797).